Картотека живых

Норберт Фрид

SHOUT
SHARE
IT

- Фрид Норберт
  -

Фрид Норберт
Картотека живых

Фрид Норберт

Картотека живых

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Из предисловия: "Картотекой живых мы называли ящик с нашим учетными карточками, стоявший в конторе лагеря, - рассказывает бывший заключенный гитлеровского концлагеря "Гиглинг 3" Норберт Фрид. - Таких ящиков было два - картотека живых и картотека умерших. Каждому из нас, конечно, хотелось остаться в первом и не попасть во второй. Остаться в картотеке живых значило уцелеть, пережить последнюю военную зиму. За это шла напряженная борьба. Она не ограничивалась тем, чтобы устоять против эсэсовцев, голода, болезней, вшей. Борьба шла и среди самих заключенных. Это была борьба за то, чье влияние возобладает в лагере: уголовников и фашистских коллаборационистов, с одной стороны, или политических заключенных и прогрессивных интеллигентов - с другой. Борьба была жестокая, смертельная..." Об этой борьбе и рассказано в книге чехословацкого писателя Норберта Фрида "Картотека живых", русский перевод которой предлагается вниманию советского читателя. Автор романа описывает жизнь одного из филиалов пресловутого концлагеря Дахау зимой 1944 года.

С о д е р ж а н и е

Предисловие
Часть первая
Часть вторая
Часть третья
Примечания

Предисловие

"Картотекой живых мы называли ящик с нашим учетными карточками, стоявший в конторе лагеря, - рассказывает бывший заключенный гитлеровского концлагеря "Гиглинг 3" Норберт Фрид. - Таких ящиков было два - картотека живых и картотека умерших. Каждому из нас, конечно, хотелось остаться в первом и не попасть во второй.

Остаться в картотеке живых - значило уцелеть, пережить последнюю военную зиму. За это шла напряженная борьба. Она не ограничивалась тем, чтобы устоять против эсэсовцев, голода, болезней, вшей. Борьба шла и среди самих заключенных. Это

была борьба за то, чье влияние возобладает в лагере: уголовников и фашистских коллаборационистов, с одной стороны, или политических заключенных и прогрессивных интеллигентов - с другой. Борьба была жестокая, смертельная..."

Об этой борьбе и рассказано в книге чехословацкого писателя Норберта Фрида "Картотека живых", русский перевод которой предлагается вниманию советского читателя.

Автор романа описывает жизнь одного из филиалов пресловутого концлагеря Дахау зимой 1944 года. Тема, как видим, не новая: о фашистских концлагерях уж было написано в Чехословакии немало воспоминаний и романов. Почему же книга Фрида, вышедшая в 1956 году, завоевала на его родине всеобщее признание, высокую оценку читателей и критики, а чехословацкий Союз ветеранов антифашистской борьбы отметил ее своей первой литературной премией?

Дело в том, что, за исключением замечательной книги Юлиуса Фучика, произведения многих чехословацких авторов на эту тему представляли собой лишь натуралистические описания мучений узников и зверств гитлеровцев. Характерно название одной из таких книг - "Меня били железными палками". В Чехословакии первых послевоенных лет возникла, как тогда ее называли, своего рода "литература концлагерных ужасов". Авторы таких книг искренне изливали в них пережитые муки, но редко шли дальше этого. Они не могли глубоко осмыслить события, понять социальные и психологические закономерности виденного.

Фрид сумел по-иному, более вдумчиво подойти к своей теме. Отвечая на вопрос, почему книга о концлагере написана им сейчас, а не в первые годы после войны, по свежим следам пережитого, он сказал: "Чтобы получился настоящий роман, а не мемуары в страдальческом тоне, надо было подождать, пока все это отстоится во мне..."

И Фриду действительно удалось творчески воплотить пережитое в художественно зрелое литературное произведение. Он сумел показать, как гитлеровцы сокрушали сильных и сгибали слабых и все же не смогли истребить в простых людях активную ненависть к фашизму и веру в победу справедливости.

Роман "Картотека живых", проникнутый идеями уважения к человеку и духовным ценностям человечества, идеями социалистическими, утверждает эти идеи в полнокровных художественных образах, без всякой надуманности, с большой убедительностью. Фриду не свойственны ни риторика, ни излишний психологизм, в романе нет пространного описания переживаний героев. Читая "Картотеку живых", становишься как

бы непосредственным участником происходящего, чувствуешь, что автор дает возможность тебе самому кое-что додумать, как-то оценить героев, вместе с ними сделать известные выводы. Это происходит потому, что Фриду в отличие от иных авторов чужда рассудочная схема, чужды предвзятость и дидактика. Изобразительные средства писателя отличаются благородной простотой: строгий, сдержанный язык, никаких эффектов, словесных украшений, ложной патетики. И все же, читая книгу, мы замечаем, как часто повествование достигает подлинного пафоса. Но он не в речи автора, а в поведении и в отношениях героев. Лаконично, скупыми словами, без тени литературщины писатель рисует картины лагерных нравов и быта, в которых сплетаются любовь и ненависть, вероломство и самоотверженность, отчаяние и твердая решимость, тупость и хитрость, подлость и великодушие. И эти описания - не грубый натурализм, а неприкрашенная и страшная действительность, глубоко осмысленная писателем.

"Картотека живых" читается с увлечением. Фрид с равным мастерством описывает и напряженные, полные глубокого драматизма сцены, и множество впечатляющих мелочей лагерного быта, таких, например, как единственная уцелевшая у одного из узников и бережно хранимая им "фотография жены" рентгеновский снимок ее зуба...

Главная линия романа - это судьба чешского интеллигента Зденека, его духовное становление в тяжелой обстановке концлагеря, переход Зденека от подчинения полузвериному инстинкту самосохранения - "Лишь бы выжить!" - к разрешению для себя проблемы "Как выжить?": честно или трусливо, выжить одному или вместе с другими. Эта внутренняя борьба и идейный рост Зденека отражают широкую картину общественных настроений внутри лагеря.

"Среди всех лишений и унижений у заключенного концлагеря есть два пути: он может или опускаться все ниже, или не склониться и идти против течения" - к такому выводу приходит Зденек Роубик. Когда-то Зденек был близок к коммунистам: его брат Иржи - известный журналист, член компартии. Но в буржуазной Чехословацкой республике молодой кинорежиссер Зденек не занял партийной, по-настоящему боевой позиции. В Гиглинг он попал морально и физически надломленным. Зденек уже два года в концлагерях, его беременная жена осталась в лагере Терезин, у него почти нет сил бороться за жизнь... Но в Гиглинге ему пришлось заботиться о еще более слабом товарище, и эта забота стала своего рода моральным стимулом, помогавшим Зденеку преодолевать в себе замкнутость и эгоизм.

Лагерь "Гиглинг 3" строила команда из ста пятидесяти заключенных, прошедших уже не один концлагерь. Потом туда прибыла первая партия "мусульман"{1} - полторы тысячи изнуренных, страшно исхудавших узников, преимущественно чехов и поляков. Старые узники, строители, стали проминентами. Немцев-уголовников комендатура сразу же назначила на руководящие должности. Самый умный и хитрый среди них - это писарь лагеря, Эрих Фрош, колбасник из Вены, попавший в концлагерь за махинации на черном рынке. Фрид мастерски раскрывает перед читателем психологию этого прирожденного приспособленца и интригана. Фрош усердно служит гитлеровцам и одновременно заигрывает с организацией заключенных, стремясь обеспечить свою безопасность при любом исходе войны. Перед эсэсовцами писарь раболепствует, в душе презирая их.

Тонко и убедительно индивидуализированы в романе фигуры властителей лагеря - эсэсовцев Копица, Дейбеля и Лейтхольда. Мы видим живых, отличных друг от друга людей из плоти и крови, а не однотипных страшилищ, схематически иллюстрирующих гнусность нацизма. И вместе с тем, как уничтожающе разоблачил Фрид психологию этих профессиональных палачей! Вот комендант лагеря обершарфюрер Копиц, матерый гитлеровский тюремщик. За десяток лет эсэсовской "работы" он уже пресытился ее "отрадами". В нацистские "идеи" он не верит, его интересуют только нажива и теплое местечко.

"Дейбель и я - тертые калачи, - поучает он новичка Лейтхольда. - В свое время и мы потешались, когда нам впервые доверили хефтлинков, и считали, что можно делать с ними все, что нам вздумается... Но посмотри на нас сейчас. Перед тобой закаленные бойцы, зрелые немецкие мужи, как говорит фюрер... Я, конечно, не говорю, что мы с Дейбелем воплощенные ангелы, у нас тоже есть свои утехи, но, понимаешь ли, более утонченные. И мы иной раз позабавимся, но при этом никогда не забываем о будущем... - Копиц поднес руку к лицу Лейтхольда и задвигал пальцами у него перед носом: "Пети-мети, понял? Это самая большая утеха!" Грязную работу - расправы, издевательства - "утомленный" Копиц охотно перепоручает своему помощнику Дейбелю. Сам он старается выглядеть "дядюшкой Копицем", этаким снисходительным толстяком с фарфоровой трубкой. Но вот в лагере случается чрезвычайное происшествие, последствия которого грозят благополучию самого Копица. И он, спасая свою шкуру, идет на чудовищное по хладнокровной жестокости преступление: организует "стихийное выступление немецких заключенных против евреев".

В других случаях Копиц "почти гуманен" и объективно оказывается "еще не самым худшим эсэсовцем", как уверяет заключенных писарь Эрих Фрош. В отличие от Дейбеля Копиц не садист, он "только хапуга", он не жаждет крови, он хочет, чтобы "Гиглинг 3" стал не лагерем истребления, а "рабочим лагерем нового типа", что устроило бы коменданта, который намерен в тихой заводи отсидеться до конца войны. Писарю Эриху Фрошу тоже нравится идея рабочего лагеря, и он старается сделать все возможное, чтобы ее поддержали заключеные. Так стяжатели и карьеристы из числа палачей и из среды заключенных легко находят общий язык. Две злые силы в лагере - уголовники и эсэсовцы - действуют заодно.

Но есть другая, противостоящая им сила -это заключенные-коммунисты и антифашисты самых различных национальностей: грек Фредо, испанец Диего, немец Вольфи, чехи Зденек и Гонза, поляк Бронек. Поистине международная антифашистская солидарность нашла свое живое воплощение в делах и людях лагеря "Гиглинг 3".

Чешская критика справедливо отметила, что Фрид сумел убедительно показать, какую силу представляли собой политически сознательные узники и как эту силу направляли и умножали коммунисты. Организация труда и быта в лагере была вначале в руках "зеленых", а это значило, что царил волчий закон сильного. Но постепенно такие люди, как Фредо, Диего, Вольфи, связали в единую сеть разрозненные группы и отдельных заключенных, стремившихся отстоять сносные условия жизни для себя и для других. Фрид и здесь не подменяет действительности романтической иллюзией, показывая, сколь сложна работа коммунистической организации в лагере. Привлечь к себе интеллигента Зденека, человека совсем не героического склада, и других узников коммунистам удается не словесным объяснением своей программы и принципов. Мы видим, как они агитируют практически, конкретными делами: они, старшие и более искушенные узники, умело спасают жизнь товарищей, помогают им выходить из тяжелого положения. Коммунисты исходят в своей работе не из абстрактных моральных принципов, которых с почти трагической идейной слепотой пытался вначале придерживаться старший врач Оскар и некоторые другие заключенные. В кропотливой, подчас незаметной работе рождается и крепнет партийная организация.

Особенно выразительно этот процесс описан в заключительных главах романа, где Зденек встречается со своим братом Иржи, пламенным коммунистом, любимцем товарищей. Здоровье Иржи непоправимо подорвано, болезнь убивает его. В

последних задушевных беседах братьев завершается духовное становление Зденека, укрепляется уже сформировавшееся в нем коммунистическое мировоззрение. Зденек все больше втягивается в работу подпольной организации коммунистов.

Партийная организация поручила ему налаживать связи с новыми людьми, которые попадают в "Гиглинг 3" из других лагерей. У Зденека своего рода явка для этих новых товарищей. Паролем избран обыденный и естественный вопрос: "Как себя чувствует твой брат?" Вскоре после смерти Иржи в лагерь прибывает новая партия заключенных. Один из новичков обращается к подавленному скорбью Зденеку с вопросом: "Как поживает твой брат?" Зденек начинает было: "Мой брат сегодня утром...", - но спохватывается.

"Заметив веселый взор новичка, Зденек понял, что это не обычный вопрос, а условный пароль.

- Брат чувствует себя хорошо, - быстро ответил Зденек и пожал новичку руку. - Здравствуй, товарищ!"

Простой ответ Зденика, знаменующий его приход в ряды бойцов за то дело, ради которого отдал свою жизнь Иржи, звучит символически. Коммунист Иржи умер, но его место в боевом строю не опустело, для партии он жив: место коммуниста Иржи занял коммунист Зденек.

* * *

Норберту Фриду сейчас 45 лет. Писатель рано вступил на литературное поприще, еще до войны он сотрудничал в рабочей печати и в прогрессивном театре Буриана. В годы гитлеровской оккупации Чехословакии Фрид, как и многие его товарищи-антифашисты, находился в концлагере, был очевидцем всего того, о чем рассказано в его книге. После освобождения, в 1945 году, Фрид стал одним из свидетелей обвинения на судебном процессе по делу военных преступников - эсэсовских тюремщиков из концлагеря Дахау. После войны Фрид много путешествовал. Четыре года он провел на дипломатической работе в Мексике и Соединенных Штатах. В этот период им написаны расказы, вошедшие в сборник "Меч архангелов". Его перу принадлежат две книги о странах Латинской Америки: "Смеющаяся Гватемала" и "Мексика находится в Америке". Пребыванием в странах Латинской Америки навеян сюжет сатирической комедии "Ночь озорства". Поездка в Корею дала Фриду материал для лирической повести-сказки "Утраченная лента", написанной по мотивам корейских народных преданий.

Но самой крупной творческой удачей писателя и его наиболее значительным и глубоким произведением, несомненно, является "Картотека живых".

"В своем романе, - сказал Норберт Фрид, - я хотел еще раз показать, в меру своих способностей, почему нам так нужны мир, свобода и конец всех Гитлеров на свете". Это удалось писателю, и в этом бесспорная актуальность романа. В дни, когда в Западной Германяни вновь воссоздаются условия, породившие гитлеризм, когда раздаются голоса новых претендентов на мировое господство, особенно назидательно выглядят картины недавнего прошлого, ярко и правдиво нарисованные Фридом.

Повествование в романе Фрида не доведено до дней разгрома гитлеровской Германии. Закрывая прочтенную книгу, мы не знаем, постигла ли заслуженная кара эсэсовских заправил лагеря "Гиглинг 3". Быть может, они оказались в числе тех, кто сумел ускользнуть от возмездия и сейчас нашел себе новое поле деятельности в Западной Германии. Ярко показав всю социальную и политическую опасность таких последышей гитлеризма, книга Фрида неизбежно приводит читателя к мысли о том, какой серьезной угрозой для человечества является активизация и новые политические авантюры уцелевших Копицев и дейбелей, какой трагедией для народов был бы их возврат к власти.

Юр. Молочковский.

Часть первая

1.

Это был узкий деревянный ящик, кое-как сколоченный столяром, у которого нет мастерской, - просто-напросто желоб из трех длинных дощечек, перегороженный с двух концов четвертой и пятой. Из этого необструганного, грязного ящика бахромой торчали обтрепанные карточки. Зденек перебирал их пальцами, как бродячий музыкант перебирает струны своего инструмента. Прижав к груди конец ящика, Зденек быстро листал лохматую картотеку, которая так верно отражала жизнь лагеря, нет, которая была самой этой жизнью!

Пачка бумажек в ящике была подобна столбику ртути в градуснике иногда она быстро росла, и это означало лихорадку: куда же мы распихаем всех этих новичков? Но еще хуже было, когда люди сотнями умирали и столбик опять стремительно сокращался. Тогда Зденек вынимал листки, перечеркивал их, составлял по ним суточную "мертвую сводку" и старался не думать о том, долго ли еще его собственная карточка останется в спасительном прибежище неказистого ящика.

Каким чувствительным и каким важным был этот бумажный "столбик термометра" - последний документ трех тысяч человек, загнанных за колючую проволоку, лишенных привычной гражданской одежды, в которой так много удобных карманов для всяких бумаг! Печь Освенцима лишила этих людей всех прикрас,

обнажила их и выпустила три тысячи нагих тел, темных от грязи, без обычных лохмотьев, без колец и даже без единого волоска на теле, который мог бы напомнить о прошлом и словно окутал бы эти нагие тела покровом воспоминаний.

Девять человек из десяти - братья, жены, отцы - сгорели вместе со всем, что обычно украшает человека. Десятого, измученного и опустошенного, выпустили из печи живым. Ему бросили полосатые лохмотья - прикрыть свою наготу, втолкнули в вагон для скота и - без воды и без пищи, как не возят и скот, потому что жизнь скота имеет цену, - везли сутки и еще сутки на другой конец Германии, чтобы он умер именно там.

И вот тяжелые засовы отодвинуты, с грохотом открылись двери, свежий ночной воздух проник в нестерпимую духоту вагонов. Обессиленные узники, словно кули, вываливались на платформу, падали на землю, вставали, выпрямлялись, переминались с ноги на ногу и ждали, когда же их погонят куда-то. Выпучив болевшие глаза, они искали название станции - надо же знать, где мы.

Невдалеке виднелось здание вокзала со светящейся надписью "Гиглинг". Что это за Гиглинг, такое веселенькое слово? Последняя остановка поезда была у разбомбленного вокзала, где-то на окраине Мюнхена, и узники, прижатые к решетчатым оконцам в темном вагоне, сообщили об этом товарищам. Всем было ясно, что их везут в Дахау, и вот какой-то Гиглинг. Хорошо это или худо?

Узники, словно погорельцы, стояли на эстакаде товарной станции и растерянно смотрели в осеннее небо, усыпанное мириадами звезд. Наверное, мы в Альпах, ведь здесь уже начинаются Альпы...

Темнота вдруг ожила от топота марширующих ног, послышалась песня. Зденеку хотелось во что бы то ни стало разобрать слова. Уловив наконец повторяющийся припев, он понурил голову. Встречая партию заключенных, солдаты вышагивали "раз, два" и пели громко и неумолимо:

"Der Jud zieht hin und her,
er zieht durchs Rote Meer,
die Wellen schlagen zu,
die Welt hat Ruh..."
Еврей бродит и там и здесь,
Он пересекает Красное море,
Волны смыкаются,
И мир избавился от еврея...

Так оно и есть. История давно ждала этой немецкой поправки: море сомкнулось над убегающими иудеями, поглотило

их и не тронуло преследователей-египтян. Только так все это и могло кончиться, чтобы мир мог беззаботно смеяться.

Солдаты промаршировали на эстакаду, обменялись приветствием с усталым освенцимским конвоем и приняли от него заключенных. Раздавалась резкая команда, ладони хлопали о приклады, винтовки были сброшены с плеч. Новый конвой состоял из пожилых усатых немцев-солдат "ваффен СС", говоривших на медлительном баварском наречии. Но нашлось и несколько бравых молодчиков, которые тотчас стали орудовать прикладами, выравнивая ряды: "Ну, будет наконец порядок, вы, сволочи?.."

В ту ночь бумажный столбик в градуснике картотеки лихорадочно рос и впервые достиг цифры 1500. Лагерь "Гиглинг 3", все еще не достроенный, располагавший лишь тридцатью землянками за оградой из колючей проволоки, набитый до отказа, кишел, как муравейник. Зденек тогда еще не сидел за картотекой в конторе. Он был среди тех, кто тащился со станции в лагерь, с трудом преодолевая четыре бесконечных километра; многие узники так ослабели от голода и жажды, что едва передвигали ноги. Винтовки конвоя, шагавшего рядом с колонной, уже не пугали измученных людей. "Куда мы идем? спрашивали заключенные солдат, лица которых не были жестоки и суровы и которые не ругались, как остальные. - В плохой или хороший лагерь? Есть там заграждение с электрическим током? Есть крематорий и газовые камеры?"

За ящиком с картотекой, тогда еще чистым, новехоньким и даже пахнувшим смолой, сидел той ночью сам глава конторы Эрих Фрош, великий писарь, достойный многотысячного лагеря, а не делопроизводства смехотворно малочисленной команды, которая доселе жила "Гиглинге 3". Ауфбаукоманда строительная команда, сплошь старые, видавшие виды узники, эвакуированные из Варшавы, - неделями ютилась на голом глинистом участке посреди леса и строила лагерь: сперва четыре добротных барака для эсэсовцев, чуть подальше - шесть сторожевых вышек над прямоугольником двойного проволочного заграждения, через которое пропущен ток, и внутри - тридцать мерзких бараков для заключенных. Среди "стариков" уже утихла драчка за места старосты лагеря, блоковых и капо; наконец-то настает час, когда в ящике писаря зашуршат тысячи новых карточек.

Обилие карточек даст писарю уверенность в себе, доходы и утехи. Ибо, в самом деле, что такое писарь стройкоманды? Первый среди равных в компании ста пятидесяти прожженых хефтлинков, норовистых ребят, которых не так-то легко обделить жратвой, - каждый из них готов замахнуться киркой на

нарушителя его прав. Обирать им некого, вот они и грызутся между собой, как волки, а кругом чертова уйма работы, от которой никуда не уйдешь: лагерь должен быть построен, хоть лопни!

В стройкоманде постоянно были нелады, озлобление, козни. Теперь всему этому конец. Теперь в лагере есть полторы тысячи новичков, три тысячи рабочих рук, а это значит - полторы тысячи пайков, которыми насытятся и старые "волки". Они получат подданных и станут господами. Ну а господам живется ведь совсем иначе: они не чужды и потех, и любви... Господином среди господ будет писарь Эрих Фрош. Так же как в Варшаве, как прежде в Освенциме, Буне и в других местах. "Волкам" понадобятся всякие поблажки от главного писаря: им захочется отлынивать от работы, они постоянно будут просить пополнения взамен умерших и за это приносить писарю разные вещи. Сигареты, жратву, золото. Будет весело. И все это благодаря тому, что заполнилась картотека...

Узники приходят со станции, строясь в сотни на апельплаце{2}. Прожекторы со сторожевых вышек ярко освещают их. Эсэсовский конвой остался за оградой лагеря, и "волки"-старожилы сами принимают новичков. С карандашом и бумагой в руке они бегают вокруг стада и поспешно записывают имена, заставляя тупых новичков произносить их по буквам. Среди "волков" кого только не встретишь - есть даже греки и турки; некоторые плохо знают латинский алфавит. А у новичков такие заковыристые имена: Мошек Грюнцвейг, Ольджих Елинек, Янош Жолнаи. И писарь, несмотря на свое радостное возбуждение, бранится на чем свет стоит, когда кто-нибудь из его приспешников приносит ему листок с еще одной сотней перевранных фамилий. Полюбуйся, Фредо, чего твои грамотеи опять наворотили! - сердито хрипит он, обращаясь к самому толковому из греков, который будет арбейтдинстом, кем-то вроде производителя работ, а пока помогает писарю разносить фамилии по карточкам. Этим же занят глава группы снабжения француз Гастон. Но оба они достаточно неловки в таком деле, и писарь нетерпеливо оглядывается, скоро ли они подадут ему следующую карточку. Он пыхтит, дыхание у него учащается, красный шрам на шее - след операции, навсегда сделавшей его голос хриплым, - становится еще темнее.

- Поторапливайтесь! - хрипит он. - Пока мы не кончим, нельзя впускать в бараки, а на апельплаце уже четверо мертвых.

- Будет и больше, - утешает его капо Карльхен, который только что зашел в контору; в руке у него, как всегда, увесистая дубинка. - Из полутора тысяч их передохнет еще немало...

Нетерпеливый писарь хлопает кулаком по столу.

- Не учи меня! Это как-никак живой транспорт из Освенцима, трижды отсеянный. Они должны быть здоровы, как быки. Если кто-нибудь из вас, старых хефтлинков, придет доложить мне, что у него помер избитый новичок, я буду считать его убийцей и собственноручно подам на него рапорт в комендатуру, не будь я Фрош!

- Я и не знал, что у тебя такое простое имя{3}, - неосторожно огрызнулся Карльхен. - Разве тебя не величали всегда Фрош Великий?

Писарь быстро выпрямился.

- Заткнись! - крикнул он, побагровев. - Ты-то как раз один из таких убийц. Но тут тебе не лагерь истребления, тут будут работать и... Изволь-ка отложить свою палку! И если ты еще раз позволишь себе какие-нибудь шуточки по поводу моего имени... Это относится ко всем; какой же у нас будет авторитет в глазах новичков, если мы не ладим между собой? Я писарь лагеря! И я крепко разделаюсь с тем, кто будет подрывать мой престиж! Понятно?

Карльхен кашлянул и незаметно поставил дубинку в угол.

- Ты ведь сам был блоковым в Освенциме и знаешь... - укоризненно сказал он.

- Я никогда не брал палки в руки, - захрипел писарь и нетерпеливо повернулся к новой сотне карточек, вовремя подсунутой хитрым греком Фредо. - Я умел обходиться без побоев! Я мог себе это позволить, - пробормотал он почти благодушно, потому что ящик все пополнялся и пополнялся.

* * *

На дворе была холодная ночь. Прибывшие тщетно надеялись, что им дадут поесть. Кто-то из них подсчитал, что в последний раз им выдали хлеб 56 часов назад, еще в Освенциме. Большинство озябших, отчаявшихся новичков покорно легли на землю.

После "волков" около них появились "шакалы": человек с нарукавной повязкой санитара обходил ряды и говорил: "Кто продаст хорошие ботинки? Даю похлебку и горячую картошку".

Вот до чего прожились и поизносились "старички" на стройке лагеря; новой одежды и обуви взять было негде, и теперь им годились даже те обноски, что выдали новичкам в Освенциме. Но гораздо важнее было то, что вместе с этими обносками в Гиглинг прибыли десятки умелых рук, которые смогут перешить старое тряпье и превратить опорки в сносную обувь. "Шакалы" и "волки" ходили по рядам и выискивали себе придворных портных и сапожников, ибо каждый господин хотел теперь иметь слуг. "Что

ты умеешь делать?"-задавали они строгий вопрос каждому новичку.

Мошек Грюнцвейг говорит, что он портной, - ладно, посмотрим. Ольджих Елинек заявляет, что у него была фабрика готового платья в Простейове. Сам он, конечно, шить не умеет, только бахвалится, дохлятина! Дать ему пинка под зад! Янош Жолнаи признается, что учился сапожному ремеслу. Ага, в Будапеште всегда были отличные сапожники, это стоящее дело! Но Янош тут же гордо добавляет, что ремеслом не занимался, а торговал ортопедическими рентгеновскими аппаратами. Осел!

Психология старожилов и новичков совершенно различна, их словно разделяет непреодолимая стена. И по ту сторону этой стены высказываются совсем другие соображения.

- Ты слышал, - шепчет голодный жаждущему, - они записывают по специальности. Видно, им нужны портные и сапожники. Ручаюсь, мы будем работать на фабрике, где шьют для армии.

Жаждущий не хочет спорить, ему и так все ясно. И когда "волк" наклоняется к нему и спрашивает о профессии, он спокойно отвечает: "Портной".. "Волк" идет дальше, а "портной", хитро улыбнувшись, поворачивается на другой бок и говорит голодному:

- Если попаду на фабрику, это уже хорошо. У немцев все механизировано, всюду новые машины, с которыми они каждого учат обращаться. Никто и не узнает, что я не портной.

Но голодный не уверен в этом. Он считает, что врать весьма рискованно. Сделаешь брак на фабрике - заместят, пришьют тебе саботаж и пристукнут. Нет, лучше действовать иначе. На каждой фабрике есть бухгалтерия, работать там даже лучше, чем в цехе. Почему не сказать правду: я, мол, бухгалтер... и не приврать к тому же, что у меня есть опыт работы на швейном производстве.

- Неужто все польские евреи - портные? - удиввляется голландец Дерек, забежав на минуту погреться в конторе.

- Что ты меня спрашиваешь? Я ариец, колбасник из Вены, - сердито ворчит писарь.

Вслед за Дереком по ступенькам спускается взволнованный санитар Пепи.

- Знаете, кого я встретил? - кричит он еще в дверях. - Парня, который знал моего отца. А вы не верили, что у моего папаши до сих пор три кинематографа в Судетах - один в Уста, другой в Дечине и третий в Либерце. Так вот, этот парень, кинорежиссер из Праги, лично знал моего папашу. Точно мне его описал: такой, говорит, приятный господин с седыми усами.

- Дурачок, Пепи! - хихикает писарь. - Мы работаем как

проклятые, а он ходит интервьюировать кинорежиссеров.

- И выторговывать обувь, - замечает Фредо, кинув взгляд на ботинки в руках санитара. - Сколько порций похлебки ты за них дал?

- Пускай приведет сюда того типа, - просит Гастон. - У нас тут еще не бывало кинорежиссера.

- Не дурите, - ворчит писарь.

- Да! - восторженно восклицает Пепи. - Вот возьму и приведу, спросите-ка у него о моем папаше. Он даже вспомнил название нашего кино в Уста, честное слово!

И Пепи исчезает за дверью.

В лагере есть не только "волки" и "шакалы", но и "гиены" - охотники до живого мяса. Карльхен первым отправляется на рекогносцировку - нет ли среди новичков смазливого мальчика. Он, правда, уже выяснил путем расспросов, что в Освенциме всех узников моложе восемнадцати лет отправили в газовые камеры. Но Карльхен надеется, что какому-нибудь отцу удалось протащить малолетнего сына через "селекцию"{4}. Опытный хефтлинк, Карльхен знает, какой спрос будет на таких мальчиков, как только "волки" нажрутся досыта. Эй, ты! - наклоняется он над фигуркой, притулившейся на земле, довольно далеко от конторы. - Сколько тебе лет?

Спрошенный слегка выпрямляется и, испуганно замигав, отвечает:

- Двадцать, сударь.

Карльхен смеется. - Меня ты не бойся, дурачок. Тебе же не больше пятнадцати. - Двадцать, - упорствует юноша, и в голосе его слезы. - А вот это мой старший брат, он больной, сударь.

Карльхен бросает беглый взгляд на лежащего человека, лица которого не видно.

- Как тебя зовут? - спрашивает он юношу.

- Берл Качка из Лодзи, сударь.

- Берл? - смеется Карльхен. - Это похоже на перл, а?

Юноша сперва не понимает, что сказал по-немецки капо, потом тоже улыбается...

- Нет, сударь, не перл. Берл значит медведь, медвежонок.

- Claner Bar, ah da schau her нем.)>, - еще громче хохочет Карльхен, пристально глядя в большие глаза юноши, потом заставляет его подняться и ведет к своему бараку. - А все-таки сдается мне, что я нашел перл. "Неужто мне вправду разрешили уйти с апельплаца? - удивляется Зденек и, прихрамывая, спешит за нетерпеливым санитаром в контору. - Боже мой, хоть бы дали поесть чего-нибудь горячего".

Пепи вталкивает его в дверь, слабые ноги Зденека

спотыкаются на ступеньках, и он чуть не падает на пол. Яркий свет слепит Зденеку глаза. В клубах табачного дыма перед ним неожиданно возникают любопытные лица сидящих полукругом людей.

- Шапку долой, когда стоишь перед главным писарем, - рявкает кто-то.

Рука Зденека послушно тянется к грязной, наголо остриженной голове и снимает шапку.

- Спросите-ка его, спросите! - восклицает санитар.

- Что вы тут подняли галдеж?! - хрипит писарь и угрожающе поднимает голову. - Вот выгоню всех отсюда!

Гастон встает и делает успокоительный жест. Покрасневшие глазки писаря следят за ним из-под стальных очков, Эрих молчит. Этот долговязый француз, на котором даже неподогнанная арестантская куртка сидит как-то элегантно, умная голова и пользуется уважением. Гастон один из немногих в лагере, кого писарь несколько опасается.

- Говорят, что вы кинорежиссер? - по-французски спрашивает Гастон и, обойдя стол, останавливается перед новичком, который ниже его на полголовы.

Зденек плохо видит окружающих. Какие-то смеющиеся светлые пятна вместо лиц... - Да... я работал на киностудии, - отвечает он запинаясь. - Это верно... но я еще молод... - Он уже не мог лгать так смело, как соврал санитару. Надежда на горячую еду улетучивалась. - В больших картинах я был только ассистентом... И сам сделал несколько короткометражек.

Санитар не понимает по-французски и, слыша, как бегло говорит Зденек, решает, что новичок подтверждает его, Пепи, слова.

- Вот видите, - торжествует он. - Он знает моего папашу...

Гастон легким движением руки отстранил санитара и спросил так непринужденно, словно разговор шел где-то в кафе: - Демонстрировались ваши фильмы и во Франции, мсье?

Зденек не успел ответить - вмешался писарь. Озлившись, что он не понимает разговора и что ему мешают работать, он накинулся на Пепи:

- Нечего водить сюда своих дохлых мусульман! Для этого у тебя завтра будет лазарет. Вон отсюда, вы оба!

Гастон с вежливым сожалением пожал плечами и вернулся на свое место. Зденек беспомощно и боязливо оглядывается. Только теперь он разглядел большой необструганный стол и деревянный ящик с карточками. Но вдруг в глазах у него опять помутнело, колени ослабли. Он был рад, когда санитар взял его за рукав л потянул к двери.

- Не бойся, - упрямо твердил Пепи, - скажи им, что ты знал моего папашу.

"Для этого он меня и привел, - сообразил Зденек и послушно закивал, как петрушка. - Ну, конечно, знал!"

И вот он уже снова не в светлой конторе, а на апельплаце, и ночь над ним еще холоднее и чернее, чем прежде.

2.

Зденек так смертельно устал и изголодался, что даже не мог съесть три холодные картофелины, которые сунул ему санитар. Вместе с другими заключенными он присел на корточки на сыром шлаке; Зденеку казалось, что он уже не живет, что он погрузился в какую-то полубессознательную дремоту, которая заменяла сон узникам Освенцима.

...В его памяти встали картины освенцимского ада... Из короткой четырехгранной трубы крематория вырываются языки пламени, бросая скачущие блики на узкие окна большой конюшни, где живут заключенные. На голом бетонном полу сидит на корточках тысяча человек, каждый между расставленных колен другого, повернувшись к нему спиной и не имея возможности вытянуться. Одеял нет, вместо одежды - скудное тряпье. Раздается резкая команда:

- Schlafen, los! нем.)>

Измученным босым ногам трудно без обуви, но ее сложили рядами у кирпичной кладки посредине конюшни, чтобы "волкам" - или там, в Освенциме, были "тигры"? - было удобней выбирать то, что им приглянется. Полумертвые люди переводят взгляд с вожделенной обуви на блики, вздрагивающие в окнах. Здесь у меня украдут ботинки, там сожгут мою жену... Но глазам не хочется плакать, им хочется только спать. "Schlafen, los!"

Зденек испуганно вздрагивает во сне. "Я сплю, сплю, - отчетливо сознает он, - сплю с открытыми глазами. То ли я спятил, то ли уже умер, но я сплю с открытыми глазами и все мое существо вопиет: "Спасай свои башмаки!"

Измученные руки и ноги с трудом слушаются Зденека, но все же он поднимается с пола, бесконечно долго пробирается среди полумертвых, постанывающих во сне людей и тащится к длинному ряду ботинок. Оглядев его, Зденек видит, что "волки" уже взяли свою дань: обувь вся разбросана, перемешана, "сторожей" нет, в тусклом свете нескольких лампочек и дрожащих отблесков из окон видны только конвульсивно скорчившиеся фигуры людей. Кто знает, живы они или уже умерли?..

Зденек ползет, напрягая глаза, подкрадывается к своей паре. Вот тут где-то он ее поставил, крепко связав шнурками. Здесь или там? Никак не найдешь! Вместо аккуратного ряда башмаков

полнейший беспорядок, все перемешано в кучу. Ага, улыбается спящий Зденек, озорник Тиль Уленшпигель перепутал башмаки: "Найди-ка, сосед, свою пару!" Но Зденеку совсем не весело, он лихорадочно роется в груде изношенной обуви. Страх, боязнь потерять единственную пару сильнее всех литературных реминисценций! Спасайся! Вытаращив глаза, сонный Зденек ищет свои грубые башмаки, которые недавно получил - с тумаком впридачу - взамен добротных пражских ботинок. Слава богу, что есть хоть эти, сохранить бы хоть их... Где же они, где? Одуревший, подобный лунатику Зденек снова шарит в груде обуви. Вот они! Он подносит один ботинок почти вплотную к глазам: вот этот похож на мой. Но ведь я связал их вместе, где же второй? Да и мой ли это? Зденек садится на кучу обуви и пытается надеть башмак на босую ногу. Да, видимо, мой. Но куда запропастился второй?

Зденек тащится вдоль беспорядочной груды обуви и ищет другой башмак. У дверей вдруг кто-то кричит: "Проваливай! Schlafen, los!" - и замахивается дубинкой.

Зденек, как подкошенный, падает на пол, прижимая к груди свой башмак. Он ждет удара, он знает, что в Освенциме с дубинками шутки плохи: здешние молодчики гордятся умением убивать одним ударом по затылку. Но внутренний голос, который твердит "Спасай свои башмаки!", никак не заставишь молчать. Проходит несколько бесконечно долгих минут, Зденек косится на груды обуви и видит, что там уже копошатся пять... шесть... восемь фигур. Видимо, угроза миновала, а другие узники, пробужденные окриком, тоже вспомнили, что нужно спасать обувь, без которой не выживешь в лагере.

Зденек снова поднимается. Одной рукой он прижимает уже найденный башмак, другой упрямо роется в куче обуви. Роется долго-долго, ищет уже не парный ботинок, а хоть что-нибудь подходящее, о господи, что-нибудь подходящее! Он снова присаживается на корточки, примеряет какой-то башмак... Пожалуй, годится, хоть и от другой пары... Потом опять падает, глаза у него смыкаются, сознание совсем тускнеет.

Кто-то резко дергает один из башмаков, которые Зденек сжимает в руках, и это приводит его в себя.

- Auf! Auf! нем.)>

Он проспал команду, но сейчас гомон тысячи людей, бросившихся к куче обуви, пробуждает его. В центре конюшни, на кирпичном возвышении, стоит хохочущий эсэсовец, рядом с ним ржут двое капо с дубинками. - Через пять минут всем выстроиться перед бараком на перекличку! Живо, марш!

Все трое покатываются со смеху и хлопают себя по ляжкам. В

самом деле, бессмертная шуточка Уланшпигеля!

Ошалелые, нет, теперь уже остервенелые люди рвут друг на друге одежду, оттаскивая один другого от груды башмаков. Зденек лежит животом на своей паре, он готов защищать ее ценой жизни. Ведь каждый ребенок знает, что обувь в лагере - это сама жизнь. На Зденека наступают, его пинают ногами, но он думает только о том, что он спас свою обувь. Но вот людям с дубинками надоедает потеха, дубинки обрушиваются на костлявые спины, и заключенные с жалобными криками рассыпаются во все стороны, кто с башмаками, а кто и без них. Зденек тоже спохватывается и бежит к выходу. Только теперь он окончательно проснулся...

* * *

- Auf, Auf, живо, марш!

Мы уже давно в Гиглинге, под звездным альпийским небом, на ногах у меня два разных башмака, в руке три остывшие картофелины, и положение мое куда лучше, чем у многих босых товарищей.

- Aufgehen zu funf! нем.)>

Итак, жизнь все-таки неистребима, мы уцелели, выбрались из Освенцима не через трубу крематория, а через дверь, и теперь мы далеко оттуда, в Альпах. Стоит холодная ночь, и, видимо, уже пришел конец нашему ожиданию...

"Волки" бегают вокруг человеческого стада, подгоняют людей. Строиться! Зденек впивается зубами в картофелину.

* * *

- Ach-tung! нем.)> - хрипит писарь, предостерегающе растягивая слог "ах" и повышая голос на лающем "тунг". - Четверо заключенных работают в конторе, - рапортует он.

Человек в эсэсовской форме, слегка нагнувшись, входит в дверь.

- Продолжайте! - небрежно говорит он, спускается по ступенькам и, расправив полы шинели, садится на край стола. - Ну как, все приняли в порядке?

- Так точно, герр обершарфюрер! - докладывает писарь, стараясь придать своему хриплому голосу некий пониженный, доверительный тон. Ибо даже он не может себе позволить, чтобы нацисты усомнились в его физической полноценности. - Принимать транспорт по освенцимским спискам, конечно, не было возможности. Вы ведь знаете их работу...

Эсэсовец коротко усмехнулся - еще бы, мне да не знать! - и сдвинул фуражку на затылок, обнажив очень бледный, влажный лоб.

- так что мы начали все сначала - устроили всеобщую перепись, словно никаких списков и не было, и составили новую

полную картотеку, - продолжал писарь, сделав полный нежности жест в сторону ящика, наполовину (да, да, уже наполовину!) заполненного. - Теперь можно разместить новичков по баракам, а в ближайшие дни нам хватит времени, чтобы сверить нашу картотеку (какое приятное слово!) с так называемым списком из Освенцима...

Эсэсовец раскрыл пустой портсигар, поглядел на него и покачал согнутой ногой. За голенищем у него торчал кусок красного кабеля - тонкий, гибкий кусок стали в толстом слое резиновой изоляции. Писарь поднял покрасневшее лицо и почтительно улыбнулся.

- Здесь все будет по-нашему. Так, как вы хотели в Варшаве.

Опять короткий сдавленный смешок: в Варшаве! В бледно-голубых глазах обершарфюрера Дейбеля мелькнуло почти мечтательное выражение, но резкие скулы и тупой носик сохраняли жесткие очертания.

- При подсчете у ворот у нас получилось тысяча четыреста девяносто шесть человек. Совпадает с вашим счетом?

- Конечно, герр обершарфюрер, - почти обиженно пробурчал писарь. Разыгрывай из себя хозяина и хоть самого черта там, за воротами, думал он, а здесь, внутри лагеря, хозяин - я. Уж не думаешь ли ты, что я не знаю, сколько вы там насчитали, или воображаешь, что я признался бы тебе, если бы тут их оказалось больше?

- Тысяча четыреста девяносто шесть плюс шесть мертвых, что остались на станции, - всего, стало быть, тысяча пятьсот два. А в освенцимском списке числится ровно полторы тысячи. Значит, у нас чистая прибыль - два хефтлинка. Такие у них порядочки! - и писарь расхохотался, насколько это ему позволяло оперированное и плохо сшитое горло.

Дейбель тоже был в хорошем настроении. - А сколько мертвых у вас здесь, на апельплаце?

- Четверо, герр обершарфюрер. Не понимаю я, что за материал они нам шлют! Когда нас отбирали для Варшавы...

- Ну, - усмехнулся Дейбель, - вы-то ведь ехали из Освенцима всего полдня. Будь переезд продолжительнее, вы бы задушили друг друга в вагонах. А эти ехали пятьдесят шесть часов. Для такого сброда это долгонько.

Дверь отворялась, и на пороге появились два бойких краснорожих типа. У них был такой вид, словно они не знали, что в конторе сидит высокое начальство. Первый из них, немец с щегольскими усиками, вытянул руки по швам и отрапортовал:

- Двое заключенных вернулись со станции.

- Is gut нем.)>, - произнес Дейбель и уставился на них

блеклыми голубыми глазами. - Староста Хорст, - спросил он человека с усиками, - с мертвыми все в порядке?

- Так точно, герр обершарфюрер, все, как приказано.

- А почему вы пропадали так долго? Обделывали делишки?

Дейбелю ответил второй из двух, Фриц, коренастый красивый немец, подбородок которого выдавал жестокость характера.

- Долго? Закопать шесть трупов - не пустяк! - и как ни в чем не бывало пружинистой походкой прошел за занавеску из одеял, отделявшую заднюю часть помещения.

Слегка обеспокоенный писарь поднял голову. Не чересчур ли это смело даже для Фрица? Но Дейбель, видимо, слишком давно был без сигарет.

- Велите развести заключенных по бараками - сказал он с невинным видом, слез со стола и прошел за занавеску. Оставшиеся навострили уши, но не услышали ничего.

Через минуту люди на апельплаце зашевелились. "Марш по баракам, марш по баракам!" -кричали "волки" и спешили на свои места. Они отсчитывали по полсотне новичков и загоняли их в новые бараки.

Ночная тьма уже редела. За колючей оградой на светлеющем небе вырисовывались контуры леска. Зденек до сих пор не знал, как выглядит лагерь. Это было ему безразлично, как и то, какие люди его окружают. Но сейчас, шагая по тропинке мимо диковинных крыш, словно торчащих из земли, он стал приглядываться. Видимо, весь лагерь состоит из таких же землянок, как и контора, где он побывал; крыши всюду лезут прямо из-под земли, фасадная стена барака представляет собой треугольник с дверью посередине, от которой ступеньки ведут вниз, внутрь помещения.

- Achtung! - закричал человек в очень чистой арестантской одежде, появляясь перед группой, в которую попал Зденек. - Стой! - Заключенные столпились около него в тупом ожидании. Человек махнул рукой в сторону двери, перед которой они стояли. - Вот видите надпись? - Он прочитал наставительно, как учитель в школе: - "Барак номер четырнадцать". Всем видно?

- Всем, - пробурчали некоторые.

- А теперь слушайте. Я блоковый четырнадцатого барака, а вы его обитатели. Зарубите себе это на носу. Если ночью кто-нибудь будет возвращаться из сортира и забудет номер своего барака, пусть лучше замерзнет на дворе, чем сунется в чужой барак. Там подумают, что он пришел воровать, и пристукнут его.

Зденек дожевал последнюю картофелину и, немного подкрепившись, начал разглядывать блокового. Тот говорил на скверном немецком языке с польским акцентом. Кончая фразу, он

не закрывал рта, шумно дышал, хватая воздух ртом, как рыба. Вместо пауз он выкрикивал: "Verstanden?" нем.)>

Кое-кто из соседей Зденека сразу заметил склонность блокового к поучениям и откликнулся "Jawohl!" нем.)>, видимо, желая угодить ему.

Зденек видел вокруг себя только незнакомые лица и не жалел об этом. После того, как его увезли из Терезина, он потерял всякий интерес к людям. Закрывая глаза, он отчетливо представлял себе Ганку: казарменное окно и в нем ее маленькое лицо с темными пятнами от беременности; Ганка не хочет плакать, заставляет себя улыбаться, ее маленькая рука машет кусочком красной ткани. Эта сцена разлуки погасила в Зденеке всякий интерес к внешнему миру.

Зденек был раздавлен, стал бесчувственной вещью, одной из многих, которые можно сотнями грузить в вагоны и разгружать, возить повсюду, толкать, запугивать, морить голодом и бить. Но когда у Зденека бывали проблески самостоятельного мышления, у него возникало желание выставить локти, отталкивать всех и пробиваться куда-то самому. Кто сказал, что в минуты опасности человеку хочется быть на людях? Зденек не замечал ничего подобного, по крайней мере у себя. Наоборот, чем больший гнет испытывали заключенные, тем сильнее Зденек стремился обособиться от запуганного человеческого стада... Уж лучше одному... Выбраться одному или подохнуть в одиночку, да, да, в одиночку. Он был давно готов к смерти. Жизнь в нем поддерживало, видимо, лишь едва теплившееся, но неистребимое любопытство. Уж если погибнуть, то погибнуть последним, не допустить, чтобы это перепуганное стадо пробежало по тебе, суметь в последний раз оглянуться, увидеть собственный конец...

"А не обманываю ли я сам себя?.. - задавался он иногда вопросом. Может быть, мои мысли - всего лишь заурядный эгоизм? Какое там желание видеть собственный конец, не просто ли это желание жить, самому жить? А может быть, я даже способен убивать других, чтобы выжить? Если бы на меня насильно надели эсэсовский мундир, стрелял бы я в людей по приказу или все-таки отказался бы, покачал головой и ушел умирать в свой угол?"

Голодная лагерная жизнь приглушала этот голос совести. "Брось мудрить, - говорил себе измученный Зденек, - эгоизм или не эгоизм - не все ли равно, я хочу жить в себе и для себя. Разве так уж нехорошо - держаться особняком среди этого страшного стада? Разве даже самый последний мертвец не вправе желать своей собственной отдельной могилки?"

Тем временем человек в чистой арестантской одежде

продолжал командовать:

- Сейчас вы войдете со мной в четырнадцатый барак. Входите не спеша и пристойно, иначе я набью вам морду. Первые пройдут за мной в дальний конец барака и, не говоря ни слова, займут нары направо и налево. Остальные за ними. Verstanden? Место найдется каждому, и одеяла там есть для всех, так чтобы без фокусов! Куда попал, там и оставайся, перебегать не разрешаю, имейте в виду! Шагом марш!

Зденек раздраженно поднял брови - кругом уже началась толкотня. Приятели хватали друг друга за рукав, чтобы вместе попасть на нары. Кто-то вцепился и в Зденека.

- Это я, Феликс, пианист, ты меня знаешь по Терезину, - раздался быстрый испуганный шепот, - давай держаться вместе!

Отказываться времени не было: впереди люди уже ломились в низкую дверь.

- Пойдем, а то нам достанутся места у самого выхода, а там будет холодно, - сказал Зденек и двинулся к бараку.

- Но там будет больше воздуха, - удерживал его Феликс.

Зденек нагнул голову и молча продолжал двигаться к двери. Робкий человек рядом с ним сказал: "Ну, как знаешь..." - и не отпускал больше рукав Зденека. Они вместе ввалились в барак, споткнувшись на ступеньках, вместе плюхнулись на какие-то нары справа. О том, чтобы выбирать место, нечего было и думать: их просто внесло в барак - задние толкали, передние не пускали вперед.

- Тихо! Сидеть и молчать! - заорал блоковый, пробираясь против течения и раздавая первые удары. Зденек забрался на свое место, чтобы ему не оттоптали ноги, и стал рассматривать помещение. Здесь было не совсем так, как в конторе: здесь не сделали пола на всей площади барака. От двери вдоль барака тянулось что-то вроде канавы, так чтобы мог пройти, не сгибаясь, невысокий человек. По обе стороны этого углубления земля под крышей осталась на той же высоте, как была. Ее покрыли досками, на доски насыпали стружки: это и есть нары. Крыша начиналась над самой головой людей, лежавших на нарах, а в середине землянки ее поддерживали деревянные столбики. Справа от Зденека тускло мерцала лампочка, при ее свете он узнал несколько лиц, знакомых по Терезину и по поезду. Но из близких друзей тут никого не было.

- Здесь, в середине, наверное, лучше всего, - сказал Феликс, все еще держась за левую руку Зденека, и тотчас втянул голову в плечи, потому что блоковый около них снова взревел: "Тихо!"

Видимо, все пятьдесят человек уже были в бараке; больше никто не входил.

Блоковый пошел закрыть дверь. Под его угрожающим взглядом последние узники укладывались на нары. Проход посредине землянки опустел.

- Вас тут должно быть полсотни. По двадцать пять с каждой стороны.

Опять началась проверка. На правой стороне оказалось двадцать семь. Переселение двух лишних не обошлось без оплеух. Потом настала тишина. Какое-то спокойствие полуобморочного изнурения овладело людьми. После стольких ночей на бетонном полу в Освенциме и в грязном вагоне узники отдыхали на стружке под низкой крышей землянки. Здесь было тесно, как в крольчатнике, люди лежали вплотную, и все же у них возникло ощущение какой-то оседлости. Они дышали медленно и с опаской глядели на блокового, который снова пересчитывал их.

Зденек взглянул на соседа справа. Тоже знакомое лицо по Терезину, не знаю, как его зовут, но, видно, и он не слишком расположен к новым знакомствам - смотрит себе упрямо в одну точку. "Плохие у него, бедняги, башмаки", - заключил Зденек и опять перестал думать.

Спать все еще было нельзя, потому что блоковый ходил с карандашом и бумагой и записывал фамилии заключенных. Вдруг дверь распахнулась, и в барак со смехом ввалились двое проминентов: тот, с щегольскими усиками, и красавчик Фриц.

- Добрый вечер, староста, - возгласил блоковый, стараясь, чтобы все новички услышали, кто его гость и закадычный приятель. - Дейбель уже убрался восвояси?

- Не задавай дурацких вопросов, поляк, - холодно отрезал Фриц, выпятив подбородок и приподняв плечи. - Давай вещи. - Immer der alte Bulle! нем.)> - весело воскликнул блоковый, словно Фриц блестяще сострил, и поспешил в глубину барака. Зденек только сейчас заметил там занавеску из одеял. Блоковый исчез за ней и крикнул оттуда:

- А здорово я предупредил вас у ворот, что обершарфюрер Дейбель в конторе? А?

- Старый хефтлинк, а такое трепло! - сплюнул Фриц. - Ну и блоковых ты выбрал, староста! В Варшаве он был заправским мусульманином, а здесь стал проминентом!

- Не у каждого восьмилетний лагерный стаж, как у тебя, - польстил Фрицу тип с усиками и хлопнул его по спине.

Из-за занавески появился блоковый с мешком в руке.

- Вот он, - угодливо сказал он. - Приятного аппетита! - Видишь, он и сюда совал рыло! - прошипел Фриц и вырвал мешок из рук блокового.

В этот момент откуда-то из угла раздался робкий голосок:

- Bitte nem.)>, герр староста, можно к вам обратиться?

Блоковый кинулся было в ту сторону, чтобы наградить наглеца тумаком, но староста Хорст сказал тоном прусского офицера: - Разумеется, Immer raus damit нем.)>

- Нет, нет, мы не жалуемся. Господин блоковый очень добр к нам. Мы только хотели спросить, нельзя ли нам получить сейчас какую-нибудь еду. Мы уже три дня ничего не ели.

С минуту стояла полная тишина. Люди глотали слюнки. Потом староста сказал:

- Вы только что зачислены в состав нашего лагеря, приятели. Пайки на вас мы начнем получать только завтра. Ясно? - и уже в дверях добавил: Хефтлинку не подобает хныкать и жаловаться. Спойте что-нибудь и спите. Через три часа будет завтрак.

- Ага! - воскликнул блоковый после ухода обоих гостей. - Спеть - это хорошая идея! Кто из вас умеет петь?

Пение в такой обстановке казалось всем довольно странным занятием. Наступило апатичное молчание.

- Что же вы?! Кто запоет, получит завтра лишнюю порцию похлебки. Ну-ка!

- Спой ты, Зденек, - прошептал Феликс и, не получив ответа, сказал вслух: - Вот Зденек хорошо поет. В Терезине он даже пел Миху в "Проданной невесте", помните?

И все, даже те, кто никогда не был в Терезине, забурчали:

- Пусть поет Зденек.

- Кто из вас Зденек? - спросил блоковый.

Несколько рук показало на Зденека, а Феликс воскликнул :

- Вот он, рядом со мной.

Блоковый остановился перед Зденеком.

- Ну-ка, сядь, чтоб тебя было видно. - И когда Зденек повиновался, спросил тихо: - Что ты делал на свободе?

- Работал на киностудии.

Блоковый повернул свою кепку козырьком назад и сделал такой жест, словно вращал ручку киносъемочного аппарата. - Пой, снимаю! - воскликнул он. Губы у него все время были выпячены, рот приоткрыт, и он по-прежнему шумно дышал.

У Зденека как-то странно сжалось сердце. О чем только он не думал в последние дни, и больше всего о смерти, но уж никак не о песнях. А впрочем, почему бы и не спеть? Он обхватил колени руками и начал:

Оковы, кандалы и цепи
Нас больше не повергнут в страх:
Ржавеют кандалы и цепи,
Свободу не удержишь в кандалах.

Он пел песенку Освобожденного театра{5}, пел ее как-то

механически, невесело и без подъема. Но тотчас же в полутьме несколько голосов подхватило песню:

Свободу не удержишь в путах
И в кандалы не закуешь,
Ржавеет сталь, и рвутся путы,
И мысль тюрьмою не уймешь...

Блоковый внимательно слушал, слов он не понимал, но все-таки похлопал в ладоши.

- Браво! Завтра я отведу тебя в лазарет, там старший врач тоже чех, он любит песни, вот увидишь, получишь жратвы сколько влезет. - И без всякого перехода обратился к остальным: - А теперь - спать! Одежду и обувь снять и сложить под головой. И если утром кто-нибудь заикнется мне о том, что у него украли башмаки, я его самолично вздую. Без обуви тут еще никто не прожил дольше двух дней. Но я его все-таки вздую в наказание за то, что он такой олух и дал себя обокрасть.

Каждый заключенный получил грубое серое одеяло, завернулся в него, как умел, лег на бок, вклинив свои колени под колени соседа, и закрыл глаза.

- Я надеюсь, ты не сердишься, что я помог тебе получить лишнюю порцию похлебки? - прошептал Феликс.

Зденек улыбнулся, не открывая глаз.

- Не беспокойся, и тебе достанется доля.

И, положив правую щеку на башмаки, а левой почти касаясь крыши, он прочитал про себя два четверостишия, посвященные Ганке, и заснул с улыбкой.

3.

Примерно за час до восхода солнца Феликс проснулся, осторожно сел, чтобы никого не разбудить, обулся и слез с нар. В конце барака виднелся светлый квадратик застекленной двери.

Выйдя на улицу, Феликс вздрогнул от холода. Дыхание его превращалось в пар. "В другой раз не стану выходить в одном белье, накину одеяло", подумал Феликс. Потом он оглянулся. Серая уличка, по обе ее стороны треугольники бараков. За бараками на той стороне - двойная ограда с вышкой, где прохаживается часовой, насвистывая "Лили Марлен". Только этот свист нарушал полную тишину, лагерь еще спал.

Феликс искал глазами отхожее место. Наверное, это вон те строения повыше, на обоих концах улички, решил он и, так как к левому было ближе, направился туда. Едва он подошел к домику, перед ним выросла мощная фигура какого-то заключенного. Феликс так испугался, что сделал шаг назад.

- Ты что тут делаешь? - гаркнул тот по-немецки.

- Ищу отхожее место.

- Для мусульман - вон там! - сердито кивнул человек на противоположный конец улички. - А здесь - для проминентов. Чтобы ты получше запомнил это, получай! - И ни за что ни про что он вПепил Феликсу оплеуху. Сокрушительную оплеуху. Большая твердая ладонь так стукнула Феликса, что у него что-то треснуло в черепе. Бедняга зашатался и чуть не упал. "За что, за что он меня ударил?" - с детским упорством твердил себе пианист. Слезы бессильного гнева крупными горошинами покатились по его грязным щекам.

Часовой на вышке перестал насвистывать и воскликнул в восторге:

- Вот так затрещина! Die war aber nicht von schlechten Eltern нем.)>.

Феликс удивленно поднял голову и увидел солдата, который, держась за перила, покатывался со смеху. Обидчик тем временем быстро скрылся за углом. Феликс уже не плакал. Утерев глаза тыльной стороной ладони, он медленно добрел до другой уборной, потом вернулся в барак. Он попытался стиснуть зубы, чтобы заглушить боль, но это не помогло. Боль, наоборот, усилилась, и Феликс даже не осмелился ощупать щеку пальцами.

В бараке все спали. Феликс добрался до своего места, влез на нары, снял башмаки, положил их под голову и стал ждать, когда все проснутся. Глаза его были сухи.

Это был ужасный, нескончаемый час. Хорошо хоть, что он не изуродовал мне пальцы, -утешал себя Феликс. - Удар по лицу - это пустяки. Руки, руки в них вся моя жизнь... Ведь я хочу снова играть на рояле, и буду играть! Пальцы слушаются, а это самое главное. От пощечины еще никто не умирал. "Замахнулся - бей", - говаривала мамаша, а она умела давать затрещины... Почему у меня так болит челюсть? Не выбил ли мне этот скот зубы?

Но Феликс так и не отважился ощупать зубы языком.

* * *

В это время писарь Эрих Фрош уже совершал обход лагеря. Он зашел на кухню - убедиться, все ли там в порядке. У котла стоял громадный грек Мотика и варил кофе. Его помощник, слабоумный и глухонемой баварец Фердл, развлекался тем, что расставлял тридцать новеньких кофейников по ранжиру, словно оловянных солдатиков.

- Слушай, Мотика, - сказал писарь, - ты сам понимаешь, что эсэсовцы не оставят в наших руках снабжение всего лагеря продовольствием. Пока здесь было полторы сотни человек, другое дело. А теперь их тысяча шестьсот пятьдесят, и скажу тебе между нами, что в ближайшие дни станет больше. Рапортфюрер справлялся у меня, можно ли оставить тебя в кухне или я

предпочту выбрать нового повара из новичков...

Мотика, засаленный до ушей, сделал скромную мину.

- И что ты сказал?

- Что! Сам знаешь. Я сказал: Мотика вполне подходит.

- Гран мерси, писарь, - поклонился повар, сунул руку глубоко в трубу старой печки, что стояла рядом с котлом, и извлек оттуда бутылку; тщательно отер ее тряпкой и, многозначительно подмигнув, вручил писарю: "На здоровье!" Эрих сунул подарок в карман и деловито продолжал:

- Ты останешься старшим из заключенных в кухне и получишь в помощники, кроме Фердла, еще пятнадцать человек. Но главным над тобой будет эсэсовец, кто именно, я еще сам не знаю. Он прибудет, может быть, уже сегодня. Ты его величай "герр кюхеншеф" и держи с ним ухо востро, пока мы его не раскусим. Если он тебя на чем-нибудь поймает, я выручать не стану. Пока что не делай ни мне, никому другому никаких услуг. Выжди. То, что у тебя припрятано, еще до завтрака убери из кухни куда-нибудь подальше, хотя бы в греческий барак. Или зарой под картошкой. Но чтобы в кухне у тебя ничего такого не было. И здесь тоже, - Эрих показал на старую печку. Мотика щелкнул каблуками. Jawohl, Lagerschreiber! нем.)>

- Не дури, - писарь махнул рукой. - Кофе сегодня выдашь в семь часов. В восемь привезут хлеб, мы его сразу раздадим. На обед будет картошка, по триста пятьдесят граммов на человека, смотри не обвешивай. На сегодня я пришлю тебе десять помощников. Хватит?

- Хватит, Эрих. - Also, machs gut нем.)>.

Писарь вышел из кухни и оглядел лагерь.

Стояло холодное, ясное утро. Лес за оградой казался таким близким, прямо рукой подать. Налево виднелась синеватая гряда гор, под ними желтым пятном выделялась ландсбергская крепость. Но Эрих не замечал всего этого. Он не обращал внимания ни на что вне лагеря, во-первых, потому, что был очень близорук, а во-вторых, потому, что сосредоточил все свое внимание только на лагерных делах. Других интересов у него не было. Эрих хотел остаться в верхах, хотел быть образцовым писарем лагеря. К этому сводилось все его честолюбие. Столь несложная цель жизни давала ему преимущество перед большинством заключенных. Все эти дурни, что спали сейчас в землянках у его ног, мыслями витают бог весть где. Им снится прошлое, всегда прекрасное и отрадное, или будущее, которое кажется им еще прекраснее, а ведь все это просто бред. Их все время точит мысль о какой-то там свободе. А он, Эрих Фрош, он образцовый старый хефтлинк. Он уже шесть лет в лагере, и

только здесь стал важной особой, дослужился до более высокого положения, чем на свободе. Эрих забыл о там, что когда-то был колбасником, и старался не думать о будущем. Он чувствовал себя неизмеримо выше этих обезьяноподобных мусульман, которые сегодня ночью пришли в новый лагерь и голова которых забита мыслями о вчерашнем дне. Все они передохнут, прежде чем по-настоящему свыкнутся с Гиглингом, который считают незначительным этапом на своем славном жизненном пути. А ведь Гиглинг - это всё. Что еще существует на свете? Я, Эрих Фрош, больше ничего не вижу и не знаю. А разве есть кто-нибудь умнее Эриха Фроша?

Погода сегодня отличная, картотека пополняется, я главный писарь, в кармане у меня бутылка шнапса - предел мечтаний настоящего хефтлинка. Но я не хлебну из нее сейчас, потому что, может быть, через минуту мне придется стоять навытяжку перед эсэсовцем, и он учует спиртной дух. Не-ет, писарь Эрих умеет жить, он поумнее всех вас, его на мякине не проведешь!

Эрих стоит на Лагерштрассе, главной улице лагеря, и представляет себе, какой она станет через несколько дней. Лагерштрассе - это продольная ось целого комплекса построек, направо и налево от нее будет три ряда бараков. Пока что достроена только правая сторона - десять бараков и за ними еще два ряда по десяти. Впереди, близ входа в лагерь, стоит контора и три проминентских барака - немецкий, греческий и французский, где до сих пор жила строительная команда. Налево от главной улицы уже функционирует кухня. Через несколько дней и около нее вырастет ряд бараков, за ним еще два ряда, всего, стало быть, тридцать штук. Вместе с уборными и умывалкой это составит лагерный комплекс на три тысячи человек. Именно так все это выглядит в комендатуре, на плане с каллиграфической надписью "Гиглинг 3, рабочий лагерь, в распоряжении фирмы Молль, Мюнхен. Секретно! Военный объект!"

Этой осенью фронт приблизился к самым границам Германии. Теперь или никогда - Гитлер знает это. Теперь все поставлено на карту, теперь нужна каждая рабочая рука. Быть может, рассуждает Эрих, наступает момент, когда во всей разоренной Европе не будет местечка теплее и безопаснее, чем хороший концлагерь. Американцы не будут его бомбить, а гитлеровцы не станут истреблять узников. Адольфу мы сейчас нужны, ведь мы не где-нибудь, за тридевять земель, на краю Европы, а в самом сердце Германии, близ Мюнхена. Наш лагерь даже не скрыт каменной стеной. Он обнесен лишь проволочным заграждением. Эсэсовцы не могут здесь зверствовать, как в Освенциме, здесь все слишком на виду.

Германии нужны рабочие руки, и наш лагерь их даст. Три тысячи человек. Хотите, чтобы они работали как следует? Накормите их. И уберегите от всяких эпидемий вроде сыпняка или холеры, ведь это в интересах многолюдного Мюнхена, куда они могут перекинуться. Требуйте от нас только работы, тогда мы легко договоримся. Работы, и никакой муштры, маршировки, измывательств, как в прежних лагерях. Порядок внутри лагеря мы будем поддерживать сами, для этого среди нас есть опытные хефтлинки. Если отнять у них дубинки, они станут правильными ребятами. Есть у нас и свои доктора. Мы уговорим их не саботировать, не покрывать филонов, а, наоборот, помогать отправке людей на работу. В общем мы наладим наш лагерь так, что фюрер будет доволен. А мы зато будем живы.

Что есть на свете еще, кроме Гиглинга? Это узнают только те, кто выживет вместе со мной. Если, несмотря на нашу честную помощь, Адольф проиграет, нас освободят союзники и мы, как бывшие заключенные, заживем неплохо. А если он выиграет, то, черт подери, не буду же я торчать тут вечно! Не может быть, чтобы я, Эрих Фрош, ариец из Вены, всю жизнь гнил в лагере из-за какого-то одного перепроданного вагона сала. Вздор! Человек с такой головой, как моя, никогда не пропадет, но, главное, мне будет неплохо и здесь.

Писарь направился к третьему ряду бараков, в дальний угол лагеря; там он вошел в дверь, над которой висела дощечка с красным крестом и надписью "Krankenrevier" нем.)>. Пахло здесь, как в любом "мусульманском" бараке, да еще чувствовался резкий запах карболки. Эрих сморщил нос. - Старший врач! окликнул он в темноте. - Оскар, где ты?

На другом конце барака, у самого окна, кто-то пошевелился.

- Ну что?

- Встань, Оскар, на минутку. Это я, Эрих. Есть о чем поговорить.

Врач вылез из-под одеяла. - Иду! - крикнул он.

- Привет, Эрих-бачи! - раздалось тем временем из-под одеяла на нарах справа.

- Это ты, Имре Рач? - пробормотал писарь. - Спи и не беспокойся.

Глаза Эриха привыкли к полутьме, и он различил под одеялами еще четыре фигуры. Лежавшие поочередно поздоровались с ним. Оскар, стоя в проходе, заправлял рубаху в брюки и подтягивал пояс.

- Случилось что-нибудь?

- Ничего, - успокоил его писарь. - Ну, поди же, а то мне пора в комендатуру.

Он повернулся и вышел на улицу. Доктор последовал за ним. Это был очень худой человек с грустными, глубоко посаженными глазами, тонким орлиным носом, большим, плотно сжатым ртом и выдающимся вперед подбородком. Еще в университете коллеги прозвали его "скуластый Брада", а теперь, когда лицо его сильно похудело, нижняя челюсть прямо-таки карикатурно выдвинулась вперед.

Приземистый Эрих и тощий Оскар, венский колбасник и пражский врач, стояли друг против друга.

- Доброе утро, доктор. Сигарету? - писарь вытащил из кармажа пачку, прислонился к передней стенке барака, чтобы их не увидел часовой на вышке, и протянул пачку Оскару. Доктор был страстный курильщик и, увидев целую пачку, не сдержал широкой улыбки. Он кивнул, взял одну сигарету н вынул спички.

- Возьми всю пачку, - прохрипел писарь. - У меня есть еще. Фриц вчера организовал на станции. - Фриц? - повторил Брада, и улыбка исчезла с его лица.

- Не начинай опять старую песню! - рассердился Эрик. - Сейчас есть другие заботы, кроме твоей вечной грызни с Фрицем. Сигареты мои, ты берешь их от меня, и точка. - Он сунул пачку в карман Оскара, потом небрежно распечатал другую и покосился на разинувшего рот доктора. Тот жадно глотал весь дым без остатка, а "великий Эрих" курил, не затягиваясь -резаное горло и слабые голосовые связки не позволяли, и заставлял себя курить только потому, что сигареты считались в лагере роскошью, а он, писарь Эрих Фрош, мог разрешить себе эту роскошь.

- Ну, что у тебя на сердце, Эрих, выкладывай, - сказал врач и зябко поежился.

Писарь выпустил клуб дыма и прошептал:

- Хочу потолковать с тобой откровенно. Староста лагеря - просто олух. Пусть холит свои усики и строит из себя прусского офицера, против этого мы не возражаем. Но настоящие хозяева лагеря - мы с тобой.

Врач смерил его взглядом. - Мы с тобой? Ты что, разыгрываешь меня?

- Да, мы с тобой, - повторил писарь и положил руку с сигаретой на плечо Оскару. - Вот послушай, Я знаю, какие инструкции получил наш рапортфюрер. Германия вступает в новую фазу войны. Меняется режим в таких лагерях, как наш. Забудь все, что ты видел в Дахау, Освенциме и где бы то ни было. Разве в Гиглинге концлагерь старого типа? Нет! Здесь не будет казарменного духа, эсэсовцы не станут соваться в бараки, а может быть, не появятся даже на апельплаце. Никакой муштры, никаких нелепых придирок из-за чистоты и всяких таких крайностей.

Никаких подвалов, карцеров, порок, виселиц или газовых камер. Никаких различий между заключенными. Ты чешский еврей, да еще политический. Очень приятно. А я австриец и всего-навсего уголовник, но теперь на это наплевать. Цветные треугольники на рукаве мы, правда, еще носим, но, если хочешь, можешь его спороть, никто тебе слова не скажет. Тотальная мобилизация относится и к нам. У нас будет рабочий лагерь, а рабочим лагерем правят двое: один - это тот, кто заботится, чтобы людям было что жрать и чтобы у них была работа, - это я. А другой - тот, кто заботится, чтобы люди были здоровы и трудоспособны, - это ты. Согласен? - Погоди минутку, - сказал немного опешивший Брада. - По-моему, тебя провели. Сейчас я тебе отвечу, вот только отнесу окурок товарищам. Мы всегда курим вместе.

Писарь не успел запротестовать, Оскар вошел в барак и через минуту вернулся с одеялом на плечах. Он с сожалением заметил, как Эрих бросил недокуренную сигарету и затоптал ее ногой.

- Как это так: меня провели? - сердито сказал писарь, и шрам на его шее потемнел. - Идиот я, по-твоему, что ли?

Брада усмехнулся.

- Нет, боже упаси! - искренне возразил он. - Ты, по-моему, великий хитрец. Но я не верю ни в какую реальную перемену в отношении нацистов к нам. Ведь мы уже это слышали в Буне, нам твердили то же самое.

- В Буне, в Буне! - проворчал писарь. - Как можно сравнивать! С одного боку освенцимский лагерь истребления, а с другого - русский фронт. Нет, ты не сравнивай. А теперь...

В холодном синеватом небе вдруг затрещал реактивный самолет. Эрих и Оскар одновременно взглянули в сторону, где раздался этот звук, но увидели лишь серебристый след; самолет был уже много дальше, почти на самом горизонте.

- Вот и здесь все изменилось, - важно сказал писарь. - Новая фаза войны! Видал ты прежде такие самолеты? Видел ты их в этой своей Буне? Все теперь новое, приятель. Эти машины быстрее звука. Скажу тебе строго по секрету: ракетный двигатель! Снаряды с таким двигателем каждый день падают на Лондон, они называются "Фау-1". Рапортфюрер утверждает, что подземные ангары, которые мы будем строить...

- Кто будет строить?

- Ну, мы все, наш лагерь. Если тебе неприятно думать, что мы помогаем Гитлеру выиграть войну, занимайся только своими, чисто врачебными делами. Помогай людям...

- Погоди-ка, Эрих, - прервал его Брада. - Ты вчера уже знал об этой новой фазе войны?

- Конечно, знал, - самодовольно усмехнулся писарь. - Я ведь

бываю в комендатуре у начальства...

- А если знал, то почему же ты только сейчас говоришь об этом, а вчера категорически запретил нам, врачам, оказать новичкам медицинскую помощь.

Писарь опять положил руку на плечо Оскара.

- А ну тебя, Оскар! Докажи хоть раз, что ты не только умный, но и разумный человек. В том бедламе, который был у нас сегодня ночью, я не мог позволить тебе заниматься больными. Вы бы только путались под ногами, создали неразбериху, уносили бы людей, и мы бы никак не могли сосчитать их. За это ты на меня не сердись. Ordnung muss sein нем.)>. Когда речь идет о такой важнейшей вещи, как подсчет заключенных, твоя благотворительность неуместна. Сегодня - другое дело. Отныне у тебя свободные руки.

- Пепи сказал, что на станции умерло шесть человек и на апельплаце четверо. А тех, кто выжил после этой поездки, вы до сих пор даже не накормили.

- Никак нельзя было. Рапортфюрер тоже жалел об этом....

- Рапортфюрер жалел?

- Жалел, даю слово, Оскар! - писарь взглянул на ручные часы. - Не позже чем через пять минут кухня начнет выдавать кофе, капо больше не будут бить мусульман, сегодня никого не пошлют на работу - после дороги все получают сутки отдыха. Чего тебе еще?

И действительно, со стороны кухни послышался сигнал к завтраку.

- Kaffee holen! нем.)> - орал Мотика. - Weitergeben нем.)>.

Писарь широко улыбнулся.

- Новая фаза войны, доктор. И у нас тоже новая фаза - в отношениях между конторой и лазаретом. Вместо войны - сотрудничество. Имей же терпение, подожди - и сам увидишь. Единственное, чего я от тебя пока хочу, - не ставь мне палки в колеса. И не забудь, что мы двое, ты и я, возглавим лагерь.

Пока Оскар и Эрих разговаривали, уличка между бараками стала оживляться: двери бараков открывались, из них выходили озябшие узники, торопливо направлялись к отхожим местам и так же торопливо возвращались обратно. Заметив у лазарета двух проминентов с повязками на руках, "мусульмане" почтительно обходили их стороной. Но по-настоящему лагерь оживился лишь после сигнала к завтраку. Изголодавшиеся люди только и ждали этого сигнала. Всюду распахнулись двери, и "штубаки", назначенные блоковыми, поспешили к кухне. Мотика все еще стоял у рельса, подвешенного на тросе, и бил в него железиной.

- Kaffee holen! Weitergeben!

- Kaffee holen!

- Kaffee holen!

- Kafe au lait{6}! - зевнув, сказал Гастон, переведя этот призыв на родной французский язык.

- Kafe, vole{7}! - по-своему перевел чех Франтишек, по прозвищу Франта Капустка, которому блоковый четырнадцатого барака поручил принести кофе.

Феликс повернулся к соседу по нарам.

- Зденек, - с трудом сказал он, - если дадут хлеб, я не смогу его жевать. Возьми мою порцию и дай мне за нее дневную похлебку. Идет? - А что с тобой? Почему ты не можешь жевать?

Феликс показал на свою посиневшую щеку и объяснил, в чем дело.

- Свиньи! - проворчал Зденек. - А ты узнаешь типа, который тебя ударил?

Феликс грустно покачал головой.

- Что мне от этого толку? Вот если бы тут был доктор...

Перед ним остановился блоковый.

- Was gibts? нем.)>

Зденек рассказал, что случилось с Феликсом.

- Можно мне отвести его к доктору?

- Это ты пел вчера, да? Сегодня нерабочий день. После кофе я вас обоих отведу в лазарет. Он тут, напротив. А этот бандюга врал насчет того, что для вас только одно отхожее место. Первый раз слышу.

Пришел Франта с ведерком кофе.

- Всем сесть по местам, - заорал блоковый. - У меня двадцать пять кружек, получать будете по двое. Хлеб раздадут через час, сегодня исключение, обычно вы будете получать его вечером. На четырех человек одна буханка. А сейчас - тихо!

В благоговейном молчании он откинул занавеску, отделявшую шестую часть помещения в глубине барака. Заключенные увидели с одной стороны удобное ложе блокового, с другой - фаянсовые кружки, в которые Франта уже разлил черную, подслащенную сахарином бурду. Потом он стал разносить ее узникам.

- Я бы предпочел подождать, пока будет гуща со дна, - с невеселой улыбкой сказал заключенный, получивший первую порцию, но нетерпеливо ухватил горячую кружку.

* * *

В душной кабине грузовика была приятная теплота. За рулем сидела дородная сорокалетняя фрау Вирт. Маленькая шоферская фуражка с помощью шпилек держалась на ее все еще русых волосах, собранных в большой узел. Эта фуражка придавала

немке задорный вид, она походила на пышную субретку в старинном театре, переодетую солдатом. Щеки у нее и без румян были яркие. Если бы не плохие зубы и две золотые коронки впереди, она была бы еще красивой женщиной.

Голова коротышки Фрида, который сидел рядом с ней, едва доставала ей до плеча. Смуглой щекой он терся о грубое сукно ее форменной куртки и мурлыкал, как кот. Третий седок в кабине, охранник Ян из конвойной команды лагеря, сидел с краю и клевал носом, держа карабин между колен.

- Турнфатер Ян{8} уже спит, - для проверки сказал Фриц чуть погромче и покосился направо. Конвойный даже не пошевелился. Фриц повернулся к соседке и подмигнул:

- Все в порядке, фрау Вирт, мы можем разговаривать.

- О чем же мне с вами разговаривать? - фрау Вирт глядела в одну точку, приняв неприступный вид. Но ответила она все-таки шепотом, чтобы не разбудить Яна. Игривый сосед справа занимал ее.

Фриц снова потерся головой о ее плечо и замурлыкал популярную немецкую песенку:

Все приходит и уходит,
Жизнь превратностей полна,
Мой супруг застрял в России,
И в постели я одна...

Фрау Вирт хихикнула.

- Это ж неприлично!

Фриц поднял голову и попытался дотянуться губами до ее покрасневшего уха, торчавшего из растрепанной прически.

- Неприлично, но правильно. К вам это тоже относится, фрау Вирт.

- Не относится, - тряхнула головой фрау Вирт, уклоняясь от его горячего дыхания. - Мой муж в России, это верно. Но это не значит, что моя постель свободна...

- Туда уже кто-то залез? - нахально шепнул Фриц.

- Вы басурман! - рассердилась Вирт. - Вы... цыган! Знаете, что вы цыган?

- Позвольте, фрау Вирт, не обижайте чистокровного немца. Будь я цыганом, я носил бы черный треугольник.

- Какое мне до вас дело? Ваш зеленый треугольник тоже не сулит ничего хорошего.

- Ах, фрау Вирт, -капризно возразил Фриц. - Вы - мать, как же вы можете так говорить! Мне двадцать семь лет, из них восемь я торчу в концлагере. Когда меня посадили, я еще бегал в коротких штанишках гитлерюгендовца, ну, каким я мог тогда быть закоренелым уголовником, посудите сами!

Пышная блондинка с минуту молча глядела в одну точку. От выжидательного взгляда Фрица не укрылось, что глаза ее увлажнились.

- А вы не лжете? - спросила она мягко.

- Святая правда, фрау Вирт! Восемь лет в лагере! Без материнской ласки, без женской любви.

- А может быть, все это к лучшему? - прошептала фрау Вирт. - Вид у вас здоровый, руки, ноги целы. Кто знает, где бы вы лежали мертвый, если бы вас не упрятали в концлагерь? У меня двое сыновей, много моложе вас, и оба уже на фронте.

Фриц прикинулся пораженным.

- Двое взрослых сыновей, вы говорите? Быть не может! У такой красотки!

Грузовик с хлебом медленно двигался к Гиглингу, и маленький Фриц старался завязать более тесную дружбу с дородной фрау Вирт. Сегодня она позволила положить левую руку на ее колено и отдала ему свой скромный завтрак, но на будущее обещала больше.

- Разгружать хлеб! - закричал часовой у ворот, пропустив машину, которая въехала в глубину лагеря. - Абладекоманда!

Абладекоманда, группа для разгрузочно-погрузочных работ, состояла из четырех закадычных дружков Фрица, "зеленых немцев", ловких организаторов Зеппа, Коби, Пауля и Гюнтера. Им часто приходилось иметь дело с провиантом и отлучаться из лагеря по хозяйственным делам, на них не распространялись правила трудовой дисциплины. Сейчас они наперегонки устремились к грузовику и выстроились у борта машины.

Из кабины не спеша вылез конвойный Ян, за ним ловко выскочил Фриц. Фрау Вирт, не выходя из кабины, следила за Фрицем благосклонным взглядом. Когда малорослый красавчик исчез из виду, она перевела взгляд... и вдруг страшно перепугалась. Около кухни бродила кучка каких-то страшилищ. Неужели это люди? Грязные, худые, как скелеты, кожа да кости, глаза, как плошки. Головы у всех острижены наголо, уши торчат, обувь, видимо, всем им велика. Страшилища едва волачат ноги... Они похожи на вялых зимних мух, ползающих между оконными рамами... Неужто это заключенные? Но ведь Фриц выглядит совсем иначе: чистый парень, с лихим темным чубом, широкоплечий, крепкий, сплошные мускулы. Сегодня она наблюдала, как он грузил хлеб - с четырьмястами пятнадцатью буханками управился вмиг, один, своими короткими волосатыми руками.

Фрау Вирт покачала головой, в которой были бог весь какие мечты, и заставила себя смотреть на похожих на мух людей у

кухни, боязливо поглядывавших на автомашину. В этот момент в поле ее зрения появился Фриц. Держа в левой руке камни, он принялся швырять их в этих людей. Глаз у него был верный, и он несколько раз метко попадал. Люди пустились наутек, стараясь скрыться за углом. Один из них смешно споткнулся и растянулся на земле. Фриц подскочил к нему, схватил его одной рукой за штаны, другой за воротник, донес до края дороги и отбросил в сторону, после чего выразительно вытер руки. Потом, усмехаясь, повернулся в сторону грузовика: какое впечатление он произвел на шофера?

Фрау Вирт сидела за рулем и качала головой, словно говоря: "Нет, нет!" Фриц по-мальчишески пожал плечами и крикнул:

- Это же всего-навсего дурацкие жиды!

Но Вирт не переставала качать головой.

"Негодяй, - испуганно думала она, - если он завтра же толком не объяснит мне всего этого, видеть его больше не желаю!"

- Achtung! - закричал часовой у ворот

- Achtung! - прокатилось по лагерю.

- Achtung!

В лагерь вошел сам комендант, рапортфюрер герр Копиц.

4.

У эсэсовца Копица был такой же низкий, унтер-офицерский чин, как у его закадычного дружка Дейбеля, - всего-навсего обершарфюрер, но по должности рапортфюрера он отвечал за весь лагерь. В отличие от стройного и даже щеголеватого Дейбеля Копиц в своем плохо сидящем обмундировании походил на неотесанного деревенского дядюшку. Фигура у него была нескладная, ноги короткие, широкие штанины гармошкой свисали на сапоги, зато рукава френча едва достигали запястья, открывая красные ручищи. Френч едва сходился на нем и, казалось, вот-вот лопнет по швам, шеи совсем не было, жирный подбородок и мощный затылок нависли на воротник. Дышал Копиц с трудом, сильно потел, особенно плешь под фуражкой. Изо рта у него торчала фарфоровая трубка с изображением оленя. Щеки у рапортфюрера были круглые, глаза маленькие, с хитринкой.

Благосклонно улыбнувшись, он взглянул на писаря Эриха, который со всех ног спешил к нему, и когда тот вместо обычного рапорта прозондировал почву неформальным "Доброе утро, герр рапортфюрер!", Копиц молча замигал и продолжал шагать.

Писарь семенил за ним в двух шагах и размышлял: что же такое случилось? Ранний приход коменданта ему очень не нравился. И чем больше этот толстяк улыбался, тем меньше доверял ему Эрих. Мысленно он с облегчением вздохнул,

вспомнив, что, слава богу, своевременно припрятал бутылку шнапса в надежное место. Но все же писарь чувствовал себя неуверенно. С какой стати Копиц с утра заявился в лагерь? Почему он не подождал рапорта у себя в комендатуре, куда Эрих уже собирался, как обычно?

Копиц остановился у конторы.

- Выстроить на апельплаце весь лагерь, - приказал он Эриху. - Даю тебе десять минут сроку, Los! нем.) >

- Что-нибудь случилось? - вырвалось у писаря.

- Молчать! - усмехнулся Копиц и мигнул. - Девять минут!

- У нас тут сплошь новички, герр рапортфюрер... разрешите доложить... Они совсем еще не знают порядков. Так быстро не выйдет...

- Замолчишь ты или нет! - рявкнул Копиц.

- Слушаюсь, - выпалил писарь и побежал к проминентским баракам. "Сволочь этакая! - думал он на бегу. - Не может без горячки. Это, по-твоему, концлагерь нового типа?" Он ворвался в барак и закричал:

- Achtung! - Проминенты еще валялись на нарах, ведь сегодня был объявлен нерабочий день. - На апельплац! Немедля на апельплац все до одного! Быстро!

Искушенные "старички" поняли, что писарь не переполошил бы их зря, и бросились к нему.

- А где ваши палки? - хрипел писарь. - Почему с голыми руками?

Палки? Проминенты переглянулись. Он сказал "палки"? Но писаря уже не было, он поднимал на ноги второй и третий проминентский бараки, потом послал ребят из первого барака в землянки первого ряда, приказав им немедля вывести на апельплац всех заключенных, слышите, всех! "Даю вам пять минут. Los!" Проминентов из двух других бараков он послал по остальным землянкам.

Кто-то побежал на кухню, где еще разгружали хлеб, и начал бить по рельсу и до хрипоты орать: "Все на апельплац! Передавайте дальше!"

Все на апельплац!

Рельс звенел, абладекоманда бросила работу у грузовика, конвойный Ян глядел во все глаза, чтобы в переполохе не стащили буханку хлеба. Фриц сделал фрау Вирт кислую мину: вот, мол, какие у нас порядочки - и тоже побежал, но не на апельплац - он ведь не какое-нибудь стадное животное. Он пробрался за кухню и оттуда осторожно приблизился к заднему окну конторы. Надо же выяснить из первоисточника, в чем дело.

"Волки" тем временем вбегали в бараки и выгоняли всех вон.

"Привезли уже хлеб? Мы идем получать хлеб?" - спрашивали изголодавшиеся "мусульмане". "Волки" сперва не знали, что отвечать, но потом, заметив эту готовность бежать куда угодно за миражем еды, стали кричать:

- Да, да, выдают хлеб! Все на апельплац! Кто не явится немедля, ничего не получит!

Аврал достиг и лазарета.

- На апельплац, лекари! - заорал Карльхен, появляясь в дверях и размахивая палкой. - Вы - старички, что ж вы не помогаете гнать мусульман на перекличку?

- Сегодня день отдыха. И никаких палок, - сказал Оскар, стиснув зубы. "Неужто Эрих разыграл меня, или он действительно так поглупел, что попался на удочку нацистов, поверил им?"

Фриц заглянул в заднее окно конторы. Койки были пусты, одеяла наброшены кое-как, в конторе ни души. Фриц побежал к двери и чуть не столкнулся со старостой Хорстом, выбегавшим из конторы.

- Что тут такое творится, Хорст? - спросил Фриц, хватая старосту за рукав.

- Не знаю. Какая-то заваруха.

- Может быть, мы засыпались? Вчера...

- Не знаю, пусти! - грубо отрезал Хорст и побежал.

Фриц посмотрел ему вслед.

- Тебе позволили носить пижонские усики, но это не пошло тебе на пользу, - прошептал он злобно. - Ладно, я позабочусь о том, чтобы их поскорее опять сбрили.

Первыми на апельплац прибежали "мусульмане", за ними "волки". С палками в руках они стали наводить порядок. Раздалась команда: "По пяти стройся!" Никто не знал, что будет дальше, но на всякий случай люди были построены в шеренги, а затем в колонны из десяти или двадцати рядов.

Староста лагеря провел ногой на земле черту, где должна быть голова колонны. Карльхен и ребята из абладекоманды сразу смекнули, в чем дело, подбежали к нему и, расставив руки, заорали на "мусульман", показывая им, куда надо подойти.

- Эй, эй, шевелись, дерьмо!

Шеренги по пяти! Писарь выбежал из конторы и начал пересчитывать их. Пятьдесят человек, сто... "Стойте, не шевелитесь, не то..."

Пятьдесят, сто...

Из бараков, чуть не плача, выбегали последние "мусульмане", "волки" подгоняли их пинками. Из уборной выгнали человека, который даже не успел подтянуть штаны. Пятьдесят, сто...

- Проминенты, сюда! - орал староста Хорст. - А для лазарета

закон не писан?

- Мы здесь, - пробурчал Оскар от лица своей пятерки - четырех врачей и санитара Пепи.

Теперь, видимо, весь лагерь, до одного человека, собрался на апельплаце. Писарь побежал обратно в контору и, заметив Фрица, крикнул ему:

- Hau ab! нем.)> Становись в строй, иначе я ни за что не ручаюсь!

Фриц пожал плечами, пружинистой походкой подошел последним к группе "старичков" и стал в строй.

Писарь вошел в контору. За его столом сидел эсэсовец Копиц, карманным ножом отрезал ломтики хлеба и отправлял их в рот. Перед ним на промасленной бумаге лежала ливерная колбаса. В конторе никого не было. Эрих вытянулся в струнку. Толстяк Копиц продолжал жевать.

Писарь украдкой поглядел сначала в окно на апельплац - там, видимо, все было в порядке, - потом на лоснящийся подбородок Копица. Собравшись с духом, он кашлянул и опять вытянулся.

- Нагнал я на тебя страху, а? - ехидно покосился Копиц на писаря, сдирая зубами кожицу с колбасы.

- Точно так, герр рапортфюрер.

Эсэсовец довольно усмехнулся.

- Пришлось вас немного припугнуть, показать вам вот эту штуку... - он поднял кулак, но тотчас опустил его и опять взялся за хлеб. - Дело серьезное: к завтрашнему дню мы должны построить три новых барака и отхожее место и все это огородить. Поэтому я отменяю сегодня день отдыха и прочее. Шнапс у тебя есть?

Эрих и глазом не моргнул. Разве можно верить этому борову?

- Никак нет, герр рапортфюрер, - твердо ответил он.

- Куда ж ты годишься? - хихикнул Копиц, дожевывая колбасу. Организационная беспомощность. Вызови-ка сюда Фрица, он половчее тебя, у него всегда есть...

Секунду писарь колебался, потом шепнул:

- Можно не звать Фрица. Я вспомнил, что и у меня кое-что найдется...

Он кинулся за занавеску, порылся там и вернулся с бутылкой и рюмкой. Поставив их на стол, он отступил на три шага и прохрипел: "Прозит! На здоровье!"

- Вот видишь, какие вы все! - громко рассмеялся Копиц. - Добром от вас ничего не добьешься, нужна плетка.

- Разрешите доложить, - осмелел писарь, - что я, собственно, всегда... Ведь вы, герр рапортфюрер, знаете...

- Ты не любишь Фрица, - смеялся Копии, - и не хотел дать ему

возможность услужить мне.

- Я против него ничего не имею. Старший врач с ним не ладит, а не я. Фриц в очень хороших отношениях с обершарфюрером герром Дейбелем. Поэтому я с ним всегда настороже...

- Это еще что такое? Ты нас хочешь поссорить, писарь?

- Разве я посмел бы, герр рапортфюрер? От вас я ничего не таю, говорю, что думаю. Фриц меня именно потому и невзлюбил, что я ваш человек.

Копиц был в отличнейшем настроении. Он налил себе первую рюмку.

- Так, значит, ты мой человек, писарь? Что ж, прозит! - он опрокинул рюмку, передернулся и поперхнулся. - Хороший шнапс. - Потом провел рукой по губам и сказал с хитрецой: - По твоей теории выходит, что и Оскар мой человек. А?

Эрих заговорил, глядя перед собой.

- Должен быть вашим, герр рапортфюрер. Писарь и старший врач неплохая комбинация, разрешу себе заметить. Он хоть и еврей, но хороший доктор, его все уважают. Ваши планы насчет рабочего лагеря, нового духа и прочего я мог бы быстро осуществить именно с его помощью. Он политический и довольно отсталый, это я понимаю, но, если он будет знать, что заключенным станет легче, он начнет помогать нам.

- А разве заключенным живется плохо? - Копиц сделал большие глаза и налил себе еще рюмку.

- Отнюдь нет, - ответил писарь уже много смелее. - Я только думал, что в связи с новыми инструкциями, о которых вы мне говорили...

- Инструкции есть, они в силе... Но, кроме того, еще...- Копиц опрокинул в себя вторую рюмку и опять передернулся, - вдруг, ни с того ни с сего, сверху пришло распоряжение: к завтрашнему дню должны быть готовы три барака, отхожее место и забор, иначе... Что было делать, скажи? Мне, может быть, даже жалко вас, но приказ есть приказ... Эту бутылку ты убери, потом принесешь ее мне, когда придешь с рапортом. А сейчас устроим общий сбор, разделим людей на рабочие бригады - землекопов, бетонщиков, плотников и так далее. Возьми-ка бумаги, приступим сразу к делу. Знаешь, о каких бараках идет речь? О тех, что на плане обозначены в нижнем левом углу, сразу за конторой, понятно? Землемеры давно уже вбили там колышки, так что можно сразу копать канавы. Где будет отхожее место, ты тоже знаешь. Готовые части бараков сложены около лагеря. Потом мы эти три барака отгородим от остальных забором, без электрического тока, а просто из колючей проволоки, но

надежным. А здесь, направо, у самой конторы, будет калитка. Понятно?

- Понятно. Вроде как бы лагерь в лагере. Могу ли я знать, для кого он предназначен?

- Нет, не можешь. - Копиц встал и подтянул френч на животе. - Если понадобится, проработаете всю ночь. С вышек будут светить прожекторы. Los!

- Разрешу себе обратить ваше внимание на то, что новички еще не получили хлеба.

- Schon gut нем.)>. Пусть поработают, потом пожрут. Или, если хочешь, можешь раздать им хлеб после сформирования бригад. А теперь ни слова больше! - Копиц опять ехидно подмигнул и вышел из конторы.

На апельплаце действительно выстроился весь лагерь до единого человека. Как только дверь конторы открылась, староста Хорст гаркнул: "Achtung! Шапки долой!" - и все шапки одновременно хлопнули о брюки. На мгновение воцарилась почти торжественная тишина, где-то за оградой раздалось короткое троекратное попискивание синицы, его слышал весь лагерь, стоя навытяжку. Небо было синее, чистое, по его просторам тянулась белая полоса, уже размазанная ветром, - пролетел реактивный самолет.

Теперь и Хорст сорвал с себя шапку и, топая по гравию, побежал к эсэсовцу, который медленно шел к апельплацу. В двух шагах за ними следовал писарь с папкой. Хорст вытянулся в струнку и гаркнул:

- Староста лагеря заключенный номер шестьдесят восемь два тридцать восемь рапортует, что весь наличный состав лагеря выстроен на апельплаце. Рапортовать Хорст умел мастерски, как настоящий прусский офицер. - Подлежит явке тысяча шестьсот сорок два заключенных, явилось тысяча шестьсот сорок. Отсутствуют двое, причина - смерть, сегодня ночью в бараках.

- Вот видишь, - Копиц, хитро улыбаясь, обернулся к писарю. - А ты говорил: невозможно, новички, мол, не знают порядков. Я лучше знаю, что возможно, что невозможно. А фюрер знает еще лучше. Начинай!

Хотя предстоявшая работа была не нова и строительная команда уже имела основательный опыт в постройке бараков и заграждения, комплектование рабочих бригад заняло почти час. Бесконечно долго выясняли, кто что умеет и сколько потребуется квалифицированной и подсобной рабочей силы. А в основном ждали новых разъяснений и распоряжений Копица, но так и не дождались.

Голодный и жаждущий снова имели возможность прикинуть,

к какой специальности выгодно примкнуть, а к какой нет. Во-первых, возник вопрос: можно ли человеку, который ночью объявил себя портным, записаться сейчас, например, клепальщиком? Ночью, правда, записывали фамилии, но, может быть, теперь не докопаются до этого? Из всех ремесел, которые сейчас регистрировали, профессия клепальщика, по-видимому, самая выгодная. Клепальщиков, наверное, пошлют на завод. А бетонщики? Зима на носу, не трудно представить себе, чего натерпится на стройке плохо одетый узник. Говорят, что бетонщик - это квалификация, но, по сути дела, просто орудуешь лопатой, просеиваешь песок, перемешиваешь бетон... Нет, уж лучше не надо, я этим два года занимался в Терезине.

В общем, жаждущий ушел записываться клепальщиком, но их оказался избыток, и его бесцеремонно прогнали.

Голодный с самого начала рассуждал иначе. "Я даже толком не знаю, как работает клепальщик, - сказал он с унылой улыбкой, - видимо, клепает что-нибудь... Уж лучше я скажусь больным".

Больными сказались многие. Никто из капо им уже не верил, и "мусульмане" стали терять сознание от голода и истощения.

Потерял сознание и Феликс, который все время отчаянно жался к Зденеку. Зденек и еще один заключенный взяли Феликса под руки и оттащили в сторону, где уже лежало с десяток потерявших сознание узников. Врач венгр, маленький, седоватый и розовощекий - все называли его Шими-бачи, - нагнулся над Феликсом и приподнял ему веки. Заметив, что у Феликса посинела щека, он спросил, отчего это. Зденек быстро ответил и побежал на свое место, потому что уже приближался Карльхен с палкой.

Целый час апельплац кишел, как разрытый муравейник. Сформировывались и перекомплектовывались бригады, сотня начальников орала: "Быстрей, живо!" тысяча перебрасываемых с места на место и подталкиваемых людей слабо протестовали, дубинки гуляли по спинам, плечам и рукам, узники испуганно шарахались в стороны, расстраивая шеренги, а с другого края кто-то уже выравнивал строй, тоже действуя дубинкой.

Из проминентов никто не знал, в чем, собственно, дело. Знали только Копиц и писарь, но они ничего не объясняли и лишь требовали беспрекословного повиновения и быстрого сформирования рабочих бригад. Их распоряжения передавались заключенным довольно медленно, так что рапортфюрер и писарь иной раз успевали забыть о собственном приказе или считали его уже ненужным и потому страшно сердились на капо, которые не проявляют никакой инициативы в таком простейшем деле. Оба, вздыхая, повторяли, что без них тут не обойтись и пяти минут:

если всех этих "старичков" и "новичков" предоставить самим себе, они станут просто-напросто стадом безмозглых обезьян.

Для битых и понукаемых была важна и еще одна сторона этого дела. Никто из них не знал, сортируют их сейчас для временной и краткосрочной работы или для постоянной. Ведь с каждым уже десятки раз случалось, что его вот так же включали в какую-нибудь бригаду или команду, уводили куда-то и навсегда отрывали от брата или близкого друга.

Старый Качка, крупный черноволосый мужчина, не называл никакой специальности, а только жаловался и твердил, что он болен. Его послали к землекопам. Его сын, юный Берл, с плачем кинулся за ним, крича, что пойдет тоже. Голландец Дерек, который распоряжался землекопами, был и без того недоволен, что ему подсовывают хворых. Когда к нему сунулся Берл, Дерек замахнулся на него палкой и погнал паренька обратно. Капо Карльхен, который ничего не упускал из виду, оказался тут как тут. Схватив голландца за рукав, он прошипел: "Если ты этого парня обидишь, я тебя убью!" - и хотел увести Берла. Дерек даже глаза вытаращил: Карльхен, свирепейший капо в лагере, вступается за "мусульманина"! Но юный Берл воспротивился своему покровителю, вырвался от него и побежал к отцу, которого нарочно называл братом, чтобы того не сочли слишком старым, а его самого слишком молодым.

- Оставьте меня с братом! - отчаянно кричал он. - Не уйду от брата!

Почти час продолжалась эта бестолковщина, полная недоразумений и вольных и невольных жестокостей. Всем распоряжался, бегая туда и сюда, сердитый, нетерпеливый, побагровевший писарь. Писаря поторапливал почти неподвижный Копиц с фарфоровой трубкой в зубах. Ехидными глазками он поглядывал на всю эту сумятицу, но видел только первые шеренги и какую-то возню в задних рядах да изредка взметнувшийся кулак или дубинку. Когда Копицу показалось, что хаос превратился в относительный порядок, он извлек из внутреннего кармана большие никелированные часы.

- Скоро девять, писарь, - благодушно проворчал он. - Самое трудное организацию всего дела - я тебе обеспечил. Остаются пустяки. Все оказалось не так уж трудно, несмотря на то, что у нас тут сплошь новички. Завтра я приду сюда в это же время, то есть в девять часов утра, и увижу здесь три новых барака с отхожим местом и забором. А если не увижу, берегись, не сносить тебе головы! - мундштуком трубки он провел по шее и уточнил: Чирик!

- Слушаюсь, герр рапортфюрер, и спасибо за помощь, -

прохрипел писарь и щелкнул каблуками.

Копиц покосился на покрасневший шрам на его шее и добродушно усмехнулся.

- Все равно быть тебе в руках палача: уж очень удобно тебе рубить голову по этой метке. Итак, имей в виду.

- Так точно, герр рапортфюрер! - повторил писарь, и в его глазах под стальными очками мелькнула довольная улыбка: он уже понял, что угроза миновала, дело кончится благополучно, и даже весь утренний переполох в конце концов не такая уж беда.

5.

Едва коротконогий Копиц, семеня, вышел за ворота, в лагере опять началась относительно нормальная жизнь. Когда утихли окрики "Быстро, живо!", писарь велел людям сесть на землю и спокойно ждать раздачи хлеба. Повар Мотика, его помощник, глухонемой Фердл, и четверо уголовников из абладекоманды пошли закончить разгрузку хлеба. Через минуту конвойный Ян уже сел в кабину и сказал: "Поехали". Фрау Вирт, разозлившись на задержку, из-за которой ей придется переработать вечером целый час, даже не удостоила взглядом Фрица, махавшего ей на прощание. Она так спешила, , что по дороге к воротам не взглянула направо, на апельплац, полный человекообразных, голодных, черных "мух". Около комендатуры Ян вышел из машины, и Вирт дала полный ход, чтобы поскорей вернуться в мюнхенскую пекарню.

В кухне резали буханки на четвертушки и наполняли ими корзины. Тем временем писарь созвал у себя в конторе совещание штаба лагеря. У его стола собрались грек Фредо, француз Гастон, немцы Хорст, Карльхен и Фриц, голландец Дерек и чех Брада. Председательство:вал австриец Эрих, сегодня особенно важничавший, так как только он знал, какую работу предстоит выполнить лагерю в ближайшие сутки. Эрих изо всех сил использовал это преимущество, очень скупо и медленно сообщал суть дела, а сообщив, сделал вид, что знает куда больше, но - сами понимаете, друзья, - не может больше ничего сказать...

Порядок работ был ясен. Прежде всего надо подумать о насущных нуждах лагеря: повар должен варить еду, в кухню надо доставить картошку и послать туда пятнадцать подсобников, тотенкоманда должна вывезти из лагеря и похоронить шесть трупов, которые лежат в мертвецкой. Тотенкоманда уже скомплектована из пятерых испанцев во главе с Диего Перейра. Теперь о стройке. На площадках, обозначенных колышками, в левом углу лагеря, к завтрашнему дню, точнее к восьми утра, должны стоять три землянки и отхожее место. Они будут отгорожены особым забором с калиткой. Вот и все. За земляные

работы отвечает Дерек, он немедля начнет рыть канавы для землянок и яму для отхожего места. Абладекоманда обеспечит доставку готовых частей бараков со склада на место стройки. Карльхен возьмет на себя их сборку и плотничьи работы. Для бетонных работ у нас есть опытный строитель поляк Казимир. Фриц сделает электропроводку, Гастон обеспечит снабжение стройки инструментом, проводами, изоляторами, гвоздями, цементом и всем прочим. Общее наблюдение за всей стройкой лежит, разумеется, на старосте лагеря Хорсте, особенно за постройкой забора, для чего будет выделена специальная бригада. Рабочую силу распределяет арбейтдинст Фредо. Все ясно?

Первым отозвался Фриц.

- Все, кроме того, почему здесь среди нас сидит носатый Оскар. Чем, собственно, займется этот проминент?

Подбородок старшего врача выдвинулся еще больше, Оскар молчал, но заметно было, как он стиснул зубы.

- Фрицхен, - проворчал писарь, - сейчас не время ко всему цепляться. Интересно отметить, что и герр рапортфюрер сегодня особо упомянул о нашем докторе... - Оскар метнул на Эриха недоверчивый взгляд, но тот не смутился и продолжал торжественным тоном. - Честное слово, он говорил о нашем докторе. По новым инструкциям, о которых вы все уже знаете, рабочий лагерь прежде всего обязан работать, а его обитатели должны быть здоровы и не грызться между собой. Понятно? - Писарь угрожающе стукнул кулаком по столу. Он хотел говорить невозмутимо и свысока, но не сдержался. - А Фриц опять начинает задирать, хотя только что, когда рапортфюрер появился в лагере, он чуть не обделался от испуга, решив, что будут расследовать его вчерашнее...

- Это к делу не относится, - прервал его Хорст. Староста был горд, что возглавляет лагерь и у него даже есть свой штаб, и ему хотелось, чтобы разговор шел, как в настоящем штабе. - Я согласен с писарем, что мы должны напрячь все силы и справиться с трудным заданием. Мы его наверняка выполним, камарады! В решающие дни, когда над Германией нависли грозовые тучи... - Он сказал еще несколько таких же фраз в стиле прусского офицера, обращающегося к солдатам.

Фриц, старый выкормыш гитлерюгенда, прошипел в наступившей тишине:

- И при таких-то явных фюрерских способностях ты уступаешь инициативу этому бумагомараке? А почему вообще здесь не решает только староста лагеря? Почему тон задает какой-то писарь и его дружок Оскар?

Хорст погладил усики и сказал веско:

- Заткнись. Никто не сомневается, что на территории лагеря единственный начальник - это я. Писарь действует с моего согласия и занимается только организационными делами, потому что он ежедневно бывает в комендатуре. Не так ли, Эрих?

- Разумеется, староста!

- "Разумеется, староста", - имитировал разъяренный Фриц хриплый голос писаря. - Разумеется! Каждый дурак знает, что этот староста не был бы старостой, если бы его не выдвинул великий Эрих Фрош. Руководство у нас подбирается так: во главе ставят ничтожество, чтобы тот, кто пониже, мог вертеть всем...

- Молчать! - одновременно крикнули Хорст и писарь с такой синхронностью, что оба, усмехнувшись, воззрились друг на друга. "Вот вам, пожалуйста, - говорили эти взгляды, - болтайте после этого, что меж нас нет полного согласия!"

- Mes amis франц.)>, - сказал вдруг грек Фредо, поднимая глаза от бумажки с цифрами, на которую он сосредоточенно глядел, всем своим видом давая понять, что у него нет времени прислушиваться к пререканиям немцев. Что-то у меня не получается... Три барака, одно отхожее место, один забор. И тысяча пятьсот рабочих, c'est une betise франц.)>.

- Ну, что, что еще? - нетерпеливо проворчал писарь. - Рапортфюрер приказал...

Фредо устремил на него невозмутимый взгляд карих глаз и чуть приподнял руку. Писарь умолк, но его шрам покраснел еще больше.

- Я подсчитал, - продолжал Фредо, - а если я ошибся, вы меня поправите, что вся строительная площадка составляет триста восемьдесят пять квадратных метров. Если поставить на каждый метр по четыре человека... Фредо кашлянул в ладонь, - они просто перебьют друг друга кирками...

Пока немцы препирались, Гастон тщетно старался подавить улыбку. Заговорил Брада, до которого, очевидно, не дошла тонкая ирония Фредо:

- Тут сказали, что я слишком много говорю, хотя я в основном молчал. Дайте-ка я сейчас выскажусь, чтобы герр Фриц оказался прав.

С минуту он говорил довольно сбивчиво, пока не перешел к тому, что волновало его больше всего.

- Послушаешь тут вас всех - хочется схватиться за голову и спросить: "С ума они сошли, что ли?" На апельплаце ждут люди, которые не ели уже трое суток. А вы тут спорите не о том, как сохранить им жизнь, потому что четверка хлеба их не спасет, - нет, вы грызетесь между собой и стараетесь провести друг друга,

а главное тех, что ждут там, на апельплаце...

- Пардон, - сказал Фредо и поглядел Оскару в глаза. - Не все!

- Не все, - отозвался в унисон ему и Гастон. Оскар рассердился было, что его перебивают, ему хотелось сказать что-то резкое. Но потом до его сознания дошло, что Фредо и Гастон, собственно, сказали очень правильные слова и таким тоном, в котором было не возражение ему, а скорее поддержка. И Оскар, чуть опустив подбородок, продолжал более дружелюбно:

- Вы меня знаете, я немного вспыльчив. Но я не хотел рубить сплеча и всех стричь под одну гребенку. И все-таки вы тут не правы. Эрих верит эсэсовцам: мол, меняется дух лагеря. А потом тот же Эрих, как я убедился, сам велит проминентам гнать мусульман дубинками. Копиц хочет срочно строить забор внутри лагеря, а вы из кожи вон лезете, чтобы выполнить его приказ, спорите о том, как все это получше организовать, и ни один из вас не задается вопросом: а зачем нужен этот забор? Я вам скажу зачем: там будет штрафное отделение, "дисциплинарка", как во всех лагерях! Вот вам и новый дух лагеря, вот чего он стоит!

Подбородок Оскара опять выпятился и вздрагивал от волнения. Врач искренне беспокоился за полторы тысячи узников, оставшихся на апельплаце, к тому же ему нелегко было точно выражать свои мысли по-немецки. Он не умел дипломатически маневрировать, как Фредо, и его раздражало присутствие головореза Фрица. Все это усиливало волнение Оскара.

- Ох, уж этот наш Оскар! - заговорил Эрих. - Это так на него похоже! Вечно паникует, волнуется, подозревает кого-то. Все мы знаем его характер, потому и не сердимся. В конце концов на то он и доктор, чтобы тревожиться о здоровье людей. И пусть тревожится. Новый дух в лагере будет, я не вру, камарады, и этот неугомонный Оскар нам очень пригодится. - Писарь выдавил из своего горла смешок, но никто не подхватил его. - Главная наша задача сейчас - это поставить новый лагерь на ноги. Нам не грозит никакая "дисциплинарка", никакой карцер, порка или виселица - об этом герр рапортфюрер сказал мне вполне определенно. От нас требуют построить новый забор? Что ж, мы построим. Вы не знаете, зачем это нужно, а я знаю, но пока не могу сказать. Вот возражение Фредо более серьезное. Он, конечно, прав, и, я уверен, вы не считаете меня таким ослом, который не подумал об этом заранее. - Снова неловкий смешок, и опять никакого отклика. - То есть о том, что полторы тысячи человек просто передавили бы друг друга на этой площадке... Проще всего было бы запереть новичков в бараки, пусть себе дрыхнут, а всю работу поручить старой стройкоманде. Она бы, наверное, даже скорей управилась. Но рапортфюрер решил

использовать всех прибывших, не спорить же мне с эсэсовцами. Мы выйдем из положения иначе: бригады, которые он сформировал, разделим на несколько смен и пустим на участок как можно меньше новичков в один прием. Скажи откровенно, Фредо, разве я не говорил тебе об этом еще на апельплаце, когда мы составляли списки?

- Да, припоминаю, - примирительно сказал грек, чтобы поддержать престиж писаря. Но тот настолько проникся верой в свою прозорливость, что даже не воспринял слова Фредо как ложь.

- Вот видите, - продолжал он довольным тоном, - даже ловкачу греку пришлось признать, что ему не угнаться за мной.

Открылась дверь, и в контору заглянул капо абладекоманды Зепп.

- Хлеб расфасован, господа!

Эрих был рад, что их спор прервали. Он потер руки и воскликнул:

- Отлично! Теперь остается обеспечить правильную раздачу хлеба, чтобы никто не урвал лишней порции, а потом начнем работу. Дерек, твои землекопы получат завтрак первыми. Есть еще какие-нибудь замечания? - он обвел взглядом собравшихся.

Оскар поднял руку.

- У меня, Эрих. Доктор Шими-бачи доложил мне, что сегодня утром, перед побудкой, какой-то проминент дал пощечину чеху из четырнадцатого барака. Просто так, ни за что ни про что. И при этом сломал ему челюсть. - Оскар провел рукой по щеке, показывая, что произошло. -Повреждение пустяковое, но предупреждаю вас, что пострадавший не выживет. Жевать он не может, челюсть срастется не скоро, питательной жидкой пищи у нас нет, и пациент попросту умрет от голода. Я настаиваю, - подбородок Оскара опять дрогнул, и врач уперся взглядом в глаза писаря - на том, чтобы виновник был наказан как убийца и чтобы с побоями было наконец покончено.

- Ты кончил? - нетерпеливо спросил писарь. - Ну и хорошо. Чтобы ты знал, что мои слова о новом духе лагеря - чистая правда, обещаю тебе здесь, перед всеми, что все будет по-твоему: обидчик понесет наказание, проминенты получат предупреждение, с дубинками покончено. Честное слово! Но только завтра. Вот построим эти бараки, получим свободный день - не смейтесь, завтра мы его наверняка получим! - и тогда все устроим. Будешь доволен, Оскар!

* * *

Раздача полутора тысяч порций хлеба тут же, под открытым небом, была нелегким делом. Писарь с облегчением подумал о

том, что у проминентов пока еще есть в руках дубинки; он был твердо уверен, что в противном случае голодная толпа вырвала бы корзины с хлебом из рук повара.

Жующие люди группами расположились на земле. Среди них прохаживался Хорст.

- Хлеб съедайте весь, не создавайте соблазна для воров, - поучал он. Старая лагерная примета гласит: кто не съест сразу выданный хлеб, тот недолго проживет в лагере. - Он остановился около узника, который, прикрыв глаза, сидел на земле и держал в руках свою порцию хлеба. - А ты почему не ешь?

Феликсу было трудно говорить. Он показал на посиневшую щеку и прошептал:

- Челюсть сломана...

- Ага, - с важным видом кивнул Хорст, - так это ты и есть тот самый пострадавший? Я слышал об этом безобразии. Мы примем меры, твой случай будет расследован.

И он продолжал свой обход.

Феликс поглядел на ломоть хлеба в руке, и слезы снова потекли у него по щекам. "Почему это случилось со мной? Почему?"

Он отщипнул кусочек мякиша, но хлеб был старый и черствый, даже шарик невозможно было скатать из такого мякиша. Феликс сунул хлеб в рот, попытался размягчить его слюной и потом разжевать, но слюны оказалось слишком мало. Много было только слез, они все катились и катились по грязным щекам, крупные, как горошины. Зденек снова отправился к врачу.

- Шими-бачи, нельзя ли что-нибудь сварить для Феликса? Кашу? Достать немножко сахару?

Маленький венгр добродушно сощурился и повел Зденека к своему начальнику.

- Он насчет того человека со сломанной челюстью, - сказал он Оскару. Вы договоритесь по-чешски.

Оскар впервые видел Зденека. Он посмотрел на него в упор своим обычным хмурым и пристальным взглядом. С людьми, которые у него чего-то просили, он всегда разговаривал строго и даже неприветливо, словно боясь вызвать у человека надежду на большее, чем он, Оскар, в состоянии сделать.

- Ты товарищ Феликса? С ним дело плохо, сам понимаешь. Все вы сильно ослабли, а у него еще это... Пару кусков сахару я, наверное, достану. На обед будет картошка. Разомнешь его порцию, а я постараюсь раздобыть кусок маргарина. Посмотрим, сможет ли он это съесть. Сомневаюсь. Что он делал на свободе? Пианист? Физически он слабоват. Удивляюсь, каких некрепких людей пропустили на этот раз через селекцию в Освенциме... Ну,

это хороший признак, видно, у Гитлера дела настолько плохи, что и мы ему годимся. А уж с нашей-то помощью он обязательно выиграет войну, это факт, а?

Глаза Оскара смеялись. Зденек тоже усмехнулся.

- Факт!

* * *

В десять часов утра и в самом деле начали рыть канавы. Абладекоманда, пополненная десятком новичков покрепче, выкатила из ворот тележку и, громко ухая, возила стройматериалы со склада. Для каждой крыши требовалось восемь готовых деталей из досок, планок и толя - размером три метра на два с половиной - и такое же количество дощатых секторов для нар. Кроме того, ставились две большие готовые треугольные стены, передняя и задняя, дверь и окно. Всего, таким образом, барак собирали из двадцати деталей, а на три барака их требовалось шестьдесят. Особенно трудно было возить громадные и нескладные треугольные стены: они никак не помещались на тележке, их приходилось скорее нести, чем везти. Отхожее место собирали из четырнадцати деталей несколько иных размеров. Доставка всех этих материалов на стройплощадку затянулась до полудня. Раньше не удалось начать ни стройку забора, ни вывоз мертвецов, потому что тележка была единственным перевозочным средством в лагере - на ней возили и дрова, и картошку, и трупы.

Маленький коренастый Диего Перейра в синем берете и толстом шерстяном шарфе уже два раза заходил в контору.

- Никс? - махал он руками. - Все еще никс{9}?

- Знаешь ведь, что у нас только одна тележка, - сердито проворчал писарь. У него было работы по горло, а с этим сволочным испанцем, который упрям, как мул, и прикидывается, что не умеет говорить по-немецки, Эрих вообще не любил разговаривать. - Иди, помогай пока абладекоманде. Иди, работай!

Диего вытаращил большие черные глаза и ткнул себя пальцем в грудь.

- Я - тотенкоманда. Я хоронить из всех последних сил. Это мой работа. Писарь, ты умирал, я тебя закопать, живо, марш. Хочешь? А другой работа ausgeschlossen нем.)>.

Грек, сидевший напротив писаря, рассмеялся, и это еще больше рассердило Эриха.

- Перестань, Фредо, и немедленно гони его отсюда, я его видеть не хочу! - И, язвительно взглянув на Диего сквозь стальные очки, писарь по-мальчишески подразнил его: - Да здравствует Франко! Да здравствует Франко!

Фредо вскочил, едва успев удержать испанца, который устремился вниз по ступенькам, чтобы накинуться на писаря. Тот,

зная, как силен Фредо, спокойно сидел на месте.

- Гони его, говорю тебе, гони! - повторил он.

Испанец напирал на Фредо и бурчал ему в ухо:

- Эх, ты, коммунист, а защищаешь нацистскую шлюху!

- Тебя защищаю, осел, - ответил тот и железной рукой оттеснил испанца к двери. - Это же писарь. Проваливай!

Диего вырвался из рук грека и, багровый от гнева, затопал по ступенькам. В дверях он остановился, обернулся и сплюнул.

- Я тебя похоронить, писарь. Факт, на сто процент!

Когда Диего вышел, писарь нервно оттянул воротник своей арестантской куртки, словно ему было душно.

- Подам на него рапорт, разделаюсь с ним. Сегодня же! А если ты будешь смеяться его дурацкой болтовне...

Грек уселся на свое место, напротив писаря, и пристально посмотрел на него.

- Герр писарь, вспомните, пожалуйста, о лагере нового типа. Диего и его люди - полезные работники. Карцера, порки, виселиц здесь уже не будет. Зачем же подавать на него рапорт?

Писарь замахал на него руками, в которых держал бумаги.

- И ты хорош гусь! Видишь, как я занят, а ты меня раздражаешь и задерживаешь. У меня и без того голова идет кругом.

- Вот потому-то вы нервничаете и поступаете неправильно, - невозмутимо продолжал грек. - Мы все здесь жертвы фашизма, так зачем же нам...

- И я? - хрипло засмеялся писарь и показал на свой зеленый треугольник.

- И вы тоже. Я вас уже достаточно хорошо знаю, вы немец, но не фашист. Мы наверняка доживем до того времени, когда окажется, что лучше быть не фашистом, а жертвой фашизма. Это вы сами уже давно поняли. Зачем же вы наживаете себе врагов среди заключенных? А что касается обилия работы в конторе, то почему бы вам не взять помощника?

Эрих наклонился над бумагами и делал вид, что не слышит.

- У меня нашелся бы для вас подходящий человек, - добавил Фредо и взялся за бумагу и карандаш.

- Хочешь пристроить сюда еще одного грека? - бросил писарь, не отрываясь от работы.

- Ну что вы! Вы же сами сказали, что они безграмотны.

- Это верно, - усмехнулся писарь. - Но изредка бывают и исключения.

Фредо слегка поклонился.

- Спасибо, писарь. Но на этот раз я имел в виду не грека.

- Француза?

- И не француза. Мне понравилось, что вы выдвигаете Оскара. Это правильный ход. Что, если бы усилить позиции лазарета тем, что взять в контору кого-нибудь, кому доверяет Оскар?

Эрих перестал писать.

- Венгра?

- Хотя бы и венгра. Но еще лучше, чтобы это был не старичок. Что вы скажете насчет кого-нибудь из новеньких? В большинстве они чехи и поляки.

- Вздор! Этих мусульман никто не знает. Оскар видел их даже меньше, чем мы. Все они на одно лицо, дохлые, уши торчком. Ты согласен посадить рядом с собой такого заморыша?

- В лагере нового типа все они быстро воспрянут духом и телом, не правда ли, писарь? А заключенный, который попадает в проминенты, поправляется скорей других, это вы сами знаете. У меня есть кандидатура.

- Ай да грек! - засмеялся писарь. - Я еще не знаю по имени ни одного из этих полутора тысяч, а у него уже есть кандидатура! Знает ли его хоть Оскар?

- Знает, и вы тоже знаете. Оскар - в этом я только что убедился относится к нему благосклонно. Справлялся я о нем и у других чехов. Все его знают, он кем-то был там у них, в Терезине. Его блоковый сказал, что он умеет петь. Мы сами убедились, что он хорошо говорит по-немецки и по-французски. Ну, вспомните-ка, это тот кинорежиссер.

- Знаю, знаю! - писарь отмахнулся. - Санитар Пепи приводил его сюда. Нет, эта кандидатура не годится: проминенты ни за что не простят мне, если я возьму в контору только что прибывшего новичка.

Фредо хитро улыбнулся.

- Проминенты вам не страшны. И вообще, разве вы боитесь кого-нибудь? А кинорежиссер -это солидный человек, с кинорежиссерами считаются. Помните, как тогда, ночью, Гастон сразу навострил уши? Если мы дождемся конца, кинорежиссер может оказаться влиятельной фигурой. Иметь его свидетельские показания в свою пользу - это... В общем, я бы на вашем месте, писарь, держал под боком такого человека. Если он поймет ваше стремление к новому духу лагеря...

- Ох и хитер! -смеялся Эрих, покачивая головой. - Ну и ловкач же ты, грек!

6.

Ровно в одиннадцать часов к комендатуре подъехал курьер в длинном сером дождевике, застегнутом донизу, с черной сумочкой на груди и автоматом за плечами. Он поставил мотоцикл и явился к рапортфюреру. Копиц сидел у себя, в жарко

натопленной комнате. Он был без френча, из-под воротника и манжет рубашки выглядывала толстая фуфайка. Встав, он хлопнул себя по лбу.

- А я-то совсем забыл о тебе, приятель! Утром у нас тут была такая заваруха... Ты за зубами, да?

Снимая перчатки, курьер кивнул.

- Со вчерашнего дня в вашем лагере больше тысячи человек, так что и мертвых будет больше. Столько золота мы, разумеется, не можем оставлять у вас на целую неделю. Вдруг вы его пропьете?

Рапортфюрер усмехнулся. Выпить - ну что ж, неплохая идея. Надо же как-то вознаградить этого типа за то, что ему придется изрядно подождать. Копиц накинул подтяжки на плечи и подошел к шкафу. Там стояла початая бутылка, которую ему только что принес писарь. Он угостил курьера рюмкой шнапса и вышел в соседнюю темную комнатку, где спал Дейбель после ночного дежурства.

- Руди! - шепнул Копиц, зажег свет и присел на койку.

- Что случилось? - крикнул, откидывая одеяло, всклокоченный, заспанный Дейбель.

- Ш-ш! - Копиц приложил палец ко рту и кивнул на дверь: мол, мы не одни. - Утром ты мне докладывал... - Сонные глаза Дейбеля смыкались, и Копицу пришлось крепко потрясти его. - Не спи, тут важное дело! Утром ты докладывал мне, что в поезде было шесть мертвых и ты велел закопать их там же, около станции. - Дейбель кивнул.

- Были у них золотые зубы? - прошептал Копиц. - Если нет, то составил ли ты акт? А если да, то вырвал ли ты эти зубы и где они?

Дейбель широко открыл глаза.

- Великий боже, неужто кто-нибудь пронюхал?

Копиц брезгливо отпустил его рукав.

- Кто может пронюхать, осел? Но если ты был таким кретином, что велел зарыть их с зубами, надо срочно что-то придумывать. Вставай!

Дейбель вскочил с койки, завязал штрипки у кальсон и сунул ноги в брюки.

- Приехал курьер из Дахау, - шептал ему Копиц. - Я тоже забыл, что теперь он будет каждый день ездить к нам за зубами. Но это пустяки. В мертвецкой у нас лежат как раз шесть трупов, дантист их осмотрит, курьер подождет. А вот что нам делать с теми шестью зарытыми?

Дейбель застегивался, вид у него был довольно унылый.

- Сразу выкапывать нельзя. Великий боже, что бы придумать...

Ага, знаю! - он быстро повернулся к Копицу. - Карльхен пристукнет шесть других, а зубы...

- Осел! - снова выругался Копиц. - Когда ты не проспишься, то ничего не соображаешь. Ведь эти шестеро мертвых не числятся в наших списках, они остались на станции. Их не возместишь, даже если прикончить здесь двадцать человек, понял?

- Постой-ка, - Дейбель почесал в затылке. - Те новые шесть, что в мертвецкой, у тебя ведь еще не объявлены? Вырви у них зубы, скажи, что это от вчерашних, и дело в шляпе.

- А завтра я объявлю сегодняшних, и зубов к ним не будет? Вздор!

- Нет, не вздор, Копиц. Во-первых, не обязательно объявлять все зубы. Не кипятись, дай мне сказать. Во-вторых... во-вторых... в общем, я тебе ручаюсь, что какая-нибудь там золотая коронка у нас найдется. Я знаю человека, у которого есть запасец.

- Фриц?

Дейбель уклонился от прямого ответа.

- Предоставь это мне. Напиши в рапорте, что у трех вчерашних - хватит трех? - были стальные протезы, и я подпишу. А у сегодняшних тоже три...

- Четыре, Руди, а то будет подозрительно!

- Ну, ладно, пиши как хочешь. Я сейчас иду в лагерь, и через пару минут ты получишь семь зубов с двенадцати трупов. Идет?

Дейбель протянул руку. Копиц презрительно сплюнул, но руку пожал.

- Вечно приходится отдуваться за тебя. Это тебе так не пройдет. А с Фрицем я бы на твоем месте не связывался, он тебе на шею сядет.

- Слушаюсь, герр рапортфюрер, - отозвался Дейбель, натянул сапоги и побежал, эастегиваясь на ходу. Теперь он окончательно проснулся.

- И пошли мне сюда писаря! - крикнул ему вслед Копиц.

* * *

Мертвецкая находилась на другом конце апельплаца. Это было строеньице, собранное из таких же деталей, что и отхожее место, но с земляным полом. Поскольку оно предназначалось для мертвых, никто не позаботился плотно пригнать стены, всюду были щели, окно отсутствовало, а несмазанная дверь без задвижки скрипела на ветру.

Зубным врачом лагеря был Имре Рач, рослый венгр, бывший военный дантист и майор. Свой чин он сохранял до недавнего времени: еще год назад Рач служил в венгерских войсках, сражавшихся на стороне Гитлера против Советской Армии. Потом он проштрафился, попал под следствие, открылось какое-то

темное пятно в его происхождении, и он покатился кувырком, все ниже и ниже, пока не очутился в концлагере. Но осанку он сохранил офицерскую, арестантское платье носил непринужденно и даже щегольски, казалось, слышно было бряцание сабли в полах его полосатой арестантской одежды, а шапочка на лысой голове Рача сидела лихо, как кепи гонведа.

- Дантист, - сказал Дейбель, когда они быстро шли по безлюдному апельплацу, - ты меня знаешь и знаешь, на что я способен. В мертвецкой лежат шесть мертвых, но мне нужны, понимаешь, необходимы семь разных зубов. Делай как хочешь, распили какой-нибудь протез или, еще лучше, позаимствуй из старых запасов, но через десять минут я должен сдать семь зубов!

- Герр обершарфюрер, наверное, шутит. Откуда у меня запасы? Перед отправкой в Гиглинг нас всех обыскивали, и я ничего не мог пронести. А здесь за то время, пока была строительная команда, умерло всего восемь человек, и, как вы помните, я вместе с вами актировал зубы...

Имре спокойно глядел на эсэсовца, но тот нетерпеливо махнул рукой.

- Врешь, что-нибудь у тебя есть. Ты жид, а у жидов всегда есть золото. Не зли меня и не вынуждай к крайним мерам. В Варшаве мы работали вместе, и все было хорошо, я тебя никогда не обижал, ты же знаешь.

- Пардон, - улыбнулся Имре, - однажды я получил двадцать пять горячих за пособничество герру обершарфюреру Дейбелю в укрытии двух золотых долларов. И трижды вы сами меня...

- А ну тебя! - рассердился Дейбель. - Я тебя просто не понимаю. Ты жив, чего тебе еще? Как-никак ты в концлагере, не чудо ли, что ты вообще не загнулся?

Они дошли до покойницкой, Имре вежливо придержал дверь, Дейбель, насупившись, прошел вперед. На полу в разных позах лежало шесть голых трупов. Только у двоих было на левом бедре чернильным карандашом написано имя - это были те, что умерли сегодня ночью в бараках. Другие четверо умерли на апельплаце, сразу же по приходе, еще не опознанные. Врач посмотрел, нет ли у них на руке освенцимской татуировки, но не нашел.

- Займись зубами, - сказал эсэсовец. - Все остальное не важно. - Он вытащил из-за обшлага листок, послюнил карандаш и ученическим почерком переписал себе фамилии умерших: "Франтисек Бонди, барак 17" и "Наум Блатт, барак 23".

Врач уже наклонился над последним трупом.

- Ну как, Имре?

- Разрешите доложить, что обнаружено только четыре зубных протеза. Из одного, я, очевидно, смогу сделать два. Всего будет пять.

Дейбель стоял над ним.

- Семь, мне нужно семь!

Имре перекладывал из руки в руку старые зубоврачебные щипцы.

- Сожалею, герр обершарфюрер, но...

- Семь, слышишь? У этого Франтисека ничего нет?

Врач опустил глаза.

- Да, именно у него ничего нет.

Дейбель взглядом знатока оглядел тело.

- Ему за сорок... Франтисек - это чешское имя, а? Наверняка у него был золотой зуб. Не вынуждай меня...

Имре взглянул ему в глаза.

- Вас не обманешь, герр обершарфюрер. У Франтисека действительно был золотой зуб, пятый верхний. Но он исчез.

- Ага! - Дейбель упер руки в бока. - Это ты постарался! Давай сюда зуб!

- Я впервые вижу этого мертвеца, честное слово.

- Скажи мне еще раз "честное слово" - и я тебя пристрелю. Какая может быть у тебя честь, дерьмо! Где ты спрятал зуб?

- Он, очевидно, был вырван в бараке. Спросите блокового.

Эсэсовец замахнулся, но опустил руку.

- Ты от меня не уйдешь. Если ты врешь, не выйти тебе живым из мертвецкой. Можешь выбрать себе здесь место среди них, - носком сапога он ткнул в сторону трупов. - Вырви пять зубов, о которых ты сказал, а я пока зайду в барак. Шестой я найду, но седьмого у нас так и нет. Его ты достанешь из старых запасов, слышишь?

Имре поднял взгляд от своих щипцов.

- Герр обершарфюрер, еще два слова. Считаю своим долгом...

- Ну скорее, в чем дело?!

- Кто-то пользовался этими щипцами и слегка погнул их. Видно, не умеет с ними обращаться. Может быть, ими просто вытаскивали гвоздь, а может быть, и...

- Разве ты не держишь щипцы у себя?

- Никак нет. Зубоврачебные инструменты и бормашина, как

вы изволите знать, хранятся в конторе.

- Неужели кто-то из конторы... Впрочем, почему бы и нет? Фриц и Хорст закапывали той ночью мертвых у станции. А?

В глазах врача мелькнула искорка надежды и страха.

- Не знаю, не могу сказать, - быстро пробормотал он. - Вы сами обо всем догадались, а я, право, не знаю...

- Прекрасно, - усмехнулся Дейбель и пошел к двери. - Приходи с зубами в контору. Я буду там.

В конторе был только Фредо.

- Где Фриц? - еще в дверях спросил Дейбель.

- На стройке, - стоя навытяжку, доложил грек.

Дейбель сбежал по ступенькам, вытащил из-за голенища кусок красного кабеля и швырнул его на стол.

- Немедля приведи сюда блокового из семнадцатого барака, а потом Фрица... Погоди, покажи-ка мне койку Фрица.

Грек отодвинул занавеску и пропустил эсэсовца в глубину конторы.

- Первая налево.

- Хорош свинюшник! - буркнул Дейбель при виде неприбранных постелей. Ладно, иди, пошли мне тех двоих, а сам стой у дверей и никого не впускай.

За занавеской было четыре постели, настоящие койки на четырех ножках, хотя и сбитые наскоро из досок. Две стояли у левой стены, две - у правой. У средней стены торчал хромой стул, на который обычно садились пациенты дантиста Имре. Тут же стояла старенькая бормашина с ножным приводом. В окно был виден участок, где строили бараки. С момента прихода Дейбеля в лагерь там шла лихорадочная работа.

Но Дейбелю было, конечно, не до надзора за стройкой. Он поглядел на койку под окном. Это была койка Хорста. Над ней висела фотография немецкого семейства в деревянной рамке, угол которой был украшен ленточкой Железного креста. Хорст получил этот крест в 1939 году в Польше, а потом за разные проступки угодил в лагерь. О награде Железным крестом у него был документ, но носить этот орден здесь, в лагере, Хорст, разумеется, не мог, а против ленточки на рамке лагерное начальство не возражало.

Дейбель подошел к соседней койке, принадлежавшей Фрицу, и сорвал с нее одеяло. Под ним оказалось еще одно и тощий соломенный тюфяк.

Эсэсовец скинул все это на пол. Осталась деревянная койка с поперечными досками. На них ничего не было. Дейбель промял ногами тюфяк, но нигде не ощутил твердого предмета и не услышал подозрительного хруста. "Хитер, сволочь", - произнес он

вслух и, услышав шорох в дверях, быстро повернулся и вышел в переднее помещение.

По ступенькам спускался блоковый из семнадцатого барака, француз, по прозвищу Жожо. Он стал навытяжку, отрапортовал свой номер и ждал.

- Сказали тебе, что будет худо? - спросил Дейбель и потянулся за кабелем.

Француз не знал, что ответить.

- Ты вынул все из карманов перед тем, как идти сюда?

Жожо ухмыльнулся.

- Так делает каждый старый хефтлинк.

Дверь снова открылась, вошел Фриц, румяный, как всегда, с черным чубом, свисающим на лоб. Он улыбался и вместо обычного рапорта сказал просто:

- Герр обершарфюрер вызывал меня, я здесь.

Дейбель быстро перевел взгляд на француза.

- Ты мне нужен, Фриц, поди сюда. Этот сукин сын украл сегодня ночью золотой зуб, вырвал у какого-то Франтисека, который умер в его бараке. Мне немедля нужен этот зуб. Жожо, спускай штаны и ложись на стол, Фриц, вот тебе мой кабель, задай ему жару.

Жожо ничего не понимал или делал вид, что не понимает. А Фриц уже был тут как тут. Обрадованный тем, что Фредо явно ошибся, когда предупредил его, что Дейбель за него возьмется, Фриц тотчас же стал к столу. Дело явно касалось не его, неприятность грозила другому. Правда, немного странно, что Дейбель не вызвал для порки кого-нибудь еще, например своего любимчика Карльхена. Но если зовут его, Фрица, что ж, пожалуйста...

Он взял в руки кабель. Не так уж плохо держать в руках эту гибкую стальную плетку, даже, пожалуй, приятно... Осел Фредо, так ошибиться!

- Спускай штаны! - заорал Фриц на француза. - Слыхал, что сказал герр обершарфюрер?

Жожо отступил на шаг. Он был не новичок и понимал, что положение серьезное. Неторопливо расстегивая ремень, он сказал добродушным баском:

- Зачем же сразу порка, герр обершарфюрер? Кто-то меня выдал, и вы все знаете. Зуб я не вырвал, а купил его, c'est tout франц.)>. Если желаете, я его сейчас принесу...

Все это говорилось очень медленно, нескладно, с сильным французским акцентом; Жожо был похож на немецкого опереточного комика в роли француза.

Фриц нетерпеливо сгибал и разгибал кабель, то и дело

оглядываясь на Дейбеля: не пора ли прервать француза затрещиной. Но эсэсовец движением руки велел ему подождать.

- Кто вырвал зуб?

Жожо смущенно улыбнулся и незаметно убрал руки с еще не расстегнутого пояса.

- Брат этого Франтисека. Его родной брат. Мертвый сам так хотел... конечно, когда был жив... Купи, говорит, на мой зуб себе хлеба. Ну, когда он кончился, брат так и сделал. Это ведь не кража... А я у него купил... Опять смущенная улыбка и пожатие плеч.

- Где зуб?

- В бараке. Можно мне за ним сходить? - Жожо обрадовался, что ему, быть может, удастся смыться, и уже сделал движение к двери.

- Спускай штаны, - сказал Дейбель. - Сперва получишь свое, потом принесешь зуб. Десять, - приказал он Фрицу. - Да поувесистей!

Жожо понял, что ничего не поделаешь. Он проиграл, но проигрыш не так уж велик. Десять ударов - это худо, но двадцать пять было бы куда хуже. Жожо стиснул зубы, снял пояс, отодвинул ящик с картотекой, налег на край стола и положил голову на руки.

Желая показать, что он достоин доверия Дейбеля, Фриц усердствовал: он засучил рукава и стегал изо всех сил. Жожо кряхтел, но не кричал. На четвертом ударе у него лопнула кожа, и эсэсовец, как это было ни странно, сказал: "Довольно!". Жожо осторожно выпрямился.

- А ты бы хотел продолжать? - спросил Дейбель Фрица.

- Без всяких! - усмехнулся коротышка..

- А ты бы не смог лупить так крепко? - обратился Дейбель к Жожо, явно потешаясь всем происходящим.

Злоба кипела в душе француза, но он сдерживался.

- Товарища - нет... - ответил он тихо.

- Даже Фрица?

Жожо поднял сухие глаза. В них мелькнуло что-то красное.

- Его - да, - сказал он еще тише. - Он не товарищ.

- Ах ты, французская свинья! - взъярился Фриц.

- Оставь его в покое, - усмехнулся Дейбель, - увидим, не врет ли он. Ну-ка спускай штаны и ложись на стол.

Фриц вытаращил глаза.

- Ты! - эсэсовец похлопал его по плечу. - Разве ты не торгуешь ворованным золотом? Ну-ка, живо, живо! - он перестал смеяться и вырвал из рук Фрица кабель. Теперь они стояли вплотную друг к другу, бледно-голубые глаза эсэсовца впились в карие глаза

Фрица, и тот потупился.

- За что же меня бить? - забормотал он. - Что я сделал? - Дейбель продолжал пронзать его взглядом, и Фриц прошептал: - Вы велите французу бить немца?..

- Этим ты меня не проймешь, - сказал эсэсовец. - Ты не немец, ты дерьмо. Сегодня же пойдешь острижешься наголо и перейдешь из конторы в мусульманский барак, так и знай. А сейчас спускай штаны. На, Жожо! - и он подал французу кабель.

Фриц дернул пояс, расстегнул его, но все-таки еще раз строптиво поднял голову и спросил:

- А за что наказание, вы мне так и не скажете?

- Скажу. Где зубы с тех шести трупов, что ты закопал ночью?

- Убью Хорста! - прошипел Фриц.

Дейбель потешался.

- Ты думаешь, Хорст тебя выдал? А разве я сам не мог догадаться?

- Зубы я продал кельнеру на вокзале... И для вас купил сигарет... выложил Фриц свой последний козырь. Он знал, что это ему не поможет, что тем самым он только сует голову глубже в петлю, но был недостаточно умен, чтобы заставить себя замолчать.

- Да ты дерьмо, да еще опасное. Копиц был прав. С тобой я больше не связываюсь. Где зубы?

- Я выменял их на сигареты.

- На сигареты я тебе дал кое-что другое. О зубах я не знал, и ты хотел украсть их у германской империи. Где зубы?

Фриц наклонил голову.

- Всего было пять коронок, из них золотых только три. Стальные я выкинул, одну золотую продал, две у меня есть.

- В лагере? - быстро спросил Дейбель, и сердце у него подпрыгнуло от радости: стало быть, он все-таки наберет семь зубов, да еще один останется, чтобы подмазать Копица! Дейбель потер руки и благосклонно обратился к французу:

- Жожо! Сорви злость, отквитайся. Хочешь влепить ему двадцать пять?

Жожо взглянул на Фрица, потом на красный кабель в своей руке.

- Уже не хочется, - сказал он.

- Можешь не бояться, он тебе не отомстит. Он конченый человек. Бей!

Жожо смущенно усмехнулся.

- Не то чтобы я боялся... Но у меня... у меня болит спина. Может быть, Карльхен сделает это лучше?

Дейбель разочарованно покачал головой.

- Вижу, что ты выкручиваешься. А без злобы это было бы уже не то. Почему только вы, французы, такие выродки?.. Ну, сходи-ка за зубом. А Фрица отделает кто-нибудь другой, - добавил он со вздохом.

У конторы уже стояла целая очередь: встрепанный Эрих прибежал из комендатуры, ему нужно быдо навести какую-то справку в бумагах; Хорст передал надзор за стройкой Дереку и пришел узнать, что случилось с Фрицем; доктор Имре, выполнив распоряжение Дейбеля, принес ему пять обещанных зубов. Но Фредо не впускал никого. Опершись плечом о притолоку, так что ему было слышно почти каждое слово, он преграждал вход в контору. "Герр обершарфюрер велел не мешать ему".

Потом вышел Жожо - с самым бравым видом, широко улыбаясь. На все вопросы он только пожимал плечами и поспешил к своему бараку так быстро, как только мог. Вскоре послышался голос Дейбеля: "Фреедо!"

Грек вбежал в контору, вслед за ним осторожно вошли остальные. Эсэсовец стоял у стола и потряхивал на ладони две золотые коронки.

- Хорошо, что вы пришли. Имре, принес?

Долговязый венгр кивнул.

- Я их уже продезинфицировал. - И он высыпал из старой жестяной коробочки пять коронок на ладонь Дейбеля.

Эсэсовец стоял, покачиваясь с пятки на носок.

- Слушайте меня хорошенько. Я установил, что сегодня ночью Фриц совершил тяжелый проступок против Германии. Знал об этом староста лагеря?

Хорст был бледен как мел. Он покачал головой.

- Я? Что вы!

- Знал! - раздался из-за занавески глухой голос Фрица.

- Опасный человек, - сказал Дейбель, показав глазами на занавеску. Что ты знал, Хорст?

- Я был с ним на вокзале... знал, что он продает... это самое... Но он сказал, что... ему так приказано...

- Ты так сказал? - повысил голос Дейбель, обращаясь к Фрицу.

Фриц не ответил. Зато на другом конце барака открылась дверь, вошел Жожо и положил на ладонь эсэсовца еще одну, особо крупную золотую коронку.

- Вопрос ясен, - заключил Дейбель, засовывая всю добычу в карман. Мне надо идти. Днем Карльхен всыплет Фрицу двадцать пять горячих. Потом обрейте его наголо и переведите в мусульманский барак.

Он взял свой красный кабель, лежавший возле картотеки, и

взбежал по ступенькам.

7.

В полдень началась раздача еды. Первыми выстроили тех, кто не работал. Длинная очередь растянулась по Лагерштрассе до самой конторы. Помощники Мотики вытащили из кухни два громадных котла, наполненных вареной картошкой в мундире. От картошки поднимался пар, у нее был запах, от которого кружилась голова. Продрогшие "мусульмане" благоговейно закрывали глаза, некоторым казалось, что у них выворачивается желудок.

Кругом стояли капо с дубинками, фамильярно переговаривались с людьми из кухни и строго следили за очередью.

От котлов с картошкой вдоль очереди побежали двое парней со стопками эмалированных мисок в руках. Раздавая на бегу миски, они кричали: "Бери, бери!" - и торопились так, словно бежали на пожар. Испуганные "мусульмане" дрожащими руками хватали миски. Потом опять началось ожидание.

Минут через пять раздатчики посуды появились снова, на этот раз с ложками. "Бери, бери, бери!" - кричали они и совали ложки, не глядя даже, успевают ли их брать. Ложки падали на землю, люди поспешно нагибались за ними, в очереди возник беспорядок и толкотня, капо опять заработали дубинками, послышались вопли и стоны, и снова долгое ожидание.

Наконец из кухни вышел слоноподобный Мотика в переднике из мешковины и бумажном колпаке. Расставив ноги, он стал у левого котла и взял в руку черпак, сделанный из старой консервной банки. То же самое сделал глухонемой Фердл, занявший место у другого котла.

Перед Зденеком было не меньше сотни человек, но он впился глазами в потные лица обоих поваров и видел только их, словно стоял с ними лицом к лицу. Ему даже не пришлось подниматься на цыпочки - перед ним стоял "мусульманин" на голову ниже его ростом; собственно, это был даже не мужчина, а какой-то юнец. Другие заключенные тоже хотели видеть поваров и высунулись из очереди, вызвав поток брани и ударов со стороны капо.

Зденек стоял прямо, смотрел вперед, сердце у него взволнованно билось. Ему показалось, что у гиганта Мотики грубое, злое лицо. Тем лучше, что он, Зденек, стоит в правом ряду. Маленький, насмешливо улыбавшийся Фердл производил лучшее впечатление. "Бедняга Феликс, - без особого огорчения подумал Зденек, - стал рядом со мной, и опять ему не везет: непохоже, чтобы этот детина вздумал выдавать щедрые порции".

Вдоль очереди прошел капо Карльхен. Около юнца, стоявшего

перед Зденеком, он на мгновение задержался и сказал нежно:

- Servus, klaner Bar! нем.)> - юнец закивал, а большой черномазый узник, за которым стоял Феликс, угодливо поздоровался с капо.

Карльхен подошел к котлам с картошкой, мигнул Мотике, тот подмигнул ему. Люди с мисками в руках решили, что это сигнал к раздаче, и хотели было двинуться вперед, но Карльхен заорал:

- Achtung! Шапки долой!

Узники стали перекладывать миску и ложку в одну руку, чтобы другой снять шапку. Кое у кого посуда опять выпала из дрожащих рук. Люди нагибались, толкались, снова получали удары... В этот момент раздалось резкое "Начинай!" Краем жестяных банок повара зачерпнули картошку и то, что набрали, вывалили в подставленные миски. "Бери, бери!" -приговаривал Мотика, а глухонемой что-то мычал. Очередь двигалась, раздача шла очень быстро, головокружительный запах картошки усиливался, сердце Зденека билось все сильней. Он уже забыл о Феликсе, он видел только юнца перед собой и, как завороженный, шел за ним, не сводя глаз с его миски. Вот она поднимается к котлу... Тут капо Карльхен засмеялся, подтолкнул маленького повара и кивнул на миску юноши. Повар сделал еще более приветливое лицо, погрузил черпак глубоко в котел, набрал много картошки и вывалил в миску, наполнив ее с верхом так, что картошка даже посыпалась через край.

- Спасибо, - сказал обрадованный юнец и отошел в сторону.

Наступила очередь Зденека.

Банка неглубоко погрузилась в котел и захватила лишь несколько картошин.

- Прибавьте, - попросил Зденек, не знавший, что Фердл - глухонемой. Пожалуйста, прибавьте, ведь этот парень получил больше. - И он держал миску так, что повар не мог вывалить туда порцию. Фердл удивленно поднял глаза, взглянул в умоляющее лицо Зденека и прогнусавил что-то похожее на согласие. Потом он опустил черпак еще раз в котел и действительно набрал много картошки, приветливо кивнул Зденеку - мол, подставляй миску - и, когда тот, завороженный видом еды, так и сделал, стремительным броском швырнул ему всю порцию прямо в лицо.

- Следующий, пожалуйте бриться! - воскликнул Карльхен, ухватил ослепленного Зденека за рукав и оттолкнул в сторону.

Все лицо Зденека было облеплено теплой картошкой. Он уронил миску и ложку и обеими руками вытирал лицо, стряхивая куски картошки, стараясь не размазать их.

- Счастье твое, что Мотика - недотепа и всегда раздает остывшую еду, хохотал капо. - Будь картошка горяча, хорош был

бы у тебя видик!

Зденек нагнулся и поднял свою миску. Карльхен был прав. Лицо у него горело, хотя и не было обожжено. Особенно болели веки, но глаза открывались без труда и видели хорошо.

- Ты куда? - спросил Карльхен, поднимая палку. - Уж не собираешься ли опять стать в очередь? Мало тебе этой порции?

И Зденек с пустой миской в руках поплелся на другую сторону, где более счастливые глотали свою картошку. Одни ели стоя, другие - сидя на корточках у кухонной стены. Большинство даже не очищало картошку от шелухи, а те немногие, кто делал это, тщательно снимали с кожуры каждую крошку.

- Зденек! - услышал вдруг он тихий голос Феликса; говорить громко ему не позволяла сломанная челюсть. В миске у Феликса была вполне приличная порция картошки, его глаза улыбались и вместе с тем были полны слез. - Ты почему не ешь?

Зденек заставил себя улыбнуться и перевернул свою миску вверх дном.

- Мне ничего не дали, да меня же еще и ошпарили, так что мы с тобой в одинаковом положении, - его голос дрогнул от горечи и жалости к самому себе, и Зденек впервые почувствовал искреннюю симпатию к еще более несчастному Феликсу.

Они хотели вместе отойти к баракам, но какой-то капо с палкой в руке остановил их.

- А миска? Другим жрать из ладошек, что ли?

Зденек отдал свою миску и ложку и тщетно старался втолковать капо, что Феликс не может жевать и они вместе идут сейчас в лазарет, чтобы уладить дело с питанием пострадавшего.

- Подставь шапку, - приказал капо и без долгих разговоров высыпал туда картошку. - А теперь катись!

Пустые, чисто вылизанные миски - некоторые с приставшей к ним картофельной шелухой - опять были сложены в стопки, и раздатчики снова устремились вдоль двигавшейся очереди, подавая посуду тем, кто еще не ел.

Зденек и Феликс направились к верхнему ряду бараков.

* * *

Персонал лазарета обедал. Санитар Пепи притащил ведерко картошки, которую вне очереди получил для врачей. Все медики сидели за столиком у окна, в глубине барака, чистили картофелины, макали их в соль и молча жевали. Оскар глядел в окно на ограду и темнеющий за нею лес. В руке у него была картофелина и нож, но он словно забыл о них. Рядом с ним сидел маленький венгр, доктор Рач, случайный однофамилец большого Имре. Он был полным контрастом рослому дантисту - тихая речь, совсем не военная внешность, мягкий характер. Они не имели

ничего общего, только здоровались и иногда, казалось, даже стеснялись друг друга.

Маленький Рач был психиатром. Уже это само по себе раздражало военного дантиста: психиатрию он считал таким же смешным и ненужным занятием, как, например, египтологию. Но что особенно выводило из себя большого Рача - это любовь его однофамильца к мужчине. Когда некоторые капо "занимались с мальчиками", Имре только пожимал плечами: мол, что поделаешь, такова лагерная действительность. Но тот факт, что его однофамилец-врач, интеллигент, вы только подумайте! - связан с другим врачом узами преданности, дружбы, - это Имре считал явным преступлением, достойным кары. Ему было безразлично, что в отношениях этих двух врачей нет ничего скрытого, что они, эти отношения, вполне невинны и не переходят границ обычной студенческой дружбы. Когда речь заходила о маленьком Раче, Имре честил его грубейшими словечками, которыми в лагере называли извращенных людей.

Неразлучным другом маленького Рача был румын Константин Антонеску, атлет со светлыми, коротко остриженными кудрями, обрамлявшими классический лоб. Маленький венгр был старше и, очевидно, умнее, но рядом с рослым другом он выглядел мальчиком. Однако Рач заботился об Антонеску, как мать о ребенке. Румын тихо улыбался и мирился с этим, поглядывая на немного нервозного Рача, как сенбернар на своего дружка - фокстерьера.

На другой стороне стола сидел Шими-бачи, самый пожилой и самый почтенный врач лазарета. Все любили этого старомодного деревенского доктора, никто на него никогда не сердился, но относились к нему как-то не совсем всерьез.

Между ним и всегда немного барственно-холодным н натянутым большим Рачем сидел санитар, прозванный дурачком Пепи, медик-недоучка, судетский немец, попавший в концлагерь за какие-то фантастические растраты. Пепи был непоседливый пройдоха, вечно искавший случая спекульнуть, выгодно обменять или перепродать что-нибудь. Он ужасно скучал, когда обед, как сегодня, проходил в общем молчании.

Войдя в лазарет и увидев людей за столом, в глубине барака, Феликс и Зденек робко уселись у дверей, в части барака, отведенной для пациентов. Но большой Рач заметил их.

- В чем дело? И сюда к нам лезут!

Оба "мусульманина" оробели и хотели было выйти, но Шими-бачи встал из-за стола и остановил их. С неизменной улыбкой на розовых щеках он укоризненным тоном сказал что-то по-венгерски своему соотечественнику. Тот сердито огрызнулся и

продолжал есть картошку.

- В чем там дело, Имре? - спросил старший врач Оскар, который все еще смотрел в окно, не обращая внимания на то, что происходит за его спиной.

- Это тот больной со сломанной челюстью, - ответил Шими-бачи.

Имре слегка приподнял свою миску и с выразительным стуком поставил ее на стол.

- Врачи обедают, - сказал он.

- Тебе мешает, что вошли больные? - удивился Оскар. - Разве ты дома терял аппетит из-за того, что в приемной сидели пациенты?

- Попробуй пошли мусульманина в контору, когда там обедают, рассердился Имре. - Попробуй!

- Слушай-ка, - сказал Оскар, и в его грустных глазах мелькнула улыбка. - Если тебе так нравится в конторе, переселился бы ты туда совсем. Инструмент твой все равно хранится там, да и к воротам оттуда ближе... Ты сам недавно упомянул, что там освободилась койка Фрица.

- Что это значит? - Имре выпрямился и отодвинул миску. - Ты хочешь выжить меня отсюда? И как надо понимать твой намек о воротах?

Шими-бачи опять сказал что-то по-венгерски, а Оскар поднял руку и усмехнулся.

- Я принципиально против дуэлей, герр майор. Говоря "ближе к воротам", я имел в виду лишь тот факт, что в случае счастливого конца ты раньше многих других выйдешь из лагеря и скорее попадешь домой. Сигарету? - он вытащил пачку - и дантист не устоял.

- Благодарю, - сказал он по-венгерски и поклонился, коснувшись двумя пальцами виска.

- Ну, а как же с пациентами? - спросил Оскар по-чешски веселым тоном, потому что сигареты снова напомнили ему о падении ненавистного Фрица. За спинами Рача и Антонеску он перебрался через постель, на которой они сидели, соскочил в проход и пошел к двери.

Зденек и Феликс стоя.ли с шапками в руках.

- Ну, как дела, пражане?

Оба чеха, тощие, остриженные наголо и грязные, улыбались из последних сил, но глаза у них слезились от боли, и Оскар сразу заметил это.

- У пианиста сломана челюсть, - сказал он. - Но ты-то почему скалишься, как голова на колу?

Зденек рассказал об инциденте при раздаче еды.

- Ты голоден? - небрежно спросил врач и быстро ощупал лицо Зденека. Серьезных ожогов у тебя нет.

- Нет, не голоден, - соврал Зденек и сразу пожалел об этом, почуяв доносившийся из глубины барака аппетитный запах вареной картошки. - Феликс утром почти не мог есть хлеб и отдал его мне.

- Немного картошки у нас тут останется, а лицо мы тебе смажем вазелином, - заметил Оскар словно бы про себя. - А теперь займемся другим пациентом. Для тебя нужны сахар и маргарин, верно? - обратился он к Феликсу.

Сидевший за столом Имре уловил в разговоре чехов только слова "вазелин", "сахар" и "маргарин". "Ну конечно, - проворчал он по-венгерские - для чехов у него все найдется!.."

Оскар заметил, что Шими-бачи снова успокаивает дантиста.

- Видите, ребята, - понизив голос, сказал он по-чешски. - Вот так мы тут все время ссоримся, вечно ссоримся, все до единого.

- Вы этому удивляетесь? - спросил Зденек. Он не мог молчать, невысказанные горькие слова прямо-таки душили его. - Человек человеку волк. Феликс все твердит: "За что меня искалечили?" А меня вот ошпарил этот хам в кухне... Ну, скажите сами, разве люди не волки?

Оскар грустно улыбнулся.

- А ну тебя! Может быть, тебе и душу ошпарили этой порцией картошки? Люди всегда остаются людьми, но, когда на них так давят, они подчас очень странно сгибаются, тут уж ничего не поделаешь. Я вот тоже иногда злюсь на людей, да еще как, но мне достаточно изругать кого-нибудь. А другой не может обойтись без палки.

- Феликс не понимает, за что ему сломали челюсть, я хочу знать, почему у меня отняли эту жалкую порцию жратвы. Эсэсовца рядом не было, никто этим сволочам не приказывал так поступать. Почему же они так обошлись со мной?

Сигарета за столом прошла по кругу: Шими-бачи, Пепи, маленький Рач и Антонеску - все затянулись по разу. Имре подошел к Оскару и отдал ему окурок. "Спасибо", - сказал тот и похлопал дантиста по плечу. Имре кивнул и вышел из барака. Оскар снова повернулся к Зденеку.

- Вот видишь, и он не так плох, как кажется. Сколько ты лет в лагере? Два? В Освенциме побывал? Так чего ж ты хочешь, скажи, пожалуйста?

- Зденек тоже не всегда был такой, - невнятно прошептал Феликс. - В Терезине он был бодрый, веселый. Вот только здесь... уж не знаю, почему...

- Мне уже ничего не хочется, - сказал Зденек и поглядел в

глаза Оскару, словно желая сказать: "Так мне и надо за постыдную слабость, насмехайся надо мной". - У меня уже нет сил драться...

- Сколько тебе лет?

- Тридцать два.

- Мне сорок два. Феликс, тебе хочется жить?

Пианист ничего не ответил, только на глазах его появились слезы.

- Здоровый человек не должен так говорить, - сказал Оскар Зденеку. Чем ты занимался до войны?

- Работал на киностудии.

Судетец Пепи, который когда-то проходил военную подготовку в чехословацкой армии и хорошо понимал по-чешски, закричал:

- Das ist doch der alte Kinofritze! нем.)> Разве ты не помнишь, Оскар, я еще ночью говорил тебе о киношнике, который знал моего отца. Знаменитый режиссер, я видел его фильмы.

Сидевшие за столом с интересом подняли головы.

- Я мало ходил в кино, - улыбнулся Зденеку Оскар. - Не обижайся, что мне неизвестна твоя фамилия.

Зденек смутился.

- Герр Пепи преувеличил... Я сделал всего лишь несколько короткометражек...

- Можешь не объяснять. Я хорошо знаю Пепи, и его слова никогда не принимаю вполне всерьез. Ну, иди сюда, я познакомлю тебя с другими врачами. Когда среди нас нет Имре, мы все - дружная компания и совсем не волки.

Статный Антонеску молча посмотрел на Зденека и приветливо кивнул. Маленький Рач уставился на него умными серовато-голубыми глазами, окруженными множеством морщинок.

- Вы сейчас говорили очень горьким тоном. Что с вами?

За Зденека отозвался Оскар:

- Возьмись за него, возьмись! У него самый опасный в лагере недуг: пропала охота бороться.

* * * Контора тоже получила из кухни обычное ведерко картошки, которая даже была очищена и нарезана ломтиками. Фредо затопил печурку, снял с нее две железные конфорки и поставил на их место большую сковородку. На сковородку он бросил несколько порций маргарина, а на шипящий маргарин вывалил половину принесенной картошки, не забыв посолить ее и приправить тмином. Вскоре по конторе разнесся приятный запах жареного картофеля.

За занавеской на зубоврачебном стуле сидел Фриц. Около

него вертелся парикмахер, Янкель Цирульник, маленький, головастый польский еврей с большим, вечно простуженным носом. На плечи Фрица была наброшена старая куртка, сейчас засыпанная его темными волосами, на полу тоже валялось несколько черных завитков. Тот, чью голову они только что украшали, кусал себе губы и обдумывал самые невероятные планы мести. Итак, ему, Фрицу, теперь придется ходить остриженным наголо, а эта шкура Хорст будет по-прежнему щеголять усиками! Как же быть с ухаживанием за дебелой фрау Вирт, которое до сих пор шло так успешно? Ее не очень-то покоришь без шевелюры. А что, если угроза Дейбеля серьезна и Фрица действительно отлупят и отправят в мусульманский барак, а за хлебом станет ездить кто-то другой?

Янкель докончил стрижку и с удовольствием посмотрел на полосы, которые тупая машинка оставила на голове Фрица. "Не беспокоило, герр Фриц?"

Коротышке немцу не хотелось вставать со стула, не хотелось прерывать свои размышления о мести и уходить из конторы.

- Побрей-ка, пожалуй, меня, раз уж такое дело, - решил он.

- Извольте, герр Фриц, - поклонился Янкель и извлек из своего ящичка кисточку и бритву, единственную во всем лагере.

В передней части барака сидели за столом Хорст и Эрих. Фредо перемешивал ложкой картошку на сковородке, скоблил дно, чтобы она не пригорела, и всячески дразнил аппетит проминентов. Но головы обоих были полны забот, а кроме того, Хорста и Эриха стесняло присутствие Фрица. Писарь удрученно почмокивал языком, думая о том, что сейчас не худо было бы пропустить по рюмочке шнапса. Но, увы, бутылка, преподнесенная Мотикой, как говорится, уже кланялась. Картотека, на которую Эрих еще сегодня ночью возлагал такие надежды, как на провозвестницу райской жизни, была небрежно сдвинута к самому краю стола, видимо, еще с тех пор, когда наказывали Жожо. Писарь лениво взглянул на нее и даже не встал, чтобы передвинуть ящик на место. "Нет, - думал он, - все идет как-то не так! Чертов рапортфюрер все испортил с самого утра, смешал все карты. Видно, Фредо прав; почему бы в самом деле не взять в контору помощника, который займется картотекой? К чему самому вечно возиться с ней и нервничать из-за дел, которые все равно идут вкривь и вкось?"

- Ты сказал что-то? - проронил Хорст, все еще встревоженный историей с Фрицем.

- Нет, - хмуро проворчал Эрих.

- Чего же ты почмокиваешь?

- Хлопот куча! - сказал писарь. - Людей все прибывает, работы

в конторе тоже, придется мне взять помощника...

- Правильно, писарь! - подтвердил Фредо, словно и не помня, что это его собственное предложение. - Я давно хотел тебе это посоветовать.

- А ну тебя с твоими советами! - усмехнулся Эрих. - Грека я сюда не возьму, так и знай. Я уже выбрал себе человека.

- В самом деле? - Фредо изобразил любопытство.

Хорст осведомился, кто же это такой. Писарь не знал, сказать или не сказать. Обстановка казалась ему благоприятной: главный противник, Фриц, разбит наголову, сидит рядом опозоренный и через несколько минут навсегда покинет контору.

- Младший писарь сгодится нам и для других услуг, - сказал Эрих. Ведь это, собственно говоря, срам, что главный арбейтдинст Фредо у нас тут за кухарку.

- Я против этого не возражаю, - отозвался Фредо, перемешивая картошку. - Но разрешите мне дать еще один совет. В конторе нужен не только младший писарь. Нужен еще и штубовой. Помните, как Дейбель ругался, что у нас тут свинюшник. Писарь пусть пишет, а штубовой будет стряпать, убирать и все прочее. Он тоже мог бы жить здесь, раз уж освобождается четвертая постель...

К столу подскочил Фриц. На физиономии у него еще были остатки мыла, в левом углу рта кровоточил порез от бритвы.

- Кто тут решает вопрос о свободной постели? - закричал он. - Какой-то сволочной грек?

Фредо отвернулся от него, Хорст наклонил голову. Только писарь остался спокойно сидеть и из-под стальных очков невозмутимо глядел на оцарапанную физиономию Фрица.

- Ты все орешь? Никак не можешь понять, что твоя песенка спета? Не можешь понять того, что тебе еще придется просить и просить, чтобы староста лагеря или даже простой писарь помогли тебе выпутаться? В своем ты уме, а?

Хладнокровный тон писаря подействовал на Фрица сильнее, чем если бы тот прикрикнул на него. Он поднял руку.

- Моя песенка спета? Уж не думаете ли вы, что я н в самом деле выеду из конторы? - Но тон у него был довольно жалобный.

Писарь хохотнул.

- Хорст, дай-ка сюда твое зеркальце, - сказал он. - Пусть Фриц поглядит на свою голую башку. Нужно его охладить.

Фрицу хотелось вцепиться в горло писаря, но он не посмел.

- Я отсюда и шагу не сделаю. Дейбель не это имел в виду. Вы не сделаете из меня мусульманина!

- Что имел в виду Дейбель, я не знаю, но что он сказал, это я могу тебе дословно повторить: остричь, переселить, влепить

двадцать пять горячих.

- Послушай, писарь, - вмешался Хорст, - может быть, можно что-нибудь для него сделать... Давай поговорим...

Фриц продолжал ершиться.

- Сдается мне, что именно ты уже говорил обо мне слишком много. Ты еще пожалеешь об этом.

Хорст встал и обошел стол.

- Клянусь моей воинской честью, камарад, что я не выдавал тебя. Вот тебе моя рука!

Его уступчивость придала духу Фрицу.

- Значит, ты сказал кому-то еще, а тот разболтал в комендатуре.

И он нагло взглянул на писаря.

- Дерьмо, и к тому же опасное, - презрительно повторил Эрих слова Дейбеля. - Тебя и выдавать не нужно, ты такой тщеславный дурак, что сам лезешь на свет со всеми своими гешефтами. Никто из нас на тебя не доносил, ты сам себе злейший враг и доносчик. Катись!

Фриц опять снизил тон.

- Я не говорю, что ты меня выдал, писарь, но кто-то сделал это. И если я его поймаю...

- Я здесь ни при чем, я ничего не говорил ни Дейбелю, никому другому, верь мне, камарад... - рука Хорста все еще висела в воздухе.

- Дай мне пообедать, Фредо, - сказал писарь. - Я хочу спокойно поесть. Фриц сейчас сложит свои вещи и уберется отсюда. Потом он явится к писарю, как полагается, и получит направление в новый барак.

- Эрих! - разъяренный коротышка сжал кулаки, но снова разжал их. Нельзя же помещать меня к мусульманам! Как немец, я требую, чтобы ты направил меня в абладекоманду, в немецкий барак.

- Требуешь? - Эрих усмехнулся. - Вот это здорово, что ты требуешь! Но, если бы даже ты меня просил, я могу послать тебя только туда, куда велел Дейбель. Пойдешь в двадцать второй барак, к мусульманам.

- Эрих! - Фриц понизил голос. - Не будь тут этого сволочного грека, я бы, пожалуй, и попросил. Как немец немца. Но при нем просить не стану.

Эрих улыбнулся еще шире.

- Мне твои просьбы не нужны. Глядеть противно, как ты тут раскисаешь. Так вот, знай, каков я: Дейбель велел перевести тебя в мусульманский барак, но не сказал, в качестве кого. Вот я и пошлю тебя туда блоковым. Что скажешь?

- Ай да Эрих! - просиял Фриц. - Отличная мысль. Спасибо, камарад!

- А насчет двадцати пяти горячих, - продолжал писарь, - я поговорю с рапортфюрером Копицем. Не ради твоих прекрасных глаз, не воображай, Фриц. Мне все равно, пусть с тебя хоть шкуру сдерут на абажуры. Я против этой порки по другим соображениям: ведь мы вводим в лагере новый дух, и порка тут будет очень некстати. Я сделаю, что могу, даже если обозлю Дейбеля невыполнением его приказа.

- Эрих! - Фриц схватил писаря за руку. - Этого я тебе никогда не забуду!.. По этому поводу надо выпить.

Он побежал за занавеску, вытащил из своего узелка бутылку и хотел вернуться к столу.

- Господин Фриц, - спросил парикмахер Янкель, который, аккуратно собрав в совок остриженные волосы, все еще стоял около стула, - а за работу вы мне ничего не дадите?

- По шее тебе дать, что ли? Слышал ведь, что я буду блоковым в двадцать втором бараке? Зайди туда как-нибудь, получишь хлеба, у меня его будет вдоволь. - Фриц поспешил к столу и поставил на него бутылку.

- Выпей, Эрих. На здоровье!.. Я могу идти прямо в свой барак?

- Можешь. В должность блокового ты вступишь с завтрашнего дня, а сегодня надо еще сделать электропроводку в новых бараках. Пошли ко мне Вольфи из двадцать первого, он временно ведает и двадцать вторым бараком, я с ним обо всем договорюсь. А ты веди себя прилично.

- Zu Befehl! нем.)> - британоголовый Фриц вытянулся в струнку. Лицо его уже было почти такое же нахальное, как всегда.

* * *

- Не понимаю я вас, писарь, - сказал Фредо, когда коротышка Фриц с шумом выбежал из конторы. - Вольфи - отличный блоковый, его можно было оставить и на двадцать втором бараке. А Фриц будет мучить людей. Новый дух лагеря...

Эрих, запрокинув голову, пил прямо из бутылки. В горле у него страшно жгло и першило, но в желудке сразу как-то потеплело и стало уютно, как в комнатке. Глаза писаря умиленно моргали под стальными очками. Он подал бутылку Фредо.

- На, выпей. Хитер ты, грек, но только до меня, Эриха Фроша, тебе далеко. Дейбель сегодня разделался с Фрицем, это верно. Но кто тебе поручится, что завтра он не вытащит его из грязи собственными руками? Лейбелю всегда нужен "организатор", который устраивает для него всякие гешефты. Может быть, тебе хочется делать их? Не хочется. Во-первых, у тебя нет той смелости, которая, скажем откровенно, есть у Фрица, во-вторых,

ты не захочешь работать на эсэсовца. Дейбель сейчас еще не понимает этого, но, вот увидишь, в один прекрасный день он снова сделает Фрица своим доверенным. Так что же - вытаскивать его опять из грязи? Не лучше ли придержать Фрица в теплом и доходном - но не слишком доходном! - местечке? Не лучше ли, чтобы я мог потом сказать: вспомни-ка, Фриц, кто выручил тебя в трудную минуту. Фредо не терпелось поместить кого-то на твою койку, Хорст для тебя пальцем не шевельнул, а может быть, и выдал тебя... - Видя, как вскочил возмущенный Хорст, Эрих хихикнул и закашлялся, но не прервал своей хвастливой тирады. - Только я, так я ему скажу, только я, Эрих Фрош, всегда к тебе хорошо относился и заслуживаю того, чтобы ты мне и в будущем приносил шнапс. Прозит, ребята, на здоровье!

8.

Стройка бараков была небольшой и нетрудной. Днем работа шла полным ходом. Весь материал был разложен по местам, над первым бараком уже высилась крыша, в отхожем месте работали бетонщики, и в три часа тотенкоманда уже смогла вывезти на тележке шесть трупов. Работа шла в общем спокойно, без лихорадки, эсэсовцы не появлялись в лагере, только у пулеметов на сторожевых вышках торчали часовые. Работами на стройке руководили специалисты из заключенных: поляк Казимир был превосходным каменщиком, немец Карльхен, сменивший дубинку капо на плотничий рубанок, стал держаться на удивление тихо и поражал всех сноровкой в работе. Гастон ходил по стройке, заложив руки в карманы брюк и насвистывая парижскую песенку "Валентина, Валентина", но работа нигде не останавливалась из-за нехватки материала; француз всегда успевал вовремя кивнуть одному из подсобников - мол, пойдем со мной - и иной раз даже без слов объяснить, чти и куда нужно отнести, так что, когда плотник, бетонщик или другой мастер обращался за чем-нибудь к подсобнику, все нужное оказывалось уже под рукой и ждать не приходилось.

Фредо появлялся на стройке реже других, и тем не менее благодаря ему работа шла бесперебойно и никого не били. С бумагой и карандашом в руке Фредо ходил по баракам, собирал людей на новые смены, не трогая ни больных, ни лодырей, и посылал на стройку минимальное количество добровольцев.

Придя в четырнадцатый барак, он остановился около нар, где рядом лежали Феликс и Зденек.

- Ca va? франц.)> - спросил он Феликса. Тот уныло покачал головой, ему не хотелось разговаривать. Зденек ответил за него:

- Он все еще не ел. Не может глотать ни хлеба, ни картошки. Держится на паре кусочков сахару, которые ему дал старший

врач.

- Тебя зовут Зденек, а? Обуйся и приходи ко мне в лазарет, - сказал Фредо и вышел из барака.

Старший врач Оскар все еще сидел за столом и смотрел в окно.

- Salud исп.)>, Фредо! - приветствовал он грека, который подсел к нему. - Сигарету? А впрочем, ты не куришь.

Фредо улыбнулся, Оскар разглядывал его грустными глазами.

- Не куришь, не пьешь, репутация у тебя безупречная. Рядом с тобой каждый должен чувствовать угрызения совести.

- А разве ты чувствуешь? - удивился грек.

- Постоянно, - вздохнул Оскар. - Я со своей совестью на ножах: уверяю людей, что у нас человек человеку не волк, а сам не верю в это. Ты коммунист, у тебя - ты не обижайся - узкая вера, ты идешь своим путем, не глядишь ни налево, ни направо, готов услужить даже Эриху, который, по-моему, не лягушка, а скорее мерзкая жаба. Но тебе это все равно, если ты можешь вести свою политику. Иной раз я тебе завидую: тебе легко живется.

Фредо показал в улыбке крупные белые зубы.

- Да, мне очень легко, - согласился он. - Но не потому, что я веду свою политику. В этом лагере я провожу политику греков, которые выбрали меня в руководство. И, извини меня, я провожу также и политику чехов, в том числе твою политику, Оскар, вообще политику врагов Гитлера. Жаль, что твоя вера так широка и не влезает в мою узкую веру.

- Вера настоящего врача не терпит партийных шор. Я работаю здесь для всех, а не только для коммунистов. Когда болел Эрих, я делал все возможное, чтобы спасти его, но делал это против своей совести. Ты же ему все время помогаешь со спокойной совестью, тебя это не смущает. Вот почему я тебе завидую.

Фредо наклонился над столом и положил на него свои короткие руки в слишком длинных рукавах.

- Разница между нами в другом, Оскар. Ты не знаешь, что тебе делать, и вечно колеблешься между ненавистью и долгом. Как человек, ты зол на эсэсовцев, на Фрица, на Эриха, а иной раз, быть может, и на меня. А как врач, ты стараешься быть надпартийным, добрым ко всем, заботливым и самоотверженным работником. Такой двойственности никому не вынести, вот она тебя и раздирает. А мне в самом деле легко: я служу только тому, что, по моему мнению, на пользу нашим людям. Ты им полезен, и в этом я с тобой заодно. У Эриха есть сейчас кое-какие замыслы, которые могут пойти на пользу заключенным, какие-то идеи насчет нового духа в лагере, поэтому я помогаю Эриху. Как только он отступится от них, я перестану ему помогать. Но,

надеюсь, это будет нескоро. Ты меня понял?

В лазарет вошел Зденек. Видя, что двое в глубине барака заняты тихим разговором, он сел у дверей и стал ждать. Оскар сказал, глядя в окно:

- Нет, разница между нами все-таки не в этом, Фредо. Ты себя уговорил, что знаешь, что хорошо и что плохо, и этим ты руководствуешься в своих поступках. А я вот думаю, что никто не может этого безошибочно знать. Я не так тщеславен, но и не так ограничен, как ты. Я признаюсь, что иду на ощупь. Прежде я всегда думал, что, став врачом, легко избавлюсь от всякого правдоискательства: помогай жизни побеждать смерть, вот и все. Но знал бы ты, Фредо, сколько раз я уже помог смерти против жизни. Никогда не прощу себе, например, того, что в Варшаве я спас жизнь Эриху. Эта жаба воплощенная смерть.

Фредо опять сверкнул зубами.

- Эрих - колбасник по профессии, он воплощелная смерть только для свиней. А ты, доктор, воплощение смерти, например, для слепой кишки. Ни ты, ни он не крашены одной краской. Иногда вы полезны для людей, иногда нет. Я стараюсь помогать вам именно, когда вы полезны.

Зденек заерзал у дверей, он не знал, что ему делать. Не рассердится ли на него грек, если Зденек все еще будет медлить и не обратится к нему?

- Герр арбейтдинст... - несмело начал он.

Фредо улыбнулся ему и вполголоса продолжал разговор с врачом.

- Мне пора идти, так что скажу тебе покороче, зачем я пришел. Эрих сейчас проникся вполне правильной идеей о том, что руководить лагерем должны он и ты. Кстати говоря, он тебе сегодня утром объяснял все это. По-моему, было бы хорошо, чтобы у тебя был свой человек в конторе. Ты, я знаю, норовишь быть ко всем справедливым и сам никогда не мог бы решить, кого посадить на такое выгодное местечко. Поэтому я позволил себе решить этот вопрос за тебя, а Эрих одобрил мой выбор. Что ты скажешь вон о том мусульманине? Он еще ничего не знает. Если он тебе не нравится, мы выберем другого.

Оскар хмуро взглянул в сторону двери, но, узнав в полумраке робкую физиономию Зденека, нехотя улыбнулся и приветливо кивнул ему.

- На такие дела ты меня не уговаривай, - сказал он. - Какой такой свой человек мне нужен в конторе? Соглядатай, что ли? Я не ты, я не провожу никакой политики, мне "свои люди" не нужны. Если Эриху нужен помощник, пусть возьмет его, мне все равно. Хочет этого чеха, пускай берет его, он, по-видимому,

порядочный человек и умный. А разве ты сказал ему, что я его выбрал?

- Нет, говорю же тебе, он пока ничего не знает. Я говорил только с Эрихом и предложил ему взять чеха, потому что теперь в лагере большинство чехов и поляков. Согласен?

Оскар опять глядел в окно на ограду и лес.

- Не спрашивай. Я буду рад, если этому человеку будет хорошо, но мне не нужно никакого ставленника. Не вмешивай меня в свою политику. Я врач и не хочу быть никем другим.

- Ладно, - вздохнул Фредо и встал. - Я хотел, чтобы ты первым сказал ему о выдвижении, он был бы тебе навеки благодарен. Ну, как знаешь, пусть ему сообщит об этом Эрих...

Оскар невольно улыбнулся.

- "Хитрый грек!" Так, что ли, тебе льстит писарь? Зови уж сюда своего протеже, я скажу ему пару слов, - и, когда Зденек с шапкой в руке подошел к Фредо, Оскар продолжал: - Тебя хотят сделать проминентом и спрашивают меня, не против ли я этого. Я отвечаю, что мне нет дела. Если ты будешь в конторе вести себя хорошо, то есть помогать товарищам и не станешь хамом, как многие проминенты, я не пожалею, что не возражал против твоей кандидатуры. Понятно? А теперь иди. Ты мне ничем не обязан, ты не мой ставленник, и я не хочу, чтобы ты мне о чем-нибудь доносил. А если ты считаешь, что тебе страшно повезло, то прими мои поздравления, - он ухватил руку Зденека и пожал ее, потом отвернулся и уставился в окно.

- Пойдем, - сказал Зденеку Фредо и повел в контору нового помощника писаря, который не понял ровнехонько ничего.

* * *

Эрих сидел за столом. Никто не крикнул Зденеку "шапку долой", но он вошел с обнаженной головой. Днем контора выглядела совсем не так, как прошлой ночью: не было теплого электрического света, не было густого табачного дыма. Косой солнечный луч проникал в окошечко и выхватывал из грязноватого полумрака полосу пыли.

- Герр лагершрейбер, - почтительно сказал Фредо, - я привел заключенного, за которым вы меня посылали.

Писарь даже не поднял глаз.

- Можешь идти. Новенький пусть подождет.

Фредо подбодрил Зденека взглядом и вышел, Зденек ждал. Тщетно старался он преодолеть освенцимское отупение и мыслить точно и ясно. У него был достаточный лагерный опыт, чтобы понять, что значит прыжок из "мусульман" в проминенты, но ему никак не удавалось осмыслить тот факт, что такая чудодейственная метаморфоза произошла именно с ним.

Вон там, напротив, сидит великий писарь, рослый, краснорожий, очкастый, страшно важный с виду. Его густые русые, какие-то ангельские кудри совсем не идут к широкому, налитому кровью лицу. На шее, от подбородка к уху, тянется ужасный шрам, мощную грудь обтягивает чистый белый свитер, поверх которого надета чистая арестантская куртка. Глядя на него, Зденек показался себе особенно жалким и отвратительно грязным.

- Поди сюда, - послышался наконец хриплый голос. - Я выбрал тебя в помощники, но прежде мне нужно видеть твой почерк. В этой конторе нет ни пишущих машинок, ни перьев с чернилами. Все пишется карандашом, а это не так просто. Какие у тебя были в школе отметки по чистописанию?

"Шутит он или нет? - недоумевал Зденек. - Чистописание? Боже, неужто здесь, в лагере, еще можно вспоминать о чистописании?" Ослабевшая память Зденека обратилась к воспоминаниям десяти-двадцатилетней давности, ища в них деталь - школьный табель. Наконец он представил себе этот лист, сложенный в длину и в ширину, представил себе разграфленные рубрики и каллиграфически вписанные в них пятерки и четверки. М-да, по чистописанию он не блистал успехами... а сейчас от этого, быть может, зависит все его будущее. Надо солгать?

- Не помнишь? Или отметки были плохие? - прохрипел писарь и хитро прищурился. - Ну-ка, я сам тебя проэкзаменую. - Он встал, показал на скамейку и брезгливо поглядел на грязную голову "кандидата". - Ты, наверное, учился в университете, а? Но здесь тебе от этого будет мало толку. Возьми-ка карандаш и пиши.

Зденек взял огрызок чернильного карандаша. (Как бы скрыть грязь под огрубевшими ногтями?..) Прижав бумагу рукой к неровной поверхности стола, он втянул голову в плечи, словно опасаясь учительской затрещины.

- Belegschaftshohe, Abgangsmeldung, Transportliste... - продиктовал писарь и в наполеоновском раздумье прошелся по конторе. - Написал?

Высунув кончик языка, Зденек старался писать как можно красивее.

- Что-то ты очень копаешься! - проворчал писарь и заглянул через его плечо. - Transportliste пишется вместе - такой университант, как ты, должен бы это знать. А печатными буквами умеешь?

Печатными? Зденеку вспомнился какой-то стильный заглавный шрифт, и он снова написал им слово "TRANSPORTLISTE", на этот раз вместе.

- Вот это недурно! - писарь был доволен. - Если ты наловчишься быстро писать такими буквами, дело пойдет на лад. Будешь все так писать, понял? Я дам тебе бумагу и время поупражняться, но чтобы ты потом все писал этим шрифтом. Разумеется, и опрятность твоей башки должна быть на пятерку. Вымойся как следует, добудь себе одежду почище, как - это мне все равно. Иди сейчас в третий барак к парикмахеру Янкелю, скажи, что тебя прислал писарь, пусть он тебя побреет. Да попроси у него ножницы и остриги свои когти. Вечером приступишь к работе. Марш!

* * *

На стройке стало еще оживленнее. При свете прожекторов начали строить забор вокруг трех новых бараков. Не было готово только отхожее место: ждали, пока Казимир кончит бетонирование ямы, чтобы потом устанавливать стены. Уже рыли ямки для стоек, Гастон добился в комендатуре, чтобы на несколько часов выключили ток в главной ограде лагеря. Эта ограда была двойная. Бетонные стойки внутренней линии наверху были загнуты внутрь, и по ним шел, от изолятора к изолятору, обнаженный провод с током высокого напряжения. Вторая линия ограды была из колючей проволоки. Между оградами был проход для часовых, по которому они попадали к сторожевым вышкам. Кроме того, в лагере, на подступе к внутренней линии ограды, находилось еще одно проволочное заграждение высотой по колени.

Новый забор вокруг трех бараков и уборной примыкал к основной ограде, у самого электрического провода, а справа от конторы в нем была устроена калитка.

Устройство такого внутреннего лагеря, разумеется, вызвало оживленные толки и споры среди заключенных. Дело ясное, говорили самые опытные, здесь будет штрафное отделение, "дисциплинарка". Или сюда привезут пленных русских. Немцы их боятся больше всех и обращаются с ними хуже, чем с другими. Помните массовый побег русских из Маутхаузена? Помните большой бунт, который они организовали в Бухенвальде?

- Что-то не верится, - качал головой голландец Дерек. - Три барака это слишком мало. В них войдет сто пятьдесят человек, я еще не видывал таких маленьких лагерей для русских.

Но многие с ним не соглашались.

- А помнишь, как в Освенциме их травили ядовитым чаем? Что, если завтра сюда пришлют из Дахау сто пятьдесят русских? Дадут им отравленную еду, и к вечеру все они будут мертвы. Больше ста пятидесяти трупов за сутки и не похоронишь. Назавтра пришлют еще сто пятьдесят, и так изо дня в день.

- Не пугай, не пугай! Зачем бы им делать это здесь? Ведь в Дахау построена новая газовая камера.

- Может быть, они там не отваживаются на крупные истребления? Лагерь переполнен, в нем больше тридцати тысяч человек, если все они взбунтуются, их не удержишь.

- А нас удержишь?

- Нас - да. Нас всего полторы тысячи, н большинство мусульмане, у которых мозги совсем набекрень. Если эсэсовцы вздумают превратить нас в могильщиков для ста пятидесяти русских в день, мы ничего не сможем поделать.

- Не паникуйте! Лагеря истребления здесь не будет. Писарь сто раз уже говорил это.

- А ну вас к черту с вашим писарем! Мало ли что он сказал. Поверьте мне, мы тут строим душегубки для советских солдат. А когда мы перехороним их всех, нацисты возьмутся за нас...

* * *

Блоковый из двадцать первого барака рыжий Вольфи по дороге в контору остановился поговорить с Фредо.

- Слушай-ка, вранье это или нет, будто нас хотят сделать соучастниками истребления русских людей?

- Чепуха! - усмехнулся Фредо. - Сортирные сплетни! Умному человеку, как ты, не следовало бы распространять их.

Вольфи нахмурил белесые брови и подозрительно подглядел на грека. Ресницы у Вольфи тоже были белесые.

- Сдается мне, что ты заодно с писарем. В своем ты уме? Может быть, ты веришь ему?

- Верю. У нас будет рабочий лагерь в распоряжении фирмы Молль, строительного предприятия в Мюнхене. Такой вещи писарь не выдумает. Тому, кто будет болтать об истреблении русских, дай хорошего пинка под зад.

Вольфи покачал головой.

- Хитрый Эрих верит нацистам, а еще более хитрый Фредо верит Эриху. А всем остальным надо дать пинка. Эрих - уголовник, от него нельзя требовать политического подхода. Но как же ты, старый партийный работник, поддаешься на это?.. Погляди хоть на штаб лагеря, который они сколотили: три немца и один австриец - все уголовники. Кроме них, хлюст Гастон, тоже хорошая штучка, жестокий Дерек, беспартийный добрячок Оскар и, наконец, Фредо, обер-хитрец Фредо, который со всем справится один, удержит бразды правления и отстоит партийную линию. Тьфу!

- Честное слово, Вольфи, - засмеялся Фредо, - ты говоришь так, словно речь идет о городском совете или еще каком-то выборном органе и я отвечаю за кандидатский список. Вместо

того чтобы радоваться, что хоть я попал в этот штаб, ты меня же кроешь.

- А почему в штабе нет меня, старейшего политического заключенного и немца? - спросил Вольфи. - Не говори, что это по воле Копица, он не вмешивается в такие мелочи. Просто это козни Эриха, он знает, что со мной ему было бы не так легко ладить, как с тобой.

- Ты все знаешь наперед, - Фредо слегка поклонился, - зачем же спрашиваешь? Эрих против тебя, Хорст и Фриц тоже. Ты что думаешь: я не предпочел бы видеть в штабе тебя вместо любого из этой троицы?

- А ты предлагал меня?

- И не раз!

- И вот результат: сегодня у меня отбирают двадцать второй барак и отдают его Фрицу, величайшему мерзавцу в лагере.

- Вольфи! - Фредо взял немца за рукав и заглянул ему в глаза, для чего греку пришлось подняться на цыпочки и приблизить свое лицо к веснушчатой физиономии рыжего верзилы. - Во-первых, не кричи, во-вторых, не ругай меня за то, что произошло не по моей вине и чему я не мог помешать. Не важно в конце концов, кто в штабе, ты или я, важно, что в нем есть хоть один человек, который противостоит уголовникам и пытается вести дела правильно, чтобы от этого штаба была польза. Может быть, ты делал бы это совсем по-другому и лучше меня. Но, видишь ли, они давно заметили, что ты упрям, и не дают тебе ставить им палки в колеса. Меня в штаб провел Эрих, потому что я сумел к нему подладиться, потому что я в какой-то мере ему полезен. Тот факт, что твои соплеменники допустили в штаб иностранца, - это уже крупный успех. Вспомни-ка первый штаб Гиглинга: Копиц составил его целиком из немецких уголовников. Сегодня впервые собрался новый штаб, и в нем представлены другие национальности, да к тому же сплошь политические узники. Ты говоришь, Гастон - хлюст. Это несправедливо. Хлюст или не хлюст, но он наш человек, ему можно доверять. Дерек жесток, это верно, но он такой же честный антифашист, как ты. Оскар не только добрячок, он врач, который будет драться за жизнь каждого заключенного. В голове у него, правда, страшная неразбериха насчет добра, зла, справедливости и еще бог весть чего, но, вот увидишь, он пойдет с нами и даже, может быть, станет совсем нашим человеком. Что собой представляю я, ты знаешь. Нет, от этого пресловутого нового духа на новом этапе войны должен быть какой-то прок: руководство лагеря ищет через греческого коммуниста и еврейского врача хоть какого-нибудь контакта с массой, понял? Оно привлекает к себе представителей

французов и голландцев. Сегодня в конторе начал работать второй писарь, чех, один из новичков-мусульман. Ты не можешь отрицать, что все это знаменательные факты. Не будь слишком подозрительным и нетерпеливым. Политических немцев здесь только трое. Писарь думает, что с вами можно не считаться, за вами, мол, нет никакой силы, а за другимн нациями стоит приближающийся фронт союзников. Это тоже признак нового этапа войны: контора начинает подумывать о том, что будет, если Адольф сдохнет. Соображаешь?

- А для чего нужна новая ограда внутри лагеря? Если ты такой умный, как же ты этого не знаешь?

- Честное слово, не знаю, Вольфи. Эрих прикидывается, что знает, но он тоже не знает. Надо выждать. Хуже всего было бы устраивать панику из-за этого дурацкого забора. Я знаю одно: у нас рабочий лагерь и с понедельника шестого ноября мы должны послать две с половиной тысячи человек на какую-то стройку фирмы Молль. Сегодня вторник, а в лагере у нас только немногим больше половины нужного количества. К воскресенью нам нужно построить еще двадцать семь бараков и разместить в них пополнение в полторы тысячи человек. А в понедельник, как я уже сказал, мы идем на работу. Вот увидим, что это за работа, да и лагерь к тому времени будет полностью укомплектован, тогда и поговорим о том, что делать дальше. Истреблять людей здесь не будут, и пока что это главное.

- А если все будет так, как ты говоришь, ты согласен работать и помогать нацистам строить укрепления?

- Там будет видно, Вольфи, - усмехнулся Фредо и отпустил рукав товарища. - Сегодня тридцать первое октября тысяча девятьсот сорок четвертого года. Через пару недель наступит зима, а что можно строить зимой? И сколько месяцев еще выдержит весь этот зверинец?

Около десяти вечера поднялся ветер. Куда делось искристое звездное небо прошлой ночи! Со стороны Ландсберга тянулись густые и зловещие черные тучи. Вихрь вырвал из рук людей и повалил фасадную стену последнего барака, Карльхен взревел, ему прищемило левую руку. В самый разгар переполоха погасли прожекторы на вышках и все фонари на ограде.

- Воздушная тревога! - заорал часовой. - Все по баракам!

- Alles auf die Blocke! нем.)>

Повсюду повторяли эту команду, около кухни тревожно зазвенел рельс. Эрих выбежал из конторы и стал удерживать людей, разбегавшихся со стройки.

- Стойте! Оставайтесь в новых бараках! Не понимаете, что ли, идиоты, что там не опаснее, чем в старых! - Он хрипел от злости и

дубасил пробегавших мимо него заключенных. - Оставайтесь на стройке, слышите!

Ему удалось остановить людей, они стали отступать, задерживая тех, кто был сзади, и повторяя слова Эриха. Потом через двери и незастекленные окна они хлынули в новые бараки и устроились на нарах, прикрикивая друг на друга: "Тише!", потому что всем хотелось знать, что делается на дворе. Только Карльхен, придерживая правой рукой левую и спотыкаясь в темноте, шел по проходу между старыми бараками и искал лазарет.

Когда утих шум, стал слышен пронзительный свист ветра и отдаленный рокот многих самолетов. Потом залаяли мюнхенские зенитки и сразу же гулко грохнули бомбы. Но видно ничего не было, густые тучи заволокли небо.

В четырнадцатом бараке Франта высунулся в дверь и нюхал воздух. Не обращая внимания на бомбежку, он наблюдал пасмурное небо и ворчал:

- Будь сейчас декабрь, я бы головой поручился, что завтра выпадет снег.

- Снег! - усмехнулся поляк-блоковый, выпятив губы и шумно выдыхая воздух. - Закрой-ка лучше дверь и брось каркать. Еще снега нам тут не хватало!

В бараке было тихо и совсем темно. Только что ушла на стройку последняя смена. Лежавший на нарах Феликс пошарил рукой и не обнаружил соседей ни справа, ни слева. "Еще снега нам тут не хватало!" - повторил он про себя слова блокового.

Зденек не возвращался. После ухода по вызову грека-арбейтдинста он забежал обратно в барак только на минутку и взволнованно сказал Феликсу:

- Сегодня вечером я начинаю работать в конторе младшим писарем. Пожелай мне удачи. Как только добуду какую-нибудь жидкую пищу, принесу тебе.

И умчался. Боже, как у него блестели глаза! Сейчас совсем темно и... "Еще снега нам тут не хватало!"

Левая щека Феликса уже не болит, ничто его не беспокоит, тело ослабло, и все ощущения как-то притупились. Феликс спокойно дышит, глаза у него широко-открыты, но он ничего не видит. Только пересохший язык беспокойно шевелится, кончик его медленно движется во рту, описывая овал, все время овал. "Растрескавшийся шрам внутри этого овала - это мой рот, - думает Феликс. - Через него в мое тело проходила еда, втекали вкусные прохладные напитки. Теперь там все пересохло. А над небом, под которым ворочается язык, работает мозг. Для него сейчас не существует моего тела, а только это кругообразное движение языка... Весь остальной организм в порядке,

пищеварительная система меня не беспокоит. В школе нам показывали модели печени и почек, но я даже не знаю точно, где они у меня находятся. И желудок не болит, мой несчастный пустой желудок. Лишь в темной неприступной пещере над сухим ртом что-то еще живет, размышляет и будет жить до тех пор, пока сердце, которого я не ощущаю, не перестанет посылать мозгу кровь и питание.

Кто это, собственно, лежит здесь в темной землянке? Над землей я или под землей? А может быть, правильнее спросить, что тут лежит? Перестанет мой организм функционировать и распадется на составные части, именно здесь, в Гиглинге?

Какое противное, булькающее слово - "Гиглинг"! Каждый звук "г" словно продирается к болезненному месту между гортанью и небом, к этому месту моего тела,, где сейчас для меня сосредоточился весь мир. В центре этого участка ватный язык все время описывает овал. Овал, овал, овал..."

* * *

Карльхен был куда более нетерпеливый пациент, чем Феликс. Он честил на чем свет стоит темноту и просил Оскара, хотя бы на ощупь, определить, нет ли перелома. Но едва врач взял его за руку, капо снова взвыл и запросил пощады.

Стали ждать света. Доктор Антонеску засунул руку под рубаху и скреб волосатую грудь. Все тело у него тесалось. Он прикрыл глаза и стал мечтать о белом костюме, белых носках и туфлях, о никелированных кранах и журчащем душе, о ванной с брызгами воды на белых кафельных стенах.

- А работать сейчас дома, в хирургической клинике, тоже стоило бы изрядной трепки нервов, - неожиданно сказал он. - Что бы мы делали, если бы во время серьезной операции вдруг погас свет?

Четверо врачей удивленно подняли головы и дружно рассмеялись. Сами не понимая, почему слова румынского коллеги показались им такими забавными, они хохотали, как расшалившиеся студенты.

- В чем дело? - проворчал Антонеску и в темноте нащупал плечо своего друга. - Я неудачно выразился по-немецки, что ли?

- Нет, нет, Константин, - успокоил его маленький Рач, - по-немецки это было правильно... - И он опять не смог сдержать смеха.

- Значит, вы спятили, вот что! - рассердился румын. - Потемки во время серьезной хирургической операции - что в этом смешного? - Он встал и, топая, пошел к двери. Рач поспешил за ним.

- Не сердись, Константин. Все это только потому, что ты в

этой дыре, где даже нет пола, вспомнил о чистом операционном зале... И вообще, зачем ты создаешь себе ненужные заботы?

Оба вышли из барака. С минуту было тихо. Сидевший у окна Оскар воскликнул;

- Фонари на ограде уже горят. - Тотчас вспыхнул свет и в лазарете.

- Ну, показывай свою лапу, - грубо сказал Оскар капо Карльхену.

Рукав Карльхена был весь в крови, лохмотья прилипли к телу. Он орал, когда их осторожно удаляли. Оказалось, что кости целы, только рука по всей длине была в кровоподтеках и ушибах.

- В другой раз не хватайся за падающий барак, - усмехнулся Оскар. Жалко, что тебя не стукнуло по голове, у нас одним убийцей было бы меньше.

Раненый морщился от боли и ворчал:

- Заткнись, Оскар, а то...

- Что? Пойдешь к конкуренту? Шими-бачи, иди-ка, прими от меня этого пациента.

Розовощекий венгр отмахнулся.

- А ну его! Так ему и надо. Это ему наказание за то, что сегодня утром он сломал челюсть мусульманину из четыряадцатого барака.

- Я? - в непритворном удивлении Карльхен вытаращил глаза. - Я даже не знаю, как надо бить, чтобы ее сломать. Честное слово, Шими-бачи, это не я, это кто-то другой.

- Молчи уж! - проворчал старый врач.

Оскар усмехнулся.

- Нет, так быстро бог не наказывает. Утром затрещина у клозета, а вечером на обидчика валится весь клозет... К сожалению, это не так. Я тоже подозревал Карльхена, но мне подтвердили, что в это время он еще спал.

Капо повернулся к Шими-бачи и высунул язык.

- А ты мне не поверил! Да разве я когда-нибудь боялся признать, что разрисовал чью-то морду? А тебе я вот что скажу, - обратился он к Оскару, который перевязывал ему руку бумажным бинтом. - Уж если это для тебя так важно, я помогу тебе выяснить, кто это сделал.

* * *

К утру погода стала еще хуже. Три барака, отхожее место и забор были почти готовы, когда около шести утра вдруг началась метель.

- Снег? Быть не может! Ведь еще только первое ноября!

- А чему удивляться? - сказал Мирек, инженер из города Млада Болеслава. - У нас дома снег иной раз бывает и в октябре.

Ведь мы здесь вблизи Альп, высота, наверное, метров шестьсот над уровнем моря.

- Вот хорошо, что ты объяснил, доцент. От этого нам сразу стало теплее.

Послышался звон рельса, Мотика орал "Kaffee holen!", кругом повторяли этот возглас, Гастон, зевая, произнес "Cafe au lait!", а чех Франта из четырнадцатого барака не преминул повторить свое "Kafe, vole!" Штубендисты подняли воротники и побежали в кухню за кофе, остальные "мусульмане" остались лежать на нарах, ошалелыми совиными глазами поглядывая на снег за окном. Обладатели хорошей обуви прижали ее покрепче к себе и, кажется, даже улыбнулись. А тот, у кого обувь была худая, погрузился в мрачные мысли. Совсем босые - таких было человек сто двадцать - с немым ужасом созерцали снегопад.

Новый штубовой, Франта, еще не вернулся из кухни, когда в барак вбежал Зденек, бледный, невыспавшийся, но сияющий. В руках у него была дымящаяся кружка горячего кофе, от которого поднимался пар, в кармане восемь кусков сахару.

- Откуда ты? Где пропадал всю ночь? - посыпались вопросы, но Зденек, не отвечая, поспешил к Феликсу.

- Горячий кофе и сахар, гляди! - сказал он, подавая товарищу кружку, и бросил в нее все восемь кусочков сахару. - Размешай пальцем и пей.

Феликс приподнялся на локте и попробовал кофе. Он был горячий и сладкий. Феликс пил и глядел при этом на рукав Зденека. На рукаве виднелось что-то маленькое, бесцветное, с ножками.

- У тебя тут вошь, - сказал Феликс, он хотел было поблагодарить Зденека за кофе, но вместо благодарности почему-то с языка сорвались эти слова.

Зденек встревоженно взглянул на рукав.

- Никакая не вошь, это же снежинка! - засмеялся он. - Вон еще сколько их, погляди.

Это и верно были снежинки, одни шестигранные пропорциональные, другие несоразмерные и асимметричные, третьи сложные и ветвистые. В бараке они быстро таяли, и через минуту от них не осталось и следа.

- Снега ты можешь не бояться, - сказал Феликсу Зденек. - Ботинки у тебя хорошие, а на работу тебе все равно не идти, полежишь, пока совсем выздоровеешь...

Феликс выпил кофе, поблагодарил наконец Зденека и заглянул ему в лицо.

- Ну что, как там, в конторе? Ты ел?

Зденек уже торопился обратно.

- Расскажу обо всем, когда будет свободная минутка. Днем, наверное, приду отоспаться, работал всю ночь, еды еще не получал, но это не важно.

К ним подошел блоковый.

- Ну, герр младший писарь, - благосклонно сказал он. - Правду говорит Феликс, что ты от нас переедешь в контору? Бардзо польск.)> поздравляю.

Зденек не мог подавить в себе чувство гордости. Ишь ты, герр блоковый уже не покрикивает и не ругается, забыл свое вечное "verstanden?", не приказывает петь, весь исполнен добродушия... Погодите, сволочи, все вы поползете передо мной на брюхе, а больше всех тот глухонемой из кухни, что швырнул мне картошку в лицо.

- Да, это верно, - вслух сказал Зденек самым скромным тоном. - Я начал работать в конторе, но жить пока буду здесь, с Феликсом. Надеюсь, вы не против?

- С какой же стати? Наоборот! По крайней мере буду узнавать из первоисточника все новости в конторе. Ты не знаешь случайно, кого поселят в эти новые бараки?

Зденек вспомнил строгий наказ Эриха не болтать о том, что говорят в конторе. Но в данном случае проговориться было не о чем: сам писарь ничего не знал на этот счет. И его новоиспеченный помощник пожал плечами и откровенно ответил, что еще ничего не знает. Блоковый ухмыльнулся и похлопал Зденека по спине.

- Ишь ты, уже наловчился врать, да как убедительно! Мол, ничего не знаю, еще неизвестно. Вот я тебе задам, певун, если ты и тут, дома, у батюшки блокового, не подашь голоса.

Зденек тоже улыбнулся.

- Хотите верьте, хотите нет. Мне, однако, пора. Пока, Феликс. Довидзеня польск.)>, пан блоковый, - и, избравшись духу, он тоже похлопал блокового по спине. - Приглядывайте тут за Феликсом, надо его выходить. С вас еще порция похлебки за мое пение, так отдайте ее Феликсу. А если ему станет хуже, сразу сообщите Оскару.

- Ладно, ладно! - запыхтел блоковый. - Ты уже и старшего врача называешь Оскаром... Здорово! Такой быстрой карьеры я еще не видывал в нашем лагере.

Зденек выбежал из барака. В дверях он столкнулся с Франтой, но опытный кельнер ловко увернулся и не пролил ни капли кофе.

- Туалет за углом, - певуче произнес он. - Пожалуйста, не мешайте кельнерам обслуживать... - И в самом бодром настроении поспешил в глубину барака, чтобы наполнить уже приготовленные кружки. - Меню еще только составляется, но я

могу по секрету сообщить господам клиентам, что к обеду будет гороховый суп. - Подавая кофе, он ухмыльнулся. - К кофе желаете рогалики или кекс?

Веселое настроение Франты, кружки теплого кофе, которые он раздавал, растопили лед молчания, наступившего в бараке во время визита Зденека. Еще ночью здесь пронесся слух о неожиданном повышении одного из "мусульман", а теперь и самые заядлые скептики убедились в этом собственными глазами: Зденек прибежал с кружкой кофе и полным карманом сахару, он запросто разговаривал с блоковым и даже похлопал его по спине!

Пока Зденек был в бараке, все притихли и глядели на него, как на чудо. Вот он, один из них, вчерашний "мусульманин", все еще в скверных освенцимских лохмотьях и без проминентской повязки на рукаве, но уже чисто выбритый и какой-то быстрый, уверенный в себе... Да, видимо, это правда, он попал в контору. Но как?! Как, объясните, пожалуйста!

Франта раздавал кружки, люди пили кофе и перешептывались. В бараке оказалось несколько терезинцев, кто-то из них вспомнил, что у Зденека был брат-журналист, схваченный гестаповцами в самом начале протектората. Тотчас же разнесся слух, что санитар, который водил вчера Зденека с апельплаца в контору, - это, мол, и есть тот самый брат. "Ничего удивительного, что он стал проминентом", - кивали умные головы.

- Это правда? - спрашивали Феликса. - Ты же должен знать? Помог ему брат?

Феликсу было не до разговоров. Теплый сладкий кофе подкрепил его, ему хотелось напрячь всю волю, сосредоточиться на мыслях о своей челюсти, заставить ее срастись поскорее, выздороветь, жить, жить, жить! Феликс с трудом открывал глаза, неохотно отвечал на задаваемые вопросы, в которых чувствовалась зависть, глупость и даже недоброжелательство.

- Какой такой брат, что вы выдумали! Не знаю, кто ему помог, но от души рад за него. Видите ведь, что оя хороший человек: вон как заботится о товарище.

Хороший человек?

Хефтлинк, рассказавший о брате Зденека, вспомнил и другие подробности. Остальные терезинцы подбавили еще кое-какие слухи, и о Зденеке набралось немало сведений. Во-первых, как его фамилия? Роубик. Думаете, это настоящая? Ничего подобного. Настоящая его фамилия Роубичек. Старик Роубичек, его дед, торговал кожей в Нижних Краловицах. Отец Зденека переехал оттуда в Бенешов, он был общественным деятелем, социал-демократом, участником любительских спектаклей. Его старший

сын Иржи - между нами говоря, парень поумнее Зденека - не стеснялся отцовской фамилии. Но этому Иржи не повезло; перед самыми выпускными экзаменами его вытурили из школы за то, что он тайком побывал в Советском Союзе, а потом выступал с рассказами о нем. Парню пришлось очень плохо, у старика отца не было средств его содержать. Наконец Иржи устроился работать в редакции "Творбы". Зденек был на два года младше, он тоже якшался с Левым фронтом, но больше строил из себя утонченного интеллигента. Школу он кончил с отличием, печатал стишки в газетах, мамаша им нахвалиться не могла. Учился Зденек на юридическом, но скоро бросил университет и поступил на киностудию. К этому времени он уже писался "Роубик" и отошел от политики. Сделал он три-четыре короткометражки, о нем уже начали писать, как о "нашем молодом, подающем надежды", но при Второй республике его, разумеется, выперли из студии. Что он делал потом, не известно, скорее всего был простым рабочим, пока его не сцапали и не отправили в терезинское гетто. Там он организовал театр, проводил беседы. Кстати говоря, и женился на актрисе, она ему тоже помогала. А кроме того, он работал в детских бараках, потихоньку обучал детей, мой сынишка ходил к нему на уроки чешского языка. Летом говорили, что жена у него беременна; она это долго скрывала, чтобы ей не сделали насильно аборт. А потом начались большие выселения и всех нас увезли из Терезина. За несколько дней до родов Ганна Роубик осталась там без мужа, одна. Да только надолго ли осталась, скажите, пожалуйста? Ясно было, что немцы отправят ее в газовую камеру вместе с ребеночком, если он вообще родится.

В Освенцим Зденек ехал как неживой. Все, кто при "селекции" попал "на хорошую сторону", а не в крематорий, прибыли в Гиглинг измученными и отупевшими; Зденек был еще тише и беспомощнее других, и никто этому не удивлялся. Другие тоже расстались с женами и детьми, но у Зденека перед глазами все время стоял образ беременной Ганны - вот она стоит около поезда, заплаканная, с темными пятнами на лице... Это было трудно забыть.

А теперь Зденек стал проминентом. Четырнадцатый барак стоит, как и стоял, в нем лежит больной Феликс и спят утомленные ночной работой люди, на улице тихо падает снег, хлеб в последний раз давали вчера утром, по четверке на человека, потом давали картошку, а сейчас черный суррогатный кофе; днем дадут суп-горох, и только вечером еще хлеба. А Зденек проминент, писарь, он хлопает нашего блокового по плечу, он принес Феликсу кружку кофе и горсть сахару - вы только подумайте, как ему удалось попасть в контору? Может

быть, это к лучшему, может быть, он поможет и всем нам?.. А впрочем, как он может помочь? Нас пятьдесят человек, а он будет рад, если урвет что-нибудь для себя... Зденек! Что он за человек, и каким он станет в конторе? Может быть, мы еще будем его проклинать, - кто знает.

* * *

Снег все падал и падал, к десяти утра он покрыл тонкой пеленой низкие крыши, торчащие из самой земли. Эриху пришлось тщательно отряхнуться, прежде чем войти к Копицу, в жарко натопленную комендатуру, куда он отправился, лишь когда на стройке было покончено со всеми недоделками. Рапортфюрер не явился туда в девять часов, как обещал. Его все не было и не было, н капо, стоявший на страже, напрасно торчал там, размахивая руками, чтобы согреться: так ему и не довелось заорать "Achtung!"

Тогда в десятом часу писарь сам отправился в комендатуру. Заснеженный лагерь спал, было очень тихо, видимо, все-таки настал наконец день настоящего отдыха. Писарь нес в папке суточную сводку: один заключенный, умерший ночью в бараке, лежит в мертвецкой, наличный состав живых на 1 ноября - 1639 человек.

Это была липовая цифра: на самом деле умерли трое, и писарь знал это. Но уже пора было начать "организацию жратвы": если с утра показать в сводке 1639 человек, то вечером лагерь получит 1639 порций хлеба; если же показать сейчас всех мертвых, порций будет на две меньше.

Зденек был уже посвящен в кое-какие таинства своей новой работы, ему было поручено принимать рапортички блоковых о смертях, обеспечивать вывоз трупов из бараков, изымать карточки умерших из ящика и составлять суточную сводку. При этом надо было всегда, по указаниям Эриха, утаивать несколько смертей: сегодня, например, умерли трое, а в сводке будет только один. Двое мертвых пока что останутся в бараке, к вечеру их отнесут в мертвецкую, и только потом Зденек "оформит" их. Вечерние порции на этих двух умерших блоковые обязаны сдать в контору, а завтра утром покойники уже будут включены в сводку и лагерь станет получать на две порции меньше. Но к этому времени писаря "припрячут" новых мертвецов, может, трех, может быть, только одного, и их порции достанутся конторе.

- Арифметика простая, понятно? Чего ты вытаращил на меня глаза, перепугался, что ли? А что в этом особенного? Жрать хочешь, а? Будешь обворовывать живых, как делают сволочи-блоковые? Уж лучше научись обирать мертвых, им все равно. Обворовываешь ты тем самым комендатуру, нацистов, так что

будь начеку и держи язык за зубами! Ну, что еще? Ах, вот как: ужасно оставлять мертвеца на целый день в бараке! Подумаешь, кисейная барышня! Ты уже давно в лагере и должен привыкнуть к таким вещам. Мертвого снимут с нар, на земле он никому не мешает. Кроме того, сейчас уже достаточно холодно, а наши покойнички такие тощие, что в них и гнить нечему... Ну, ладно, ладно - нет, вы только взгляните, как он побледнел! вид у тебя, как у клоуна в цирке - такой же дурацкий...

Шагая по снегу в комендатуру, писарь все еще усмехался. И что за человека грек сосватал мне в контору! Говорят, этот Зденек кинорежиссер, а ведь глуп как пробка. Ну, я из него сделаю исправного писаря!

Копиц был в комендатуре не один. Он сидел, спустив подтяжки, из-под рубашки у него виднелась толстая теплая фуфайка, а на столе стояла початая бутылка шнапса, которую вчера принес писарь. Из всего этого следовало, что гость, неподвижно сидевший за столом, хоть и ниже чином, чем Копиц, но пользуется особым расположением рапортфюрера. Эрих почтительно посмотрел на него сквозь стальные очки и увидел долговязого, очень тощего эсэсовца с нашивками шарфюрера на петлицах. Что-то в его лице обеспокоило Эриха, по-видимому, бледная, пересеченная шрамом левая щека - похоже было, что она переставлена с другого лица. Но потом Эрих сообразил: все дело в левом глазе, который больше правого; неподвижный, блестящий, явно стеклянный, он глядел с каким-то язвительным выражением.

- Ну, писарь, - сказал рапортфюрер, - хорошо, что ты наконец вспомнил дядюшку Копица. Мне не хотелось вылезать в такой холод, а ты не догадался прийти раньше. Приказ выполнен?

- Jawohl, герр рапортфюрер, - прохрипел писарь как мог более браво и щелкнул каблуками.

- Вольно! - сказал Копиц и громко высморкался. - Не ломайся тут, шарфюрер герр Лейтхольд этого не любит. Еще не к добру напомнишь ему о фронте...

Заплатанная щека гостя передернулась, он поднял дрогнувшую руку и сказал:

- С вашего разрешения, камарад...

- Ну, что еще, что? - засмеялся Копии. - Не станешь же ты стыдиться, что на поле доблести и славы оставил половину своей кожи и что служба в тылу устраивает тебя куда больше, чем братская могила где-нибудь на Одере?

Лейтхольд смутился еще больше.

- Нет... я не говорю, камарад, это было бы глупо... Но я думал, что при чужом человеке...

Копиц развеселился. Он хлопнул себя по ляжкам и сказал:

- Ты слышишь, писарь? Он еще такой зеленый новичок, что считает тебя человеком?! Представляешь?

Писарь сделал удивленное лицо и покачал головой, потом снова стал навытяжку и прохрипел:

- Заключенный номер пятьдесят три двести одиннадцать явился для рапорта.

- Слышал? - сказал Копиц своему коллеге. - Он - номер. Не человек, а номер. Если я оставлю его стоять здесь вот так, забуду о нем и начну с тобой рассуждать о национал-социализме, о бабах или еще о чем-нибудь, он будет торчать тут день, два, три, неделю, пока не свалится или не сдохнет. Слышит он или не слышит, о чем мы говорим, нам, людям, безразлично. Все равно он это никуда из лагеря не вынесет, потому что живым отсюда не выйдет. Понятно? - Копиц помолчал, отхлебнул из рюмки и продолжал: - Это первое, что ты должен усвоить, Лейтхольд. В лагере живут номера, и только! Стоит тебе увидеть здесь людей, и ты пропал - сам будешь на верном пути в номера. Наш лагерь называется "Гиглинг 3". А ты знаешь, что такое "Гиглинг 7"? Это лагерь в полукилометре отсюда, и там такая же ограда и такая же свинская жизнь, как тут. Только заключенные там не уголовники, не враги Германии, большевики и жиды, а бывшие эсэсовцы. Да, да, мой дражайший. Что вытаращил последний глаз, который тебе оставили русаки? Вам там, на фронте, не говорили, что в тылу, близ Дахау, есть лагерь для таких, как вы? Но это так, и я тебя дружески предупреждаю: перестанешь видеть за колючей проволокой номера, сам туда угодишь! Я не читал бы тебе таких отеческих наставлений, если бы ты не попал в особо сложное положение - тебе ведь грозит двойная опасность поскользнуться. Во-первых, ты новичок и о лагерях слышал только всякое шушуканье, так что представления о них у тебя самые неверные и дикие. А во-вторых, "Гиглинг 3" - не обычный лагерь: наряду с подчиненными такой отвратительной внешности, как писарь Эрих, у тебя будут и другие... - Копиц рассмеялся, обнял Лейтхольда за плечи и продолжал: Ну, в общем ты понимаешь. Писарю я могу приказать раздеться догола и шагать тут по комнате церемониальным маршем. Взволнует это тебя? Нет. А представь себе, что я прикажу то же самое... - давясь от смеха он склонился к самому уху собеседника, и правая щека Лейтхольда быстро покраснела, левая же, из пришитой кожи, даже не дрогнула и осталась бледной.

Эрих спокойно стоял на месте, стараясь ничем не показать, что его занимает пьяная болтовня Копица. Но в душе, он был обеспокоен. Эрих давно знал рапортфюрера, еще по Варшаве и

Буне, но никогда не видывал его в таком настроении. Что-то носилось в воздухе, что-то новое, еще небывалое, и потому явно опасное. Что бы это могло быть? Относилось это только к эсэсовцу Лейтхольду, который сидел тут дурак дураком и стыдился перед заключенным за Копица? Говорил Копиц всерьез - ведь он даже не был сильно пьян, в бутылке еще оставалось порядочно шнапса, - и что он этим хотел сказать? Может быть, Лейтхольд извращенный молодчик, гомосексуалист, и Копиц намекает на это? Нет, по поводу столь пустякового грешка он не тратил бы так много слов. Ведь, например, Шиккеле в Буне был самым настоящим "гомо", Копиц знал об этом, все знали, а разве говорили когда-нибудь? Ни разу! Почему же столько разговоров с Лейтхольдом?

Рапортфюрер прервал размышления Эриха.

- Писарь, - сказал он, - в полдень я приду все проверить, осмотрю новые бараки и забор, каждый завиток проволоки, понял? Держись, если все не будет в полном порядке. Шарфюрер Лейтхольд при этом сможет посмотреть, как у нас раздают обед, а потом примет кухню, потому что он наш новый кюхеншеф.

Писарь поклонился Лейтхольду. Тот в свою очередь сделал что-то вроде поклона. Копиц заметил это, ухмыльнулся и продолжал:

- В кухне все должно блестеть чистотой. - Он повернулся к Лейтхольду: - Сегодня у них похлебка из горохового порошка. Знаешь ты эту гадость?

Новый шеф кухни с готовностью подтвердил:

- Я три года служил при полевой кухне и знаю все блюда.

"С ним надо держать ухо востро, он разбирается в деле", - заметил себе Эрих.

Копиц допил рюмку и продолжал философствовать над ней.

- Три года служить фюреру на кухне и все-таки стать инвалидом! Я-то думал, что в кухне опасность грозит только бычьим глазам, а оказывается, и наш добрый Лейтхольд умудрился там окриветь!

10

Снег все падал и падал, становился гуще и оставался лежать на земле, белая пелена росла; вместе со снегом на лагерь спускалась тишина. Глухая, тупая, всепроникающая мертвая тишина. Вместе с ней подкрадывалась смерть...

Ее первой жертвой стал неизвестный человек, который около одиннадцати часов утра появился откуда-то из леса, медленно подошел к лагерю, миновал часового, уставившегося на него, как на призрак, подошел к лагерным воротам и трижды постучал в них кулаком.

Задремавший капо, дежуривший у ворот, встрепенулся, заорал "Achtung!", подбежал к проволочному заграждению и вытаращил глаза, так же как часовой по ту сторону ворот.?

У ворот стоял совершенно голый человек. Длинный. костлявый, кожа да кости, с посиневшим грязно-белым лицом, которое резко выделялось на фоне белого снега. Лицо и остриженная голова поросли черной щетиной. Узкая слабая грудь была еще белее лица. На ладонях и ногах запеклась кровь.

- Господи боже! - воскликнул баварец-часовой и перекрестился, хотя, как эсэсовец, давно не принадлежал ни к какой церкви. Он взглянул на землю, чтобы убедиться, что фигура у ворот не призрак, и увидел ясные следы ног на снегу. Следы были кровавые. - Господи боже! - еще раз прошептал часовой.

По лагерю тем временем прокатилось беспокойное "Achtung!" Встревоженный Эрих выскочил из конторы.

- Ну, что там еще? Они ведь говорили, что придут в полдень, а сейчас только...

Капо у ворот молча махал ему рукой: скорей сюда. Эрих побежал, дыхание паром вырывалось у него изо рта, на бегу он снял стальные очки, на которые налипли снежинки, и поспешно протирал стекла. "Что случалось?"

Голый человек у ворот еще раз поднял кулак, очень слабо стукнул в ворота и сказал: "Пустите меня домой!" - потом упал в снег и больше не шевелился.

Писарь взялся за ручку и открыл ворота. Немец-часовой по ту сторону ворот знал, что писарь вправе в любое время дня выйти из лагеря в комендатуру, но сейчас, ошеломленный случившимся, сорвал с плеча автомат и прицелился в Эриха:

- Halt! Zuruck! нем.)>

Писарь злобно стиснул зубы, но повиновался: у часового были такие ошалелые глаза, что он и в самом деле мог выстрелить. Ворота снова закрылись, часовой вынул свисток и пронзительно засвистел. Часовые на вышках встрепенулись, стволы пулеметов склонились в сторону ворот, из комендатуры выбежал еще один часовой, за ним Дейбель.

- Почему тревога? - на бегу кричал он. Одуревший часовой у ворот засвистел снова и только потом стал навытяжку и отрапортовал обершарфюреру о случившемся. Дейбель не растерялся.

- Удвоить караулы на вышках! Вся охрана - в ружье! - крикнул он другому часовому, а дежурному капо у ворот приказал: - Старшего врача сюда!

Капо повернулся направо кругом и заорал во весь голос:

- Старшего врача сюда!

Дейбель кивнул писарю, тот вышел за ворота и наклонился над голым мертвецом.

- Часовой говорит, что услышал слова: "Пустите меня домой!" пробормотал Дейбель. - Значит, он из нашего лагеря. Если он ночью удрал через забор, а ты утром в сводке не показал нехватки одного человека, излуплю, как собаку!

Через две минуты прибежал Оскар. Дейбель и писарь тем временем перевернули труп навзничь, ища на нем номер, но тщетно - ни на бедре, ни на предплечье номера не было.

- Мне надо бы вытянуть из него еще пару слов, - сказал Дейбель врачу. - Но, наверное, уже поздно.

Оскар стал на колени, приложил ухо к груди неизвестного и подтвердил предположение эсэсовца.

- Да, он уже не заговорит. А как он, скажите, пожалуйста, попал к воротам?

- Это и я хотел бы знать, - Дейбель выпрямился и закурил сигарету. Вы случайно не знаете, кто это?

Оскар и Эрих поглядели на неподвижное лицо мертвеца и покачали головой. Потом врач горстью снега отер кровь со ступней неизвестного и внимательно осмотрел их.

- Явно психически ненормальный, - пробурчал он. - Голый, перелез колючую ограду. Все ноги у него в глубоких порезах.

- Все-таки, значит, через ограду, - прошипел Дейбель. - Когда он успел? Наши часовые - хорошие лодыри, видно, им хочется на фронт. - И он бросил свирепый взгляд на вышки, куда спешно взбиралось подкрепление.

Оскар отер снегом руки мертвеца и грустными глазами посмотрел на его лицо.

- Убежать было, наверное, нетрудно. Для сумасшедшего это всегда легко, а особенно сегодня ночью: ведь ток был выключен, да еще затемнение...

- Ну, конечно! - Дейбель хлопнул красным кабелем по голенищу. - Как это я сразу не вспомнил! Огни были потушены, а часовые не включили ток в ограде, хотя во время тревоги работать все равно было невозможно. Обделались от страха... Ну, я им задам.

Оскар встал.

- Ты вполне уверен, что это наш заключенный? - спросил эсэсовец.

Врач поглядел ему в лицо. Взгляд Оскара сейчас не был грустным, скорее холодным и даже насмешливым. Он словно бы говорил: ты уже ничего не сможешь сделать этому мертвецу, тебе уже не расправиться с ним! Вслух доктор сказал:

- Не знаю, каково физическое состояние гражданского

населения Баварии. Но надо полагать, что они еще не так отощали, как мы. Поэтому мертвый, очевидно, из нашего лагеря.

Эрих испуганно замигал, уверенный, что Дейбель немедленно ударит Оскара за такой ответ. Но спокойные слова врача удовлетворили эсэсовца, который думал. о том, что предпринять дальше, и не обратил внимания на иронический тон Оскара.

- Так, так. Значит, наш. А ты, писарь, еще числишь его в списках лагеря. Что скажешь на это?

- Нынешняя ночь была необычная, - забормотал Эрих. - Шли строительные работы, люди чередовались, ни один блоковый не мог с уверенностью сказать, все ли люди в его бараке налицо...

- А утром при раздаче кофе? И куда этот тип дел свою одежду? Ее тоже не нашли, а?

- Это еще труднее выяснить... Он мог сбежать одетым, а потом бросить одежду где-нибудь в лесу.

Дейбель закусил нижнюю губу.

- Ерунда... Однако и с такой возможностью нужно считаться. Часовой! быстро обернулся он к часовому, который все еще стоял, держа автомат в руке и глядя на то, что происходит у ворот. - Немедля послать Шпильмана с овчаркой по следам этого человека.

Потом Дейбель уставился голубыми глазами на писаря и высказал главную мысль, пришедшую ему в голову сразу же, как только он увидел мертвеца. К чему канительные допросы, осмотр трупа, сыщицкие приемы? Все это для бюрократов из уголовной полиции, у них на это есть время. Мы, эсэсовцы, решаем такие дела просто, напрямик, фронтальной атакой!

- Устроить общий сбор, писарь. Проверочный сбор! - сказал Дейбелъ, и его бледно-голубые глаза смеялись. - Я тебе покажу этот твой новый дух лагеря, я тебе покажу, что значит просить за моей спиной у рапортфюрера об отмене моих распоряжений! Фриц вчера не получил двадцати пяти ударов, потому что это, мол, перепугает господ заключенных! Порка, мол, неуместна в рабочем лагере! И распоряжение Дейбеля попросту отменяется! Но сейчас другое дело: сейчас налицо побег и злостная халатность писаря, который не сообщил об этом побеге в комендатуру! Тут уж конец сентиментам, тут выступают на сцену старые добрые привычки эсэсовца Дейбеля! Общий сбор, писарь! Все на апельплац, больные, мертвые, повара и писаря, я вас там всех пересчитаю! Сразу будет видно, кого и где не хватает и кому мы там же, на месте, влепим двадцать пять горячих. Общий сбор, писарь! Иди и объяви об этом, чтобы через пять минут все вы стояли тут передо мной в струнку! Марш!

Кабель щелкнул по голенищу, Эрих прохрипел "Jawohl" и побежал в лагерь. "Тысяча чертей, - бормотал он про себя, - вот я и влип! Мало нам было двух вчерашних неприятностей - стройки и истории с зубами! Мало нам того, что выпал снег! Alles antreten здесь: "Все на апельплац!" (нем.)>, твердил он на бегу. - Уже с утра появление этого Лейтхольда не предвещало ничего доброго, но общий сбор - это хуже всего. Дейбель ополчился на меня. Из-за этого проклятого беглеца он может меня прикончить... а ведь у меня еще двое мертвых засекречены в бараках. Не выпутаться мне, ох, не выпутаться!"

Все на апельплац, все на апельплац!

Капо с дубинками в руках побежали по баракам сгонять людей на апельплац. Оскар нагнал писаря и ухватил его за рукав.

- Сейчас я за тебя, Эрих. Вижу, что Дейбель жаждет твоей крови. Все-таки ты выступал за лучшее обращение с людьми, потому он и озлился на тебя. Могу я помочь тебе чем-нибудь?

Писарь не был расположен обмениватьсся любезностями и хотел было огрызнуться: мол, отстань ты от меня, но вдруг его осенила счастливая мысль.

- Ловлю тебя на слове, Оскар, ты мне нужен. Ни о чем сейчас не расспрашивай, беги в тринадцатый барак и в двадцать седьмой, вели унести мертвых, которые там лежат, и, если понадобится, подтвердишь потом, что они умерли только что, после сбора. Беги!

Оскар сверкнул на него глазами: вот он, Эрих, весь тут, протяни ему палец, он тебе измажет всю руку своими грязными делишками. Но слово есть слово, Оскар молча повернулся и поспешил в тринадцатый барак.

В лагере начался переполох, такой же, как вчера, но на этот раз он казался еще большим, потому что всюду по щиколотку лежал снег, который все еще продолжал валить. У ста двадцати заключенных не было никакой обуви. Сколько было криков и стенаний, сколько побоев и брани, пока всех их не выгнали на стужу! Первое прикосновение босых ног к снегу обжигало, снег палил и щипал ступни, сколько ни подпрыгивали несчастные, сколько ни старались они стоять то на одной, то на другой ноге. Дерек страшно избил одного из них, поляка, поймав его на том, что тот потихоньку разорвал одеяло да полосы, чтобы обмотать им ноги. Голландец накинулся на него:

- С ума ты сошел? Хочешь, чтобы тебя немедля повесили? Эсэсовцы увидят тебя в таком виде, скажут, что ты уничтожил казенное имущество, и пиши пропало. Я уже видывал такие случаи и говорю тебе: лучше пойти босым, чем наверняка висеть...

Подъехал грузовик с хлебом, но его не впускали в ворота. Недоумевающая фрау Вирт склонилась к рулю. Неужто ей опять придется целый час торчать тут, прежде чем разгрузят машину? Черт бы побрал такую работу!

Конвойный Ян вылез из шоферской кабины и, заметив поблизости Дейбеля, щелкавшего кабелем по сапогам, накинулся на Зеппа, который сегодня сидел рядом с фрау Вирт.

- Вылезай, бродяга, не слышишь разве, что объявлен общий сбор и тебе давно пора быть на своем месте?

Преемник Фрица выскользнул, как уж, из кабины и через мгновение был уже в воротах. Фрау Вирт проводила его взглядом. Интересный мужчина, почти такой же, как Фриц... но как тут с ними обращаются, боже мой! Хлопнула дверца, Вирт осталась в кабине одна и могла прочитать записку, которую ей потихоньку сунул Зепп.

"Милая Фрау Вирт, - писал Фриц, - мне временно дали одно важное задание (извините, что я не объясняю какое, это сов. секр.), поэтому пришлось поручить доставку хлеба моему товарищу. Он такой же надежный человек, как я, и тоже немец, так что можете ему вполне доверять. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы поскорей встретиться с Вами, надеюсь и в дальнейшем на Вашу благосклонность. Бутерброды можете передать Зеппу, он мне их вручит в целости.

Ваш верный цыган".

Фрау Вирт дочитала записку и прослезилась. Ее цыган! Нахал порядочньй, это верно, но ведь у него нет ни матери, ни родного дома. Она собиралась упрекнуть его сегодня за то, что он так обращается с евреями. Сама она во всем этом не разбирается и только понимает, что фюрер страшно ненавидит инородцев. "Ну что ж, ничего не поделаешь, Гитлер - великий человек, пусть принимает против них свои меры, на то у него есть гестапо и эсэс. А зачем нам, простым немцам, впутываться в эти дела? Мужа моего взяли, сыновей послали на фронт, а меня тотально мобилизовали, напялили на меня вот это грубое обмундирование... не хватит ли всего этого?! А тебя, мой цыганенок, даже загнали в лагерь. Что мы им еще будем..."

Фрау Вирт подняла голову и опять взглянула на дорогу, которую уже не заслонял часовой. Он отошел в сторону и беседовал с Яном. И фрау Вирт увидела, что метрах в двух от ее грузовика, у самых ворот, на снегу лежит что-то темное. Что это? Кровь застыла у нее в жилах, когда она поняла. Это был голый мужчина с бесстыдно раскинутыми ногами. Он недвижно лежал на дороге, голова была повернута набок, черной дырой зиял разинутый рот. Ужас! Фрау Вирт хотела отвести взгляд, но не

могла. Она стиснула руками виски, словно желая закрыть глаза, но не закрыла их. Кончиками пальцев она вцепилась в свои завитые русые волосы, так что ее шоферская фуражка еще более лихо съехала на затылок. Фрау Вирт упорно смотрела на труп впереди, на первого нагого мужчину, которого она увидела мертвым, без красок живого тела, без игры мускулов под кожей, без дыхания, без улыбки. Ее собственный муж почудился ей таким, как был когда-то, потом двое ее сыновей, крепкие мальчики с гладкими телами... она так любила мыть и вытирать их, надевать на них чистые ночные рубашки... Потом все это исчезло, и осталось только потемневшее нагое тело на снегу, с раскинутыми ногами, эапрокинутой головой и черной дыркой рта, который словно хотел закричать, но не мог.

У фрау Вирт комок подступил к горлу. Фуражка опереточной субретки совсем свалилась с ее головы, волосы свесились на лоб, и голова еще ниже склонилась над рулем. Фрау Вирт горько заплакала, положив руки на руль и опершись на них, ее дородная фигура вздрагивала от рыданий, губы, мокрые от слез, снова и снова повторяли дорогие имена: Вальтер, Билли, Франци... Вальтер, Билли, Франци...

Она плакала всхлипывая и не заметила эсэсовцев, которые прошли мимо ее машины и тоже не обратили на нее внимания. Это были приземистый Копиц в измятых брюках, с трубкой в зубах, и худощавый Дейбель с тупым носиком и крутыми скулами; неизменный кабель торчал у него за голенищем. Последним неуверенно шел Лейтхольд, самый длинный из трех, болезненно худой, одноглазый. Было заметно, что он к тому же прихрамывает, но из всех сил старается шагать прямо и легко.

Пока часовой отпирал ворота, Копиц на минутку задержался у трупа.

- Гляди, гляди, Лейтхольд, привыкай!

Длинный эсэсовец ничего не сказал, только проглотил слюну. На шее у него подпрыгнул кадык, и правая щека стала почти такой же бледной, как мертвая левая.

Три эсэсовца: коротышка, повыше и самый длинный - гуськом вошли в ворота.

- Achtung! - закричал дежурный капо.

На апельплаце распоряжался староста Хорст.

- Шапки долой! - скомандовал он, и все шапки хлопнули о штаны. Белые снежинки падали теперь прямо на стриженые головы заключенных. Копиц повернулся к Дейбелю и тихо сказал:

- Ты хотел сбора, вот тебе сбор. Даю тебе десять минут. Я не хочу, чтобы эти люди передохли, мы ведь еще не выдавали им теплой одежды. Если в понедельник мне некого будет послать на

работу, кто меня выручит?

Голубоглазый Дейбель усмехнулся.

- Десяти минут вполне хватит, не беспокойтесь, начальник. Хуже вот что: не так-то легко будет найти нового писаря.

Копии наморщил лоб и серьезно поглядел на Эриха, который с шапкой в руке и папкой под мышкой рысью спешил им навстречу.

- Все в сборе, писарь?

Эрих вытянулся в струнку.

- Прошу минуточку терпения. Есть трудности, не все заключенные обуты, но вот-вот все будут на своих местах.

- Все? - усмехнулся Дейбель.

Писарь не ответил. Он подал Копицу папку с копией утренней сводки, и было видно, как у него дрожат руки.

- Ты что, уже так одряхлел? Или это от страха? - осведомился Дейбель.

- От холода, осмелюсь доложить, - прохрипел писарь.

Перед ними выстраивались шеренги, Хорст, как оглашенный, бегал туда и сюда, потом закричал:

- Готово! Капо, на свои места!

Опустились палки, которыми капо "помогали" выстраивать шеренги, затихли стоны. Проминенты выстроились отдельно. Писарь отошел от эсэсовцев и поспешно встал в одну из последних шеренг, стараясь затеряться среди других заключенных. Но Дейбель не сводил с него глаз и усмехался.

- Achtung! - приказал Хорст. Стало тихо, как было вчера, нет, еще тише, потому что даже синица не пищала. Не было слышно и шагов Хорста, который рысью побежал к рапортфюреру: снег приглушал все звуки.

- Староста лагеря, заключенный номер шестьдесят восемь два тридцать восемь рапортует: весь наличный состав заключенных выстроен на апельплаце, - гаркнул Хорст, вытянувшись перед Копицем. - Явке подлежит тысяча шестьсот тридцать девять заключенных.

- Становись в строй, - сказал Копиц, и Хорст побежал назад, в задние ряды, где стоял писарь. - Руди, можешь начинать.

Дейбель вытащил из-за голенища кабель, щелкнул им по колену и пошел считать ряды. Копиц молча ждал. За ним стоял Лейтхольд, руки у него сильно зябли, и он не знал, куда их деть. Заключенные выстроились тесными рядами по пяти человек; попавшие в середину радовались - там было теплее. Босые стояли на одной ноге, но снег уже не палил им ступни, жгучая боль сменилась странным чувством пустоты в посиневших ногах. Кое-кто из босых взял с собой дощечку и переминался на ней с ноги

на ногу, другие немного спустили штаны и подвернули под ноги нижний конец штанины, но и это не помогало, многим уже казалось, что пальцы ног превратились у них в пять недоваренных картофелин, такие они стали чужие и омертвевшие.

Дейбель пересчитывал пятерки. Пятьдесят, сто. Пятьдесят, сто. После каждой сотни он выпрямлял палец левой руки, а насчитав пятьсот, снова сжимал кулак. Вот он уже насчитал полторы тысячи и, сдвинув фуражку с потного бледного лба, подошел к последним шеренгам. Всего получилось 1636 человек. Дейбель громко выкрикнул эту цифру в сторону Копица. Писарь хорошо слышал это, и сердце у него замерло. Конец. 1636 человек! Остается прибавить двух мертвых, которых он утаил, и третьего, что лежит у ворот.

Но тут из рядов выступил Оскар.

- Как старший врач докладываю о смерти трех заключенных. Трупы перенесены в мертвецкую.

"Осел! - подумал писарь. - Никогда этот доктор не научится мыслить по-лагерному. Надо было доложить о двух мертвых, ведь третий - это вчерашний, он не включен в сегодняшнюю сводку".

Дейбель, видимо, рассудил точно так же и высказал это вслух:

- Идиот! Из сегодняшнего состава в мертвецкой могут быть только двое. Третий лежит у ворот.

Не моргнув глазом, Оскар повторил с той же невозмутимостью:

- Дело обстоит именно так, как я доложил. Всего в мертвецкой четыре трупа. Один из них вчерашний. А труп у ворот - не наш.

Копиц удивленно поднял голову.

- Тысяча шестьсот тридцать шесть выстроено, трое новых в мертвецкой, что ж, пожалуй, все сходится.

Дейбель стиснул зубы и быстро подошел к нему.

- Разве ты не понимаешь, что тут явная ошибка. Пересчитай-ка сам еще раз, а я схожу в мертвецкую, посмотрю, не врет ли эта носатая сволочь.

Копиц засмеялся.

- А что если тип у ворот действительно не наш? Ты так озлился на писаря, что даже не понимаешь, как это было бы удобно для всех нас. Значит, никто от нас не удрал, не надо никаких рапортов, не будет никаких нагоняев свыше.

Взгляд голубых глаз Дейбеля стал упрямым.

- Я хочу только правды. Наверное, я ошибся в счете, проверь.

Пока Копиц, который был в отличном настроении, начал счет заново, а Дейбель ходил в мертвецкую, Лейтхольд оставался один

на командном месте и с довольно жалким видом торчал там, как забытое в поле пугало.

Оскар оказался прав: в мертвецкой было четыре трупа... Они лежали там на земляном полу, рты у всех были разинуты, как у голого мертвеца у ворот.

Писаря, притулившегося где-то в задних рядах, охватила жаркая волна радости. Возможно ли: он выиграл ! Откуда же взялся этот третий мертвец? Может быть, его забили, когда гнали людей на апельплац? Или он умер еще раньше и какой-нибудь ловкач блоковый утаил его, так же как это делала контора ради лишней порции хлеба. Ну, это мы тотчас выясним. Такие вещи могу позволить себе я, Эрих Фрош, и больше никто в лагере!

Копиц, считая ряды, прошел мимо писаря и приветливо помахал ему рукой. У Эриха даже очки вспотели от умиления. Так вот оно что, Копиц за меня. Наперекор Дейбелю! Наперекор старому духу эсэс? Новый рабочий лагерь будет! Будет!

Пока в головах Дейбеля, Копица и Эриха шла эта напряженная игра, тысяча шестьсот тридцать пять человек мерзли на апельплаце, размышляя о том, сколько еще таких сборов можно перенести, не свалившись. Стужа стояла жестокая, даже проминентам в сносной обуви было холодно. А "мусульмане", изголодавшиеся, продрогшие, без портянок, в жиденьких куртках, безволосые, выглядели совсем безнадежно. Феликс чувствовал, что весь драгоценный прилив сил, который утром принес ему горячий кофе и восемь кусков сахару, понемногу улетучивается и, видимо, ничто уже не возместит его. Отец юного Берла все тяжелее опирался на плечо сына и едва не валился в снег. А длинноносый кельнер Франта, свесив свой длинный нос, шептал: "Эскимо! Холодный свиной студень!.. Кофе-гляссе со льдом!"

Оскар вернулся на свое место. В шеренге перед ним стоял Фредо.

- Так ты все еще веришь писарю? - спросил его Оскар.

Фредо упрямо кивнул.

- Рабочий лагерь - наше единственное спасение, - прошептал он. - Нам должны выдать пальто и обувь, в таком виде, как сейчас, мы не проработаем и недели.

Оскар не ответил, он остался при своем мнении. Сегодня он помог писарю, потому что поверил ему. Но это была минутная слабость, конец ей! Писарь - коллаборант, да еще глупый коллаборант, который принимает всерьез каждое слово нацистов. Может быть, и существует в верхах какой-то план изменения режима концлагерей, но для этого прежде всего надо сменить тех, кто распоряжается лагерями, пока это такие прожженные жулики, как Копиц и Дейбель, из подобного плана ничего не выйдет.

Ждать от эсэсовцев разумного упрздления - это все равно что сделать дикого кабана поводырем слепца на улице. То и дело у нас общие сборы, бестолковщина, а положение в лагере все хуже. Если мы согласимся на то, чтобы лагерем руководил писарь, мы не переживем этой зимы.

Копиц поднял руку.

- Тысяча шестьсот тридцать шесть, - громко объявил он, не скрывая полного удовлетворения. - Шарфюрер Дейбель сосчитал правильно. Писарь!

Эрих выскочил из рядов, шрам у него на шее налился кровью.

- Писарь, - повторил Копиц, лукаво подмигнув, - твоя казнь откладывается на неопределенный срок. Возвращаю тебе папку, сводка правильна. Староста лагеря!

Хорст подскочил к нему.

- Староста, всех по баракам! Полный отдых до завтрашнего дня. К хлебу сегодня выдать дополнительно по порции маргарина. Вечером строго запрещаю выходить из бараков. Только несколько специально назначенных людей послать на приемку нового транспорта. Разойтись!

11

Комендатура была как перегретый котел, кипение в котором достигло предела.

- Это уже переходит всякие границы, начальник! - возмущался Дейбель, видимо, желая предотвратить грозивший ему нагоняй. - Зачем было сразу же распускать сбор да еще громогласно хвалить этого сволочного писаря? Ты забываешь, что мы обнаружили у него серьезный непорядок: откуда взялись три новых мертвеца в покойницкой? Почему они не показаны в утренней сводке? Герр писарь, видимо, организует себе порции хлеба, а ты, вместо того чтобы наказать его за обворовывание Германии, угощаешь его маргарином!

Копиц снял френч, расстегнул воротник рубашки, так что опять стала видна его теплая фуфайка, и сказал бодро:

- Камарад Лейтхольд, как тебе понравились твои новые пансионеры? Тощи, а?

Дейбель даже открыл рот, у него захватило дыхание. Неужели мои дела так плохи, что Копиц даже не удостаивает меня ответом?

Лейтхольд тоже не знал, что сказать. Он чувствовал, что оба его старшие коллеги готовы вцепиться друг другу в глотку, и ему было очень неловко, что он с места в карьер стал свидетелем их ссоры. В то же время он не понимал, в чем же дело, к чему эти бесконечные подсчеты мертвых, которые, очевидно, важнее живых. С удивлением он следил за препирательством насчет

какого-то писаря, который хотя, по словам Копица, и не был человеком, но, видимо, представлял собой важную фигуру в этой непостижимой шахматной игре. К тому же Лейтхольд был первый день в концлагере и еще не успел прийти в себя после виденного. Уже труп у ворот показался ему дурным предзнаменованием при вступлении на новое поприще, но то, что последовало потом, было еще страшнее. "У нас есть босые", - просто сказал писарь, и в самом деле Лейтхольд увидел, как люди босиком стояли на снегу. И все до одного заключенные, даже здоровые парни с дубинками в руках, были плохо одеты для такой мерзкой погоды. А как ужасны лица, как страшны темные глаза узников! Лейтхольд думал, что все люди в лагере выглядят так же, как писарь, которого он еще до переклички видел у Копица. Лейтхольд всегда считал, что враги гитлеризма, сидящие в лагерях, должны были за это время стать кроткими и ручными, как собаки, носящие поноску, умильно глядеть на эсэсовцев и чуть ли не лизать им сапоги. Но он ошибся. Испуганно взглянув на длинные ряды хефтлинков, он подумал, что этот жидо-большевистский сброд стоит здесь перед ним, как черная стена. Худые, озябшие, стоявшие босиком на снегу, они выглядели более жалкими, чем он себе представлял, но на их лицах не видно было ни покорности, ни сознания своего поражения, ни подчинения воле фюрера. В этих глазах горела откровенная ненависть.

Лейтхольду стало не по себе. Что если эта тысяча шестьсот измученных, озлобленных узников набросится на них, тройку эсэсовцев, и в мгновение ока растерзает их на куски? Правда, кругом торчат вышки с пулеметами. Часовые расстреляют эту полуторатысячную толпу, как полторы тысячи зайцев. Но что проку от этого будет растерзанной тройке?

Зрители в цирке знают, что львы подвергаются суровой дрессировке, при которой их бьют и укрощают. Знают они и то, что во время представления ассистент дрессировщика стоит настороже, сжимая револьвер в кармане. Но попробуйте-ка, предложите зрителю войти в клетку льва? Почему же именно ему, повару Бальдуру Лейтхольду, тяжело раненному шальной пулей и с трудом сшитому лекарями, почему именно ему довелось очутиться в львиной клетке? И это-то "тихая заводь", "отличное местечко, чтобы отсидеться", и всякое такое, как расписывали ему в Дахау, когда уговаривали досрочно вернуться на действительную службу? "Благодарю покорно, - твердил себе Лейтхольд, - ohne mich! нем.)> Я девяностопроцентный инвалид. Какая же здесь "спокойная тыловая должность"? Это же ежедневные выступления с опасным номером на цирковом манеже! Вот именно, с номером! Тут повсюду номера, так и я

тоже стану номером?! Нет, на это у меня не хватит нервов. Это подходящее дело для дейбелей и копицев, для этой зажиревшей старой гвардии вечных тыловиков, в жизни не видевших фронта. А Бальдур Лейтхольд не того поля ягода, он и в эсэс-то попал как повар, да еще не к главным эсэсовским головорезам, а во фронтовые части - в ваффен-СС".

- Господа, - начал он, - не знаю, как бы поточнее выразиться... От лагеря у меня исключительное впечатление. Я словно бы вижу здесь неуязвимую пяту Зигфрида, которая попирает жидо-большевистскую гидру. Войдешь в лагерь - и видишь эту гидру прямо под собой. Прекрасное, достойное призвание служить в лагере! Но, право, не знаю, может ли такой болезненный человек, как я, принять высокую ответственность, связанную с этим призванием. Фюрер поставил меня сюда, но он явно переоценил мои силы. У меня нет ни здоровья, ни железных нервов, как у вас. Боюсь, что мне придется сегодня же...

- Слушай-ка, не пори чушь, - сухо сказал Копии. - Я знаю, у тебя такая шикарная инвалидность, что тебя и в самом деле отпустят, если ты подашь рапорт. Но зачем тебе его подавать? Дурак ты был бы, если бы подал. Знаешь, какие тут доходы?

Лейтхольд даже рот разинул. Он-то старался, говорил высокие слова, применял "нордическую хитрость", а герр рапортфюрер отвечает ему, как заправский лавочник!

- Я рад, что тебя прикомандировали к нам, - продолжал Копии. - Вот и Дейбель рад тоже, хоть и глядит бирюком. Всех посылают на фронт, людей не хватает, так что ни на кого другого, кроме инвалида, мы и не рассчитывали. Не бойся, мы тебе поможем, а если поведешь себя умно, будем сыты все трое.

Бальдур Лейтхольд совсем растерялся. Перед ним две сильные личности, которые, казалось бы, грызутся между собой, в действительности же тесно связаны давними общими махинациями. И вот они делают шаг к нему физиономия Дейбеля при этом подозрительно проясняется - и протягивают ему руки. Лейтхольд вновь чувствует себя цирковым зрителем, попавшим в клетку с хищниками. Его стеклянный глаз язвительно и безразлично глядит куда-то в пространство, а здоровый глаз боязливо косится то на Дейбеля, то на Копица. Спасения нет, их когтистые лапы уже тянутся к нему, Копиц даже пихает его в бок.

- Ну, решайся же, старый скелет! Неужто ты не подашь руку, когда двое искушенных ветеранов предлагают тебе treu deutsch нем.)> компанию?

И кролик сдался удавам. Его потная худая рука исчезла в их ладонях, и в бессильном ужасе он принял их рукопожатия.

* * *

- Так, - сказал Копиц, словно бы переходя к главному номеру программы. - А теперь подходит очередь моего возлюбленного Руди. Шарфюреру Лейтхольду можно не присутствовать при этой головомойке, он может удалиться в свои покои и заняться там своим чемоданом. - Лейтхольд испуганно откланялся. Даже не ответив ему, Копиц продолжал: -Тебе не понравилось, что я, не спросив тебя, дал на апельплаце приказ разойтись и не стал тут же, на месте, выяснять вопрос о трех трупах. Ладно, об этом можно будет поговорить потом. Но прежде изволь выслушать, что я думаю о твоей безмозглой башке, из-за которой у меня уже второй раз за сутки такие неприятности. Я еще не успел отругать тебя как следует за вчерашние зубы, и вот из-за тебя мы уже снова сидим в дерьме. Как ты смел без моего ведома назначить общий сбор? Разве из-за того, что какой-то голый идиот забрел к нашим воротам, надо сразу же поднимать панику?

- Минуточку, минуточку, - нерешительно возразил Дейбель. - У меня есть свидетели того, как носатый Оскар сказал, что этот человек очень худой и на руках и ногах у него царапины от колючей проволоки, так что он наверняка...

- Заключенный! - прервал разъяренный Копиц. - Но откуда ты знал, что он удрал именно из нашего лагеря? Ведь ты послал Шпильмана с овчаркой по следу, а почему же ты не дождался результата? Почему ты не снял телефонную трубку и не справился у соседей, не пропал ли у них кто-нибудь?

- Но послушай, начальник, - рискнул оправдываться удрученный Дейбель. - Когда есть подозрение, что совершен побег, промедление неуместно. Ночью у нас был выключен ток. Что, если бы удрал не один, а десять хефтлинков? Поверка необходима! А если бы я начал названивать соседям и заноситься перед ними, а потомо казалось, что беглец наш, ты сам задал бы мне жару.

Копиц отер платком вспотевшую плешь.

- Заткнись, - проворчал он. - Лучше поди открой окно. Все "если" да "если"... От нас не сбежал ни десяток, ни даже один человек... У соседей ночью тоже была воздушная тревога и затемнение. Звонить им теперь все равно придется, так что о чем говорить. Устраивать общий сбор на апельплаце было ни к чему, и даже недопустимо. В крайнем случае ты мог распорядиться о перекличке в бараках.

- А как же ты сам вчера выгнал их на апельплац?

- Во-первых, я рапортфюрер, и не тебе соваться в мои распоряжения. Во-вторых, вчера не было снега. А в-третьих, и я вчера совершил промах. Говорю тебе, дела у нас пойдут все хуже и хуже, если мы немедля не возьмемся за ум. Сегодня среда, первое ноября. До понедельника остается четыре дня. За эти четыре дня мы должны построить двадцать семь бараков, то есть по семи в день. Нелегкая работа, когда на земле снег. Да еще надо молить бога, чтобы большой транспорт не пришел в воскресенье вечером. Вдруг он придет досрочно? Не позаботились мы как следует о теплой одежде и деревянных башмаках для заключенных. Сегодня я дважды звонил в Дахау, они обещают, да только черт их разберет. В понедельник мы должны послать фирме Молль две с половлной тысячи человек. Знаешь, что будет, если мы этого не сделаем?

- Что будет? Если мы их получим, то пошлем к Моллю, будь они даже все до одного голые, как тот псих, что прибежал к воротам. Что у нас тут, санаторий? Ведь это враги Германии! Разве уже не в силе старые принципы, с которыми нас сюда послали?

- Сколько раз твердить тебе, что у тебя безмозглая башка, Дейбель? Теперь проводится новая политика, а ты, видимо, недостаточно гибок, чтобы перестроиться. Фюрер продолжает сокрушать своих врагов, но он решил отныне делать это с помощью производительного труда. Помнишь, как мы бывало заставляли заключенных перетаскивать тяжелые камни с места на место? Это уже пройденный этап национал-социализма. Теперь мы погоним их на настоящую работу. Вымирать они будут по-прежнему, но Германии это будет выгоднее, понял? Хефтлинк,

который подохнет в лагере просто так и которого прежде не выжмут на стройке, как лимон, - это убыток для германской экономики. Знаешь, во что обойдется нам эта твоя сегодняшняя поверка? Ручаюсь, что завтра и послезавтра в мертвецкую отнесут не три-четыре трупа, как обычно, а двенадцать или пятнадцать. В понедельник должна выйти на работу первая партия. А что, если двадцать процентов людей будет лежать в жару? Если мы сегодня выгоним на работу тысячу человек без пальто, сколько мы сможем выгнать завтра или через две недели? Уж не захотелось ли тебе на фронт, Руди?

Резко зазвонил телефон. Руди вздрогнул, словно уже ждал телефонограммы о том, что обершарфюреру Дейбелю предписано собрать вещи и отправляться на Восток. Копиц смерил его презрительным взглядом и снял трубку.

- Хей...тлер! Ах, это ты, Вачке? Как поживаешь? Что-о? - Хмурое лицо Копица прояснилось. - Шпильман с собакой добрались до вас? - Он прикрыл трубку рукой и прошептал, давясь от смеха: - Все ясно, Руди! "Гиглинг 7", образцовый комендант штурмфюрер Вачке...

Дейбель вскочил, открыв рот от удивления. Еще минуту назад ему было страшно досадно, что труп у ворот оказался "чужим", но сейчас он прямо-таки подпрыгнул от радости.

- Быть не может! Из "Гиглинга 7"?

Копиц сделал нетерпеливый жест - мол, потише! - и продолжал:

- Вы сами удивлены? Не верится? Сделаете всеобщую поверку?

Рули не выдержал и кинулся на шею разговаривающему Копицу.

- Я напьюсь мертвецки! - шептал он. - Я... не знаю, что я выкину, если это правда! Посадить Вачке в такую галошу!

Копиц с трудом высвободился из медвежьих объятий своего коллеги, продолжая разговаривать с невидимым собеседником серьезно и даже тоном искреннего участия.

- Мне очень жаль, что пришлось задать тебе лишнюю работу, но что нам было делать? Мертвеца мы пока убрали в свою мертвецкую, можете хоть сейчас приехать - забрать его или только осмотреть. Нет, нет, он определенно не наш. Был ли у нас проверочный сбор? Нет, устраивать его я пока что не собираюсь. Мы знаем своих цыплят, и у нас никто не переберется через ограду...

Дрйбель давился от смеха. Он сполз со стула и стал кататься по полу.

- Хватит, начальник! - гоготал он. - Ты раздразнишь Вачке,

как быка, а я умру от смеха!

- Итак, договорились, - сказал в заключение Копиц. - Ждем тебя. Шпильмана с собакой захватите?

Он положил трубку, застегнул ворот рубашки и потянулся к френчу. Лицо его вдруг стало серьезным. Дейбель, сидя на полу, уставился на него.

- Ты что?

Копиц молча смерил его взглядом, потом надел френч и тщательно застегнулся. Наконец он сказал:

- А ты хорошо осмотрел этого мертвеца, Руди? Как же ты не заметил у него под мышкой татуировки, которая есть и у тебя, и у меня, и у всех эсэсовцев?

Дейбель опять разинул рот.

- Эсэсовец?! - воскликнул он. - Да ведь он был черномазый, как жид. Мы осмотрели только бедро и предплечье. Кому бы пришло в голову искать под мышкой?..

- А собирать весь лагерь на апельплац - это тебе пришло в голову?

И Копиц вышел из комендатуры, оставив Дейбеля на полу. У ворот он окликнул часового:

- Ты слышал, что сказал тот голый, прежде чем упал на землю? Повтори-ка точно!

Часовой, вспоминая, провел рукой по лбу:

- Что-то вроде "Пустите меня домой!"

- По-немецки?

Часовой, толстый баварец, хихикнул:

- Не-ет, наверняка не по-немецки! По-прусски...

Копиц кивнул: "Is gut>. Серьезный и молчаливый, он открыл ворота и вошел в лагерь. Капо закричал "Achtung!", и это слово несколько раз эхом прокатилось по лагерю.

- Вызови тотенкоманду к мертвецкой, - приказал Копиц и в глубокой задумчивости зашагал по утоптанному снегу апельплаца. "Ну и персонал у меня, - думал он. - Человека с прусским выговором, сказавшего "Пустите меня домой", приняли за поляка - мусульманина! Никто даже не заглянул ему под мышку, а вот сбор объявили сразу же!.. И за что только господь бог наказал меня такими подчиненными? Почему именно мне, Копицу, приходится все делать самому? Думать за Руди, а теперь еще и за этого калеку Лейтхольда, воплощенную слабохарактерность и бездарность. Думать за тысячу шестьсот тридцать шесть хефтлинков, к которым сегодня ночью прибавится еще партия новичков, да каких! Все это сулит только новые хлопоты и бог знает какие неприятности. А в воскресенье приедет еще тысяча триста человек... Верхней одежды для них нет, снегу

навалило по щиколотку, а ведь сегодня только первое ноября!"

Копиц дошел до мертвецкой. Дверь качалась на ветру и скрипела так жалобно, что от этого звука хотелось скулить. Рапортфюрер остановился возле мертвого коллеги, сумасшедшего эсэсовца, который сегодня ночью сбежал из лагеря "Гиглинг 7".

И в самом деле, он похож на еврея: черный, тощий, обросший, совсем такой же, как четыре других трупа с именами, написанными чернильным карандашом на бедре. Более того, если бы на втором трупе слева не значилось "Леви Бронислав", Копиц именно его принял бы за своего соплеменника. У "Кореца Антонина" волосы тоже были светлее и нос прямее. Только "Граубарт Хаим" и "Фенивес Габор" были такие же темноволосые, как неизвестный пруссак, но не темнее его.

Рапортфюрер бросил взгляд на тыльную сторону собственной волосатой руки - ведь и он сам довольно темноволосый. Если загнать его в лагерь, где он сразу спадет с тела, гонять его босиком по апельплацу, то и он в конце концов, вероятно, спятит, полезет голяком через забор и попадет в мертвецкую, где его примут за какого-нибудь Мойшу Кона.

Копиц выдавил из себя смешок, слабый, невеселый, отошел от трупов и заставил себя снова вернуться к своим заботам: "Все мне приходится делать самому, бог наказал меня коллегами-глупцами, навалил мне на плечи великую ответственность... Как сказал сегодня этот балбес Лейтхольд? "Неуязвимой пятой Зигфрида я попираю жидо-большевистскую гидру"... Надоело мне хуже горькой редьки попирать эту гидру! Но я из-за этого не сойду с ума, не-ет, Копицы не из того теста, меня никогда не упрячут в лагерь, и через ограду я тоже не полезу... Но надо бы уйти отсюда, пока не поздно... Мне ведь есть куда уйти, поеду домой, меня там ждут взрослые дети... Теперь-то я наверняка смогу вести дела в деревенской лавчонке, а ведь прежде я никак не мог с ними справиться, даже крохотная бухгалтерия была мне не по силам. В Гиглинге, хочешь не хочешь, пришлось справляться с куда более сложным хозяйством, адским хозяйством! Да, я уже давно мог бы вести нашу старую торговлю так образцово, что и строгий папаша скажет, чего он никогда не говорил: "Вот так и надо, Алоиз, так и надо".

Но попробуй-ка образцово вести лавку во время войны! Во время войны? Точнее, в конце проигранной войны.. Попробуй поведи торговлю, когда у тебя за плечами столько лет "попирания жидо-большевистской гидры"... Нет, скройся, беги, исчезни, притворись, что ничего не было, ведь под мышкой у тебя татуировка..."

Татуировка! Копиц быстро повернулся к мертвому. На

татуировку лучше взглянуть без свидетелей, не надо, чтобы здешние хефтлинки поняли, что мертвый был эсэсовцем, что и среди эсэсовцев есть свои "мусульмане", свои обезумевшие самоубийцы.

Он нагнулся и хотел поднять руку мертвеца, но не смог, она была холодна и тверда, как мрамор. А тут еще в мертвецкую ворвался Диего Перейра и, даже не сняв берета, гаркнул:

- Тотенкоманда прибыла. В чем дело?

- Поди сюда, - сказал Копиц с необычной кротостью, - можешь немного приподнять его руку?

"Этот испанец - глупое животное, - думал он, - даже по-немецки сносно не выучился, наверняка он не знает об эсэсовской татуировке".

Перейра почесал за ухом.

- Приподнять? Мертвец - настоящая ледяшка. Отломить можно. - Он уперся ногой в грудь трупа и хотел было схватить его за руку.

- Нет, нет, - удержал его Копиц, - не смей, что ты за бесчувственный зверь!

- Бесчувственный? - испанец пожал плечами. - Я лучше бесчувственный с мертвыми, чем с живыми.

Копиц сжал кулак и снова разжал его.

- Где у тебя носилки? Почему ты не принес их сразу?

- Носилки в кухне. На них понесут хлеб. Для живых.

- Возьми их оттуда на время, - совсем тихо оказал эсэсовец, - и немедля отнесите этот труп обратно к воротам. За ним приедут.

Он повернулся и быстро вышел.

Туповатое выражение сразу исчезло с лица Диего, на нем отразились смекалка и сосредоточенное размышление. В чем тут дело, почему так странно вел себя Копиц? Испанец быстро нагнулся к трупу и попытался заглянуть под мышку. Ему даже удалось слегка приподнять руку мертвеца, хотя в суставах послышался подозрительный хруст. Потом Диего так же быстро выпрямился и, хитро усмехнувшись, побежал на кухню.

* * *

Фрау Вирт наконец-то смогла тронуть машину. Она все еще была взволнована тайной передачей завтрака Зеппу, но довольна тем, что сделала что-то, направленное против этого гнусного лагеря. Бесстрашно, под самым носом у Яна, она вручила Зеппу бутерброды, словно желая этим показать, как возмущена видом нагого мертвеца. Завтра она опять привезет пакетик с хлебом и колбасой, да, да! И не один, а два - и для Зеппа тоже, пусть и он поест! Будь у нее много купонов и денег, она привезла бы сто пакетиков, даже и для евреев, ей все равно.

Она нажала на акселератор и, исполненная протеста и сочувствия, направила машину к воротам. Около комендатуры она на минуту остановилась, чтобы ссадить старикашку Яна, и даже не ответила на его приветствие. Потом поехала в Мюнхен.

Сразу же вслед за этим у ворот остановилась другая машина - мощный открытый "деймлер" с военным номерным знаком. С заднего сиденья встал лейтенант СС Вачке и огляделся с видом полководца на поле брани.

Дверь комендатуры распахнулась, Копиц и Дейбель, оба причесанные и застегнутые на все пуговицы, вышли встретить дорогого гостя и полностью насладиться триумфом над посрамленной комендатурой лагеря "Гиглинг 7". Но из этого ничего не вышло, у Копица сегодня был явно неудачный день. Ястребиный взгляд прирожденного стратега Бачке проник за колючую проволоку ограды и сразу же отметил, что на всем апельплаце потоптан снег.

- Как хорошо, что вам не пришлось устраивать общего сбора, как у нас, - со сладкой улыбкой обратился он к Копицу. - Я вам завидую, вы так хорошо знаете своих цыплят. Мои питомцы - непостижимые кретины, они ведь сами были когда-то эсэсовцами... Кстати говоря, когда же вы оба наконец заглянете к нам? Я буду рад видеть вас в "Гиглинге 7"... разумеется, в качестве гостей!

12

"К вечеру придет транспорт", - только и слышно было в лагере. Кто же в нем будет?

Все блоки переполнены, свободны только новые бараки, отделенные оградой от остальных. Стало быть, они для русских?

Фредо допускал такую возможность. Но он твердо верил в идею рабочего лагеря, внушенную ему писарем. Истреблять русских здесь не будут, их просто заставят работать на стройке, как и всех нас. А это совсем неплохо. Почему? Да потому что русские военнопленные - а мы их уже знаем! - не станут строить немцам укрепления или другие военные объекты. Они обязательно организуют сопротивление и наверное вовлекут в него других узников. "Слушай-ка, - шептал Фредо испанцу Диего, - у нас одних было мало сил. Сколько ты уже ругал меня фашистским прихвостнем и коллаборантом. Но пойми, что мы могли сделать, когда нас тут было только сто пятьдесят человек, и всем лагерем заправляли немецкие уголовники? Мы, греки, держались дружно, вы, испанцы, тоже, у вас есть опыт войны и лагерей. А с французами, голландцами, венграми, поляками было хуже, даже с политическими. Взять хотя бы Оскара. Чех, ярый антифашист, а никакого революционного опыта. Возьми Жожо,

Гастона, Дерека. Каждый из них с глазу на глаз будет уверять тебя, что он коммунист. А вот насчет того, чтобы создать дисциплинированную и боевую организацию... Да ты сам знаешь, мы ведь старались. А теперь они стали проминентами и еще больше испортились. Жожо начал спекулировать золотом... Среди полутора тысяч новых мусульман мы наверняка найдем подходящих ребят. Они, правда, сейчас очень измучены, совсем ошалели, но через несколько дней придут в себя. Среди них немало коммунистов - есть и чешские, и польские, это я уже выяснил. Вот, например, тот новый писарь, которого я устроил в контору. Он брат известного журналиста, из него, наверное, выйдет толк. Но пока это дело будущего. А будь здесь советские ребята, да если бы они вместе с нами уже в понедельник вышли на внешние работы - вот было бы здорово! Как бы ни старались их изолировать от нас, мы сумеем договориться! Ведь не всюду нас будет разделять ограда, да и этот забор в лагере не так страшен: ведь через него не пропущен электрический ток, так что в темноте, во время воздушных тревог, можно..."

* * *

К вечеру придет транспорт. А что, если в нем не будет русских? Многих заключенных совсем недавно разлучили с кем-то из близких людей - другом, братом или сыном. Такие люди надеялись, что именно в этом транспорте окажется их друг, брат, сын. А если даже и нет, то он пришлет через кого-нибудь весточку... Если вновь прибывшие будут из Освенцима, они расскажут нам о судьбе наших жен и детей. А если они будут прямо из дому, мы узнаем, что нового в Праге и на фронте...

Хорошо, если бы они приехали уже сегодня! Жаль, что немцы боятся вести их днем по дороге и приведут только в потемках. Но почему нас после ужина запирают в бараки? Выходит, что мы даже не увидим новичков?

Писарь, задумавшись, сидел над бумагами. Сегодня все прошло удачно - и поверка, и передача кухни этому новому инвалиду. И все же Эрих не мог избавиться от мрачного настроения. Дейбель никогда не простит ему своего поражения, а Дейбель - опасный враг. Сейчас Копиц держит его в узде, но что, если он со временем отпустит ее?

Днем, когда начальство приходило в кухню, писарь стоял совсем рядом с рапортфюрером и думал: "Что с ним случилось? Как-то осунулся, все время вытирает взмокшую плешь, говорит тихо, как барышня, в глазах нет прежнего ехидства. Болен он, что ли? Собирается уходить из лагеря? Или его уходят? Что за офицеры приезжали к нему в военной машине? Что означал этот визит? Действительно ли это касалось только сбежавшего

хефтлинка?"

Но, что бы там ни было, захворай Копиц или отойди он от дел хоть на неделю, худо придется писарю. Распоряжаться лагерем начнет Дейбель, а уж он наведет свои порядки! Тогда - конец всем упованиям на рабочий лагерь, чертов Дейбель задал бы нам жару...

- Герр лагершрейбер, - несмело сказал Зденек, прерывая размышления Эриха, - я приготовил сто пятьдесят чистых карточек для сегодняшнего транспорта. Как по-вашему, хватит?

- Сто пятьдесят? - сердито прохрипел писарь. - Откуда ты взял эту цифру?

Зденек прикрыл рукой бумаги, словно боясь, что сиплое дыхание Эриха развеет их.

- Я полагал, что их поместят в три новых барака, а там как раз сто пятьдесят мест.

Писарь махнул рукой.

- Умник дерьмовый! Что ты понимаешь! На сколько человек, по-твоему, был рассчитан барак в Освенциме? На триста, четыреста? А вас там вмещалось тысяча!

Зденек наклонил голову.

- Это же был лагерь истребления. Разве вы думаете, что и здесь может...

- Я вообще ничего не думаю, - сердито отрезал писарь. - Еще мне не хватало вести тут с тобой ученые споры! Рабочий лагерь или лагерь истребления, русские, отравленный чай, сто пятьдесят человек или тысяча... Чтобы ты потом ходил по лагерю и шушукался: мол, писарь сказал...

Зденек взглянул ему в глаза.

- К чему такие намеки, герр Эрих? Вы имеете что-нибудь против меня?

- Эх! - писарь вздохнул и встал. - Против тебя, против себя, против всего мира! - Он подошел к двери и поглядел в окошко, снег валил так же густо, как и утром. - Я сам ничего не знаю, а хотел бы знать, оттого я такой злой. Не выходит у меня из головы новый транспорт, три новых барака и все те глупости, которые я о них слышал. - "А главное, то, что я слышал. в комендатуре, - сказал он самому себе. - Эти странные намеки Копица, странное смущение Лейтхольда, а сейчас, во время осмотра нового забора, сальности Дейбеля... Возможно ли, что я, Эрих Фрош, самая светлая голова в лагере, не могу догадаться, что же такое готовится?"

Писарь сердито топнул ногой, повернулся к Зденеку и уставился на деревянный ящик картотеки.

- Сто пятьдесят карточек мало. Приготовь по крайней мере

триста, мало ли как может обернуться дело. И вот еще что: днем уже было несколько покойников, все из-за этой чертовой поверки, и бог весть сколько еще человек умрет ночью. Не будем больше класть в картотеку и карточки мертвецов, как это мы делали до сих пор. А то скоро не хватит места для живых. Заведем новую картотеку - мертвых. А старую будем называть картотекой живых, понял? Сходи-ка в немецкий барак и попроси капо Карльхена сделать для нас еще один ящик, точно такой же, как этот. Да не проболтайся, что он будет только для мертвых, а то любители поговорить сб отравленном чае тотчас ухватятся за эту новость...

* * *

Наступил вечер. Стужа не уменьшилась, снегопад не прекращался. Люди в бараках кашляли и стонали больше обычного, растирали свои замерзшие ноги. Сегодня впервые раздача хлеба прошла в полном порядке. На четырех человек выдавали буханочку. Своим или одолженным ножом один из четверки разрезал буханочку на геометрически равные доли. Ох, какая это была тонкая операция! Трое других стояли около и следили за каждым движением ножа. Пока буханочку резали поперек, нож несколько раз останавливался и направление его подвергалось коррективам. Потом один из четверки поворачивался спиной, а другой брал в руку порцию хлеба и спрашивал: "Кому?" Первый говорил наугад, например: "Мирекy". - "А эту?" - "Тебе". - "А эту?" - "Мне". Так происходила дележка и заодно незаметно проходило время.

Потом раздвинулась занавеска над койками блоковых, штубаки выбежали с мисками маргарина и мазали каждому на хлеб приготовленную порцию. Одним доставалась порция побольше, другим поменьше, но, разумеется, никто не получал положенных тридцати граммов.

Первой узников обворовывала комендатура, и изрядно. Бальдур Лейтхольд даже поперхнулся, увидев, сколько кубиков маргарина отложил для него повар Мотика.

- Это так... всегда делается?. - заикнулся он.

- Конечно, - через плечо ответил тот и даже не улыбнулся, хотя был сегодня особенно щедр к новому шефу. Потом повар преспокойно отложил изрядную долю для себя и глухонемого Фердла, поменьше для конторы, а оставшимся стал оделять бараки.

В бараках воровство продолжалось. Даже самый порядочный из блоковых выкраивал добавочную порцию для себя и штубака. В конце концов, блоковый он или нет? При раздаче кофе и хлеба ничего не выкроишь, похлебку узники получают прямо в кухне, стало быть, поживиться можно только с "дополнительного

питания" - сегодня это маргарин, в другой раз сыр, или мармелад, искусственный мед или даже колбаса. Но были и другие блоковые, похуже. Разве вы рискнули бы проверить вес порции маргарина, например, в двадцать втором бараке? Посмели бы вы взвесить порции - даже если бы там нашлись весы, - когда тут же рядом виднелась разбойничья физиономия нового блокового Фрица?

Честные блоковые, такие, как поляк из четырнадцатого барака и его штубак Франта Капустка, обычно удовлетворялись остатками маргарина, которые при резке порций прилипали к ножам. Иногда им удавалось сорвать лишнее с кухни или они выменивали на еду одеяло или еще что-нибудь, утаивали покойника и получали его порцию и применяли десятки других ухищрений, словом, "организовывали жратву".

Сейчас Франта, изящно двигаясь по бараку, разносил маргарин, пародируя обер-кельнера в шикарном ресторане: заложив правую руку за спину, он на пальцах левой легко нес миску.

- Благоволите приготовить продуктовые купоны! - певуче возглашал он. В деньгах Германская империя не нуждается, но купонные расчеты должны быть в порядке.

Феликс получил две порции хлеба - одну за отсутствующего Зденека, - но не притронулся к ним. Маргарин он сразу взял в рот, осторожно пососал и, когда маргарин стал жидким, попытался проглотить его. Вкус был противный. Остальные хефтлинки съели свой хлеб в один присест, настроение у всех заметно улучшилось, и никто не спешил лечь спать. Сегодня прибудет новый транспорт, свет в бараках погасят еще не скоро.

- Вот видишь, - усмехнулся сосед Феликса, портной Ярда. - На обед нам дали гороховый суп, а сейчас маргарин, совсем неплохо. Когда я дома представлял себе концлагерь, то всегда думал, что там дают только хлеб и воду... Какой я был дурак, а?

- А почему же дурак? - вмешался кто-то. - Разве нормальный человек может представить себе все ужасы лагеря, не увидев их собственными глазами? Мне тоже казалось, что голодная башня Далибора{10} - это ужаснейшее место на свете. Но когда здесь идешь на апельплац и видишь босых людей на снегу...

- А ну тебя! - сказал третий, инженер Мирек. - Снег, нехватка обуви, сборы на апельплаце - все это, конечно, ужасно, но хуже всего голод. Уж если я выйду из лагеря живым, то буду ценить жратву, как никогда! Прежде я, знаете ли, был одним из тех непростительных идиотов, которые даже не замечают, что они едят... В ресторане, бывало, заказываю первое попавшееся блюдо из меню, к примеру, вареное мясо. Лишь бы поскорей, я, мол,

спешу, господин кельнер.

Франта, услышав слово "кельнер", оказался тут как тут:

- Изволите заказать вареное мясо, сударь? А не желаете ли к нему легкий гарнир?

- Пожалуй, да, - усмехнулся Мирек. - Вы тоже, Франта, подавали гарнир на большом блюде с этакими углублениями - для цветной капусты, грибков, морковки, зеленого горошка, фаршированного перца, помидор, маринованных слив или вишен...

- Заткнись! - закричал кто-то в комическом отчаянии. - Это же невозможно слушать!

Но Мирек не унимался.

- Вот видите, какие вкусные вещи. А я это блюдо опустошал подряд, без разбору, по ходу часовой стрелки. Вишни после грибов, а капусту после вишен, ну, в общем, ел, как свинья, без толку и без воображения. Если в будущем вы, друзья, когда-нибудь встретите меня в "Золотом гусе" или в ресторане Пискачека, пожалуйста, не мешайте мне, потому что я буду составлять себе обед тщательнее, чем английский лорд. Прежде всего, господин обер-кельнер, бокал белого вина, потом какую-нибудь закуску... у вас там есть салат оливье? Или, еще лучше, холодную спаржу...

Мирек заметил, что Феликс закрыл глаза и тихо улегся на нары.

- Тебе нехорошо, Феликс? - прервал он свою гастрономическую элегию.

- Нет, нет, продолжай.

Но Мирек умолк.

- Я и забыл, - устыдившись, сказал он. - Болтаю тут о всяких деликатесах, а тебе ведь даже этот несчастный кусок хлеба не идет в горло...

* * *

На вышках зажглись прожекторы. Наблюдатели у окошек тотчас объявили об этом. На мгновение смолкли все разговоры, люди в бараках переглядывались: прибыл транспорт!

Но больше ничего не произошло. Не было слышно окриков, в лагере царила полная тишина, и узники полушепотом продолжали разговоры.

В конторе напряжение не ослабевало. Писарь, обращаясь к группе специально назначенных проминентов, быстро повторял распоряжения. Все должно идти как по маслу. Едва откроются ворота и новички промаршируют на апельплац, туда же выбегут писарь Эрих, староста Хорст, Фредо, Гастон, Карльхен и Дерек. Больше никто. Остальные капо, стоя за бараками и уборными,

будут следить, чтобы никто из старых хефтлинков не заговорил с новичками. Названные шестеро проминентов - Копиц не разрешил назначить больше шести человек - построят вновь прибывших в шеренги, запишут их имена на заранее приготовленных листках и сдадут эти списки в контору, где младший писарь Зденек разнесет их по карточкам. Все должно идти быстро, чтобы новичкам не пришлось долго стоять на снегу и они поскорее попали бы на нары. Наблюдать за приемкой будут сам Копиц и Дейбель, ключ от висячего замка на новой калитке находится у Лейтхольда. В нужный момент он отопрет эту калитку, впустит прибывших в три новых барака и опять запрет ее. С сегодняшнего дня устанавливаются круглосуточные дежурства капо, которые обязаны следить, чтобы никто не подходил к забору между старым и новым лагерями. Часовым на вышках приказано окликнуть нарушителя и немедля стрелять.

Писарь договорил и уставился в окошко на апельплац. Снег сверкал и кружился в лучах прожекторов, но на апельплаце не было ни души. Писарь не выдержал, приоткрыл дверь и прислушался. Разинув от недоумения рот, он кивнул другим, чтобы они тоже подошли к двери.

Вдалеке слышалось пение.

Пение? И какое странное! Это не мужские голоса... они слишком высоки для мужских...

Писарь перевел дыхание. Это не русские: он-то знает их песни, их громкие голоса. Главное, что это не русские, и, значит, отпадает версия об отравленном чае...

- Да ведь это дети! - сказал Фредо.

Дети? У писаря опять дрогнуло сердце. Он видел детей в Освенциме, знал, что делают с ними гитлеровцы. О господи, и зачем они посылают детей в лагерь, который должен быть рабочим!

Зденек испуганно глядел на ярко освещенный ночной апельплац. Дети... Они поют! Здесь их ждет колючая проволока и бог весть что, а они поют...

- Чепуха! - сказал капо Карльхен. - В малолетних я как-никак разбираюсь, хе-хе... Это не дети, это женщины.

- Женщины! - воскликнули остальные, и им сразу стало ясно то, над чем они так долго ломали головы. - Ну конечно, женщины!

Писарь хлопнул себя по лбу и тотчас пожалел об этом жесте, не оставлявшем сомнения в том, что он тоже ничего не знал и только прикидывался осведомленным. Но как тут было сдержаться, когда при слове "женщины" для него сразу обрели смысл все непонятные разговорчики эсэсовцев. Копиц утром

сказал: "Если я прикажу писарю раздеться донага и промаршировать тут перед нами, взволнует это тебя, Лейтхольд? Нет. А теперь представь себе, что я дам такой приказ новеньким". - А похабные шуточки Дейбеля насчет дырок в заборе! У писаря словно пелена спала с глаз, он понял все. Женщины попадают в подчинение Лейтхольда, потому что он кюхеншеф, а им придется работать на кухне. Итак, рабочий лагерь будет! Да еще с какими удобствами: мужчины отправятся на работы, а женщины будут дома стряпать для них. Забор, отделяющий женские бараки, не так уж страшен... В сердце проминента Эриха ожили воспоминания о кое-каких запретных авантюрах с женщинами в Освенциме, а ведь Освенцим - это был сущий ад. А здесь... здесь это будет куда легче и приятнее. Мечта о рае, о самом безопасном месте в военной Европе сбывается!

Писарь широко ухмыльнулся и обнял Хорста за шею.

- Женщины... представляешь себе?!

Всех даже бросило в жар. Гастон одернул на себе куртку и провел гребешком по волосам. У Дерека вспыхнули глаза, Фредо просиял, Хорст в душе возблагодарил небеса, что у него сохранились усики.

- А тебе не жаль теперь, - спросил он кала Карльхена, - своих маргариновых капиталовложений в этого мальчишку?

- Ты о Берле? - усмехнулся тот. - Ничуть не жаль. Я не позволю себе увлекаться бабами, в лагере это к добру не ведет. Забор, выстрелы часовых, нет уж, оставьте, я хочу покоя. - И он осторожно погладил свою забинтованную руку.

Зденек недоуменно поглядывал на собеседников, О чем они, собственно, говорят? И он ответил сам себе: это же обычный мужской разговор, который кажется странным только мне, потому что я не мужчина. Что же я такое?

Ночами на бетонном полу Освенцима, да и тут, в Гиглинге, повторяя про себя две строфы, посвященные Ганке, Зденек часто с горечью размышлял о любви. Он любит жену и никогда не перестанет ее любить, но теперь, в эти ночи беды, голода и унижений, он не мог представить себе любовь без разлуки, любовь, которая идет дальше нежной улыбки и прочтенного шепотом стишка. Мечтать о живой женщине, чувствовать ее напряженным телом в своих объятиях, ощущать ее близость, волнуясь, искать ее губы... Нет, все это уже нереально и никогда не станет реальностью!

Сгубили меня, сокрушался Зденек и горестно вздыхал в темноте. Сломили меня, сожгли. Нет гибкости в моем теле, я просто пепел, живая урна собственного праха. Мое зрение, мое обоняние, мое осязание никогда уже не взволнуют мои отупевшие

нервы, не заставят мое тело трепетать, напрячься, как лук, не смогут подготовить меня к встрече с теми, кто на том берегу. Я стар, страшно стар...

А эти люди вокруг меня... подумать только, какие они самцы! Вот они ожесточенно спорят о том, на каком языке звучит эта песня в ночи, звучит все яснее и яснее. Каждому хочется, чтобы это были его соотечественницы. Хорст разочарованно признает, что это не по-немецки, Гастон проворчал: "И не по-французски". Фредо и Дерек тоже покачали головами: не голландки и не гречанки.

- Где у вас уши! - прохрипел Эрих, жаждавший восстановить свою репутацию самого сообразительного хефтлинка. - Я только что уловил словечко "чиллаг", это по-венгерски "звезда". Не помните? "Я, Анна Чиллаг..." - И он сделал жест, словно отбрасывая длинные волнистые волосы.

- Ого, венгерки! - возликовал Хорст; в бытность в армии он однажды провел целый день в Будапеште. - Это, пожалуй, еще получше, чем немки. Паприка! Porkolt!

Смеющиеся лица мужчин раскраснелись, а Зденеку стало еще обиднее, что он остался бледен и сердце его не бьется чаще и никогда уже не забьется ради какой- вибудь венгерки или чешки и даже ради Ганки...

- Назад! - приказал писарь, заметив, что ворота лагеря распахнулись, и оттеснил товарищей обратно в контору, а сам занял наблюдательную позицию у оконца.

На апельплаце появилось несколько темных фигур. Они уже не пели, вид лагерной ограды на минуту обескуражил их. Колючая проволока, вышки, прожекторы, черные стволы пулеметов...

Лица мужчин в конторе тоже стали серьезнее. Там, на апельплаце, они, правда, увидели женщин, но это были узницы, жалкие темные фигурки на белом снегу, среди снегопада, озябшие и голодные. Так немного их было там апельплац казался почти пустым и особенно обширным, - и столько прожекторов освещало и слепило эту кучку женщин. Вот приковыляло еще несколько отставших, медленно подошли двое, неся третью; она сидела у них на руках, держась за их плечи.

"Что ж вы не смеетесь, кобели?" - мысленно твердил Зденек и вызывающе искал темными глазами глаза других мужчин. Но все они хмурились, покашливали и виновато глядели на апельплац.

- Назад! - шепнул писарь и отскочил от двери. По ступенькам спускался Дейбель. Он толкнул ногой дверь.

- Выходи! - заорал он. - Шесть человек - принимать транспорт!

Назначенные проминенты выскочили из барака, обогнули эсэсовца и побежали к черным фигуркам на снегу. Дейбель медленно шел туда же, с левой стороны появились Копиц и Лейтхольд.

Зденек остался в конторе один. С минуту он глядел, как прибывшие строятся в шеренги. Глаза его привыкли к яркому свету, и он начал различать кое-какие подробности. Передний ряд женщин стоял метрах в пятидесяти от конторы, так что нельзя было разобрать, молоды они или стары. Все они кутались в пальто - слава богу, что у них есть пальто, хоть и куцые, из-под которых виднелись колени и белые икры... Неужели они без чулок? А на головах, что это у них на головах?

Кто-то бежал к конторе. Зденек быстро отошел к столу и стал рыться в ящике, делая вид, что ищет чью-то карточку. По странной случайности ему попалась его собственная. В контору вбежал писарь.

- Вот пересыльная ведомость. Восемьдесят венгерок из Освенцима. Сплошь девушки от пятнадцати до двадцати пяти лет. Спрячь эти бумаги. - И он исчез.

Зденек наклонился над смятыми бумагами и стал читать: Като Ковач, Илона Немет, Магда Фаркас... Потом он снова обнял картотеку, уперев ящик узким концом в грудь, и уставился на листок со своей фамилией. Его испугало, что картотека раскрылась именно на его листке. Не дурная ли это примета? Листок просится наружу... Куда?

Завтра Карльхен сделает еще один ящик, такой же неказистый, как этот. Я уже не человек, а прах человека, но все еще торчу в картотеке живых. Не лучше ли было бы...

- Нет! - сказал он себе вслух и быстрым движением закрыл картотеку.

Девушки пели. Сейчас они молчат, но до этого пели, и долго. Видимо, все можно пережить, видимо, можно остаться в этой картотеке и даже снова стать тем, чем я был когда-то. Никогда больше не хочу видеть свой листок, пусть затаится в картотеке, пусть лежит там среди других и держится, держится, держится!

Часть вторая

1.

За ночь снегу прибыло, утром тоже порошило. На крышах бараков снег уже лежал слоем толщиной в ладонь.

Лагерь проснулся, как обычно: удары в рельс, возгласы "Kafe hole-e-e..." Штубендинсты побежали за кофе.

- У нас в лагере девушки! Слышали?

На "мусульман" в бараках эта новость произвела куда меньшее впечатление, чем на проминентов в конторе. "Девушки?"

- повторяли мужчины на нарах, покрытых стружкой, и недоуменно глядели большими глазами.

- Не могли, что ли, прикончить их там, потащили сюда, в Гиглинг! проворчал Мирек. - В лагере, где не выдержит здоровый мужчина, должны жить девушки?

- Ты все об одном: прикончить да прикончить, - рассердился портной Ярда, долговязый чех, которого за его упрямую наивность прозвали "младенчик Ярда". - Вот тебе лучшее доказательство, что все россказни о газовых камерах и крематории в Освенциме - попросту безбожное вранье. Девушек не привезли бы оттуда, если бы хотели их прикончить. Я эту вашу паникерскую болтовню и слушать не хочу!

Он повернулся на бок и с головой накрылся одеялом.

"Младенец Ярда!" - вздохнул Мирек и махнул рукой. Какой смысл спорить с несчастным, у которого в Освенциме погибла жена и двое детей, а он сейчас отчаянно убеждает себя, что газовые камеры не существуют, потому это, мол, это просто немыслимо. И он не единственный Фома неверный, многие другие тоже прошли через "лагеря истребления", собственными глазами видели газовые камеры, "селекции" и все же готовы чуть не с кулаками доказывать, что всего этого нет.

Весть о появлении девушек не вызвала ни в одном из полутора тысяч "мусульман" тех плотских вожделений, которые Зденек вчера заметил во взглядах проминентов. Людям в бараках, изголодавшимся, грязным, простуженным, уже давно было чуждо это чувство, оно атрофировалось, отпало, как шелуха, вместе со старой одеждой в Освенциме, просто выветрилось из сознания. Мало кто из узников отчетливо сознавал - как осознал это Зденек, - что в нем что-то угасло и отмерло и что над этим стоит призадуматься и даже встревожиться. "Девушки? - "мусульмане" покачивали головой, и соглашались с Мирекoм. - В самом деле, на что они здесь? Тут и мужчины не выдерживают, каково будет девушкам?. Бедняжки?"

Но и у проминентов не было общего взгляда на этот счет. Мы знаем, например, что за странный человек был Диего Перейра, капо могильщиков. Этот плечистый коротышка в берете, с толстым шарфом на шее хладнокровно обламывал конечности трупов, если они не помещались на тележку. Его даже сам рапортфюрер Копиц обозвал бесчувственным зверем. И вот сегодня утром Шими-бачи зашел за Диего.

- Пойдем, - хмуро сказал старый доктор. - Я только что был в женском лагере. Помоги-ка мне.

У новой калитки их ждал Лейтхольд. Сегодня был первый день его службы в лагере. Напускной суровостью Лейтхольд

старался прикрыть свой страх и неуверенность. Он молча впустил их в женский лагерь, запер калитку и остался стоять возле нее.

Испанец шел вслед за доктором, чуть наклонив голову, но поглядывал во все стороны, все замечал и запоминал. По ступенькам они спустились в барак-землянку. Диего потянул носом, забеспокоился: тут пахло совсем не так, как в мужских бараках. Когда глаза его свыклись с полутьмой землянки, он различил на нарах фигуры, прикрытые до глаз грубыми серыми одеялами. Глаза у всех были заплаканные, из-под одеял слышались всхлипывания и жалобы на непонятном языке.

В конце барака на земле лежало неподвижное тело - явная причина всего этого переполоха.

- Умерла, - сказал Шими-бачи. Он был самым пожилым из врачей, и поэтому сегодня утром эсэсовцы назначили его врачом женского лагеря. - Я помогу тебе унести ее, Диего, - продолжал он и нагнулся, чтобы снять с мертвой одеяло.

- Не надо, - хрипло сказал испанец. - Я сам понесу. И в одеяле.

Шими-бачи посмотрел ему в глаза.

- Не выйдет, приятель. Эсэсовец категорически приказал оставить платье и одеяло здесь. Мы похороним ее, как обычно.

И он снова нагнулся, чтобы снять одеяло с худенького мертвого тела.

Диего втянул голову в плечи. В ушах у него мучительно отдавался плач женщин, который усилился и перешел в нестерпимый вой, когда они увидели свою мертвую подругу обнаженной. Диего быстро нагнулся и снова покрыл ее одеялом.

- Я понесу ее в одеяле, и баста! - сказал он так решительно, что Шими-бачи не стал возражать. Диего поднял труп, как перышко, и понес его к выходу. Осторожно, чтобы не задеть, он протиснулся в дверь и с облегчением вдохнул запах утра и свежего снега. Потом он зашагал прямо к калитке. Шими-бачи поспешил за ним, боясь, что за нарушение приказа достанется прежде всего ему, доктору.

Лейтхольд сделал недоуменное лицо.

- А одеяло? - заорал он, не пропуская их в калитку.

Диего крепко выругался, на счастье, по-испански.

- Что... что он сказал? - забормотал Лейтхольд, но Шими-бачи притворился, что не понял испанского ругательства.

Диего перешел на французский:

- Скажи ему, что эсэсовца я охотно похороню и голого, а свою сестру нет!

Шими-бачи преодолел опасения и храбро перевел:

- Капо говорит, что мужчину он похоронит хоть и без одежды,

а свою сестру - нет.

- Она его сестра? - опешил Лейтхольд.

С розового лица доктора исчезла последняя тень улыбки.

- Кило, видимо, хочет этим сказать, что все заключенные женщины - наши сестры.

- Blodsinn! нем.)> - Эсэсовец махнул тощей рукой, в душе радуясь, что дело не осложнилось настоящим родством. - В лагере, мал он или велик, каждый заключенный - только номер. Никаких мужчин, никаких женщин - номера! Снимай одеяло!

Диего вновь разразился стремительным каскадом отборной испанской брани. Шими-бачи прервал его, положив ему руку на плечо:

- Погоди-ка, дай мне объяснить твою точку зрения господину эсэсовцу, и продолжал, обращаясь через забор к Лейтхольду. - Капо просит завернуть ее во что-нибудь. Хотя бы в бумажный мешок из-под цемента. Не годится хоронить женщину обнаженной...

- Мешок из-под цемента? - Лейтхольд почесал за ухом. - А где его взять?

"Ага, клюнуло!" - обрадовался доктор.

- Это очень просто, - продолжал он. - У нас в лазарете есть такие мешки. Мы их используем для перевязок.

Это было сказано так запросто, что эсэсовец подумал: за дурака они меня принимают, что ли?

- Бумажные мешки для перевязок? Что за чушь ты несешь, старый олух!

- Я врач, господин шарфюрер, старый врач, - закивал головой Шими-бачи. - В университете нас этому не учили, но здесь в самом деле приходится использовать для перевязок бумажные мешки вместо бинтов. Все-таки лучше, чем ничего.

Лейтхольд сдался. Эти люди говорят на непонятном языке и о неведомых ему вещах. Взглянув в горящие глаза человека за калиткой, стоявшего с трупом в руках, он не мог удержаться от жуткой мысли о хищниках в клетке.

- Мне все равно, - сказал он, - делайте как знаете. Капо пусть несет эту женщину в мертвецкую, а вы, доктор, сходите за мешком. И чтобы через пять минут одеяло было на месте, verstanden?

Он отпер калитку, и Диего прошел через нее со своей легкой ношей. Не обращая внимания на недоуменные взгляды со всех сторон, он медленно шел по апельплацу, засыпанному свежим снегом. Ветер трепал концы серого одеяла, и Диего прижал свою ношу теснее к груди.

* * *

Если не считать этого инцидента, то в лагере было все спокойно, и никто из эсэсовцев, кроме Лейтхольда, видимо, не собирался сегодня заходить в бараки. Дейбель уехал в Дахау - договориться о поставке обуви и верхней одежды, Копиц все еще уныло сидел в комендатуре. Писарь с папкой под мышкой постучал в дверь и подал ему суточную рапортичку численного состава заключенных: 1618 мужчин, 79 женщин, 19 мертвых, в том числе 1 женщина.

Копиц нахмурился. 18 мертвецов! А он ожидал лишь двенадцать. Это плохо. И всему причиной общий сбор - затея Дейбеля.

- Скажи Имре, чтобы немедля выломал золотые зубы, а Диего пусть приезжает с тотенкомандой. Девятнадцать трупов не войдут разом в тележку, придется им сделать два рейса.

- Jawohl, Herr Rapportfuhrer!

Писарь видел, что Копиц сегодня раскис, и потому рискнул изложить ему просьбу старшего врача.

- Старший врач предлагает отвести для больных восьмой и девятый бараки, что рядом с лазаретом. Он хочет поместить там тяжелобольных, это очень облегчило бы дело: не придется посылать их на сборы...

- Два барака? Значит, у него уже больше сотни тяжелобольных? нахмурился рапортфюрер.

- Он говорит, что даже больше. Сегодня ночью у многих был сильный жар. Сказать по правде, Оскар просил три барака. Я за то, чтобы дать ему хоть два. Герр рапортфюрер, конечно, помнит, что и в Варшаве у нас было несколько больничных бараков.

- Согласен, - сказал Копиц. - Что еще?

- Вы приказали начать сегодня стройку новых бараков. Поэтому прошу не устраивать общего сбора. С вашей помощью мы позавчера скомплектовали рабочие команды, теперь мы снова используем их. Арбейтдинст Фредо обязуется обеспечить бесперебойную работу.

- Ладно, ладно, - проворчал Копиц. - Уж это само собой разумеется. Только скорей начинайте. Снег мешает работать, я знаю... но вы скажите людям, что они строят бараки для себя и для своих же товарищей, которые приедут в воскресенье. Если бараков к этому времени не будет, новичков придется разместить прямо на снегу. Вы же не допустите этого?

- Не допустим! - гаркнул писарь, сердце его ликовало: Копиц заговорил по-иному. Значит, здесь будет рабочий лагерь и никто не станет нарочно истреблять заключенных!

- Да, вот еще о женщинах, - сказал Копиц, роясь в бумагах. - После обеда все мужчины, кроме Мотики и Фердла, прекращают

работу в кухне. В лагерь приедет надзирательница, осмотрит девушек, назначит одну из них старостой и выделит людей для кухни. Остальные будут уборщицами в бараках охраны и подсобницами в столовой эсэс. Это даст возможность кое-кого из мужчин отправить на фронт. Пока что пусть женщины остаются на своих местах и отдыхают. А для мужчин главная задача - построить до вечера семь бараков. Если они с этим не справятся, то... - тон Копица вдруг стал прежним ...тогда завтра распоряжаться в лагере начнет обершарфюрер Дейбель. А Фредо получит двадцать пять горячих. Willst, daB im Lager der Deibel los ist? нем.)>

Это был многозначительный каламбур. В невнятном произношении рапортфюрера имя "Дейбель" прозвучало, как "Тейфель" - по-немецки "черт": "Хочешь, писарь, чтобы в лагере хозяйничал черт?"... В поросячьих глазках Копица мелькнуло былое ехидство. На этом разговор был окончен.

Вернувшись в контору, писарь застал за своим столом Хорста. Вооружившись красками, кисточкой и старой рубашкой, разрезанной на лоскутья, Хорст изготовлял нарукавные повязки для проминентов. Одна была уже почти готова: красивые буквы складывались в слово "Lageralteste" здесь: "Староста женского лагеря" (нем.)>.

- Глянь-ка! - с восхищением сказал Хорст, поглаживая усики. - Красота, а?

- Ты - взрослый ребенок, - пробурчал писарь. - Сразу видно, что ты был декоратором магазинных витрин. Так ты им и останешься до самой смерти. Неужто у тебя нет других забот?

- А что? - засмеялся Хорст и встал, все еще любуясь повязкой. - Ты, колбасник, ни за что не написал бы так красиво! Ничего ты не смыслишь в учтивом обхождении. Это же венгерки, приятель! С ними нужно быть кавалером! Вот я подойду к их старосте, преподнесу ей повязку и скажу: "Староста мужчин - старосте женщин". И больше ни слова. Может бытъ, она позволит мне надеть ей повязку на руку...

- Опять тебя забрало! - писарь покачал головой. - А я думал, что после того, как ты ночью увидел их, у тебя пропала охота...

- Видел, ну и что же? - Хорст покачался на носках. - Не всегда же они будут замученными и безволосыми. Волосы отрастут... черные или белокурые. Знаешь ты, что среди венгерок много блондинок? А потом: ведь и наголо обритая баба в платочке все равно остается бабой, а?

Писарь не собирался попусту тратить время. Он выпроводил Хорста из конторы, повернулся к Фредо и вкратце рассказал ему о разговоре в комендатуре, разумеется, изобразив дела так, что,

мол, рапортфюрер настаивал на общем сборе и лишь благодаря бесстрашию писаря, его настойчивости и дипломатической ловкости лагерь может радоваться тому, что эта беда теперь отвращена. Сейчас все зависит от Фредо, надо, чтобы он образцово организовал работу на стройке.

Как ни странно, Фредо не проявил особого энтузиазма.

- Писарь, - сказал он, - снегу навалило сантиметров на десять. Знаете вы, как трудно будет рыть землю?

- Не так уж трудно, - возразил писарь. - Позавчера мы без заминки поставили три барака, да еще бетонированный нужник и забор. А сегодня надо поставить только семь бараков. Сгрести снег лопатами, только и всего. Земля под ним не промерзла, а это главное. Кстати говоря, лучше работать в такую погоду, чем в оттепель, когда снег растает и в лагере будет море грязи. Забыл ты, что ли, как выглядел Освенцим в такое время года?

Какими бы недостатками ни отличался писарь, ясно было одно: он не дурак. И Фредо решил объясниться напрямик.

- Слушайте, Эрих, - начал он с необычной фамильярностью, - мы с вами знакомы уже не первый день. Вы знаете мои взгляды, а я, мне кажется, знаю ваши. Я с вами сотрудничаю потому, что, как и вы, верю, что "Гиглинг 3" будет рабочим лагерем и что в таких условиях у нас есть немало шансов дожить до конца войны. Говоря "у нас", я имею в виду большинство наших заключенных. Если бы такие шансы были только у вас и у меня, я бы вам не помогал, вы это отлично понимаете. И вот я спрашиваю вас: под силу большинству наших заключенных построить двадцать семь бараков за четыре дня? Люди перенесли два убийственных сбора на апельплаце, среди них есть босые. Нагрянула стужа, а когда мы получим верхнюю одежду, неизвестно. Можно ли в таких условиях гнать людей на тяжелую работу? Не было бы умнее поговорить с Копицем о том, чтобы отсрочить приезд новой партии заключенных?

Писарь сел на скамейку и покачал головой.

- Ловкий грек, и такое сморозить! О господи, давно уж я не слыхал такого глупого умничанья. Во-первых (Эрих, как и Гитлер, любил все перечислять по пунктам), во-первых. Копиц для этого слишком мелкая сошка. Не ему остановить машину, которая посылает и не перестанет посылать нам новичков. Копицу не хочется на фронт, так же как мне не хочется в газовую камеру. Во-вторых, бараки мы строим для себя. Копиц сказал, что новая партия приедет в воскресенье и, если бараки не будут готовы, он выгонит старожилов на снег, а новеньких поселит на наши места.

Писарь соврал. Копиц не говорил ничего подобного. Но эта версия так понравилась Эриху, что он разукрасил ее новыми

подробностями. (Писарь не раз с упоением думал: худо приходилось бы нашим хефтлинкам, будь эсэсовцы хоть вполовину так изобретательны, как я! Слава богу, что они такие балбесы. Умей они придумать то, что удается придумать мне! Тогда врагам Третьей империи было бы не до смеху. Взять, к примеру, хоть и самого Гитлера. Весьма ловкий тип, но будь у него такая голова, как у Эриха Фроша, ого, тогда берегись весь мир!)

- Говорю тебе, - продолжал он серьезным тоном. - Копиц собирается в воскресенье выгнать всех нас на снег, а на наши места разместить новеньких. И ничего тут нет удивительного! Уж если мы за четыре дня не управимся с несколькими полуметровыми ямами и не поставим над ними бараки из готовых частей, куда же мы годимся?! Новички будут посвежее, вот из них и создадут рабочий лагерь, если мы сплоховали. Понятно, Фредо ? Все поставлено на карту. Семь бараков в день - это не так уж много, людей у нас хватает, если понадобится, можно работать и ночью при электричестве. Но мы должны их построить! Иначе завтра же тут начнет свирепствовать Дейбель, тебя отстранят и излупят, и, ручаюсь, бараки все равно будут построены, даже если к воскресенью все мы передохнем. Радуйся, что я в этом деле добился хотя бы самоуправления. Иди-ка, собирай рабочие команды и, если надо, вели капо взяться за дубинки.

Фредо встал.

- Вот то-то и оно, Эрих! В такую погоду и при нынешнем самочувствии людей никто не пойдет работать добровольно. Если бы я мог пообещать добровольцам дополнительное питание или еще какое-нибудь поощрение, тогда другое дело. А с пустыми руками мне не согнать их с нар. Вы говорите: дубинки. Но ведь вы обещали Оскару, что побоев больше не будет, что случай с разбитой челюстью будет расследован н все прочее. А вместо этого выходит, что я сам должен сказать капо: бейте! Так знайте же, Эрих, я этого не сделаю.

Помощник писаря Зденек, нагнувшись над картотекой, делал вид, что работает и не слушает разговора. Но при последних словах Фредо он невольно поднял голову и разинул рот. Он и раньше ощущал безотчетную симпатию к греку-арбейтдинсту, догадываясь, что обязан ему своим выдвижением. Но то, что он услышал сейчас, было куда важнее.

Еще совсем недавно, после перевода из Терезина в Освенцим, Зденеку жилось очень тяжело. Он чувствовал себя червяком в коробке живых червей. Стиснутый в ней, слепой и неразумный, он извивался там, как и другие черви. В истерзанном сознании жила

единственная решимость: удержаться среди живых, не умереть. Уцелеть во что бы то ни стало!

Но сейчас он услышал столь странные и далекие от подобных мыслей слова, что забыл о необходимости изображать усердного писаря и поднял голову. Фредо тоже один из тех, кто сидит в коробке живых. Но он ведет себя совсем не как придавленный червяк! С ума сошел Фредо, что ли? Ведь он говорит со всесильным писарем... и говорит, как человек! Возможно ли?

Писарю, конечно, не хотелось отвечать при свидетеле. Он заметил полуоткрытый рот и удивление на лице своего помощника и гаркнул:

- Ты чего уставился? Делать, что ли, нечего? Ну-ка, марш отсюда! Зайди в немецкий барак, к Карльхену, и узнай, готов ли новый ящик для картотеки. А потом сбегай к зубному, запиши коронки, которые он снимет. Ну, марш!

Зденек виновато втянул голову в плечи, встал, стукнулся о стол, произнес "пардон" и, спотыкаясь, поднялся по ступенькам. Писарь подождал пока за ним закрылась дверь, потом сплюнул:

- Твой человек, Фредо! Посмотришь на него и видишь, куда ведет твоя политика. Из мусульман хочешь сделать проминентов, деликатничаешь с ними, обращаешься как с разумными людьми. Приказываю тебе немедленно выгнать людей на работу. Палками или без палок, мне все равно. Но если ты такой ловкач, почему бы тебе не убедить их, что все это в наших собственных интересах? Что неразумно спать в снегу, когда есть из чего построить землянки. Покажи свое красноречие там, не здесь. Я таких, как ты, уже видывал на своем веку...

* * *

Зденек шел в проходе между бараками, его трясло, Он никак не мог переварить услышанного. Подумать только, Фредо говорил сейчас с писарем, как представитель народа, как политик. С чего это ему вздумалось? Как будто здесь, в лагере, в коробке живых, в этой железной клетке, через которую пропущен электрический ток, можно еще возражать или предпринимать что-то!. Может ли червяк спорить с железной пятой, которая его попирает? Можно ли что-то требовать, а не быть лишь живу и радоваться этому?

Задумчиво вошел Зденек в барак немецких проминентов. Там все выглядело иначе, чем в его бараке. На нарах аккуратными рядами лежали хорошо набитые соломенные тюфяки, земляной пол был тщательно выметен, посредине стояла раскаленная докрасна железная печь.

Зденек вынул руки из карманов, протянул их к печке и спросил у штубака, который стоял с веником в руке, не видел ли он капо Карльхена.

- Спроси у его хахальницы, - проворчал тот, кивнув в сторону. От неожиданности Зденек разинул рот и поглядел туда, куда указал штубак. У занавески из одеял, висевшей в глубине барака, стоял Берл, тот самый юноша, которому в очереди за едой глухонемой повар Фердл отмерил двойную порцию картошки.

Кровь бросилась в лицо Зденеку, но он пересилил себя и подошел к юноше. Около Берла стоял на коленях тощий портной Ярда и примерял ему брюки. Зденек заметил, что и куртка еще не готова: правый рукав не пришит.

Зденек не знал, как обратиться к юному щеголю, который явно наслаждался этой примеркой.

- Слушай-ка, - сказал он наконец, - ты не знаешь, где Карльхен?

Взгляд Берла из-под длинных ресниц был обращен на брюки. Он медленно поднял большие безразличные глаза и холодно взглянул на пришельца.

- Что тебе надо, мусульманин?

У Зденека все еще горело лицо. Он знал жизнь и еще дома слышал всякие сплетни о гомосексуализме среди заправил киностудии "Баррандов". Но здесь, в коробке живых, червяк среди червяков?..

- Я - писарь, - сказал он, понизив голос. Скажешь ты мне, где капо, или нет?

- Писарь? - повторил юноша и презрительно опустил углы красивого рта. - А где же у тебя повязка?

"И верно, - подумал Зденек, - повязки-то у меня нет. Сегодня я просил Хорста намалевать ее и для меня но он поднял меня на смех: "Будь ты венгерка, с удовольствием! А писарь сам умеет писать!" Ладно вот вернусь в контору и сделаю себе повязку. Не позволю, чтобы меня третировали такие сопляки, как этот!" Вслух он сказал:

- Не твое дело, где у меня повязка. Карльхен должен был сделать деревянный ящик для конторы. Я пришел за ним.

Берл опять опустил глаза и, сделав вид, что забыл о Зденеке, обратился к портному:

- Брюки должны быть немного пошире, а? Господин капо... - Эти два слова были произнесены с особым ударением, - господин Карльхен тоже носит широкие...

Портной стоял на коленях и услужливо улыбался.

- Пожалуйста, как вам угодно. Но мне кажется, что вот здесь, в боках... Вам бы пошли скорее в обтяжку.

Зденеку было стыдно за мальчишку, за человека на коленях, за себя, за всю эту гнусную коробку червей, попираемых железной пятой, которые жрут друг друга. "Свинья!" - громко сказал он и

вышел не солоно хлебавши. Лучше поискать Карльхена в лагере или вернуться сюда попозже, чем унижаться перед этим ничтожным мальчишкой.

Зденек вышел из барака с чувством некоторого морального удовлетворения. Он понимал, что Карльхен наверняка узнает об обиде, нанесенной его фавориту, а иметь врага в лице Карльхена небезопасно. Зденеку, однако, казалось, что, обругав Берла, он как-то укрепил собственную уверенность в себе, что один вид подлого мальчишки всколыхнул в нем, Зденеке, человеческое достоинство. Нет, он еще не пал так низко! Ведь вот и в коробке червей есть разные степени унижения. И в ней можно сползать все ниже, а можно и распрямиться, подняться, идти против течения.

Зденек хорошо понимал, что сам-то он здорово опустился - куда ему до Фредо , который так смело говорил сегодня! Но нельзя сразу же ставить себе головокружительно высокие цели, думал Зденек. У него было приятное сознание того, что он все-таки стремится стать ближе к тем, кто возвышается над мразью этого лагеря. Пока что он только назвал хамом противного мальчишку. Невелико геройство, ведь Берл еще почти ребенок! И уж если поразмыслить обо всем этом как следует, Берл не виноват в том, что он такой, здесь вина Карльхена. Да и Карльхен сам по себе не мог быть источником стольких бед: он не испортил бы мальчишку за три дня, если бы тот уже не побывал в Освенциме и еще бог весть где. Война и фашистские порядки - вот в чем все зло!

И все-таки, даже учитывая это, Зденек был доволен: впервые в Гиглинге он вслух высказал свое мнение о ком-то, не боясь последствий, с поднятой головой. И ему было приятно сознавать это.

Настроение у Зденека поднялось еще больше, когда он пришел в лазарет, где его приняли, как своего. Врачи не придавали значения тому, что на руке у него нет проминентской повязки. Оскар пожал ему руку, Антонеску приветливо наклонил голову, маленький Рач собрал сотню морщинок около глаз и ободряюще улыбнулся. "Как ваша воля к жизни? - спросил он по-французски. - Как насчет elan vital?"

- Спасибо, в порядке! - по-французски же откликнулся Зденек, и его "са va" прозвучало так залихватски, словно говорил парижанин Гастон. Потом он попросил доктора Имре сходить с ним в мертвецкую - записать зубы.

Долговязый венгр взял палочку с резным набалдашником, подарок какого-то благодарного пациента, и взмахнул ею, как саблей на параде.

- Я готов, monsieur le schreibere франц.)>, - приветливо сказал он и строевым шагом направился к мертвецкой. Около уборной их остановил какой-то "мусульманин".

- Герр доктор, - сказал он, показывая на свой рот, - у меня тут, в глубине, отличный золотой зуб. Кусать им все равно нечего, хе-хе, вытащите-ка мне его, а? Я куплю за него буханку хлеба и четверку отдам вам.

Имре оглянулся - не смотрит ли на них часовой с вышки, - поднял тросточку, оттянул ее рукояткой нижнюю губу пациента, взглянул на его челюсть.

- Вечером зайди в лазарет, поговорим.

* * *

Они вошли в барак в конце апельплаца. Имре кивнул на длинный ряд девятнадцать трупов:

- Сегодня тут оживленно, а?

Зденек не в первый раз попал в мертвецкую, еще вчера он ассистировал тут зубному врачу. Поэтому на его лице появилось деловитое выражение, он вынул из кармана бумагу и огрызок карандаша и подышал на замерзшие пальцы. Взгляд его остановился на восьмом трупе, в отличие от других прикрытом пустыми бумажными мешками с надписью "Портландский цемент".

- Вы уже слышали, доктор, об истории с Диего и новым эсэсовцем? спросил он небрежно, как подобает всеведущему писарю. - Диего отказался вынести мертвую девушку обнаженной и по-испански выругал Лейтхольда сукиным сыном.

- Знаю, знаю, - улыбнулся Имре, наклоняясь над первым трупом. Шими-бачи рассказал нам сразу же, как вернулся из конторы. Чудак этот испанец, смех, да и только... Запиши-ка: номер первый, стальной протез.

Зденек списал фамилию с бедра трупа и рядом с ней сделал пометку о зубном протезе, потом перешел к другому трупу.

Неужто в самом деле эта история с Диего - "смех, да и только"? Когда Зденек впервые услышал ее от Шими-бачи, он просто ушам своим не верил. Сказать эсэсовцу такие слова, открыто воспротивиться его воле, вынудить его изменить распоряжение - какая безрассудная отвага! "Но к чему она, к чему эта смелость? - смеялся тогда Эрих Фрош, возражая Шими-бачи, оценившему поступок Диего как геройский. - Дурацкая сентиментальность, - твердил писарь. - Дурацкая сентиментальность! Рисковать поркой ради того, чтобы жалкая покойница была похоронена в бумаге, а не голой! Хотел бы я знать, как обернулось дело, если бы Диего нарвался на Дейбеля, а не на Лейтхольда. Дейбель хорошо знает испанскую ругань, и он

сразу выхватил бы пистолет..."

У второго трупа не было никаких металлических коронок, у третьего и четвертого они были. Зденек приближался к восьмому трупу, и его все больше мучал вопрос: геройски поступил Диего или нет?

Имре подошел к бумажным мешкам и открыл голову девушки, Зденек увидел красивое бледное личико. Он уже не мог держаться деловито.

- Безупречные зубы, - послышался голос доктора. - Сколько ей было лет? Наверно, не больше семнадцати? Как ее звали?

- Не знаю, - запинаясь, пробормотал Зденек.

- Так посмотри.

- Нет! - почти крикнул Зденек и тотчас устыдился этого. - Не надо! У меня в конторе есть список, я там посмотрю и впишу.

Имре бросил на него насмешливый взгляд.

- Тебе не хочется глядеть на ее бедро?

- Да, - сказал Зденек и прижал ногой край бумажного мешка, чтобы не дать ему сползти даже случайно. - Диего рисковал жизнью ради того, чтобы девушка осталась прикрытой!

Имре покачал головой.

- Вижу, что ты такой же дурной, как Диего.

И он отошел к следующему трупу. Зденек слегка усмехнулся.

- К сожалению, не такой, - сказал он хмуро. - Где мне взять такую смелость, как у этого испанца! А хотелось бы!

Он нагнулся и снова закрыл лицо мертвой девушки. "Да, есть разные степени унижения, - твердил он себе. - Не все червяки в коробке живых одинаковы. Фредо лучше других. Диего лучше других. И даже я не останусь на дне, если захочу..."

Осмотрев все трупы, Имре Рач в задумчивости остановился перед Зденеком:

- Собственно говоря, ты молодец, что так отнесся к моей соотечественнице. Странно все это... Позавчера я увидел тебя впервые; ты выглядел, как самый заправский препротивный мусульманин. Ручаюсь, что ты был совсем неспособен к каким-либо активным действиям. И вот стоило тебе два дня пожить чуточку лучше, и ты заговорил по-иному. Я военный дантист и не разбираюсь в таких тонкостях, ты поговори о них с маленьким Рачем, он, извините за выражение, психиатр и, наверное, лучше объяснит тебе, что я имею в виду...

2.

Приглядись дантист Имре к другим заключенным из партии Зденека, он и в них заметил бы первые признаки знаменательной перемены. Как ни плох был лагерь "Гиглинг 3", он все же сильно отличался от ада, через который прошли эти "мусульмане".

Изнурительный переезд в вагонах для скота без еды и без питья, пребывание в Освенциме, где перед глазами вечно дымились трубы крематория, ужасы "селекций", когда голые узники дефилировали перед эсэсовцами, а те одним мановением руки посылали многих из них на смерть.., Нет, по сравнению со всем этим первые дни в Гиглинге были раем. Здесь у каждого было свое местечко на нарах, было одеяло, глоток теплого кофе и ежедневная четверка хлеба. Здесь не свирепствовала газовая камера, не наводили ужаса трубы крематория!

Зденек был не единственным измученным существом, превращавшимся здесь из червяка во что-то, похожее на человека, мыслящее. Впрочем, первые признаки этого появились много раньше, едва ли не в тот самый момент, когда еще в Освенциме захлопнулись двери товарных вагонов и состав тронулся в долгий путь - из Польши через Крнов, Бреслау, Вену, Линц, Мюнхен - до Гиглинга.

В каждом вагоне было по девяносто человек, в большинстве незнакомых между собой, - главным образом поляки и чехи, но попадались узники и других национальностей. Едва поезд выехал из освенцимского тупика, где колея проходила прямо между двух больших крематориев, едва наблюдатели, дежурившие у решетчатых вагонных окошек, сообщили попутчикам, что створки лагерных ворот снова закрылись, как в вагонах настало какое-то лихорадочно-веселое оживление. "Братцы, мы больше не в Освенциме, даже не верится!"

Тут же впервые подали голос "младенчики ярды".

- Вот видите, - объявили они, - сколько разговоров было о лагере истребления. А теперь все мы - живое доказательство того, что таких лагерей нет. Не истребили нас, не истребят и наших слабых товарищей, которые остались в Освенциме, и, уж тем более, наших здоровых жен и детей...

Тотчас отозвались скептики, вроде Мирека.

- Скажете тоже! Нас ведь посылают на работу, а не выпускают на свободу. Вот поработаем на стройках, в шахтах или еще где-нибудь, отслужим свое, ослабеем, заболеем или получим увечье, тогда нас отвезут обратно к освенцимским печам и мы уже не пройдем селекцию, как прошли в этот раз.

Третья, самая многочисленная группа держалась другого мнения:

- Что бы там ни было, сюда мы уже не вернемся. Война кончается, нацизм при последнем издыхании. Не знаете вы разве, что фронт уже у Кракова? Недалек день, когда советские солдаты взорвут газовые камеры Освенцима. Остается месяц, может быть, два!

Зденек замкнулся в себе и не участвовал в этих спорах. Но большинство узников воспряло духом. Наблюдатели у окошек - уже этот факт был признаком того, что между заключенными в вагоне возникают какие-то новые отношения. Кто назначил наблюдателей? Сначала никто. Девяносто человек, загнанных в тесную коробку вагона, не могли расположиться так, как хотелось каждому. Волей-неволей кого-то прижали к решетчатому окошку, и он глотал там свежий воздух, глядел наружу и, если умел, описывал попутчикам все, что видит. Тех, кто ничего не рассказывал, скоро оттерли от этого желанного места. "Проваливай, - говорили ему, - от тебя нет никакого толку, пусти того, кто сможет нам рассказать что-нибудь".

Иногда к окну подталкивали заключенного, потерявшего сознание. Человек в обмороке не падал на пол, - упасть было некуда. Его прижимали к окошку, авось свежий воздух приведет его в себя. Так возникла помощь слабым сначала всего лишь из недовольства молчаливыми наблюдателями, занимавшими место у окна. Но это уже было началом заботы о товарищах.

Постепенно человеческое стадо превращалось в коллектив. В углу вагона оказалось жестяное ведерко, наполненное суррогатным кофе - литров восемь. Тот, кто обнаружил его, не поддался эгоистическому импульсу - поскорее напиться самому. Он сказал:

- Эй, ребята, тут есть кофе. Кому очень хочется пить?

Пить хотелось всем. Поднялся шум, крик, люди задвигались, стали проталкиваться к ведру. Надо было навести порядок.

- Тихо, ребята! - крикнул чех по имени Гонза Шульц. - Послушайте, что я вам скажу!

И хотя никто не знал Гонзу, все обернулись к нему и прислушались. Был у него такой властный голос? Едва ли. Но толпе в этот момент нужно было разумное слово, и Гонза произнес его вовремя.

- Нас много, - продолжал он, - и никто не знает, сколько нам еще ехать и дадут ли нам что-нибудь пожрать. Надо беречь этот кофе. Будем давать его только тем, кто совсем уже не держится на ногах. Но и они должны делать только два глотка. Сосед положит ему руку на горло и будет считать. Согласны?

Тем, кто уже не рассчитывал ни на одну каплю кофе, предложение Гонзы понравилось.

- Согласны, - загудели они.

Был Гонза умнее других? Неужели никто другой не додумался бы до такого предложения? Едва ли. Просто Гонза вовремя высказал правильную мысль, и с ней все согласились. У коллектива уже были свои глаза у окон, теперь начинал

функционировать мозг и другие органы. Мозг решил: по два глотка кофе самым слабым. Органы чувств взялись за выполнение этого приказа. Зрение наблюдало товарищей. "Не держишься на ногах?" И если спрошенный уже терял сознание и, полуоткрыв рот, мог только кивнуть, ему подавали ведерко и клали палец на горло. Осязание коллектива считало: "раз, два".

Кто-то даже спросил Зденека, который был очень бледен и до сих пор не произнес ни слова: "Тебе плохо? Хочешь напиться?"

Зденек покачал головой. Он не лез в герои и не намерен был жертвовать собой ради других, но в тот момент действительно не ощущал ни голода, ни жажды.

Мозг коллектива продолжал работать.

- Места у нас мало, всем сразу не сесть на пол, - объявил Гонза Шульц. - Нужно установить смены и чередоваться. Два часа стоять, два часа сидеть. Согласны, ребята?

Кое-кто из тех, кто уже уютно устроился у стены, проворчал:

- Да что ты во все вяжешься! Часов ни у кого нет, как же проверять эти твои смены?

Но большинство согласилось с Гонзой, и ворчуну у стены пришлось смириться.

- Два часа мы будем отмерять на глазок, ничего не поделаешь, - сказал Гонза, оставшийся стоять. - А когда я сяду, назначьте себе старшего из тех, что будут стоять, и пусть он следит за временем.

Почти трое суток громыхал вагон по разъезженным путям Третьей империи, подолгу торчал на небольших товарных станциях, все время под строгой охраной: никто не смел выглянуть в оконце. Во время бесконечного пути возникали тысячи затруднений, но благодаря организованности коллектива все они были преодолены. Главное затруднение было с парашей. Она была одна на девяносто человек, ее приходилось подавать через головы и выплескивать (более или менее удачно) в решетчатое оконце. Для этой цели коллектив выделил "группу специалистов" - выливальщиков, или "метателей", которые немало помогли тому, чтобы люди доехали до Гиглинга живыми и в здравом рассудке. Узники извелись от усталости, жажды и голода, но никто никого не обидел, никто ни на кого не поднял руки.

Жаль, что этот первый коллектив распался, как только отворились двери вагонов. Заключенные были слишком изнурены, чтобы и на вокзале Гиглинга сохранить оправдавшую себя внутреннюю организацию. Некоторые сразу же стали искать прежних друзей, попавших в другие вагоны. А потом появился конвой и погнал всю колонну в лагерь. Так вышло, что Гонза

Шульц очутился не вместе со Зденеком, а попал в барак номер 15, к совсем незнакомым людям.

Сперва Гонза был такой же отупелый, как все червяки в коробке. Но через несколько дней он стал приходить в себя. Ему не подвезло, как Зденеку, которого счастливый случай вознес в контору. А сам Гонза не предпринимал ничего, чтобы добиться лучшего положения. Петь он не умел, стать штубаком в бараке ему не довелось. Гонза вел себя, как и на родине при "протекторате": предпочитал физическую работу, делал не больше того, что ему было поручено, и даже меньше, старался сохранить здравый смысл и способность наблюдать окружающее. Он сразу понял, что обстановка здесь совсем не та, что в Терезине, где у заключенных было подобие самоуправления. Там, правда, тоже было голодно, узники постарше мерли, как мухи, но мало кому доводилось отведать эсэсовской плетки. Общие сборы, телесные наказания, казни были там редким явлением. В Терезине действовала подпольная партийная организация, она издавала бюллетень, который распространялся быстро и надежно. Ожидание краха гитлеризма было облегчено регулярной информацией о положении на фронтах и о других важных событиях. Время от времени даже такой рядовой заключенный, как Гонза Шульц, мог принять участие в каком-нибудь добром деле, мог помочь товарищу, оказавшемуся под угрозой. Вообще же Гонза жил, как и все вокруг: играл в карты со своим другом Отой, охотно посещал культурные мероприятия, которые устраивали такие, как Зденек, читал все, что можно было достать. В 1943 году он даже влюбился и женился. Из краденых материалов он соорудил там же, на территории Терезина, крохотное "бунгало". Так среди унижения и лишений ему удалось вырвать себе кусочек счастья.

В сравнении с тем, что пришло потом, такая жизнь была почти идиллией. Было терезинское "бунгало" действительно прекрасно или это только казалось Гонзе, но отправка в Освенцим разом разрушила его идиллию. Плачущие жены остались в Терезине, мужей повезли неведомо куда, и они были рады, что едут одни. Никому не хотелось видеть смерть любимой.

Из поезда в Освенциме Гонза и Ота вышли вместе, держась за руки, и вместе они благополучно прошли первую "селекцию". Но у самого входа в освенцимский "лагерь Е" Ота вдруг отпустил руку товарища и, словно обезумев, метнулся в сторону и бросился на ограду из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения. Послышалось шипение, Гонза вскрикнул и закрыл глаза, запах горелого мяса проник ему в ноздри. Шатаясь, он вышел из рядов. Эсэсовец, конвоировавший колонну, подбежал

и взмахнул прикладом над головой Гонзы. Руки товарищей ухватили Гонзу и втянули его обратно в шеренгу. Приклад лишь скользнул по плечу и разорвал рукав.

Жизнь в Освенциме Гонза начал в каком-то ошеломлении. Почему так поступил Ота? Казалось, с ним все было в порядке, он никогда и словечком не выдал намерения покончить с собой. Ота любил живопись и всегда носил в кармане большую репродукцию "Подсолнечников" Ван-Гога, разрезанную на дольки и наклеенную на коленкор, наподобие складной карты. Больше всего он любил солнце и желтый цвет. И вот, в первую же ночь, еще даже не познав всех ужасов Освенцима, он капитулировал.

Гонза твердо решил не кончать жизнь, как Ота. Он переживет Гитлера и увидит приход Красной Армии, которая, как он догадывался, уже близко! Еще дважды пришлось ему, стиснув зубы, пройти на "селекции" перед эсэсовским врачом Менгелем. Гонза шел нагой, глядя в серое небо поверх гитлеровского убийцы, не прося его взглядом, как делали многие, не выклянчивая жизнь. Гонза выпятил грудь, зная, что он еще достаточно силен, что он пройдет, должен пройти...

Ночевки на бетонном полу, "обувной кризис" Гонза пережил, как и Зденек. Когда их наголо обрили и кто-то из товарищей пошутил, что они теперь похожи на типажи из уголовного альбома, Гонза смеялся вместе со всеми. И в самом деле, нацисты отлично знают, что мы их злейшие враги, что мы с нетерпением ждем их краха и готовы сделать все, чтобы ускорить его. Они считают нас преступниками и соответственно обращаются с нами. Ничего удивительного.

Гонза осторожно посоветовался с товарищами: нельзя ли предпринять что-нибудь? Ходили слухи, что недавно был бунт и что тотенкоманда взорвала один из крематориев; во время возникшей при этом паники бежало несколько заключенных.

Сейчас фронт уже близко. Вот если бы нам удалось вырваться за ограду... Тысячи узников, наверное, погибли бы при этом, но тысячи спаслись бы и добрались до русских, попросили бы у них оружие и помогли бы им стереть с лица земли гнусный лагерь! С горящими глазами Гонза говорил об этом с товарищами. Он забыл о "бунгало" в терезинском гетто, забыл о жене, которая там осталась. Но он не мог забыть запаха горелого мяса, и ему хотелось убивать и убивать эсэсовцев...

Но этим замыслам не суждено было осуществиться. Через несколько дней узников согнали для последней "селекции", а потом сразу же погнали в вагоны. Гонза очутился среди незнакомых людей, среди испуганного человеческого стада, попавшего в вагон для скота. Он мечтал силой вырваться из

Освенцима, и вот нацисты сами увозят его отсюда. Гонза стиснул зубы и улыбнулся: "И это неплохо. Наверняка нас повезут на запад, потому что с востока жмут русские. В самой Германии нет таких лагерей, как освенцимский ад. Может быть, теперь сбежать будет легче. Посмотрим..."

Наблюдатели у окошек объявили Крнов. Сердца чехов усиленно забились: мы едем на родину! Но поезд шел все на юг и на юг, миновал Оломоуц, пересек Моравию... Вот и Вена. Состав долго мыкался около разбомбленных вокзалов. Выбраться из запертого вагона не было никакой возможности, а выжить в нем было нелегко. Голыми руками дверь не выломаешь, решетки на окнах обвиты колючей проволокой, их не сорвешь. Едва поезд останавливался, эсэсовцы выбегали из сторожевых будок и обходили вагоны. Однажды они выстрелили прямо в оконце. Пуля попала в потолок, никого не поранив, но с тех пор наблюдатели пригибались, как только поезд замедлял ход.

Поезд тащился в долине Дуная по направлению к Линцу. Настроение узников резко упало. "Похоже, что нас везут в Маутхаузен", - говорили знатоки. А это название звучало почти так же зловеще, как Освенцим. Каменоломня, пресловутая лестница в скале, эсэсовцы с плетками предлагают заключенным: "Кто хочет, может прыгнуть со скалы". Старожилы лагерей знали "профиль" каждого лагеря: Маутхаузен был одним из худших.

В поезде узники вновь сплотились в коллектив, и у Гонзы появились новые обязанности. На мысли о собственных делах, на опасения почти не оставалось времени. Он стал признанным вожаком вагона, распределял смены стоящих и сидящих, регулировал передачу параши и ведерка с кофе, теряющим сознание обеспечивал место у окошка, следил за тем, чтобы наблюдатели не ленились сообщать о том, что видят.

Так они дождались вести, что страшный для всех Маутхаузен уже остался позади. Поезд тащился на запад, все на запад и наконец очутился в Баварии. Среди многих догадок была и такая: а может быть, Дахау? У Дахау была сносная репутация. Некоторые узники продолжали надеяться, что их вообще везут не в концлагерь. А что, если нас поставят где-нибудь на работу? На заводе, на стройке или на уборке развалин?

- Тогда будет легко удрать, - смеялся Гонза, хотя настолько ослаб, что с трудом мог закрыть рот.

Они были уже третью ночь в пути, и спать ему довелось меньше других. Ведерко давно опустело, а Гонза так и не глотнул из него.

Мюнхен. Охрипшие наблюдатели сообщили, что весь город в развалинах. Падавшие в обморок узники тяжело наваливались на

своих соседей. Третья ночь была самой трудной. Самой трудной и самой нескончаемой.

Наконец поезд остановился. Двери с грохотом распахнулись, в вагон ворвался холодный воздух, стало видно мерцание ярких звезд на альпийском небе. Живой груз из вагонов высыпал на товарную платформу. Гонза был в самой гуще толпы. Никто не обращал на него внимания, он перестал быть вожаком, не должен был заботиться о других и сохранять в общих интересах спокойствие и выдержку. И он повалился на землю, на минуту потеряв сознание.

Но в то утро, когда в Гиглинг прибыли венгерские девушки и арбейтдинст Фредо, обходя бараки, вербовал добровольцев на стройку, Гонза Шульц снова стал вожаком в пятнадцатом бараке. Поэтому он заговорил с Фредо.

- На какую работу вы нас вербуете? - спросил он.

- Я вот пришел без палки, с голыми руками, - усмехнулся Фредо, взглянув на невысокого парня, лицо которого было сильно изборождено морщинами. - Это лучше, чем если бы сюда ворвались капо с палками или эсэсовцы. В воскресенье приедет новая партия. Если мы вовремя не построим новые бараки, тысяче с лишним человек придется спать на снегу.

Гонза, сунув руки в карманы, хмуро глядел на Фредо.

- Стоял бы ты так передо мной, если бы я размахивал палкой? - спросил его грек.

- Не знаю, - ответил тот. - Но дело не в том, как бы я поступил под принуждением. Вы ведь спрашиваете, пойдем ли мы добровольно.

Фредо тоже заговорил серьезно.

- Может быть, я зря вспомнил о палке. Должен напомнить, что эсэсовцы сказали: не пойдете добровольно, погоним плетками. Вот и выбирайте. Требуй они от нас другую работу, я не пришел бы звать вас. Но строить бараки в нашем же лагере, на это, я думаю, мы можем согласиться.

Гонза взглянул ему в глаза и покачал головой.

- Добровольно строить концлагерь я не буду. Сегодня ночью в нашем бараке умерли двое. Только после одного из них остались ботинки, а у нас еще трое босых. Если так будет и дальше, мы подохнем - и в бараках, и без бараков. Из пятнадцатого добровольно не пойдет никто.

У Фредо не была времени на долгие споры. Если в каждом из тридцати бараков проторчать столько, сколько здесь, земляные работы не начнешь и в полдень. В других местах люди соглашались охотно, здесь был первый случай, когда кто-то из заключенных от имени всего барака сказал "нет".

- Ладно. А это в самом деле общее мнение?

Фредо обвел взглядом лица "мусульман" и на многих из них увидел нерешительность и даже несогласие с безалелляционными слоэами Гонзы.

- Ты ведь пойдешь? - сказал грек парню справа, который стоял, опустив голову. - И ты тоже! - кивнул он другому. - Если из вашего барака придет пять-шесть крепких, хорошо обутых людей, этого хватит. Мы работаем посменно, за вашей бригадой я зайду через полчаса. Salud!

Он повернулся, хлопнул по плечу Гонзу, который все еще стоял, сунув руки в карманы, и вышел. В блокноте он записал: "Номер 15 - пять-шесть человек", - улыбнулся и добавил: "И один молодчина".

* * *

Доктор Имре сдал выломанные зубы, и Диего со своей тотонкомандой, погрузив на тележку десять трупов, выкатил ее за ворота лагеря. Гастон раздал заключенным лопаты и мотыги. Проминенты, на этот раз преимущественно греки, возглавили строительные работы. Прежде всего надо найти под снегом колышки, которыми обозначены углы будущего барака, натянуть между ними бечевку и вырыть семь рвов.

Блоковый, поляк Тадек, подошел к Фредо.

- Сегодняшняя работа вправду добровольная?

- Да. А почему ты спрашиваешь?

- Ты ведь знаешь, как было дело в моем бараке. Тот чех все еще агитирует, чтобы никто не шел, даже пять человек, которые тебе от нас нужны.

- Ну, а ты что? - допытывался Фредо.

- Я не стал вмешиваться, ты же сам видел. Не знаю, как другие блоковые, а я решил: работа - дело арбейтдинста, я к этому не касаюсь.

- Пожалуй, ты прав, - сказал Фредо. - Есть, правда, и такие блоковые, что вмешивались, и очень круто. Но еще не было случая, чтобы кто-нибудь так упрямился, как этот твой бунтарь.

- Доложишь начальству? - осведомился Тадек.

- Зачем же? Мне этот парень нравится. Людей на стройке хватает, но все-таки надо, чтобы из вашего барака кто-нибудь пришел, а то пойдут разговоры, что вы бастуете. Понял?

Из пятнадцатого барака в конце концов явилось на работу шестеро. Гонзы среди них не было. Но Фредо вечером зашел к нему, и они долго беседовали.

3.

Фамилия надзирательницы была Россхёйптель, что по-немецки значит "лошадиная головка". Но эсэсовцы сочли, что эта

уменьшительная форма здесь ни к чему, и звали ее просто Россхаупт (Кобылья Голова).

Это была рослая, кряжистая баба, даже с женскими формами - и бюст, и бока. Редкие рыжеватые волосы скручены на макушке узлом, веснушчатые ручищи совсем как мужские, а обувь она носила сорок четвертый размер. Зычный голос Россхауптихи утратил на дворах тюрем и концлагерей последние остатки женственности.

Никто не удивился, что ее прислали распоряжаться всеми четырьмя женскими лагерями сразу. Напористая эсэсовка любила свое дело и держала в ежовых рукавицах не только узников и подчиненных, но и себя: была неутомима, не отдыхала даже по воскресеньям, не брала отпуска. Говаривали, что единственный предмет мужского рода, который разделяет с ней ложе, это будильник, поставленный на полпятого утра.

Ворвавшись в жарко натопленный кабинет Копица, она, не говоря ни слова, распахнула окно, потом подвинула стул к стене, влезла на него и поправила портрет Гитлера, который, по ее мнению, висел криво. Копиц поспешно натянул спущенные подтяжки и, ища руками рукава френча, ногами старался попасть в ботинки, брошенные где-то под столом.

- Х-хей-тлер! - пробормотал он. - Меня информировали, что вы прибудете днем, а сейчас еще нет одиннадцати...

- Ну и что же? - Россхауптиха уперлась руками в бока. - Вас, наверное, кроме того, информировали, как я выгляжу и какой у меня размер обуви. Не отпирайтесь, знаю я наших коллег. Мне говорили, что в "Гиглинге 5" я провожусь не меньше шести часов, а я управилась за четыре. Вот почему я здесь на два часа раньше, а вы можете сделать из этого вывод, чего стоит ваша информация.

Копиц решил, что не даст этой мегере припереть себя. Он встал, вытянулся в струнку н произнес:

- Рапортфюрер Копиц. С кем имею честь?

Щелки ее глаз, обрамленные желтоватыми ресницами, сузились.

- Вы, видно, любите всякие церемонии. А я нет. Вот, прочтите, кто я такая, а потом зашнуруйте ботинки - и пошли в лагерь.

Копиц, однако, остался невозмутим, уверенный, что именно таким образом одержит верх. Он взял пакет, осмотрел его со всех сторон - в целости ли печати, - вынул из кармана нож, которым обычно резал колбасу, раскрыл его и острием вскрыл конверт, подул в него, чтобы удобнее было извлечь сложенный листок, внимательно заглянул в конверт, нет ли там еще чего-нибудь, потом закрыл нож, неторопливо убрал его в карман и разложил на столе удостоверение надзирательницы СС Россхёйптель. Копиц

разгладил его ладонью и, прежде чем начать читать, поднял глаза и насмешливо поглядел на энергичную обладательницу этого документа. Мол, понятно? Россхаупт не сводила глаз с его лысины.

- Надо полагать, в вашем лагере все в образцовом порядке, - сказала она ледяным тоном. - Иначе вы не были бы столь уверены в себе. Ваши коллеги чувствуют себя со мной куда беспокойнее. Обычно они опасаются, что я могу обнаружить какие-нибудь непорядки и доложить об этом начальству. Поэтому они во всем идут мне навстречу и, уж конечно, не рискуют дразнить меня.

Копиц усмехнулся.

- Но вас, конечно, не задобришь. Ведь вы образцовый член партии и, если обнаружите непорядки, доложите о них, все равно, симпатичен вам данный рапортфюрер или нет. Не так ли?

- Разумеется, доложу, - был ответ. Лицо надзирательницы побагровело.

- Вот и отлично, - сказал Копиц, встал и, поставив ногу на стул, начал зашнуровывать ботинки, обратив к Россхауптихе туго обтянутый брюками зад. Извините, я делаю как раз то, что вы сами мне посоветовали.

Надзирательница отвернулась и с оскорбленным видом уставилась на портрет фюрера. А Копиц крякнул, поднял другую ногу и подумал с удовлетворением: "Один-ноль в мою пользу!"

* * *

Зато над Лейтхольдом новой надзирательнице удалось натешиться вдоволь. Когда он явился по вызову Копица, она сразу поняла, что из этого калеки можно веревки вить. Бедняге кюхеншефу пришлось отдуваться за все унижения, которые Россхаупт снесла от Копица.

- Марш! - сказала она. - Ведите меня в женский лагерь!

Долговязый Лейтхольд и крутобокая надзирательница покинули комендатуру, а Копиц снова уселся за стол. Настроение у него заметно улучшилось. Все же он на всякий случай позвонил в пятый лагерь и сказал тамошнему рапортфюреру, что в дальнейшем надо предупреждать друг друга о выезде Россхауптихи. О том же он договорился с двумя другими лагерями.

В лагере тем временем прозвучала команда "Achtung!" Писарь выбежал из конторы и отбарабанил свой рапорт:

- В женском отделении семьдесят девять заключенных, выбыла одна, причина - смерть, сегодня ночью, в бараке.

Россхаупт кисло взглянула на круглую физиономию писаря.

- Вы еще не выбрали для меня секретаршу? - спросила она Лейтхольда. Этот писарь мне не годится, у него блудливые глаза.

Эрих замигал из-под стальных очков. Ему отнюдь не казалось, что можно блудливо смотреть на эту мужиковатую бабу. Но он промолчал.

- Мы ожидали вас, фрау надзирательница, - сказал Лейтхольд, - и не хотели выбирать секретаршу без вашего согласия. В женском лагере пока побывали только врач и капо тотенкоманды, унесший труп.

- Врач? - Россхаупт подняла желтые брови. - Вызвать его сюда!

Писарь повернулся и крикнул в сторону бараков:

- Frauenarzt! Здесь: "Врач женского лагеря!" (нем.)>

"Frauenarzt!" - передавалось из уст в уста.

- Откройте калитку, - приказала надзирательница.

Лейтхольд щелкнул каблуками - "Jawohl!" - и заковылял к калитке. Отперев ее, он обратился к Россхаупт.

- Разрешите?

- Разрешаю, - величественно произнесла она и вошла на территорию женского лагеря. - Дождитесь здесь врача и приведите его ко мне. Да не забудьте запереть калитку.

- Может быть, мне самому нет надобности... - заикнулся Лейтхольд.

В глазах надзирательницы мелькнула насмешка.

- А почему нет? Боитесь женщин?

Лейтхольд смотрел прямо перед собой.

- Не знаю, что вы имеете в виду. В лагере существуют только номера.

"Ах вот ты какой! - подумала надзирательница. - Но меня ты не проведешь, я тебя вижу насквозь".

- Делайте, как я сказала! - резюмировала она и исчезла в ближайшем бараке. Послышался возглас "Achtung!" и какой-то шум. Россхаупт вынырнула из барака красная, как индюк.

- Эти свиньи все еще дрыхнут! - закричала она. - В четверть двенадцатого!

Кюхеншеф пожал плечами:

- Герр рапортфюрер приказал дать им отдохнуть с дороги, а днем вы должны были провести...

- Я сама знаю, что мне делать, - отрезала она. - Это кто такой?

К калитке торопливо подошел Шими-бачи. Он вытянулся в струнку рядом с писарем, выкрикнул свой номер и прибавил:

- Revieraltester des Frauenlagers нем.)>.

Россхауптиха покосилась на его седины.

- А нет ли тут доктора постарше?

Лейтхольд робко покачал головой.

- Вы мне отвечаете за него, - сказала эсэсовка. - Поскольку кругом мужчины и сквозь ограду все видно, осмотр нельзя делать

под открытым небом.

- Да к тому же и снег... - прошептал Лейтхольд.

Россхаупт бросила на него недовольный взгляд. - Не перебивайте! В бараках есть только проход посредине, там тоже неудобно. А как контора? Там больше места?

- Jawohl, - прохрипел писарь.

- Убирайся, развратник, а не то... - Надзирательница замахнулась рукой. - Проводите меня в контору.

Лейтхольд запер калитку и побежал к конторе. Там за столом сидели Зденек и Хорст. Один приводил в порядок картотеку, другой изготовлял нарукавные повязки. Хорст вскочил, четко отрапортовал. Россхаупт почти ласково взглянула на него, впервые за весь день.

- Немец, - сказала она, - служил в армии?

- Обер-ефрейтором! Награжден железным крестом, осмелюсь доложить!

- Хорошо, - кивнула она. - Но ты слишком смазлив, тебя нельзя здесь оставить. Выйди и возьми с собой этого задрипанного писаря. Из заключенных здесь останется только так называемый доктор. Стол отодвиньте подальше к стене, эту скамейку вынесите, и начнем. Вы, - продолжала она, обращаясь к Лейтхольду, - сядете рядом со мной и будете записывать. Но прежде сходите в женский лагерь и приведите первую группу. Двадцать человек.

У Лейтхольда голова шла кругом. Когда он впервые вошел в женский барак, его ошеломил оглушительный крик, гомон, стук деревянных башмаков. У дверей его встретила черноглазая девушка и, став "смирно", крикнула:

- Achtung!

Воцарилась тишина. Девушки в синевато-серых платьях и платочках стояли в проходе у нар и все как одна глядели на покрасневшую правую щеку Лейтхольда. Левая щека эсэсовца осталась белой, и глаз над ней язвительно смотрел в пустоту. Девушка, крикнувшая "Achtung!", сразу смекнула, что тощему эсэсовцу не по себе в присутствии стольких женщин. Глаза у нее сверкнули, она выпятила грудь и отрапортовала:

- Тридцать девять венгерок, битташон!

Это совсем неофициальное "битташон"{11} она прощебетала так, что Лейтхольду сразу вспомнились веселые фильмы с Марикой Рокк, и он сделал шаг назад, словно опасаясь, что грудь этой девушки коснется его мундира. От внимания женщин не ускользнуло это невольное движение. Самые молоденькие закусили губу, чтобы не прыснуть. "Ай да Юлишка! - думали они. - Ну и бестия!"

- Вы здесь блоковая? - спросил Лейтхольд. - Отделите двадцать человек и приведите их к калитке.

Он повернулся и зашагал прочь. Отперев калитку, он пропустил группу, которая, стуча башмаками, последовала за ним, опять запер замок и повел девушек в контору. Там он вздохнул с облегчением: командование приняла Россхаупт.

- Все в глубину комнаты, за занавеску, и раздеться! - гаркнула она, как на плацу. - А вы приготовьте документы, - был приказ Лейтхольду.

Девушки в деревянных башмаках исчезли за занавеской. Лейтхольд несмело нагнулся к надзирательнице.

- В подобном осмотре, я полагаю, нет надобности. У нас есть медицинское заключение из Освенцима. Там их тщательно осматривали...

Россхауптиха смерила его уничтожающим взглядом.

- А вы бывали когда-нибудь в Освенциме? Нет. Так не вмешивайтесь! Там у них массовое предприятие, а мы отбираем индивидуально. Будем определять, кого послать на кухню эсэс, кого уборщицами в казарму охраны, Хотите, чтобы какая-нибудь из них занесла вам туда вшей, чесотку или еще что-нибудь похуже?

В щели между двумя одеялами, придерживаемыми невидимыми руками, появилась круглая головка Юлишки.

- Белье можно не снимать, битташон? - спросила она.

Но на Россхауптиху ее опереточное щебетание не подействовало.

- Заткнись, безмозглая свинья! Сказано - раздеться, значит, должно быть ясно! А главное, скинь платок с башки, посмотрим, сколько у тебя вшей.

За занавеской было тесно. Двадцать девушек столпились около четырех коек и зубоврачебного кресла. Они расшнуровывали деревянные башмаки, снимали платочки со стриженых голов, сбрасывали платья из синевато-серой саржи и оставались в ветхих тельняшках и безобразных шароварах. Но и это пришлось снять. В который уже раз? Опять, что ли, "селекция"? Или что-нибудь похуже?

В Освенциме женщины подвергались таким же осмотрам, как и мужчины, они по многу раз проходили нагими перед эсэсовским врачом Менгелем, и наконец из многих тысяч женщин - старух, матерей, сестер - была отобрана лишь эта горсточка самых крепких девушек. В душевое помещение, где парикмахеры из заключенных снимали им волосы, беззастенчиво входили эсэсовцы, помахивали стеками, щеголяли начищенными сапогами, указывали на "лучшие экземпляры", говорили гадости.

Иной раз целые толпы белотелых и смуглых девушек, выгнанных нагими из бани, оставались во дворе, огражденном колючей проволокой, и расхаживали там, будто это было самым привычным делом. Во дворе была грязь, с серого осеннего неба моросил дождь, а они стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Сперва они часто плакали, вспоминая матерей, которые при "селекции" попали "на плохую сторону", вспоминая бабушек и сестер, а некоторые детей. Они оплакивали себя, свои остриженные волосы, свой поруганный стыд, свое тело, измученное стужей и дождем. Но прошло время, и они свыклись с этим зоологическим бытом. И, если мимо проходили эсэсовцы, отпускавшие гнусные шуточки, женщинам было все равно. Ну и пусть! Только Юлишка иногда повторяла слышанное: "Это же кобылицы, а не девушки, черт подери!" И от этой странной похвалы в глазах ее вспыхивала гордость.

Девушкам выдали безобразное белье, платья до колен, деревянные башмаки на босу ногу, головные платки, а в последний день даже тесные детские зимние пальто, оставшиеся от малолетних жертв крематория. Потом их загнали в вагоны - и начался бесконечный переезд. Здесь тоже сложился коллектив, восемьдесят девушек привыкли слушаться своих вожаков - решительную, смелую Юлишку, серьезную, рассудительную Илону, набожную Магду, самую старшую из всех. На станцию Гиглинг их вагон прибыл отдельно, и потому коллектив не распался. Сообща они тронулись в путь. Все они были молоды, все были соотечественницы, ехали они не в такой тесноте, как мужчины, больная оказалась только одна. И, так как женщины вообще легче переносят лишения (хотя мужчины никогда не верят этому), они даже запели на ходу.

В поезде мужчины волновались: их пугала перспектива Маутхаузена, Дахау и прочее. Женщины плакали лишь по одной причине: Магда уверяла, что нацисты отправляют их в рабочие лагеря и поместят там в дом терпимости. Она твердо решила в этом случае покончить с собой. Шестеро заплаканных подруг все время жались к Магде, молились, обнимались и бесконечно клялись друг другу, что последуют ее примеру. Илоне стоило немалых усилий побороть это истерическое настроение, которое чуть не охватило весь вагон. Но вместе с тем ее раздражал вызывающий смех Юлишки, которая называла Магду святошей и уверяла подруг, что в проститутки их не возьмут, потому что они не так уж хороши собой.

Когда сегодня утром в женский барак вошел первый мужчина, да еще соотечественник, доктор Шими-бачи, девушки набросились на него: "Что мы тут будем делать? Это не дом

терпимости?" Доктор улыбнулся и успокоил их:

- Нет, не бойтесь. Вам тут будет хорошо. Говорят, вы будете работать на кухне, это ведь самая лучшая работа!

Потом он осмотрел труп девушки, умершей ночью. Инцидент с капо тотенкоманды тоже, как ни странно, в известной мере успокоил девушек. И хотя для них стало уже привычным показываться в лагере раздетыми донага на глазах мужчин, они никак не могли примириться с тем, что их маленькая подруга будет похоронена обнаженной. Поступок Диего произвел на них глубокое впечатление. "Какой смельчак!" - вздохнула одна из девушек, выражая мысли и чувства остальных. Легкость и нежность, с какой испанец поднял и понес мертвое тело, тоже подействовали на их воображение. Менее страшной показалась смерть. Если тебя похоронят не нагой и если к могиле тебя понесет этот человек, то, может быть, смерть не так уж ужасна...

Потом их напугал крик Россхауптихи, вызов в контору и приказание раздеться. Ведь газовых камер тут нет - так по крайней мере их уверял Шими-бачи, - зачем же осмотр?

- Готовы? - крикнула надзирательница. - Первые три, выходите!

За занавеской началась возня. Девушки подталкивали друг друга, никому не хотелось быть первой.

- Дуры! - прошипела Юлишка и раздвинула занавеску. - Эржика, Беа, сюда! Пошли!

Россхаупт бросила беглый взгляд на три фигуры, потом обратилась к Лейтхольду:

- Пишите и не очень заглядывайтесь!

- Я вообще не гляжу, - прошептал тот и опустил голову.

Юлишка, слышавшая этот обмен репликами, тихо хихикнула.

- Куш! - прикрикнула на нее надзирательница. - Как тебя зовут?

- Юлишка Гадор, битташон!

- Здорова? - обратилась Россхаупт к Шими-бачи, который стоял рядом. Врач улыбнулся, чтобы подбодрить девушек, и громко сказал:

- Вполне. Это сразу видно.

- По-моему, даже слишком, - строго оказала надзирательница. - Такую нахалку я не выпущу из лагеря. Но в кухне для заключенных можно сделать ее старшей. Возьмете ее?

Лейтхольду пришлось отвечать.

- Могу взять, - робко сказал он. - Мне все равно.

Россхаупт что-то вспомнила.

- Для вас она ведь только номер, а? Так поглядите же на этот номер... Ну-ка!

Она взяла его за подбородок и заставила поднять голову.

Лейтхольду ничего не оставалось, как взглянуть на Юлишку, которая стояла перед ним ослепительно белокожая, стройная, как статуэтка.

- Хватит! Запишите: Гадор, старшая в лагерной кухне. Следующая. Как фамилия?

* * *

Через полтора часа все семьдесят девять девушек были распределены. Самых некрасивых назначили уборщицами в казармах и кухне эсэсовцев. Старшей над ними надзирательница определила "святошу" Магду. При всей своей свирепости Россхауптиха, видимо, умела разбираться в людях. Затем она спросила девушек, кто у них до сих пор был за старшую. Ей показали на Илону. Надзирательница внимательно оглядела ее - перед ней стояла серьезная, спокойная девушка.

- Ладно, - сказала она. - Пусть будет старостой.

Под конец Россхауптиха выбрала самую изящную и маленькую девушку себе в секретарши: это была смуглая шестнадцатилетняя Иолан, почти еще девочка. Она будет писарем женского лагеря.

Уходя вместе с Лейтхольдом в комендатуру, Россхаупт была в приподнятом настроении. Взяв тонкорукого эсэсовца за локоть, она сказала:

- Самых бедовых я подсунула тебе в лагерную кухню. Что, молодец я? И, ехидно подмигнув бледному одноглазому коллеге, заключила: - Жаль, что ты не оценишь этого! Ведь для тебя существуют только номера, а?

4.

Оживленно было и в мужском лагере. Снегопад наконец прекратился, и работа на стройке шла так, словно вокруг не было ни колючей проволоки, ни сторожевых вышек с пулеметами.

Фредо организовал смены. Каждого из своих верных помощников он знал по имени, с каждым обменялся парой дружеских слов. Как только тотенкоманда вернулась из первой поездки, разгрузочная команда отобрала у нее тележку и направилась к складу у ворот. Готовые части бараков поплыли по лагерной улице; крупные треугольные фасадные блоки покачивались, как темные паруса. Хлеб уже давно был сложен в кладовой, Зепп и Фриц довольно поглаживали животы: фрау Вирт угостила их сегодня особенно щедрым завтраком - каждый получил по котлете.

Куда труднее пришлось Зденеку. Перевести больных со всего лагеря в два барака, а здоровых людей на освободившиеся места оказалось нелегкой задачей. В бараках сразу же поднимался крик,

причитания, ослабевшие мужчины жалобно плакали. Этот плач терзал слух Зденека, и сердце его наполнялось стыдом. Ведь все это взрослые мужчины, отцы семейств, люди, привыкшие самостоятельно работать и устраивать свою жизнь, умевшие думать и решать сам". А теперь многие из них хныкали, как обиженные дети, размазывая по щекам слезы. Они жаловались, молили не трогать их и всячески упирались. Некоторым казалось, что попасть в лазарет - значит наверняка не выжить. Они вообще боялись всяких перемен, боялись расстаться со своим бараком, кричали, что никуда не пойдут без своего товарища или брата, хватали Зденека за полы, обнимали его ноги, целовали руки. "Герр доктор, умоляю, дайте мне умереть здесь?"

Сначала Зденек терпеливо разъяснял:

- Это для вашей же пользы. А я не доктор, и хватит дурить!

Не прошло и часа, как он поймал себя на том, что сострадание и стыд сменяются в нем каким-то тупым безразличием. Он уже почти ненавидел этих людей.

- Да отстаньте же вы, упрямые тупицы! Не понимаете, что ли... - Потом его охватила брезгливость. - Пустите, черт возьми, не трогайте меня! Перебирайтесь - и баста! - И наконец он с ужасом заметил, что у него сжимаются кулаки и ему хочется нанести удар по одному из плаксивых лиц, которые жмутся у его ног. - Я не могу больше! - испуганно воскликнул он, заставив себя разжать кулаки, и поднял руки над головой. - Пустите меня, иначе... - И он отступил, вырвавшись из обхвативших его рук, он попятился к двери, выскочил и убежал в лазарет.

- Помогите мне, прошу вас! Я не умею обращаться с больными, я не справлюсь один...

И Зденеку помогли. Врачи отправились в барак. Хмурый Оскар, сверкая глазами и упрямо выставляя подбородок, Шими-бачи, затыкавший себе уши, маленький Рач, который без устали все объяснял и разъяснял, размашистый здоровяк Антонеску и Имре со своей тросточкой, ею он иногда ударял по рукам "мусульманина", хватавшего его за брюки. Прошло не меньше часа, пока они навели порядок.

Из четырнадцатого барака в лазарет отправили Феликса и трех других тяжелобольных. Феликс уже еле двигался, стал легким, как перышко, и не возражал против перевода в лазарет. Сломанная челюсть не заживала, жидкой пищи было мало, жизнь Феликса висела на волоске.

- Неужели ему нельзя помочь? - приставал Зденек к врачам. - Сделайте же что-нибудь!

Оскар сидел у окна. Он только что вернулся с обхода больных, видел столько грязи и отчаяния, выслушал столько

плача и жалоб, что устал смертельно.

- Феликс умрет, - сказал он Зденеку. - Сделать ничего нельзя. Разве что, если Имре...

Имре Рач сидел напротив. После неприятного общения с больными он тщательно умылся и даже вызвал проминентского парикмахера Янкеля, чтобы побриться и не походить на противных хнычущих "мусульман". Янкель как раз намыливал ему щеки.

- Ты о чем, Оскар? - спросил Рач.

Оскар встал, озаренный счастливой мыслью, его голос зазвучал бодрее.

- Слушай-ка, Имре, ты ведь дантист, рука у тебя верная. Что, если бы ты скрепил Феликсу челюсть?

Рослый Рач отодвинул парикмахера, который прислушивался, разинув рот.

- Ты это всерьез, Оскар? Как ты представляешь себе такую операцию?

Оскар выпятил свой упрямый подбородок.

- Другой возможности нет. Просверлишь ему отверстия с обеих сторон челюсти, просунешь проволоку и скрепишь. Сделать это надо сегодня же, пока он не ослаб еще больше.

Дантист иронически кивал головой. Заметив, что Янкель в ужасе уставился на него, он улыбнулся.

- Ты тоже не понимаешь этого, Янкель? Живому человеку разрезать без наркоза лицо, просверлить челюстную кость, скрепить ее проволокой, как какую-нибудь посудину, и все это вот этими руками, которыми я лазил во рты трупов... Без операционной, без кусочка чистой ваты, без элементарнейшей асептики. Не лучше ли просто перерезать ему горло бритвой? По крайней мере легкая смерть.

- Ты должен это сделать, - сказал Оскар. - Риск очень велик, но выбора нет. Дней через десять он все равно умрет от голода...

- Умрет их еще немало, - проворчал Имре и кивнул парикмахеру, чтобы тот продолжал бритье. - Если каждого перед смертью мучать операцией...

Наступила минутная пауза. Потом осмелел Зденек.

- Я тоже прошу вас, доктор. Ведь это не обычный случай, вы сами знаете, сколько о нем разговоров. Писарь Эрих обещал провести расследование и сказал, что капо, изувечивший Феликса, будет наказан. Сейчас есть возможность показать всем негодяям в лагере, что мы бережем человеческую жизнь и не жалеем усилий, чтобы исправить то, что совершил один из них...

Имре усмехнулся.

- Чудак ты, однако. Можешь час ораторствовать о сломанной

челюсти. Он опять отстранил парикмахера и уставился на Зденека с таким же задумчивым выражением лица, как сегодня в мертвецкой. "Ишь, каков он, этот задрипанный, стеснительный чех. К маленькой покойнице, прикрытой бумажными мешками, отнесся так рыцарски..."

- Феликс - твой соотечественник? - медленно спросил Имре.

Зденек подтвердил, и на намыленной физиономии военного дантиста появилась добродушная улыбка.

- Знаешь что, я попробую. Но, если я сгублю твоего приятеля, виноват будешь ты.

* * *

Цирюльник Янкель, пожилой, седоватый еврей с большим, вечно простуженным носом, вышел из лазарета. Под мышкой он нес все свои принадлежности: кусок жести, заменявший зеркало, и ящик, служивший сиденьем для клиентов и одновременно хранилищем мыла, кисточки и бритвы. Янкеля тяготило то, что он услышал в лазарете. В собственной челюсти, в собственном горле он чувствовал всю боль, которую придется перенести "мусульманину" Феликсу. Лично он никогда не видел пострадавшего - и не хотел видеть, - но он знал эту историю. Больше того: он знал, к сожалению, слишком хорошо знал, кто изувечил Феликса.

Несколько дней назад, рано утром, когда прибыла новая партия заключенных, Янкель брил в немецком бараке одного из капо, который только что вернулся из клозета и сердито жаловался на навязчивого "мусульманина":

- Ну, я ему влепил по морде, - похвастался он. - Да так, что даже часовой на вышке чуть не лопнул от смеха и закричал: "Ого, здорово!"

Янкелю тогда пришлось поднять бритву и подождать, пока капо кончит смеяться.

Целый день потом в лагере шепотком говорили о сломанной челюсти и возможном расследовании. Янкель ходил тише воды, ниже травы, чтобы капо не вспомнил, что парикмахер все знает. Маленький Янкель стал еще меньше, и еще ниже опустился его большой нос, словно эта тайна висела на нем тяжелым грузом.

Сейчас Янкеля снова забрало. Он никак не мог отделаться от мысли, что этот зверь все еще свободно ходит по лагерю, а он, Янкель, не смеет донести на него. Потом ему мерещилась сломанная челюсть и окровавленные пальцы врача, скрепляющие ее ржавой проволокой. Янкель тряхнул головой, стараясь избавиться от этих навязчивых образов. И вдруг...

Маленький Рач и его друг Антонеску возвращались от больных и были уже у дверей лазарета, когда парикмахер

выбежал оттуда. Глаза у него были мутные, остекленевшие. Рача и Антонеску он даже не заметил и, двигаясь, как кукла, пошел по левой стороне прохода между бараками, потом резко свернул и стал переходить на другую сторону. Вдруг его инструменты посыпались в снег: сперва блеснуло "зеркальце", затем из приоткрывшегося ящичка выпало мыло, кисточка, бритва, а там и ящик со стуком упал на землю. Потом сам Янкель, шагавший, как на глиняных ногах, повалился ничком.

В мгновение ока оба врача были возле него. Янкель бился в судорогах, на губах у него выступила пена. Очнулся он только в своем бараке, на нарах, и увидел над собой лица врачей. Страшная мысль овладела Янкелем: а не назвал ли он во время припадка имя капо, который изувечил Феликса? Парикмахер содрогнулся от страха - ведь всесильный капо этого не простит и стал упрашивать недоумевающих врачей забыть все, что он, Янкель, быть может, говорил в припадке. Это у него уже не первый случай, и если он в такие минуты что-нибудь болтает, то это совсем не соответствует действительности. А припадки эти, твердил парикмахер, случаются с ним только потому, что внутри у него сидит глист, который иногда вылезает в самое горло и душит Янкеля.

Вернувшись в лазарет, маленький Рач рассказал о происшествии.

- Янкель - эпилептик, знаете вы об этом? Ему опасно давать в руки бритву. Надо подыскать другого парикмахера.

Рач большой слегка побледнел, вспомнив, что ошалелые глаза Янкеля еще несколько минут назад глядели на его собственное намыленное горло. Потом он провел рукой но лбу, словно прогоняя тягостные мысли, и строевым шагом направился к Феликсу.

* * *

Один из добровольцев на стройке, молодой поляк, особенно понравился греку Фредо. Круглоголовый, плечистый и большерукий, со щетиной черных волос на голове, он управлялся с лопатой, как умелый землекоп.

- Сколько тебе лет? - спросил Фредо.

- Восемнадцать, сударь, - ответил парень и в упор поглядел на арбейтдинста. Глаза у него были удивительно светлые.

- А как тебя зовут?

- Бронислав Грин, сударь. Бронек.

- Чем ты занимался до лагеря?

- Ну, я еще не много успел, - улыбнулся Бронек, показав два ряда белых зубов. - Кормился как мог. А вот отец у меня был солидный человек. Механик...

Фредо кивнул, записал на бумажку фамилию и номер барака и отправился дальше. Когда он встретил зубного врача и тот попросил его перенести бормашину из конторы в восьмой барак, Фредо, не раздумывая, подозвал молодого поляка и взял его с собой.

В конторе царило оживление. Хорст собрал вокруг себя проминентов н разглагольствовал о том, что ему, мол, точно известно, сколько девушек пересидело во время осмотра на его койке. Он нежно гладил ямку на соломенном тюфяке и вслух гадал, кто продавил эту ямку.

- Наверняка та, грудастая, что будет главной в кухне. Видели ее? Какова походочка, как вертит боками да выставляет бюст! Спросите-ка Шими-бачи: сама надзирательница сказала Лейтхольду: "Погляди, погляди, вот это номер!"

Надзирательница имела в виду другое, но среди заключенных ее фраза цитировалась именно в таком смысле, и всем это понравилось: прозвище "номер" так и осталось за Юлишкой Габор.

Но не только Юлишка взволновала воображение Хорста и многих других. Все приставали к Шими-бачи, которому доверили быть врачом в бараках девушек. Доктора расспрашивали наперебой. Один хотел знать, как зовут девушку, которую он видел издали и знал о ней только то, что она высокая или маленькая, худощавая или плотная и что на осмотр в контору она шла в первой, второй, третьей или четвертой двадцатке. Другие, главным образом венгры, выясняли, откуда родом новые узницы, пытались узнать через них о судьбе своих родных. Шими-бачи стал своего рода справочным бюро, ибо девушек интересовали такие же сведения. Вскоре, например, выяснилось, что заключенный по имени Шандор Фюреди приходится кузеном Беа, одной из девушек, назначенных на работу в кухне. Этого было достаточно, чтобы Шандор получил протекцию: врачи назначили его санитаром в лазаретном бараке No 8.

Зденеку трижды предлагали сигареты или кусок хлеба за то, чтобы он составил список всех женщин и пустил его по рукам, - мужчины хотели выяснить, нет ли среди них знакомых. Ему стоило немалых трудов уберечь картотеку от того, чтобы в нее не лазили посторонние: то и дело кто-нибудь пытался заглянуть в интересующую его карточку, выяснить возраст или место рождения девушки.

В гудевшую, как улей, контору вошел молодой поляк Бронек. Осторожно ступая по дощатому полу, словно это был блестящий паркет, он с любопытством поглядывал на собравшихся. Фредо указал ему на бормашину в глубине у окна. Бронек, согнувшись,

прошел туда, учтиво обходя проминентов, которые шумно судачили о происхождении ямок на тюфяке Хорста. Но, хотя Бронек очень внимательно приглядывался ко всему, взгляд его светлых глаз оставался безразличным. "Этот парень похож на сильное, добродушное, молодое животное, - подумал Фредо. - Он вежлив, но у него обо всем есть свое мнение, вполне независимое и даже, может быть, дерзкое, которым он ни с кем ни за что не поделится". Все это нравилось греку.

Когда Бронек нес бормашину мимо писаря, тот хлопнул себя по лбу и воскликнул:

- Придумал, ребята! Знаю, как устроить, чтобы венгерки опять появились у нас в конторе.

- Ну, говори же, говори! - накинулись на него Хорст и другие.

- Шими-бачи соберет несколько девушек, и они пожалуются на зубную боль. Тогда он попросит у надзирательницы разрешения отвести их на прием к доктору Имре, понятно? А зубы-то сверлить где будут? Здесь!

Рев одобрения покрыл его слова. Фредо вышел из конторы вслед за Бронеком и закрыл дверь.

- Ну что, - спросил он, - как тебе тут понравилось?

- Понравилось, - парень вежливо кивнул.

- У нас там есть свободная койка, и мы ищем штубового, - продолжал Фредо.

Светлые кошачьи глаза опять глянули на него в упор.

- Я не Берл Качка, сударь.

Фредо засмеялся.

- Я не это имел в виду. Среди нас нет таких, как Карльхен. Тебе пришлось бы только прислуживать писарю и Хорсту, чистить обувь, убирать, стряпать... И не болтать о том, что слышишь.

- И больше ничего?

- Пока ничего. Но я думаю, ты не глуп... Иногда понадобится сделать и еще кое-что. Кое-что хорошее. Для твоих же земляков. Хочешь?

Бронек кивнул и опять показал в улыбке крепкие зубы.

- Отнеси бормашину в восьмой барак и возвращайся на стройку. Обменяйся одеждой с кем-нибудь из товарищей, у кого она почище. Можешь обещать ему кусок хлеба или еще что-нибудь, я потом помогу тебе рассчитаться. Хорошенько умойся под краном и вечером будь готов, я покажу тебя в конторе.

Бронек, насвистывая, побежал к лазарету, а Фредо зашел к Вольфи и поделился с ним своим планом.

- Неправильно ты поступаешь, - проворчал немецкий коммунист. - Сажаешь в контору людей по своему вкусу, вместо того чтобы посоветоваться с организацией. Прежде надо было

выяснить, что говорят о нем поляки, знают ли они его, рекомендуют ли...

- Тебе бы только заседать! - усмехнулся Фредо. - Слушай, Вольфи, на что мне человек с самыми лучшими рекомендациями, если я не смогу устроить его в контору, потому что он не понравится Эриху? И еще: из всех прибывших в лагерь поляки самые измученные; у них еще нет никакой организации. Мы приложим все силы к тому, чтобы она у них была. Но пока что они лишь понемногу приходят в себя. Мусульманина ведь не преобразишь в одну ночь. Вот погоди, они очухаются, прощупают друг друга и тогда начнут давать небольшие поручения Бронеку. Если я ошибся и этот парень не годится для таких дел, мы его втихую удалим из конторы и поставим там другого, которого организация к тому времени сможет выбрать и рекомендовать. Понятно? Но, поверь мне, Бронек нам подойдет.

- А как твой младший писарь? - рыжеволосый верзила Вольфи приподнял белесые брови. - Как он себя показал?

- Зденек? Он не плох, - сказал Фредо. - Представь себе, он даже сумел повлиять на большого Рача. Тот сказал мне, что главным образом по просьбе Зденека согласился оперировать чеха со сломанной челюстью. Кстати, знаешь, мы приложим все усилия, чтобы найти того, кто изувечил этого беднягу. Видимо, это один из твоих соотечественников.

Вольфи пожал плечами.

- Никто из политических не сделал этого, ты сам понимаешь. Не могу же я отвечать за немецких уголовников.

Фреде дружески поглядел на его веснушчатую физиономию.

- Нет, можешь, вот именно можешь. И я тоже могу, и весь мир может. А тебе, больше чем кому другому, надо бы призадуматься над тем, почему Гитлер оказался у власти, почему в лагере хозяйничает Эрих и почему сегодня будут оперировать ни в чем не повинного парня, которому какой-то ваш капо ни за что ни про что сломал челюсть.

* * *

Перед самой операцией Оскар зашел к Феликсу.

- Не бойся ничего, - сказал он, присев на нары. - Имре - хороший врач, и я сам буду ему ассистировать. А сейчас я хотел бы услышать от тебя, кто это сделал.

Феликсу не хотелось разговаривать. Не столько потому, что он боялся мести немецкого капо, сколько оттого, чтобы не открывать рта. Он шевелил во рту кончиком распухшего языка, стараясь не задевать рану. Одними глазами он улыбнулся врачу, погладил его руку, лежавшую на постели, но так и не проронил ни слова.

- Глупо с твоей стороны, - нахмурился Оскар и выпятил подбородок. Если ты не скажешь, этот тип избегнет кары и будет свирепствовать и впредь. Ты же его наверняка видел на.апельплаце или еще где-нибудь.

Феликс покачал головой. Видимо, он и в самом деле не знает, как зовут обидчика. Он даже не мог вспомнить его лицо. Только смех конвойного на вышке все еще звучал в ушах Феликса, этакий вполне искренний смех, выражение неподдельного восхищения, без тени злорадства. Стоит ли начинать какое-то расследование и даже добиваться наказания обидчика? Стоит ли накликать новые беды на Феликса, который, видимо, смирился и даже доволен тем, что с ним случилось? Зачем они, собственно, подняли вокруг него шум, к чему эта операция?

К кровати подошли маленький Рач и его друг Антонеску. Оба улыбнулись и пожелали Феликсу благополучного исхода.

- Друг Феликс, - сказал Рач и прищурился так, что вокруг глаз у него побежали хитрые морщинки. - Теперь все зависит главным образом от вас. Врачи сделают то, что в их силах. Но без вашей помощи они смогут мало. У вас должна быть воля к жизни. Понимаете? Вы хотите жить?

Феликс кивнул. И даже энергичнее, чем ему хотелось.

- Это хорошо, - сказал маленький доктор и улыбнулся еще шире. Послушайте, что я вам скажу. Мы, врачи, не распространялись много об этом, но все мы принимаем вашу судьбу близко к сердцу. Ведь вы наш первый пациент из громадной партии заключенных. Правда, многие ваши соседи по лазарету умерли, но они прибыли сюда уже больными, и мы, медики, тут ни при чем. Вы же приехали здоровым. Болеете вы не из-за недоедания или отсутствия обуви. Ваша болезнь не была неизбежна, ее виновник - негодяй в нашей собственной среде. Вот почему мы хотим во что бы то ни стало вылечить вас. Поняли? Это помогло бы и всем другим заключенным, подбодрило бы их. Против Гитлера, против эсэсовцев, против войны, против концлагерей в целом мы сейчас почти ничего не можем сделать. Мы - жертвы и должны ждать, пока нас освободит кто-то более сильный. Но влиять на обстановку внутри лагеря, на взаимоотношения заключенных мы можем, и это влияние надо укреплять. Вы неглупый человек и поймете меня. Я лично тоже хочу помочь вам. Я не дантист, не хирург с умелыми руками. Но я немного разбираюсь вот в этой механике, - он притронулся ко лбу, - и знаю, как много значит для лечения воля больного. Поэтому я хочу укрепить ее в вас. Вы сейчас даже слабее меня, но и вы можете помочь нам всем, помочь просто тем, что выживете. Этим вы покажете беднягам вокруг, что здесь все-таки можно

выдержать, что им помогают добрые люди и что добрые люди сильнее, чем злые.

Он говорил тихо и внятно. Феликс внимательно слушал каждое слово. В сердце его что-то таяло, он был тронут и чувствовал горькую радость.

Маленький Рач умолк, дружески кивнул и отошел. Его место занял дантист Имре. Все это время он мыл над ведром руки, и по лицу его не было заметно, слушал ли он речь своего тезки. Но теперь он улыбнулся и спокойным, твердым тоном велел Феликсу повернуться и лечь головой к проходу. Всем другим больным было велено лечь на бок и отвернуться от койки, над которой склонился доктор Имре. Санитар Пепи отгреб руками стружки из-под головы Феликса. и заботливо подложил под нее сложенное одеяло. Подошел Оскар с эмалированным тазом, взятым из кухни: в нем были прокипяченные инструменты - скудный набор, которым располагал лазарет...

5.

Три новых барака были готовы, стены для четырех других уже лежали на местах. Бараки строили сначала в глубине лагеря, постепенно перемещая стройку к воротам. Так делалось для того, чтобы разгрузочной команде было легче доставлять стройматериалы по еще не разрытой территории. Новые бараки почти примыкали к ограде лагеря. Вместе с другими, которые еще будут построены, они образуют три ряда около кухни, конторы и у самого забора, отделяющего мужской лагерь от женского.

Абладекоманда с пустой тележкой направилась к складу у ворот, чтобы привезти колбасу, которую раздадут заключенным вечером в бараках. У ворот тележку с нетерпением поджидал Диего со своими могильщиками: тележка нужна поскорей, иначе он не успеет похоронить сегодня всех оставшихся мертвецов.

Писарь Эрих, закончив срочные дела, зашел в двенадцатый барак. У дверей стоял настороже штубак, больше в бараке никого не было, образцово прибранные нары были пусты. Только в глубине, за занавеской, валялся на койке новый блоковый Фриц, курил и читал засаленную газету, в которую прежде была завернута котлета, полученная от фрау Вирт.

Штубак доложил ему о почетном госте и вышел, уступив дорогу Эриху.

- Фриц здесь?

- Да, пожалуйста, пройдите туда.

Писарь оглянулся и быстро прошел за занавеску. Фриц лежал и курил, закрывшись газетой. На вошедшего он не обратил внимания.

- Ты нарочно разлегся или валяешься так целый день? - хмуро

спросил писарь.

Фриц неторопливо сложил газету и отбросил ее.

- Лежу в свое удовольствие. И вообще делаю, что мне вздумается. Наплевать мне на твои визиты и на все прочее.

- Ты забылся и говоришь глупости. Хоть ты и поставил на страже штубака, надо быть поосторожнее с газетой. Кстати, я у тебя ее возьму, мне тоже хочется почитать. А теперь слушай: есть о чем поговорить.

Округлив красивые губы, Фриц выпустил клуб дыма.

- Пожалуйста.

- Вижу, что ты уже забыл, как обещал быть благодарным мне до смерти. Но это не важно. Ты даже не встал, когда вошел писарь, даже не предложил мне сесть. Но это тоже не важно. Знаешь, почему я пришел?

- Догадываюсь, - пробурчал Фриц; он неохотно встал и показал рукой на скамеечку у стола. - Вы строите бараки, вам нужен электромонтер, то есть я.

- Может быть, надо бы поговорить и об этом, но не это главное. Скажи мне лучше, почему в бараке у тебя ни души?

Фриц ухмыльнулся.

- А разве в лагере не работают? Не строят бараки?

- Строят. Но ты-то своих людей попросту выгнал на работу, я знаю. Выгнал палкой. Мне в конце концов до этого нет дела. Но известно тебе, что из других бараков пошли только добровольцы?

- Сигарету? - предложил Фриц и, пока писарь закуривал, сказал: - Плюю я на все ваши новшества. Не хватало еще, чтобы в мой барак заявился сволочуга грек и стал агитировать за выход на работу. "Мол, по доброму согласию... Я, мол, приятели, пришел без палки..." - Фриц выпрямился, улыбка сбежала с его губ. - До чего мы дошли, Эрих! Детский сад здесь у нас, что ли?

Эрах с нескрываемым любопытством глядел на смазливого коротышку.

- Только олухи не понимают, что здесь у таас такое. Здесь рабочий лагерь. Постараюсь растолковать тебе это.

Фриц снова усмехнулся.

- Рабочий так рабочий. Я в своем бараке филонов не держу. Пятерых больных сдал в лазарет, остальным велел вкалывать.

- Оскар жаловался, что ты послал ему пятерых вместо трех, которых отобрал Антонееку. Двое легко больны, их можно было оставить в бараке. Если каждый блоковый будет поступать, как ты, в лазарете не хватит места.

Но Фриц не сдавался.

- Я уже сказал: у меня никто филонить не будет! Если ты болен, катись в лазарет. А если нет - то на стройку!

Глаза Эриха блеснули за стальными очками, но он сохранил выдержку.

- Дурной ты, Фрицек. Пока тебе говорю об этом я, для тебя еще не все пропало. Не твое дело распоряжаться в лагере. Кому место в лазарете, решает старший врач, все равно, нравится он тебе или нет. А о том, кто пойдет на стройку, решает арбейтдинст. И того и другого поддерживаю я и весь штаб лагеря, а если хочешь знать, то и комендатура. Так что полегче, Фриц!

- Это все, что ты хотел сказать?

- Нет, это еще только начало! Сегодня вечером будут выдавать колбасу. Напоминаю тебе, что каждый заключенный должен получить свою порцию в таком виде, в каком она придет из кухни. Понятно?

- Вот еще новость? Блоковые...

- Все блоковые именно так и поступят сегодня, в том числе ты... Кухня пришлет готовые порции, и худо будет тому блоковому, который обделит кого-нибудь!

Фриц усмехнулся.

- А как вы это проверите?

Эрих положил кулак на стол.

- Проверим! В твой барак я приду сам и опрошу людей.

- А если мусульмане побоятся сказать, что получили всего по полпорции?

- Не побоятся! Вот тут-то и начинается твоя опасная слепота, Фриц. Кабы ты не валялся здесь, а сходил на стройку, ты бы понял, почему они не боятся. Я туда иногда хожу, Фредо ходит часто, и даже Карльхен научился там кое-чему, чего ты никак не поймешь. Знаешь ты, что на стройке совсем не бьют людей?

- А мне-то что? В моем бараке все остается по-прежнему.

- Лагерь изменился, Фриц! Копиц изменился. Может быть, Дейбель все еще такой же дурной, как ты... Но и вы двое поймете, что новый дух...

Фриц стал перед Эрихом, засунув руки в карманы, по-бычьи нагнув голову.

- Теперь я тебе скажу, кто из нас дурак. Дейбель настоящий эсэсовец, а я настоящий арестант. Он действует по уставу, и я тоже. Если у Копица сейчас другие инструкции - это странные инструкции. И, если вы им верите, ты и он, значит, вы за долгие годы ничему не научились. Готов биться об заклад, что из нас двоих выиграет тот, кто не верит, что эсэс может измениться, кто посмеется над россказнями о новом духе лагеря. Я в этой школе уже девятый год, нагляделся на всякие новшества и перемены. В конечном счете лагерь всегда оставался лагерем, и выживал в нем лишь тот, кто ни на какие новшества не рассчитывал и делал то, что полагается заключенному. Я бывал на коне и под конем, отведал и порки, а теперь меня разжаловали в блоковые. Но мне ясно одно: ты просидел в лагере меньше, чем я, и не знаешь того, что я знаю. Я тебя переживу. Тебя и всех этих оскаров и фредо. Переживу, хочу я этого или нет, потому что знаю, что такое эсэс, а вы не знаете.

Эрих пожал плечами.

- Спорить с тобой - пустое дело. Держать пари я готов, только

вот не знаю, как ты со мной расплатишься, когда Диего погрузит тебя на тележку вместе с другими трупами.

- Хочешь, чтобы мы стали врагами, Эрих? Можно и так. Только скажи мне, зачем ты меня выручал, когда я попал в беду? Тут бы как раз и утопить меня окончательно. Почему же ты меня не топил, как другие?

Как ни странно, этот вопрос задел писаря за живое. Он снял очки и протер их.

- Ты прав, Фрицек. Почему же я тебя не утопил? Ведь я мог от тебя отделаться. Вот и Фредо ко мне привязывался, зачем, мол, я тебя выручаю. Я тогда придумал какой-то предлог, в который и сам не верил. А тебе я сейчас скажу. Иной раз по ночам я просыпаюсь и думаю: худо дело, я ведь один-одинешенек против этих политических. Из зеленых в штабе нашего лагеря сидит только Хорст, а он пустое место. Карльхен сызмальства тупая скотина, с ним нельзя делать политику. Ты тоже звезд с неба не хватаешь, но ты ловкач, с тобой можно провести хорошее дельце. Вот почему я тебя выручал, Фриц, знай это. Красных намного больше, чем нас, они образованные, война кончается, и это им на руку. Я-то их не боюсь, я умею с ними обращаться. Но зачем мне быть против них в одиночестве?

Фриц положил ему руку на плечо.

- Ага, милый Эрих, тебя тревожит нечистая совесть. А зачем ты вообще стал помогать красным? Что они могли бы сделать, если бы сам Эрих Фрош не открыл перед ними двери конторы?

Писарь усмехнулся.

- Вот видишь, опять ты плохо соображаешь! Не понимаешь, что они правы. Из нас, зеленых, выживет лишь тот, кто присоединится к ним. Понятно? Дело не только в нашем лагере. Надо подумать и о том, что будет после войны...

- После победы немецкого оружия? - усмехнулся Фриц и похлопал рукой по засаленной газете. - Я вижу, в тебя уже проникла красная зараза. Прочитай-ка вот это и приободрись. Ежедневно мы бомбим Лондон новыми, невиданными снарядами "Фау-2". Каждое попадание - шестьсот домов как не бывало! Начали мы с "Фау-1", сейчас уже в ходу "Фау-2", понятно? А скоро придет очередь "Фау-3", представляешь, что это будет? У фюрера есть в запасе секретное оружие. Так что не дури и не теряй головы. Война и в самом деле скоро кончится, только в нашу пользу, а не в пользу этих политических. На новый дух и всякую такую блажь я плюю. Делай ставку на хвата Дейбеля не прогадаешь.

Эрих встал.

- Ну, мне пора. Не стану с тобой спорить. Теперь ты знаешь,

что я выручил тебя как немца и как зеленого. Относись к этому как хочешь. Но выручу ли я еще и Пауля - это вопрос, так ты ему и передай.

Он сунул газету в карман и хотел выйти из-за занавески. Фриц ухватил его за рукав.

- Как ты сказал? Пауля? А что сделал Пауль?

- Эрих Фрош все знает, мой дорогой! Мне приходится думать и за таких олухов, как вы. Недавно я дал слово, что накажу человека, который сломал челюсть тому чеху. А это сделал Пауль.

- Откуда ты знаешь?

Эрих устало отмахнулся.

- Не трудно догадаться. Боюсь, что догадаются и другие. Тогда мне придется сдержать свое слово. Не хочется мне этого делать, ведь Пауль зеленый, как ты и я. Стольких трудов мне стоит выручать вас, а вы все портите. Ты такая же дурная башка, как и этот боксер Пауль. Я для того и пришел, чтобы сказать тебе это. Будь осторожен, раздавай правильные порции, не воруй так много! Не бездельничай, иди на стройку. Проведи завтра электричество в семи бараках, которые сегодня закончены. Будь человеком! А если на тебя все-таки не действует все, что я сейчас сказал, учти еще одно: кто близок к конторе, тот близок к девушкам. Разве до тебя еще не дошла весть, что у нас в лагере есть девушки?

Все это писарь говорил уже на ходу. Фриц проводил его до самых дверей и с минуту глядел ему вслед. Да, что ни говори, Эрих - светлая голова. Если все, что он сказал, правда, то, видно, лагерь все-таки изменился больше, чем можно было ожидать. Стоит ли оставаться в этом лагере такому предприимчивому человеку, как Фриц, не пора ли подумать о перемене места?..

* * *

Калитка женского лагеря заперта на большой висячий замок, ключ лежит в кармане у Лейтхольда. Там, за оградой из колючей проволоки, в бараках и в уборной, где устроена примитивная "умывалка", девушки усердно готовятся к завтрашнему рабочему дню. Наконец-то они могут обменяться предметами одежды, выданной им в Освенциме перед самой посадкой в поезд, крупные девушки ищут платья пошире, которые можно застегнуть, маленькие довольны, получив размером поменьше. Кое у кого нашлась иголка с ниткой, девушки что-то перешивают, стирают.

Илоне вспомнилась картинка в детской книге - старая сказка о волшебной мельнице. Уродливые ведьмы прыгают в жерло мельницы и появляются с другого конца в виде прекрасных лесных фей. Освенцим был такой мельницей, только там все происходило наоборот. В нее-то и попали девушки. В Венгрии

1944 года большинство из них жило довольно сытно и весело, все еще беззаботно, почти как дети. И вдруг они были оторваны от матерей и очутились в концлагере, среди заключенных, которые сидели там уже по многу лет. Девушки ничего не понимали, они задавали глупые вопросы, вроде: "Что это за высокие трубы около вокзала?" Когда им сказали, что там пекут хлеб, они охотно поверили. В красивой будапештской обуви, чулочках и с сумочками, одни в костюмах от хорошего портного, другие в простеньких и даже бедных платьицах, все они были еще свежи и красивы и не забывали о внешности: прическа, подмазанные губки...

Освенцимские жернова мололи крепко. Сначала раздался приказ: "Снимать все!" Часы, кольца, браслеты. Сумочки положить у ног. Сбросить с себя всю одежду, оставить ее на полу. Потом - раз, два! - перешагнуть через нее и бегом на очередную "селекцию", а оттуда в другой барак, где уже ждут парикмахеры. На пол падают косы, кудри и много слез. Потом чья-то рука пришлепывает на тело девушки пригоршню вязкого мыла, каким обычно моют полы, и толкает под горячий душ. У выхода во двор ждет человек с помазком в руке, макает его в едкую зеленую мазь от вшей и обмазывает наголо остриженную девичью голову...

Девушки, пошатываясь, выходят на двор, протирают глаза, которые щиплет мазь и остатки мыла, хотят найти сестру или подругу, с которой вместе начали этот крестный путь, но не узнают друг друга. Потом всех их гонят к грудам тюремного платья. "Бери, бери!"-кричат им и бросают части одежды, которые девушки должны надевать чуть ли не на ходу. Под конец они получают головные платки для своих позеленевших голов, и превращение в безобразных старух закончено.

Сегодня в Гиглинге они впервые моются без надзора, могут поменяться одеждой или как-нибудь подогнать ее, у них даже есть время подумать о том, как лучше повязывать платки. Из старух снова начинают проглядывать девушки.

Неутомимо наряжается Юлишка. Она назначена старшей по кухне, стало быть, она влиятельная фигура, каждой хочется быть с ней в хороших отношениях. И, если Юлишка говорит: "Дай-ка мне примерить твое платье", ни одна девушка ей не отказывает, и Юлишка деловито раздевается и одевается, вертится перед дверным стеклом, запустив руку за спину, подтягивает лифчик, чтобы он лучше облегал бюст, зовет на помощь одну из девушек, оказавшуюся портнихой, и успокаивается окончательно, только убедившись, что получила самое лучшее платье и лучший платочек.

- Ну как тебе нравится бесстыдница? - спросила Магда Илону,

когда мимо них снова мелькнула полураздетая Юлишка.

Илона грустно улыбнулась.

- Оставь ее в покое. Она неплохая девушка, я ее знаю. Но она страшно боится смерти и сейчас, бедняжка, защищается единственным оружием, которое у нее осталось, - телом.

* * *

Операция продолжалась долго, Феликс несколько раз терял сознание. Доктор Имре даже вспотел, хотя в бараке было холодно. Наконец он опустил руки и присел отдохнуть. "Готово", - сказал он тихо и совсем не по-военному.

Оскар зажег сигарету и всунул ее в рот коллеге. "Молодец", - сказал он.

Феликс лежал, закрыв глаза, и почти не дышал. Доктор Антонеску не отходил от него. Другим больным было разрешено лечь на спину. Все они с немым вопросом глядели на доктора Имре: "Выживет?" Имре пожал плечами, закрыл глаза и сидел молча, вдыхая дым сигареты, прилипшей к нижней губе. Несколько посторонних тихонько заглянули в лазарет, среди них арбейтдинст Фредо.

- Я вижу, бормашина вам больше не нужна, - шепотом сказал он. Через несколько минут Бронек пришел за бормашиной и унес ее в контору. Фредо тем временем с должной дипломатичностью сообщил писарю и Хорсту, что выбрал им подходящего парня для услуг. Они оглядели Бронека и удовлетворенно кивнули, увидев крепыша, довольно чисто одетого и смышленого на вид. Держался он скромно, понимал по-немецки, сказал, что умеет стряпать, и на пробу отлично вычистил сапоги Хорста.

- По-моему, пусть приступает хоть с сегодняшнего дня, - усмехнулся писарь. - Главное, что он не грек! А что скажет староста лагеря?

Вместо ответа Хорст сел к столу, взял чистую нарукавную повязку и красиво написал на ней по-немецки "Laufer" ("Рассыльный"). Он был горд, что у него теперь есть вестовой, как подобает "почти офицеру" и главному среди заключенных.

- Парень, - поучал он Бронека, надевая ему повязку, - надеюсь, ты оценишь наше доверие. "Laufer" происходит от слова "laufen" нем.)>. Бегать - значит быстро двигаться, быть деятельным, активным. Бегать - значит не рассиживаться, не бездельничать, не валяться, не лодырничать. Бегать - это не только движение, это мировоззрение, понял?

- Jawohl! - сказал молодой поляк с кошачьими глазами и усмехнулся.

* * *

В бараках выдавали хлеб - по буханочке на четверых - и

колбасу из конины - по четыре ломтика на человека. Бывший кельнер Франта, раздавая порции в четырнадцатом бараке, громко ржал по-лошадиному, намекая этим на происхождение колбасы. Вечером в конторе Зденек услышал песенку, пользовавшуюся большим успехом у заключенных немцев. Двое немцев пришли в гости к писарю, получили по порции колбасы и запели: "Мамочка, купи мне лошадку"{12}. Последняя строчка этой песенки "Лошадку я хотел, но не такую..." была слегка переделана и содержала жалобу на мизерность порции.

Писарь так смеялся, что у него даже запотели очки. Он выпил с гостями по рюмочке шнапса. Потом взглянул на бутылку и вдруг хлопнул себя по лбу, вспомнив того, от кого получил ее, - Фрица. Спровадив гостей, Эрих направился в двадцать второй барак - проверить, внял ли новый блоковый его предостережению и раздал ли честно все порции.

По дороге он встретил Лейтхольда, который запирал калитку женского лагеря. Рабочие из абладекоманды принесли корзины с хлебом и колбасой и поставили их возле калитки. Потом им было велено повернуться направо кругом и убираться вон. Из женских бараков к калитке поспешили блоковые, Лейтхольд отпер калитку, девушки внесли корзины в лагерь, и эсэсовец опять повесил замок.

- Утром в шесть поверка! - крикнул он им. - Вы, писарь, тоже будьте готовы в шесть. Правда, надзирательница вам не доверяет, но я лично думаю, что могу положиться на вас и в этом деле.

- Ehrensache! - прохрипел писарь (это, мол, "дело чести") и старался дышать так, чтобы Лейтхольд не учуял запаха шнапса. - Сегодня мы выполнили приказ - построили семь бараков. Хорошо, если бы вы, герр кюхеншеф, походатайствовали в комендатуре о небольшом поощрении для добровольцев. Добавочная порция супа или что-нибудь в этом роде. Это очень помогло бы сохранить трудовую дисциплину на сегодняшнем высоком уровне...

- Schon gut, na ja... - бормотал новый эсэсовец, думая о том, что, быть может, он роняет свое достоинство, разговаривая с заключенным, хотя бы и с влиятельным писарем. - Я сделаю, что смогу.

- Тысяча благодарностей! - прохрипел писарь, почтительно наклонив голову и стараясь не дышать на собеседника.

В комендатуре было так жарко, что Лейтхольд еще в дверях оттянул рукой воротник френча.

- Сними-ка этот фюреровский мундир, - приветствовал его Копиц. Он был, как обычно, в рубашке, из рукавов и у воротника выглядывала фуфайка. Рапортфюрер сидел, наклонясь над миской гуляша, состряпанного Дейбелем из казенной колбасы.

Время от времени Копиц поднимал голову, утирал пальцем усы и брался за нож и хлеб. Набросав кусочки хлеба в густой красный соус, он снова наклонялся над миской и, чавкая, орудовал ложкой.

Лейтхольду тоже дали обильную порцию, хотя он клялся, что колбасы уже видеть не может, так как, присутствуя сегодня при развеске порций в лагерной кухне, съел ее граммов четыреста. Но, не желая обидеть Дейбеля, приготовившего это блюдо, он расстегнул ворот и принялся за еду.

Копиц опять был в хорошем настроении. Визит Россхауптихи прошел благополучно. Прощаясь, надзирательница вскользь упомянула о том, что среди заключенных есть одна смуглая девчонка, которую она, Россхаупт, избрала себе в секретарши. Сказано это было отрывисто, с хмуро деловым видом, в обычной манере Кобыльей Головы, но у прожженного рапортфюрера все же возникло некое подозрение, и оно его обрадовало. Боже, как бы ему хотелось узнать об этой противной "соратнице" что-нибудь неблаговидное! Женщины в лагере - досадная обуза для Копица. До сих пор в такие маленькие лагеря, как "Гиглинг 3", женщин вообще не посылали, потому что с ними одна морока. Правда, Россхауптиха, видимо, сумеет поддерживать порядок. А если из-за какой-то там смуглой девчонки-секретарши она еще окажется в руках рапортфюрера, бояться будет совсем нечего... Только бы кюхеншеф не натворил глупостей!

- Слушай-ка - с полным ртом обратился Копиц к Лейтхольду. - Говорят, сегодня днем, на осмотре девушек, ты с них глаз... виноват, глаза не сводил. Это верно?

Лейтхольд зарделся, как обычно - у него покраснела лишь одна щека.

- Вздор! - пробормотал он. - Это все Россхауптиха болтает. Я усвоил твое наставление: для меня существуют номера, только номера!

- Дай бог! - продолжая жевать, сказал Копиц. - Дейбель и я тертые калачи. В свое время и мы потешались, когда нам впервые доверили хефтлинков, и считали, что можно делать с ними все, что нам вздумается. Иной раз, бывало, совсем запаришься, и даже перед глазами круги, а, Руди?

Он громко рассмеялся, а Дейбель небрежно махнул рукой.

- Но посмотри на нас сейчас, - продолжал Копиц. - Перед тобой закаленные бойцы, зрелые немецкие мужи, как говорит фюрер, которые стоят выше всяких там мелких утех с заключенными. Некоторые наши коллеги любят обрабатывать узников в одиночку, но ведь это так утомительно! Когда проторчишь тут годы и годы, все это приедается и набивает

оскомину. Те же, кто забавляется с заключенными иначе, да еще с неарийскими девками, те всегда плохо кончают; в нашем деле они недолго протянут. - Рапортфюрер усмехнулся, протянул здоровенную ручищу через стол, ухватил Лейтхольда за борт френча и притянул его поближе. - Я, конечно, не говорю, что мы с Дейбелем воплощенные ангелы, у нас тоже есть свои утехи, но, понимаешь ли, более утонченные. И мы иной раз позабавимся, но при этом никогда не забываем о будущем... - Копиц поднес руку к лицу Лейтхольда и задвигал пальцами у него перед носом. - Пети-мети, понял? Это самая большая утеха!

Кюхеншеф перевел дыхание, и его воображению снова представилась клетка с хищниками, в которую он так безнадежно угодил. Есть он уже не мог и встал из-за стола.

- В чем дело? - строго спросил Дейбель. - Тебе не нравится гуляш?

- Нравится, - отозвался Лейтхольд и снова плюхнулся на стул.

Копиц подвалил ему еще гуляша.

- Только не обожрись. Тебе от всего полагается одна треть, понятно? Во всяком деле мы - одна рука, единая и нераздельная троица, вот как мы понимаем товарищество. Но, ежели ты, не дай бог, затеешь какую-нибудь Rassenschande{13}, заведешь шашни с неарийками, тогда уж тебе придется расхлебывать эту кашу самому. Девок в кухне не вздумай трогать, Россхаупт будет за тобой присматривать. А если ты не дурак, можешь платить ей тем же. Присматривай за ней потихоньку. Не показалось ли тебе, кстати, что во время осмотра у нее тоже текли слюнки?

* * *

Писарь уснул позже всех в лагере. Перед сном он читал засаленную газету, полученную от Фрица. В ней было много интереснейших новостей, и совсем не в пользу того, что предсказывал этот коротышка гитлерюгендовец. Советские войска наступали на Восточную Пруссию и штурмовали Дуклу. Нацистам "удалось эвакуировать Грецию, Румынию и Болгарию", говорилось в германской сводке, и "разрешить тем самым одну из труднейших задач, стоявших перед нашими вооруженными силами". Войска союзников, Италии и Венгрии, вышли из игры, это было ясно. На все крупные города Германии падали бомбы, но немцы тоже обстреливали Лондон ракетными снарядами "Фау-2"; это, очевидно, не было выдумкой. Англичане заняли Вальхерен в Голландии. Иден только что побывал в Риме. Советские войска вступили в Ужгород и приближались к Будапешту. Коренной венец, Эрих хорошо знал, как близко от Будапешта до Вены...

Нет, будь даже у Гитлера в запасе самое чудодейственное "Фау-3", войны ему уже не выиграть. "Стало быть, моя линия на

сотрудничество с политическими заключенными правильна, - решил писарь, - надо углублять это сотрудничество. Но не следует совсем топить и Фрица, мало ли как могут обернуться события..."

У Эриха уже смыкались глаза. Он перевернул газетный лист и обратил внимание на какую-то невразумительную фразу. Ничего толком не поймешь, и все же заметно предчувствие неотвратимого конца. Среди "Интереснейших афоризмов недели" газета приводила на первом месте изречение некоего профессора философии Мартина Хейдеггера. Колбасник Эрих Фрош решил, что завтра потребует от своего младшего писаря, чтобы тот объяснил ему, в чем тут суть. Для чего же иначе он держит у себя в конторе человека с университетским дипломом?

Изречение профессора Хейдеггера начиналось так: "Смерть есть наиболее естественное, устойчивое и характерное состояние природы..."

- Ну-с, будьте здоровы! - зевнул писарь и погасил свет.

6.

Снегопад прекратился, казалось, близка оттепель, но толстый слой снега все еще лежал на земле и на крышах.

С утра, едва проснувшись, узники стали чесаться. В уборных только и говорили о том, что в лагере появились вши. Кое-кто уже выискивал и давил их в швах белья. Вот одна, вот другая... Серые, чуть синеватые, почти неподвижные. Тотчас же послышались старые армейские шуточки: "Которые с крестиком на спинке, те от меня, ты их, приятель, не обижай!"

Как и в каждом лагере, нашлись любители "Бравого солдата Швейка", которые знали из этой книги наизусть целые страницы. Стали вспоминать, что Швейк говорил насчет вшей. И вот уже кто-то рассказывает о перепившем майоре, который допрашивал Швейка в тюрьме н уснул в его объятиях на вшивом тюфяке. А рано утром бравый Швейк наставлял высокого гостя: "Если вошка маленькая, с красноватой спинкой, это самец. Один самец - еще полбеды. А вот если к нему на пару найдется длинненькая вошь с красноватыми полосками на брюшке, дело плохо. Это, стало быть, самочка. А они, паскуды, размножаются еще быстрей, чем кролики..."

Гонза Шульц сидел на нарах и думал совсем о другом. Гонза был человек здравого ума, в политике разбирался, в духов не верил, молиться не умел. Но от одного маленького предрассудка Гонза избавиться не мог: он суеверно берег нечто, называемое "картинкой", берег как зеницу ока, уверенный, что если потеряет эту вещицу, то уже не найдет в себе сил оставаться здоровым и хотя бы в мыслях вырваться из этого подлого лагеря.

Гонза держал в руке картонный квадратик, в середине которого был маленький рентгеновский снимок зубов. Снимок был такой же грязный и захватанный, как и рамочка, но, если посмотреть на свет, видны были контуры двух зубов и полоска десны. Это была "фотография" его жены Ольги, полученная им в подарок к свадьбе. Лучшей не нашлось, так как фотографов в Терезине не было, а снимок двух больных зубов Ольга случайно нашла в кармане жакетки. Он остался незамеченным при обысках и не попался на глаза пресловутым "бралкам" (от слова "брать"), которые интересовались главным образом дамскими сумочками, вытаскивая оттуда все, что попадалось.

Гонза взял снимок с собой в Освенцим. Во время "селекций" Гонза обычно прятал его во рту (где, собственно, и место такому снимку!), а когда опасался, что эсэсовцы прикажут открыть рот - нет ли там случайно кольца, ножика или часов, - тогда ронял снимок на пол, захватыоал поджатыми пальцами левой ноги. Так он сберег его до самого Гиглинга.

Сейчас Гонзе предстояло принять важное решение, Дело в том, что картонная рамочка снимка совсем обветшала; если каждый день брать снимок с собой на работу, он просто рассыплется в кармане. Гонзе же хотелось во что бы то ни стало сохранить свою "картинку" хотя бы такой, какова она сейчас: он верил, что без нее он не сможет благополучно вернуться в Прагу и увидеться с Ольгой. Гиглинг, видимо, сулил заключенным известную устойчивость существования, здесь можно не опасаться внезапной отправки куда-нибудь. Стало быть, не лучше ли спрятать драгоценный сувенир в щель в нарах, прикрыть стружкой и вынимать только вечером, чтобы полюбоваться на него перед сном.

Гонза улыбался, у него вдруг невольно возникла уверенность, что в Гиглинге ни ему, ни "картинке" не грозит опасность. Несмотря на все тяготы и лишения, несмотря на снег, общие сборы и вши, здесь у него появилось ощущение безопасности. Ошибочное? Может быть. Но было так приятно хоть на минутку поддаться этой обманчивой надежде и думать о том, что здесь он будет спокойно работать лопатой. Бросив последний взгляд на стружку, под которой лежала его единственная ценность, Гонза вышел из барака.

* * *

Сегодня утром у венгерских девушек был первый общий сбор. За оградой женского лагеря они выстроились в шеренги по пяти человек. Илона отрапортовала. Лейтхольд с помощью секретарши Иолан и доктора Шими-бачи распределил девушек так, как вчера распорядилась Россхауптиха: двадцать человек пойдет в лагерную

кухню, двадцать - в кухню СС, двадцать уборщицами в бараки охраны. Оставшиеся девятнадцать, в том числе трое больных, будут работать в лагере. Они уберут два жилых барака, а в третьем, еще незаселенном, устроят контору и лазарет: барак перегородят занавеской из одеял, впереди будет помещение для больных, сзади - для старосты Илоны и секретарши Иолан.

В мужском лагере тем временем началась обычная утренняя жизнь. Иногда кто-нибудь из заключенных бросал взгляд через забор на "женскую территорию", но в общем было похоже, что "мусульмане" боялись глядеть туда. Они казались себе такими жалкими, слабыми, продрогшими, а там, за забором, щебетали и бегали девушки, с голыми икрами, в коротких платьях и деревянных башмаках на босу ногу. Словно тут не было ни снега, ни колючей ограды! "Мусульмане" смущались. Они втягивали голову в плечи, украдкой сморкались в руку и стушевывались, переходя в такое место, откуда не видно девушек.

Лейтхольд открыл калитку, и первая группа девушек во главе с Юлишкой промаршировала в кухню. Платочки у всех были повязаны одинаково: плотно вокруг головы, с веселым узелком на макушке. То ли это были особенно бойкие девушки, то ли им было жалко темных, как тени, "мусульман", глядевших на них со всех сторон, но они шагали четко, в ногу, под возгласы "левой, левой!" и даже запели. Словно для того, чтобы подбодрить "мусульман", они грянули солдатскую песню: "Эх, мамаша, ветер, стужа, дай-ка мне платочек..."

Маршировать с песней - это было невиданно в "Гиглинге 3". "Мусульмане" опускали головы или останавливались, разинув рот. Кто это идет с песней на работу, кто эти девушки, даже в тюремной одежде не утратившие бодрости? Боже мой, ведь существуют еще на свете женщины и песни, а мы уже почти забыли об этом!

Поход девушек с песней по лагерю был недолог, скоро они исчезли в дверях кухни. Но песня словно осталась в воздухе. Гонзе Шульцу она слышалась целый день, и почти весь день с лица его не сходила улыбка.

Вчера у него был долгий разговор с Фредо. Гонза еще раз объяснил ему, почему он не хочет добровольно участвовать в стройке бараков, а грек старался доказать ему, что он ошибается. Самоуправление заключенных, говорил Фредо, важное дело, его надо всячески поддерживать. Глупо было бы опустить руки и оказать: "Бейте меня, иначе не стану работать". Работа работе рознь. Строить бараки для себя и для товарищей, которым иначе придется ночевать в снегу, это не то же, что строить укрепления для нацистов. Такую работу, которая полезна главным образом

нам самим и при которой нас никто не сторожит, надо использовать для других, более сложных задач. Ведь люди сближаются на работе. Заключенные разных национальностей поляки, чехи, венгры, французы, греки - могут сплотиться в единое целое. Долго работать на территории лагеря нам не придется, вскоре нас отправят на другую стройку, о которой мы пока что ничего не знаем, и только предполагаем, что это военный объект. Вот там будет уместен вопрос, следует ли работать добровольно. Но и там не имеет никакого смысла - и было бы безнадежно! - предпринимать что-нибудь в одиночку, на свой риск. Действовать надо сообща с людьми, с которыми мы сблизимся во время работы здесь, в лагере. Тогда другое дело!

- Понял? - усмехнулся Фредо. - Парням неробкого десятка, как ты, предстоит бороться там, а не здесь. А сейчас надо подготовить почву, иначе мы потеряем союзников. Но если ты все-таки не хочешь идти на стройку, тебе ничто не грозит, я на тебя доносить не стану.

Гонза с минуту молчал, потом поднял голову и в упор поглядел на грека.

- Не знаю, кто ты такой и не говоришь ли ты все это только затем, чтобы любой ценой привлечь добровольцев. Может быть, немцы сделали тебя ответственным за стройку и пригрозили повесить, если ты провалишь дело? Может быть, ты уговариваешь нас только затем, чтобы спасти свою шкуру?

- Упрямая ты башка! Я ведь тоже не знаю, кто ты такой и почему ты стал таким озлобленным и подозрительным. Ну, окажем, мне и в самом деле немцы приказали обеспечить стройку бараков. Но если я беспокоюсь только о своей шкуре, то почему же мне не взять в руки палку? Чего уж проще! Почему же я в таком случае не иду жаловаться на тех, кто мне мешает, агитируя против добровольной работы? А уж если я такой чудак и рискую жизнью, лишь бы не орудовать палкой, так, может быть, стоит все-таки меня поберечь? Или ты хочешь, чтобы меня повесили, а на мое место поставили проминента посвирепей, а то и эсэсовца?

Гонза почесал нос.

- Хорошо поешь! Но у нас дома тоже бывали ловкие говоруны, а помогали они только фабрикантам. Когда невыгодно было посылать полицейских, против нас посылали господ ораторов. Социал-фашистов, так мы их прозвали.

- И правильно прозвали! - усмехнулся Фредо.- Но пораскинь мозгами: кому я помогаю, эсэсовцам или заключенным? Бараки - это жилье для нас. Эсэсовцы напихают сюда людей, не считаясь с тем, успеем мы достроить бараки или нет. В понедельник они погонят нас на стройку укреплений или военных заводов. Вот

если я и там буду уговаривать тебя работать добровольно, можешь назвать меня социал-фашистом.

- А в понедельник ты пойдешь с нами?

- Еще не знаю. Может быть, меня оставят в лагере. Но тем нужнее будут такие, как ты, там, на внешних работах.

- А что мне там, по-твоему, надо делать?

- Трудно сказать. Неизвестно, какая там обстановка, много ли соберется народу, будут ли это только заключенные. Но и там я не советую тебе поступать так опрометчиво, как сейчас. А то эсэсовцы прикончат тебя в первый же день.

- А если я убегу?

Фредо поглядел на него с удивлением.

- Ах, вот оно что! Все думаешь только о себе! Что ж, удрать, может быть, и удастся. Учти, однако, что ты в Баварии и пробраться в Чехию будет нелегко.

-А ты бы не удрал, будь ты недалеко от границ своей родины и знай, что у тебя там есть друзья, которые тебе помогут?

Фредо пожал плечами.

- Не знаю, что я сделал бы на твоем месте. Наверное, не удрал бы. Ведь у меня тут товарищи, большая группа греков, они мне доверяют. Пока я могу помогать им и таким, как ты, до тех пор я не сбегу.

Гонза откашлялся.

- Может быть, я сейчас говорил неосторожно, и ты все-таки донесешь на меня. Но, может быть, ты честный человек. Ладно, если хочешь, я завтра утром выйду на стройку. А в понедельник после работ зайду к тебе рассказать, что я там видел. Идет?

Фредо стиснул ему руку. Улыбнувшись друг другу, они разошлись.

* * *

Абладекоманда сегодня вся разъехалась в разные места: Зепп, как обычно, уехал с конвойным Яном за хлебом, Коби возглавил доставку материалов со склада на стройку, Пауля и Гюнтера взял с собой Дейбель, уехавший в Дахау за первой партией теплых пальто и шапок.

Копиц не появлялся в бараках. У него было много дел в комендатуре: в эсэсовской кухне шла замена немецких поваров заключенными девушками, надо было обеспечить то одно, то другое, присмотреть за уезжающими, которые с кислым видом собирались ехать, сами не зная куда, но, видимо, на фронт, и сказать им несколько напутственных слов. Рапортфюрер с удовлетворением выслушал донесение писаря о том, что на стройке роют рвы для новых семи бараков, а во вчерашние семь уже проводят электричество. К вечеру все будет готово. Менее

приятным было другое сообщение: в мертвецкой лежит шестнадцать новых трупов, и оба больничных барака снова переполнены. Сто шестнадцать человек полностью нетрудоспособны, так по крайней мере утверждает Оскар.

- Третьего барака мы ему не дадим! - Копиц стукнул кулаком по столу. Завтра ему подай четвертый, потом пятый, глядишь, и у меня здесь будет не рабочий лагерь, а какой-то инвалидный дом. Этого я не допущу! Ты, писарь, поддерживаешь Оскара? А ведь ты не новичок в лагере и должен бы знать, что проминентам невыгодно, когда в лагере больше больных мусульман, чем здоровых работников. Начальство может ликвидировать такой лагерь и отправить всех вас в печь. Кто поручится, что заодно с больными туда не попадет и здоровый писарь? - Копиц вынул изо рта фарфоровую трубку с изображением оленя и ткнул мундштуком в багровый шрам на шее Эриха. "Чирик!" - изобразил он звук топора. Эрих поклонился и щелкнул каблуками.

- Осмелюсь сказать, что об этом не может быть и речи. Я всегда был за сотрудничество с Оскаром, но есть же границы. Двух бараков довольно, больше мы ему не дадим. Но любопытно, что из этих шестнадцати покойников пятеро умерло в жилых бараках, а не в лазарете. Стало быть, здоровье заключенных и вне лазарета...

- Заткнись! - проворчал Копиц, зажигая трубку. - Это все те, без обуви. Тут уж ничего не поделаешь. Пока все они не перемрут, смертность у нас не снизится. Но сегодня Дейбель привезет пальто и шапки, это уже что-нибудь да значит! А те тысяча триста человек, что прибудут в воскресенье, говорят, хорошо одеты. Вот увидишь, все наладится. В понедельник мы без труда скомплектуем рабочие бригады.

* * *

Писарь шел обратно в контору. Снег на земле уже сильно подтаял, небо прояснилось, светило солнце. Эрих сморщил нос, сощурился и рукой, как козырьком, прикрыл глаза от солнца. "А выгодна ли для нас такая перемена погоды?" - размышлял он.

Едва он сел за стол, открылась дверь и вошел Берл Качка в безупречно пригнанной одежде. Под мышкой у него был новенький деревянный ящик для картотеки.

- Добрый день, герр писарь, - веселым мальчишеским голосом произнес он, спускаясь по ступенькам. - Герр капо Карльхен кланяется и посылает вам ящик.

Зденек ниже склонился над столом.

- Поди-ка сюда, покажись, - проворчал писарь.

Берл, думая, что похвалят его экипировку, повернулся, как манекенщица в салоне.

- Кто это тебе шил? - хмуро спросил писарь. - Надень-ка шапку!

Юноша почувствовал, что это неспроста, но еще улыбался. Он нацепил матросскую шапочку набекрень и сделал на ней две лихие складки.

- Кто тебе шил, я спрашиваю! - прохрипел писарь с такой злостью, что Зденек поднял голову.

- Я получил это в Освенциме, - тихо оказал Берл.

- Не ври! Это сшито в Гиглинге. А шапочка выкроена из куртки. Сколько ты за нее заплатил?

- Ах, господин писарь... - Берл скривил рот, словно собирался заплакать, и, мигая длинными ресницами, выжидательно глядел на писаря.

- Не заигрывай со мной! - отмахнулся тот. - Ты не в моем вкусе. Охотно верю, что ты старый профессионал и в Освенциме промышлял тем же. Но не рассказывай мне сказки, что ты вывез это приданое из Освенцима. Кто тебе его шил и сколько оно стоило?

Берл захныкал.

- Слросите хоть герра Карльхена, он вам подтвердит, что я говорю чистую правду...

- Не хнычь! - проворчал писарь. - Я поговорю с твоим капо. Шапочку оставь здесь. Попадешься в ней Дейбелю - схватишь двадцать пять горячих, и придется тебе на пару недель прикрыть свое ремесло... Проваливай!

Юноша утер кулаком глаза, снял шапочку, положил ее на край стола и, понурившись, поплелся из конторы.

Зденек сперва очень обрадовался. Значит, не ему одному противен этот Берл. Зденек хотел было рассказать Эриху, как застал вчера юного франта за примеркой и как "отбрил" его, но тотчас спохватился. "Наушничать?! Да что это со мной такое? Никогда я не был ябедой и в школе терпеть не мог подлиз. Зачем же мне пользоваться неудачей Берла и быть наушником у писаря? Неужто я пал так низко? Неужто я готов угодничать и забыть о собственном достоинстве?"

- А ты чего уставился? - накинулся на него писарь, тон у него был ничуть не приветливее, чем в разговоре с Берлом. - К тебе это тоже относится. Если ты, став проминентом, зазнаешься и начнешь заказывать себе франтовскую одежду, вылетишь отсюда как миленький. Пижонов я не потерплю. В лагере не хватает одежды. Просто преступно губить куртки, делать из них шапочки. Ага, у тебя уже повязка на руке! Кто тебе это позволил?

"Писарь прав, - сокрушенно подумал Зденек. - Дурацкий маскарад с повязкой я затеял, собственно, назло Берлу. Чтобы

показать этому мальчишке, что я важная персона. А по сути дела, я самый обыкновенный осел".

Он протянул руку к левому рукаву и хотел снять повязку. Вчера он провозился с полчаса, расписывая ее, и теперь ненавидел себя за это. Долой эту тряпку!

- Погоди, - остановил его Эрих, - не снимай! Писарю как раз надо ходить с повязкой. Я тебя браню не за то, что ты ее надел, а за то, что сделал это без моего разрешения. Покажи-ка, что на ней намалевано.

Зденек повернулся так, чтобы можно было прочитать написанное по-немецки слово "Писарь".

- Право, герр Эрих, я предпочел бы ее снять. Она мне не нужна.

- Оставь, - распорядился глава шрейбштубы. - Правильнее, конечно, было бы написать "Помощник писаря". Писарь-то ведь я! Но раз уж эта повязка сделана, носи ее с богом. А вот кроить из курток матросские шапочки я тебе не позволю. Не ходить же людям раздетыми ради того, чтобы проминенты могли франтить.

Кто-то робко раздвинул занавеску, отделявшую заднюю часть конторы. Вошел Бронек, через плечо у него висела на шнурках обувь Эриха и Хорста. Запас был изрядный: две пары спортивных ботинок, четыре пары высоких шнурованных сапог и три пары башмаков. Бропек выглядел, как старьевщик на базаре.

- Герр писарь, - сказал он озабоченно. - Я как раз собирался выйти из конторы и хорошенько вычистить всю вашу отличную обувь. Но сейчас я услышал - случайно, против своей воли, ведь вы говорили так громко, - что в лагере не хватает одежды и обуви. Так лучше, пожалуй, не выносить их, а? Или выносить по одной паре, чтобы не бросалось в глаза?

Писарь бросил на него злобный взгляд.

- Проваливай! - гаркнул он.

Сказал все это Бронек по простоте душевной или е ехидством? Эриху было неясно.

- Чисть обувь, где хочешь, понятно? - продолжал он. - Сколько обуви у писаря или старосты лагеря, до этого никому нет дела. И если ты думаешь, что можно подпускать мне шпильки, так я вот обую один из этих сапог да дам тебе такого пинка в зад, что вылетишь из конторы!

* * *

Писарь куда-то вышел, Зденек заглянул за занавеску. Бронек застилал там койки.

- Герр писарь желает чего-нибудь?

- Нет, ничего, только поговорить с тобой. Мне очень понравился твой трюк, со всей этой обувью.

- Вы, видно, смеетесь надо мной?

- Да нет же. Мне кажется, я тебя правильно понял.

Бронек перестал работать и повернулся к Зденеку.

- А я вот не знаю, понимаю ли вас, как надо. Видимо, я сделал страшную глупость, не зря герр Эрих так рассердился.

Зденек колебался. Поляк говорил с таким невинным видом, что в самом деле было неясно, понимает ли он, как здорово все это получилось.

- Мне показалось... - начал Зденек и не договорил.

- Что вам показалось, герр писарь?

Зденек махнул рукой и пошел обратно к столу.

- Слушай-ка, не зови ты меня герр писарь. Ты же слышал, что я только помощник писаря. Я такой же, как и ты.

- Нет, не такой, - парень покачал головой. - У вас на повязке написано "Писарь", а это для меня свято.

"Швейкует, - подумал Зденек, - определенно швейкует! Сперва поддел Эриха, а теперь меня".

- Слушай, приятель, - улыбнулся он, - зачем ты проезжаешься насчет этой проклятой повязки? Я не собираюсь строить из себя проминента, в конторе я такой же нуль, как и ты. Меня зовут Зденек, и если ты будешь называть меня иначе, я всерьез обижусь.

В светлых кошачьих глазах Бронека мелькнула веселая искорка.

- Я так и подумал, когда слышал ваш разговор с герром Эрихом. Может, и вправду несправедливо ставить вас на одну доску со всеми этими... важными шишками?

Зденек решительно кивнул.

- О герре писаре вы такого же мнения, как я? - помедлив, спросил Бронек.

- Бывают хуже, - сказал Зденек. - Но и этот не сахар.

- По-моему, тоже, - кивнул Бронек. - Но арбейтдинста, герра Фредо , вы не причисляете к этим господам?

Зденек кивнул.

- Нет, с ним все в порядке.

- На этот счет мы, стало быть, тоже сходимся, господин Зденек, неторопливо сказал Бронек, и выражение его глаз на мгновение изменилось.

В контору вошел блоковый из шестнадцатого барака с рапортичкой об умерших и прервал разговор новых друзей. Помощнику писаря пришлось вернуться к картотеке. Но теперь на столе было уже два ящичка, и Зденек впервые переложил карточку умершего из картотеки живых в новый ящик, который только что принес Берл, в картотеку мертвых.

На стройке было еще оживленнее, чем обычно. Молнией

разнеслась весть, что работавшие получат сегодня лишнюю порцию картошки, "Nachschub", прибавку, о которой мечтает каждый хефтлинк. Кюхеншеф Лейтхольд утром объявил об этом в кухне. Там Хорст и узнал о прибавке. Тщательно причесавшись, он явился туда, чтобы с разрешения эсэсовца вручить Юлишке повязку "Капо кухни".

Новость о прибавке с обширными дополнениями о черных глазах и прочих прелестях главной кухарки Хорст шепотом передал проминентам, а от тех она дошла до "мусульман". "Сегодня будет "Nachschub"!

- Признайся, - сказал Гонзе Мирек и оперся о кирку, - что ты знал об этом с утра. С чего бы ты иначе прибежал на работу. Все распроклятая жратва, а?

Гонза улыбнулся. Лучше, пожалуй, не разубеждать ребят, пусть думают, что Мирек угадал. Или рассказать им о разговоре с Фредо ?

- Известное дело, - сказал кто-то из барака Гонзы. - Задаром мы концлагеря не строим. Вот за горсть картошки - это другое дело...

В словах товарища был горький упрек. Гонза обернулся.?

- Ты его усердно строил и без картошки. А я не хочу, чтобы ты один был участником такого дела. Когда-нибудь окажут, что это был коллаборационизм, таж по крайней мере будем все причастны к нему...

- Бросьте ссориться! - проворчал Мирек, уже жалея, что начал щекотливый разговор. -Скажите лучше, не знает ли кто из вас, что это там за желтое здание? Мы ведь и представления не имеем, в какой части Баварии находимся. А надо бы знать...

Никто из чехов, работавших на стройке, не мог ему ответить. Все взгляды обратились в ту сторону. Освещенное мягким светом осеннего солнца, вдали виднелось своеобразное желтоватое здание, затерянное среди синих гор.

- Герр Карльхен, - обратился кто-то к проходившему мимо капо, - не скажете ли вы, что это такое?

- А ты не знаешь, раззява? - усмехнулся тот. - Это же ландсбергская крепость. Священное место, где наш фюрер написал книгу "Моя борьба". Полное название: Ландсберг на Лехе.

Взоры чехов-землекопов теперь чаще обращались на крепость. Так вот он, Ландсберг!

- Гитлера посадили сюда за решетку после неудачного путча в 1923 году, не так ли? - сказал Мирек. - Но для него здесь, видно, устроили санаторий, а не тюрьму, если он смог написать такую книжищу. Если бы с ним поменьше церемонились и подольше подержали в тюрьме, нам, может быть, не пришлось бы сейчас

сидеть тут.

- Погоди, погоди, - проворчал Гонза Шульц, и его морщинистое лицо стало серьезным. - Гитлер и те господа, что спустили его с цепи, это одно, а то, что мы сейчас сидим тут, - совсем другое дело, и виноваты в этом мы сами.

Мирок ощетинился.

- И это говорит чех!

- Чех, - сказал Гонза. - Именно чех. Если бы мы у себя на родине действовали правильно, то могли бы чихать на то, что где-то существует бесноватый Адольф.

- А что мы могли сделать против немцев? Если злой сосед не оставляет тебя в покое, ты можешь вести себя, как овечка, - все равно не поможет.

- Хорошая мудрость! - вставил Рудла, стоявший рядом с Гонзой. - А кто сказал, что следовало быть овечками? Достаточно было навести у себя дома порядок, приглядывать за собственным правительством и за господами офицерами. Если бы во время войны в Испании мы понимали...

- Если бы да кабы! - передразнил его Мирек. - Хоть бы мы носом землю рыли, немцы все равно напали бы на нас. Слышал ты, на какой реке лежит вон та крепость? Ландсберг на Лехе. Название Лех тебе ничего не говорит{14}? Видно, когда-то и эти места были наши. А потом нас оттеснили за Шумаву. Теперь у нас оттягали еще кусок. История повторяется! Таковы уж немцы, воевать они умеют, вождей своих слушаются беспрекословно. Вон слышали, олух Карльхен даже в концлагере несет чушь о священном месте, где его фюрер писал книгу... Куда нам против них! Будь у нас дома в тысячу раз больше порядка, все равно они нас в покое не оставят.

- И не болит у тебя язык? - сказал Гонза и тоже оперся о лопату. Тебя, Мирек, за что посадили? За участие в "Соколе"? А скажи всерьез: ты больше ничего не знаешь о немцах?

- Мне и этого хватает.

- Малым же ты довольствуешься! И в лагере ты ничему не научился. Послушать тебя - для нас вообще нет никакой надежды: или нацисты истребят нас в лагере, или же, если они проиграют войну, все равно со временем нападут на нас снова и тогда ликвидируют окончательно. Так, что ли?

Мирек ухмыльнулся.

- Нет, Гонза, так я не думаю, - тихо сказал он. - Эту войну они проиграют. А мы должны позаботиться о том, чтобы они никогда уже не смогли начать новую. Надо собрать их всех и... - он поднял лопату и с силой вонзил ее в землю.

- Истребить? Восемьдесят миллионов человек? - Гонза

покачал головой. Ты был бы еще похуже Гитлера.

Мирек оскалил зубы.

- Да, был бы, ну и что ж? Если не мы их, то они нас. Так уж лучше мы их.

- Кто бы подумал, что ты такой царь Ирод! - усмехнулся Ярда. - Хорошо еще, что я знаю, какой ты на самом деле. Ты ведь вечно вздыхаешь о жареной говядине, морковочке, шпинате... Это у тебя лучше получается.

Мирек сердито отвернулся от него и спросил Гонзу:

- А можешь ты предложить какой-нибудь другой выход?

- Могу, - сказал Гонза и снова взялся за работу. - Но об этом мы поговорим вечером. Вон поляки уже нам машут, ругаются, что они работают, а мы нет. Пока ты будешь считать, что войну изобрели немцы, выхода не найдется, Мирек. Вот ты привел в пример Карльхена. А возьми нашего капо Клауса, он ведь тоже немец. У него такой же красный треугольник, как у тебя, и он никогда никого не ударил. Ты пошевели мозгами, подумай, почему происходят войны и кому они выгодны, тогда, может, додумаешься и до того, как сделать, чтобы их не было... Вечером я приду к вашему бараку, хотите?

Капо Клаус, о котором упомянул Гонза, был старый социал-демократ, один из лучших друзей Вольфи. Среди проминентов оба они да еще блоковый Гельмут составляли тройку "красных" немцев, которых никто в лагере не ставил на одну доску с тринадцатью "зелеными".

Клаус, в прошлом рыбак, человек с большими узловатыми руками, до сих пор покрытыми шрамами и мозолями от канатов и сетей, беседовал сейчас с французом Гастоном. Тот натягивал бечевку между колышками, отмечавшими углы будущих бараков.

- Ну, что ты скажешь о девушках? - осведомился Клаус. - Присмотрел уже какую-нибудь? Пойдешь в сумерках к забору?

- Ты, стало быть, тоже из тех, кто считает, что французы думают только о юбках? - усмехнулся Гастон.

- Скажешь, это неправда? - подтолкнул его рыбак. - Все французы бабники.

- В самом деле? - парижанин пожал плечами. - Ты, наверное, удивишься, когда я тебе скажу, что я думаю только об одной. Она ждет меня дома, и я на ней женюсь.

Немцу не верилось, и он спросил, как ее зовут. Гастон произнес имя, звучавшее вроде "Соланж".

- Как? - переспросил Клаус. - А ну-ка, напиши.

Француз вытащил из земли колышек и большими буквами написал на мокром снегу: SOLANGE.

Клаус рассмеялся:

- Ты меня не разыгрывай. Такого имени нет.

- Есть, - настаивал Гастон, все еще сидя на корточках. - А что тебе в нем не нравится?

- So lange! Ведь это значит по-немецки "так долго". Разве ты не знаешь?

Француз встал.

- Мне это никогда не приходило в голову. Но ты прав. В самом деле, как странно, что мою девушку зовут "Так долго".

Рыбак хотел, было, сказать, что это не только странно, но и печально, очень печально. Но промолчал. "Так долго" не выходило у него из головы. "Так долго"? Его жену в домике у моря зовут Ирмгард. Он не видел ее уже семь лет. So lange!.. Клаус поглядел в сторону кухни; двое девушек вынесли большую лохань. Что-то сейчас делает Ирмгард? Может быть, она взяла в дом другого мужчину, чтобы прокормить детей? Она не писала Клаусу даже три года назад, когда все заключенные еще получали письма. Здесь, в Гиглинге, никто не получает ни посылок, ни писем. И Клаус может уверять себя, что, наверное, Ирмгард написала бы, если бы было можно... So lange!

Клаус отвел взгляд от кухни и снова толкнул Гастона в бок.

- Скажи, как она выглядит... эта твоя... как бишь ее звать? - И он показал на буквы в талом снегу, уже совсем неразборчивые.

- Соланж, - мягко сказал француз. - Она очень красивая девушка. Глаза у нее большие, умные, и она почти никогда не плачет... - И вдруг из его смеющихся глаз закапали слезы.

- Хорош парижанин! - проворчал Клаус и больше не расспрашивал Гастона.

* * *

"Незавидное у меня положение в кухне", - думал Лейтхольд. Он был здесь один среди двух десятков девушек и двух мужчин. Здоровенный повар Мотика всегда был вежлив с эсэсовцем и даже относился к нему как-то бережно, словно к хрупкой вещи, которую легко сломать. И все же Лейтхольду становилось не по себе, когда к нему приближалась большая лоснящаяся физиономия Мотики. И если даже Мотика не обращался к нему, а молча и сосредоточенно занимался своим делом, все равно Лейтхольда приводил в содрогание один вид его бычьей шеи, плеч и мускулистой спины, выглядывавшей из-под грубого фартука. Еще неприятнее -если только это возможно - был глухонемой коротышка Фердл. Рапортфюрер уверял Лейтхольда, что это совершенно безвредный, чуждый политики человечек, который попал в лагерь за сексуальное убийство семилетней девочки. "В кухне он отличный работник, вот увидишь. Бояться его нечего, он смирный кретин".

Лейтхольд действительно не боялся Фердла, но тем большее чувствовал к нему отвращение. "А что если до сих пор он вел себя примерно только потому, что в лагере не было женщин?" - спросил он Копица.

- Ах, вот что! - засмеялся тот. - Ты думаешь, что он может совратить и пристукнуть одну из венгерок? То-то была бы потеха! Но не бойся, ничего такого не случится. У нас в лагере немало убийц, и все они ведут себя смирно.

Другой - и самой трудной - проблемой для Лейтхольда были, конечно, девушки. Не доведись ему выслушать из уст Копица столько советов и угроз, его бы, наверное, не занесло, потому что по натуре он был застенчив, с женщинами настороженно учтив, а теперь, став инвалидом войны, вообще сторонился их.

Но вышло так, что Копиц и Дейбель делали ему большие глаза, подмигивали за столом и не давали Лейтхольду покоя сальными шуточками. Потом Рассхауптиха устроила этот злосчастный осмотр, да еще нарочно подсунула в кухню самых красивых девушек. Лейтхольд старался убедить себя, что надзирательница сделала это не по злому умыслу; она поступила вполне правильно: за воротами лагеря, в кухне СС или в казарме охраны, красивые девушки, разумеется, опаснее, чем здесь, где с ними общается только он, Лейтхольд, человек вне всяких подозрений. А может быть, Россхаупт хотела подвергнуть его искусу? Нет, нет, наоборот, ее решение означает полное доверие!

Но бедняге Лейтхольду теперь уже не совсем ясно, достоин ли он этого доверия. Стоило ему взглянуть на девушку, и она немедля представлялась ему а том виде, в каком он видел ее на этом проклятом осмотре. Встречаясь взглядом с Юлишкой, Беа или Эржикой, он чувствовал - или ему только казалось? - что в их взглядах просвечивает ужасающая интимность: мы, мол, уже знакомы, герр кюхеншеф. Помните, герр кюхеншеф, как мы трое вышли из-за занавески?..

Лейтхольд тряхнул головой, стараясь отделаться от жгучего воспоминания, но не мог. Все в нем кричало: беги из кухни! Но он не решался. У него была нелепая уверенность, что стоит ему оставить без присмотра Мотику и Фердла с двадцатью девушками, как произойдет что-то невероятное, ужасное. Ему мерещилась бычья шея Мотики и коварный взгляд Фердла, блестящие кухонные ножи и колода для рубки мяса. На фоне всего этого маршировали двадцать нагих девушек, и в ушах Лейтхольда звучало Юлишкино щебетание "битташон"...

Нет, нельзя оставлять их одних! Но хуже всего, что Лейтхольду так и неясно было, кого он охраняет и от кого. Обычно ему казалось, что надо оберегать девушек от этих двух

страшных мужчин. Но иной раз "битташон" звучало в его ушах так назойливо, что он склонялся к мысли: нельзя бросить Мотику и Фердла на растерзание стольким девушкам!

И он оставался на своем посту, стараясь ни с кого не спускать глаз. Но каждый раз оказывалось, что в кухне полнейший порядок и работа идет как по маслу; Мотика возился со своими котлами, ни с кем не разговаривал, почти все время стоял спиной ко всем остальным. Фердл тоже занимался своим делом, а в свободные минуты играл, как ребенок, с тридцатью чайниками: начищал их и расставлял по ранжиру. Девушки ходили мимо Лейтхольда, опустив глаза, или вообще обходили его подальше, сидели над лоханями с картошкой, мыли пол, чистили котлы, тихо разговаривали. Лишь изредка до Лейтхольда долетало какое-нибудь венгерское слово или короткий смешок.

"Здесь попросту безгрешное райское спокойствие, - говорил себе Лейтхольд. - А у меня необузданная фантазия. Все эти грозные опасности и ужасающие сцены - плод моего неумеренного воображения. И откуда оно у меня, о господи? Откуда такая болезненная фантазия? Мамаша, бывало, смеялась надо мной, какой я застенчивый дурачок. А сейчас мое воображение кипит, как котел под парами, всюду я вижу только распутство и кровь. Это мне внушили Копиц, Дейбель и Россхауптиха, чтобы погубить меня, не выпустить живым из этой клетки! Но я не сдамся, не сдамся!" - мысленно твердил Лейтхольд и, повернувшись направо кругом, ковылял в свою каморку в глубине кухонного барака. Там стояли стол, стул и железная койка для ночных дежурств. Громко хлопнув дверью, кюхеншеф садился, уставив взгляд на верхний край перегородки, не доходившей до потолка, общего с кухней. Но сколько он ни прислушивался, в кухне все оставалось без перемен. Девушки вполголоса разговаривали, не громче и не тише, чем прежде, Фердл звякал чайниками, Мотика топтался у котла. Минут через десять Лейтхольд, не выдержав, быстро отворял дверь и выглядывал в кухню: ничего! Все, как и раньше, стояли или сидели на своих местах. Ни одна голова не поворачивалась в его сторону, когда он снова ковылял к своему месту.

Однажды ему вдруг стало нестерпимо жутко от сознания своего одиночества среди стольких непонятных ему людей. Сам не зная зачем, он закричал: "Кюхенкапо!"

Из группы девушек выскочила Юлишка, сверкнула глазами и откликнулась: "Битташон?"

"Думает она об этом или не думает, - терзался Лейтхольд. - Думает! Не может же все это существовать только в моем воображении. Тогда, значит, я просто какой-то извращенный тип!"

Юлишка подошла и остановилась на почтительном расстоянии. Надо что-то сказать ей, но что? Лейтхольду казалось, что он уже наполовину спятил, но не хотелось, чтобы это поняли и другие. Нельзя подзывать Юлишку просто так, без причины.

- Кюхенкапо, - сказал он как можно спокойнее, - назначьте двух женщин для присмотра за раздачей добавочных порций картофеля. Надо позаботиться о том, чтобы его получили только те, кто действительно работал на стройке. Verstanden?

- Jawohl! - откликнулась Юлишка, стоя навытяжку. - Вы не возражаете против Эржики и Беа?

Лейтхольд согласился и покраснел, потом повернулся направо кругом и опять заковылял в свою каморку. Там он закрыл дверь, уселся за стол и уставился в одну точку. Нет, это не только мое воображение! Юлишка, Эржика, Беа - они такие!

7.

Ночь была звездная, ясная. На сторожевой вышке торчал часовой и тихо напевал: "Oh du schones Sauerland!.." нем.)>

В бараках погас свет, люди засыпали тревожным сном. Каждый как зеницу ока берег одежду и обувь, сложенные под головой.

Почти все заключенные страдали новым недомоганием. Уже несколько ночей подряд и особенно сегодня, после картошки на ужин, - у многих мужчин не раз возникала острая потребность помочиться. Они просыпались от почти болезненного позыва, быстро вставали, одевались, обувались и выбегали из барака. До уборных было довольно далеко, иной раз сто - сто пятьдесят шагов по снегу. С каждым шагом усиливалась болезненная резь. Люди как сумасшедшие пускались бежать со всех ног и все же не добегали...

Это было мучительно и постыдно, а помочь было нечем. Врачи пожимали плечами, не понимая, в чем дело: то ли простуда, то ли авитаминоз.

* * * Проминенты из службы порядка следили за тем, чтобы около бараков не было нечистот. В лагере было распространено убеждение, что в условиях скученности всякая неопрятность вызывает тяжелые заболевания. Орднунгдинсты палками гнали "мусульман" в уборные. Был застигнут с поличным и чуть не забит до смерти заключенный, попытавшийся после обеда тайком унести миску, чтобы использовать ее как судно.

Уборных не хватало. Грязь и снег, налипшие на обувь, превратили их в топкие зловонные клоаки. Дрожа от холода, заключенные бежали обратно в бараки, снимали с ног грязную обувь и опять укладывали ее под голову... Спали они на нарах почти вплотную, так что эти ночные отлучки беспокоили и

соседей. А только заснешь, снова мучительная резь, и опять вставай, одевайся, обувайся и беги в уборную. Раз пять, а то и восемь за ночь.

В лазарете у старшего врача все еще горел свет. Медики собрались вокруг стола, Зденек тоже был здесь, он зашел узнать, как чувствует себя Феликс, и засиделся, беседуя с врачами.

Оскар стоял у окна и мрачно смотрел на звезды.

- Отличная погода, а? Снегопад прекратился, видимо, будет оттепель... А нашему лагерю от этого даже хуже. Все время нам не везет, все у нас не ладится. Зима еще только на носу, а погода почему-то почти весенняя. Фредо вербует добровольцев на стройку, словно это и впрямь доброе дело, полезное для нас. А ведь оно только ухудшит наше положение. Когда заключенных будет вдвое больше, жить станет вдвое хуже, если даже у всех будет крыша над головой. Строят бараки, а уборных не строят, люди на стройке работают изо всех сил, а калорий получают очень мало. Говорят: а прибавка? Но какая же это прибавка? Сокращают обычную порцию, чтобы выдать прибавку работающим. Ослабевших и больных бьют больше прежнего. Или возьмем девушек. На работу в кухню они, бедняжки, шли сегодня с песней. Но и это фальшь. На вид они здоровы, а на деле это не так. Шими-бачи установил, что еще с Освенцима у них нет месячных. Сама природа, при всей своей стихийной ненасытности, не хочет знаться с нами, не допускает, чтобы здесь были зачаты дети. Она вычеркнула нас из своих списков.

- Да брось ты, Оскар, - возразил маленький Рач. - Не так уж все страшно. А если даже и страшно, так что же, сидеть и скулить?

- Вот именно, я уже не могу сидеть и молча глядеть на все это! проворчал Оскар и упрямо выпятил подбородок. - Я врач и не могу видеть, как здесь, в центре Европы, в стране, которая гордится своей техникой, электрификацией и гигиеной, искусственно созданы ненормальные условия, в которых не смог бы жить даже первобытный человек. Завтра пойду к Копицу и выскажу ему все.

- Надеюсь, тебя к нему не пустят, - вздохнул Шими-бачи. - Это могло бы стоить тебе...

- Чего, головы? - сказал Оскар. - А не думаешь ты, что мы все равно не выживем? Сейчас наши люди страдают всего лишь каким-то пустячным расстройством мочевого пузыря, а погляди, что уже творится. А если грянет дизентерия? Или сыпной тиф? Ведь в лагере уже появились вши. И все это только наши внутрилагерные проблемы. А кроме того, с понедельника мы должны послать две с половиной тысячи человек на внешние

работы. Не знаю, что это за работы, но будь это даже восьмичасовой рабочий день и не слишком утомительная дорога, подумай, на что люди будут похожи через неделю. Кругом снег, а у них даже нет верхней одежды. А наступят декабрьские морозы, тогда что?

Имре пожал плечами.

- Допустим, ты попадешь к Копицу и выскажешь ему все это. Как ты думаешь, что он тебе ответит?

- Вот я и хочу услышать его ответ. Я знаю, Копиц небольшое начальство и сам не сможет ничего сделать, даже если я сумею его убедить. Но я хочу нагнать на него страху. Я ему обрисую обстановку в лагере так, что он пошлет рапорт в Дахауи попросит помощи у кого- нибудь повыше. Немцам не может быть безразлично, если в паре километров от Мюнхена возникнет очаг эпидемии.

Шими-бачи с сомнением покачал головой.

- Ты все еще видишь другую, не сегодняшнюю Германию. Немцам уже давно не до гигиены, электрификации и всего прочего. Писарь дал мне сегодня заглянуть в газету... Бомбы падают на города, люди живут в подвалах и канавах. Этой Германии, по-моему, совершенно безразлично, что делается в нашем лагере. Кто знает, не созданы ли у нас такие условия умышленно, чтобы мы все перемерли и избавили немцев от необходимости кормить нас?

- Неверно! - воскликнул Оскар. - Крематорий-то в Освенциме! Зачем же было посылать нам оттуда еще тысячу триста человек? Нет, мы нужны им не мертвые, а живые.

- Да, но на работе, а не в лазарете, - возразил Имре. - Для этого не стоило везти нас за несколько сотен километров. А если ты завтра скажешь немцам, что мы не в силах работать и только можем заразить их, знаешь, что произойдет?

- Пусть это мне скажет Копиц. Что может произойти? Есть только две возможности: или нас прикончат, или нам помогут. Первого я не слишком опасаюсь: истреблять нас здесь не так удобно, как в Освенциме. А для нас это небольшой риск, потому что мы вымрем и без их вмешательства. Я думаю, вернее надеюсь, что вторая возможность более вероятна: нам помогут!

- Какая же это будет помощь?

- Тут опять есть два варианта... как в том анекдоте. Первый - это рабочий лагерь. Для того чтобы он существовал, нужно лучше одеть заключенных, лучше кормить их, лучше с ними обращаться. Другой вариант это лазарет: оставить всех узников в покое, не гонять их ни на работу, ни на сборы и хотя бы чуточку улучшить их условия жизни.

- Извини меня, Оскар, но ты фантазер, - сказал Имре. - Ты забываешь, что сейчас октябрь сорок четвертого года и что мы в концлагере.

- Какое мне до этого дело! Мой долг - спасать людей. Время и место не играют роли. Чтобы остаться в живых, заключенные должны получать известный минимум. За это я буду драться. Покойной ночи!

Когда Зденек шел из лазарета в четырнадцатый барак, где он еще жил, на ограде вдруг погасли огни и со стороны комендатуры послышался сигнал воздушной тревоги. Зденек приоткрыл дверь своего барака. На него пахнуло нестерпимым смрадом душной землянки, где в темноте, беспокойно ворочаясь, спят пятьдесят человек с пятьюдесятью парами грязной обуви под головой. Зденек повернулся и вышел из барака в темную уличку.

Было довольно светло, и он ясно увидел, как на вышки поднимаются усиленные сторожевые наряды. На фоне неба виднелись силуэты пулеметов, нацеленных прямо вниз, на лагерь. Писарь в конторе говорил, что это мера на случай, если произойдет воздушное нападение с целью освободить заключенных. Стоит бомбе повредить ограду или вражеским парашютистам высадиться вблизи, чтобы захватить лагерь, охрана откроет огонь по заключенным. Никто из них не уйдет живым...

Зденек прижался к передней стене барака и прислушался. Близился шум большой группы самолетов. Где-то уже стреляли зенитки, потом грохнули бомбы. В проходе между бараками метались тени - заключенные бежали то к уборным, то обратно. Часовые на вышках не обращали на них лнимания. Зденек тоже побежал вдоль бараков, сам не зная куда. Лишь бы не в свой барак, лишь бы не спать! Может быть, все-таки будет налет на наш лагерь?..

Но гул самолетов прошел стороной. Когда Зденек пробегал мимо немецкого барака, чья-то рука ухватила его и прижала к стене.

- Что ты тут делаешь? Не видишь разве, что сейчас воздушная тревога? гаркнул капо Карльхен. Тут он разобрал, кого держит за рукав. - Ага, герр писарь собственной персоной! Очень хорошо, что я тебя сцапал. Повязку нацепил, ишь ты! Куда ты сейчас пробирался? К женскому лагерю? Сознавайся!

Здемек дернулся, но не смог вырваться.

- Неправда! Пустите меня!

К.арльхен удовлетворенно усмехнулся.

- Ах, неправда, так, так! Ты, значит, не занимаешься, чем не велено? А на других доносишь?

- Не знаю, о чем вы... Пустите!

- Молчи, сволочь! Как ты со мной разговариваешь! На твою повязку мне наплевать. Вот! - свободной рукой он сорвал повязку с рукава Зденека.

Зденек взглянул на нее. Ах, эта повязка, эта проклятая повязка, пропади она пропадом! Но ведь Эрих сказал, что надо ее носить.

- Отдайте! Я ношу ее по приказанию старшего писаря, - злобно крикнул он.

Карльхен помахал повязкой у него перед носом.

- Ишь ты! Отдать? А почему твой писарь не отдает шапочку моего Берла?

- Спросите его сами, откуда я знаю.

- Не знаешь? А кто накляузничал Эриху о том, как Берл примерял новое платье? Кто натравил Эриха на моего Берла?

Этого Зденек не делал. У него, правда, было такое желание, но он подавил в себе злорадное недоброжелательство к Берлу. Именно поэтому он сейчас почувствовал себя незаслуженно обиженным.

- Я накляузничал? Глупость! Скажете тоже!

Карльхен быстро ударил его по лицу. Удар был нанесен левой рукой, в которой капо еще держал повязку, но все же у Зденека пошла кровь носом.

- Пустите! - яростно закричал он и рванулся так сильно, что выскользнул из рук Карльхена. Тот хотел ударить его ногой, но промахнулся.

- Проваливай! - крикнул он. - И если я во время тревоги еще раз поймаю тебя около этого забора, пристукну! Повязку отдам в обмен на шапочку, иначе тебе ее не видать. Так и скажи своему писарю!

Зденек побежал в уборную умыться, потом отправился в барак спать, но не спал почти всю ночь, изобретая наивные планы мести Карльхену и готовясь утром рассказать писарю об этой стычке.

* * *

Около женского лагеря в ту ночь действительно мелькнуло несколько фигур. Слева за конторой, около уборной, небольшой участок забора был невидим часовому с вышки. Первым тут появился Хорст. Он поджидал, пока поблизости проходила какая-нибудь девушка, и шепотом окликал ее: "Эй, фрейлейн, подойдите сюда".

Две или три девушки не вняли этому зову и, ускорив шаг, скрылись в бараках. Но одна нерешительно подошла.

- Кто вы? Что вам нужно?

- Я староста лагеря и хотел бы поговорить с вашей старостой.

- С Илоной?

- Да. Позовите ее сюда. Скажите, важное дело.

Девушка кивнула и побежала к бараку. Через минуту вышла Илона, на ходу повязывая платок.

- Сюда, - прошептал Хорст. - Сюда, пожалуйста.

- Что-нибудь случилось? - спросила она, подойдя к забору.

- Не беспокойтесь, ничего. Я только хотел поговорить с вами. Позвольте представиться: староста лагеря Хорст.

- Так вы меня вызвали просто так? Беа всякого дела? - она была явно недовольна.

- Я думал, что вы будете довольны. Мы оба ответственны за своих людей. У нас найдется о чем поговорить... Общие проблемы...

- Побеседовать на такие темы я всегда согласна. Но если вы думаете, что...

- Отнюдь нет, фрейлейн! Вы несправедливы ко мне. А я для вас кое-что принес. Разрешите вручить вам повязку, я ее сам сделал.

- Очень мило, спасибо. Не знаю только, нужна ли она мне. Я никуда не выхожу из нашего лагеря, а девушки меня и так знают.

- Не в этом дело, фрейлейн. Как опытный заключенный, скажу вам, что повязка прежде всего защитит вас от эсэсовцев. Таким мелочам они придают большее значение, чем вы думаете.

- Очень на них похоже. А вы политический?

Это был неприятный вопрос. Хорст хотел было соврать, но потом сообразил, что Илона рано или поздно увидит его днем и заметит цвет треугольника.

- Почти. Я немец, мне не хотелось служить в армии, ну, и я предпринял кое-что...

- Что же именно?

- Вы хотите знать все сразу! Мы ведь только что познакомились... Можно бы поговорить о чем-нибудь поинтереснее.

- Мне пора идти... Вы, видно, зеленый, а? Много зеленых в этом лагере?

"Странная женщина, - подумал Хорст. - Я чувствую себя, как на допросе. А ведь я не кто-нибудь, а первый человек в лагере".

Он разгладил усы, хотя в темноте их все равно не было видно, и проворчал недовольно:

- Не так я представлял себе нашу первую встречу. Люди в нашем положении должны быть выше предрассудков...

- Доброй ночи, - быстро сказала Илона. - Если вы меня вызовете по какому-нибудь важному делу, которое касается всех

девушек, я охотно приду. Но только по делу. Всякие другие встречи - лишний риск. Еще раз спасибо за повязку.

И она убежала.

Хорст в одиночестве остался торчать у забора и с досады кусал себе губы. "Однако же, - думал он, - я не мальчишка, чтобы приуныть от первой неудачи и упустить такую редкую возможность". И как только от барака к уборной прошла женская фигура, он снова позвал шепотом:

- Фрейлейн, на минуточку. Вызовите, пожалуйста, старшую по кухне. Важное дело!

Через минуту из барака вышла темная фигура. Хорст усмехнулся и оправил на себе куртку.

- Добрый вечер, - начал он, но вдруг увидел, что это та самая девушка, к которой он сейчас обращался.

- А почему не пришла Юлишка? - разочарованно прошептал он.

- Скажите мне все, что надо. Я ей передам.

"К черту... - подумал Хорст, - вот еще не хватало!" Но потом он испытующе взглянул на девушку за забором и увидел силуэт стройной высокой фигуры.

- Тогда подойдите поближе, - прошептал он. - Как вас зовут?

- Беа, - тихо сказала она. - А вы кто?

- Позвольте представиться: староста лагеря Хорст.

- В самом деле? - прошептала девушка с явным почтением. - Сам староста лагеря?

- Для вас я просто Хорст, - сладким голосом произнес он и прижался к забору. - Подойдите же поближе!

* * *

Обершарфюрер Дейбель вернулся на рассвете с грузом пальто и шапок. Вместе с проминентами Паулем и Гюнтером он застрял на ночь в Дахау, пришлось ждать автомашину. Там они отсиживались во время воздушного налета, а утром проехали через Мюнхен. Было что порассказать!

Дейбель, правда, приказал своим спутникам помалкивать, но все-таки сразу же после их приезда "зеленые" тайком собрались в немецком бараке, и Пауль с Гюнтером рассказали все, что узнали. Это сборище было знаменательно тем, что на него впервые не позвали писаря. "Он против нас, - объявил Карльхен. - Ему всякий политический дороже".

- Но, друзья мои, - возразил Хорст, - не знаю, что вы против него имеете? После меня он вторая персона в лагере.

Остальные сделали кислые мины, а Фриц сказал:

- У меня он сидит в печенках. Никто из нас не хотел бы прикончить Эриха, но показать ему, что мы о нем думаем, не

мешает. Рассказывай, Пауль!

Пауль глубоко вздохнул, выпятил могучую боксерскую грудь и с важным видом оглядел собравшихся. Их было одиннадцать: четверка абладекоманды, затем Фриц, Хорст, Карльхен, санитар Пепи, один блоковый и двое орднунгдинстов. Не хватало Эриха и глухонемого Фердла, которого на такие сборища, разумеется, не звали.

Пауль поглядел на каждого в отдельности, потом с таинственным видом прищурил маленькие глазки и попросил приятелей придвинуться поближе.

- Первым делом о бомбежке, - начал он. - Такого налета вы, ребята, еще не видывали. Дахау в двух шагах от Мюнхена, вы не представляете себе, как все было слышно? А рано утром мы сами увидели разрушения. Целых кварталов в центре города как не бывало! Пришлось объезжать переулками, все главные улицы в развалинах. Гордость города - Либфрауенкирхе{15} тоже пострадала. Но все это пустяки в сравнении с той бомбой, которую я вам сейчас преподнесу: осведомленные люди в Дахау открыто говорят о том, что нас, зеленых, скоро выпустят из лагеря...

- Что-о? - несколько ртов раскрылось, а Фриц схватил Пауля за плечо.

- Спокойно, спокойно! Nur die Ruhe kann es machen нем.)> - с еще более важным видом произнес Пауль. - Что, разинули рты? Сам Альберт, капо из вещевого склада, оказал мне об этом. Мол, в главной комендатуре уже готов приказ; нас скоро отправят из лагерей, но не по домам, к мамашам, а на фронт. Там дела плохи, подбирают все резервы, дошла очередь и до нас. Пауль сделал короткую паузу, остальные затихли и усиленно размышляли: хорошо это или плохо? Наконец Фриц распалился:

- Ну и что ж? Плакать нам, что ли? Это же замечательно, что нам дают возможность с честью... Ну-ка, взгляните в глаза друг другу и не моргайте, как мелкие воришки. Настоящий немец уже давно ждет этой минуты, он не хочет торчать здесь, в закутке, и ждать, пока другие выиграют для него войну. Если бы меня сейчас спросили, хочу ли я...

Карльхен метнул на него злобный взгляд.

- А кто тебя станет спрашивать? И вообще, не ори. Ишь, как загорелся. А все только потому, что на тебя взъелся Дейбель и теперь тебе здесь не по душе. Быть блоковым - этого тебе мало. Прежде тебе небось в лагере очень нравилось. Думаешь, на фронте тебе будет кто-то прислуживать, как здесь? Мало тебе, что ли, что бомбы падают рядом, хочешь, чтобы упали тебе на башку?

- Не хочу слушать таких разговоров, - сказал новоиспеченный

патриот Фриц. - А без слуги я обойдусь легче, чем ты без Берла...

- Фрицек!

Капо размахнулся, но Пауль удержал его руку.

- Спокойствие, господа! - гудел он. - Сейчас не время для детских ссор! Карльхен прав: если нас призовут в армию, никто не станет спрашивать о нашем желании. Наденут на нас серые шинели, так же как когда-то надели вот эти полосатые "пижамы". И баста! Маршировать где-нибудь в тылах, на плацах или в казармах, нас не пошлют, для этого нам слишком мало доверяют. Нас сразу загонят на самые опасные участки, чтобы избавиться от нас прежде, чем мы успеем выкинуть какие-нибудь штучки.

- Чепуха! - проворчал Фриц. - Зеленый треугольник не перейдет на нашу военную форму. Если от нас захотят избавиться, это можно сделать и тут. На фронте у нас будут те же возможности, что и всех других. Мы отличимся и докажем...

Хорст усмехнулся.

- Заткнись! Я уже отличился, и что толку?

- А разве тебе не хотелось бы снова носить орденскую ленточку. Я бы на твоем месте...

- Да бросьте вы спорить с Фрицем! - усмехнулся Карльхен. - Я-то его знаю получше вас. Он просто болтает, как попугай, то, что ему вдолбили в гитлерюгенде. А вот попадет в хорошую переделку... Взламывал ты сейфы, как я? Нет! Ты обкрадывал жидовские квартиры да пришивал старых жидовок, герой!

- Зато не валялся с жидочками, как ты! Разве это плохо, что я был так крут с этой швалью? Может быть, по-твоему, писарь будет прав, если прикончит Пауля, а?

Пауль приподнял густые брови.

- Кто это хочет меня прикончить, что ты мелешь?

Фриц напыжился.

- Ты выложил много новостей, а теперь я скажу тебе одну. Писарь знает, что это ты разбил морду тому чеху, и хочет доложить об этом в комендатуре.

- Этого он не сделает!

- Хотел сделать, но я его отговорил. И вообще я его отчитал за то, что он якшается с политическими, а с нами грызется. как собака. Поэтому-то я и согласился с Карльхеном, что не надо звать сегодня Эриха сюда.

- А ты не врешь, Фриц?

- Можешь не верить, - отрезал смазливый коротышка. - Но теперь, когда нам предстоит отправка на фронт, тебе бояться нечего. Мы, зеленые, поднимемся в цене... хоть и не в глазах писаря. Комендатура будет беречь нас, чтобы в целости сдать призывной комиссии.

Пауль нахмурился.

- Эриху я этого не спущу. Он-то инвалид, у него резаное горло и астма, его на войну не возьмут. И глухонемого Фердла тоже. Нас тут одиннадцать человек, ребята, и этот призыв касается только нас. Теперь нам надо держаться особенно дружно.

Все кивнули: Пауль, конечно, прав.

- А ты, Хорст, на чьей стороне? - спросил Карльхен. - До сих пор ты подлизывался к Эриху. Но когда ты станешь солдатом, плевать тебе на писаря и всю контору.

Хорст не был настроен так мрачно, как Фриц. Он все еще переживал ночное свидание у забора, ему виделась фигура молодой венгерки, слышался ее почтительный отклик: "Сам староста лагеря?" У Хорста было отличное положение: контора, вестовой; в лагере он был видной фигурой. И вот опять на фронт? Война была не по душе Хорсту, даже когда шло сплошное наступление. А теперь возвращаться на откатывающийся фронт? И замышлять здесь сейчас козни против хитроумного писаря? Быть заодно с самым свирепым сбродом лагеря против умнейшего человека, у которого всегда был верный нюх?

- Ну, скажешь, с кем ты, или нет? - резко и непримиримо спросил Фриц. - С сынами Германии или с пособниками большевиков?

- А что вы, собственно, собираетесь предпринять? - уклончиво спросил Хорст. - Если нас в самом деле пошлют на фронт, надо не портить себе последние дни в лагере. Что, плохо нам здесь живется? Не плохо. А если Эрих требует дисциплины...

- Дисциплины! - прервал его Карльхен и сплюнул с досадой. - Вот именно, я хочу хорошо провести эти последние дни и не позволю Эриху гадить мне... Слышали вы, что он готовит Паулю? А как он обошелся с моим Берлом, не знаете? Взял к себе в контору мусульманина, который теперь даже нос задирает. Этому надо положить конец.

Многие закивали головами: да, в этом есть доля правды.

- А кто донес на меня писарю? - настаивал Пауль. - Сам этот тип со сломанной челюстью?

- Нет, - сказал санитар Пепи. - Я как раз был поблизости, когда Оскар пытался выведать у него...

- Ах, значит, Оскар! - воскликнул Фриц, не упуская возможности натравить кого-нибудь на старшего врача.

Но Пепи покачал головой.

- Дай мне договорить. Этот тип с разбитой челюстью тебя не выдал, честное слово. Оскар от него ровным счетом ничего не узнал.

- Как же это дошло до писаря? - вслух размышлял Пауль. - Я ни с одной живой душой не говорил об этом... Или все-таки говорил?

8.

Субботнее утро было таким же погожим, как накануне. Небо чистое, ясное, снегу убыло, на дорогах уже появилась слякоть. Девушки опять прошли с песней в кухню.

У Зденека стало легче на душе. Всю ночь он думал о том, как сказать Эриху об утере повязки. А утром, по пути в контору, он зашел в восьмой барак к Феликсу и увидел, как тот впервые открыл глаза и улыбнулся. Это хорошо! Это куда важнее всех осложнений с капо Карльхеном, которые в конце концов уладятся.

В немецком бараке тоже было приподнятое настроение. "Зеленые", правда, соблюдали уговор - никому не рассказывать о том, что они узнали вчера, но глаза у них повеселели. Пусть где-то там их ждет фронт или хоть сам ад кромешный, все равно мысль об уходе из вшивого Гиглинга была приятна. "Через пару дней, через пару дней!" - подмигивали они друг другу и радовались, что наступает приволье, можно не работать на стройке, пусть-ка этим занимаются те, кто остается в лагере.

Акции Пауля поднялись необычайно высоко, ведь он принес такую важную весть из Дахау. После объявления бойкота Эриху он стал едва ли не главой одиннадцати "зеленых". Пауль ухмылялся с торжествующим видом.

- Берл, поди-ка сюда, - крикнул он юному слуге Карльхена. - Окажи услугу дядюшке Паулю, приведи сюда парикмахера Янкеля. Скажи ему, что он нужен мне немедля, пусть поспешит.

Янкель еще на вставал. Ящичек с инструментами лежал у него под головой, взгляд Янкеля был устремлен в одну точку. Он не спал вторую ночь. Первая ночь после припадка была совсем бессонной: Янкель, весь разбитый, ворочался на стружках и не мог уснуть. Но и в следующую ночь он почти не сомкнул глаз, потому что едва закрывал их, как ему начинала мерещиться боксерская физиономия Пауля с угрожающе нахмуренными густыми бровями и маленькими злыми глазками. Янкель вздрагивал всем телом, его бросало в жар, лицо стало еще более серым. Когда кто-нибудь рядом рассказывал о чудесной операции и о челюсти, скрепленной проволокой, он затыкал уши и закрывал глаза - пусть думают, что он спит! - но тотчас же в ужасе открывал их: ему чудился Пауль, Пауль, уже, быть может, догадавшийся, кто выдал его!

Берл, войдя в барак, закричал:

- Эй, стрижем-бреем, вставай!

Янкель поджал колени к самому подбородку и не шевелился.

Берл вскочил на нары и пнул Янкеля ногой.

- Не слышишь, что ли, цирульник? Тебя вызывают господа из немецкого барака. Вставай!

- Вызывают? - пискнул Янкель и замигал. - Я же ничего не сделал!

- Вот именно, что ты еще ничего не сделал! - усмехнулся Берл. Вставай! Думаешь, мы будем кормить тебя задаром? - Он нагнулся и стащил с Янкеля одеяло. Парикмахер сел, похожий на маленькую серую мышь с большим носом. Он узнал Берла, и его разбушевавшееся сердце стало биться немного спокойнее: это слуга герра Карльхена, а перед Карльхеном Янкель ни в чем не провинился.

- Куда мне идти? - тихо спросил он.

- За мной! - распорядился Берл. - И не забудь бритву. Пошли!

Для верности он еще раз пихнул парикмахера ногой в бок и с мальчишеской ловкостью соскочил в проход между нарами.

- Слушаюсь, - бормотал Янкель, натягивая брюки. - Я немного прихворнул, герр Берл, и сегодня хотел полежать. Но если господа требуют... Сейчас, сейчас, я мигом...

- Хватит болтать, пошли! - сказал Берл и подставил ножку какому-то "мусульманину", проходившему мимо. Тот чуть не упал, а Берл прикрикнул на него:

- Не видишь, куда прешь, дубина!

Наконец Янкель был готов, взял ящичек под мышку и поспешил за Берлом. Страх - ужасная вещь, но голод еще хуже. Разве можно сидеть, притаившись, как мышь, только потому, что тебе страшно? Ведь есть-то надо. Герр Карльхен всегда дает за бритье четверку хлеба. Вчера Янкель за весь день не заработал ки крошки. Как же не послушаться и не пойти по вызову к господам? А то, чего доброго, у него отнимут эти отличные инструменты. Не-ет, бедный парикмахер не может позволить себе капризничать, как своенравная барышня. "Пожалуйста, герр Берл, можно и скорей, я не отстану".

В немецком бараке почти никого не было. Янкель огляделся в полутьме, но не увидел Карльхена.

- Эй! - крикнул ему Пауль. - Наконец-то ты!

Мышиное сердечко Янкеля опять бешено забилось. Хорошо бы убежать! Но было уже поздно.

- Ну, поди же сюда, чего ты уставился! - проворчал Пауль.

- Чего изволите? - испуганно сказал парикмахер и заставил себя подойти ближе. - Прикажете побрить?

Пауль взял у него из рук кусок жести, оглядел в нем свою щетину и провел ручищей по щеке.

- Давно пора. А то я выгляжу, как твой жидовский дедушка.

А? - Гигант выпрямился, раздвинул занавеску в глубине барака и сел к столу у окна. Ну, за дело... Когда ты меня брил в последний раз?

Янкель не отвечал. Он робко оглядывался и наконец сказал:

- Вода? Тут нет воды...

- Есть! - отозвался проворный Берл, мило улыбнулся Паулю и поставил на стол кружку с водой. Пауль потрепал его по плечу.

- Еще что-нибудь? - осведомился Берл.

- Нет, можешь идти, - зевнул Пауль и расстегнул ворот. Берл вышел, занавеска за ним опустилась, немец и парикмахер остались одни.

Янкель смочил кисточку и стал намыливать физиономию Пауля.

- А все-таки, когда ты брил меня в последний раз? - сонно сказал тот. - Сегодня суббота...

- Не помню, - прошептал парикмахер, намыливая страшное лицо, которое две ночи мерещилось ему во сне. Янкелю хотелось зажмуриться, но он не смел.

- Погоди-ка, - вспомнил Пауль, - не в то ли утро, когда пришел новый большой транспорт заключенных?

Янкелю не терпелось скорее кончить работу, он мылил клиента как одержимый, орудуя кистью вокруг рта Пауля, чтобы помещать ему говорить. Тот и в самом деле с минуту молчал. Янкелю казалось, что сердце у него переместилось в горло и бьется там, в этом несчастном горле, ощущая всю боль, перенесенную Феликсом. Но Пауль не замечал волнения Янкеля и упорно перебирал цепочку воспоминаний.

- Ну да, - сказал он. - Это было тогда утром. Прихожу я из клозета и... - "Э-э, стоп, - мысленно прервал он себя. - О встрече с тем мусульманином лучше не говорить..." Заметив случайно ошалелый взгляд Янкеля, он гаркнул на него: - Ну, что еще? Почему не бреешь?

- Слушаюсь, - пробормотал Янкель, машинально взялся за бритву, хотел было приложить ее к левой щеке клиента, но не смог, рука дрожала.

Пауль все еще ничего не замечал. Прикрыв глаза, он предавался воспоминаниям. Да, Янкель брил его после того, как он, Пауль, ударил мусульманина и разбил ему челюсть. Об этом лучше сейчас не говорить... Но неужели я действительно кому-нибудь сказал об этом? Часовой на вышке смеялся, но он, конечно, не знает меня по имени и, стало быть, не мог меня выдать. Я тоже смеялся, веселый пришел в барак, и здесь меня ждал этот парикмахер...

Пауль открыл глаза, поглядел на Янкеля и его вдруг осенило:

теперь он уже точно знал, что доверил свою тайну этой носатой мыши. Вытаращенные глаза Янкеля, в которых отражался безмерный ужас, подтвердили это Паулю лучше, чем его собственная память!

- Янкель! - сказал Пауль изменившимся голосом. - Почему ты меня не бреешь?

Дрожащие руки Янкеля поднялись, но остановились на полпути.

- Я скажу тебе, почему ты боишься меня брить, - прохрипел Пауль и правой рукой притянул к себе Янкеля. - Потому что ты донес на меня писарю!

- Нет! - взвизгнул Янкель. Дыхание у него перехватило, он со всей силы полоснул бритвой по шее своего страшного врага, и сознание обоих погрузилось в багровую тьму.

* * *

Берл был недалеко. Он заметил какое-то странное движение за занавеской, услышал визг Янкеля и глухой шум, словно повалился тяжелый мешок. Юноша осторожно подошел к занавеске, заглянул за нее и обмер. Бледный от страха, он обернулся и закричал:

- Помогите! Герр Пауль... Янкель...

Через несколько минут о происшествии знал весь лагерь. Смерть была заурядным явлением в Гиглинге, но такая смерть, смерть видного немецкого проминента, заставила все разговоры умолкнуть; люди на минуту прекратили работу, в глазах многих появилось испуганное выражение. Возможно ли? Пауль, этот здоровяк Пауль лежит с перерезанным горлом? И зарезал его Янкель, серая мышь Янкель?

Больше всех разбушевался Фриц. Словно готовясь к кровавой мести, он вытащил нож, спрятанный за стропилом, сунул его за пазуху и помчался в немецкий барак.

- Где этот жид? - завопил он, увидя Оскара, наклонившегося над трупом Пауля. - Не знаете вы, что ли, что нашего Пауля зарезали жиды? Может быть, это ты сам подослал Янкеля?

Он кинулся на Оскара, но стоявший рядом Антонеску схватил его в охапку. Старший врач встал и повернулся к буяну.

- Заткнись, Фриц. Сам не знаешь, что болтаешь, - сказал он строго. Это до добра не доведет.

Вырываясь из крепких рук румына. Фриц прошипел:

- Пусти!.. И меня хотите прикончить? Всех немцев решили зарезать!

- Отпусти его, - сказал Оскар товарищу.

Отпущенный Фриц растерялся. Чех и румын были на голову выше его и стояли, готовые отразить нападение. Выхватить нож

Фриц все же не решился.

Капо Карльхен стерег Янкеля; тот лежал на полу за занавеской, и даже от оплеух не приходил в сознание. Теперь капо подошел к стоящим над телом Пауля. Он тоже был озлоблен, но владел собой лучше, чем Фриц.

- Не ори! - хмуро сказал он Фрицу. - Будет следствие, все выяснится. Янкель скажет нам, почему он это сделал.

Фриц опять стал бушевать и сунул руку за пазуху, ища нож.

-Что-о? - кричал он. - Вы еще не прикончили эту сволочь?. Где он?

- Отстань! - решительно сказал Карльхен. - Жида повесят, можешь не сомневаться. Но прежде он скажет нам, кто его подослал.

- Прошу тебя, Карльхен, - обратился к нему Оскар. - Не повторяй и ты этих глупостей. Кто мог подослать Янкеля?! Разве не видишь, что он лежит там без сознания? Ведь это же больной человек.

Карльхен сверкнул глазами.

- Больной? Он убийца, и баста! А кстати, кто в нашем лагере отвечает за больных, а?

Оскар умолк. Да, в этом есть доля правды. Ведь еще два дня назад маленький Рач сказал, что Янкель эпилептик и его нельзя держать в парикмахерах.

У входа в барак возникло движение, толпа любопытных, которых не впускал штубовой, расступилась. Вошел писарь, покрасневший, запыхавшийся. Только сейчас, вернувшись из комендатуры, он узнал о происшествии. Сам Хорст ждал его у ворот, и они вместе поспешили в немецкий барак.

Все взгляды обратились на них. Хорст снял шапку и остановился над телом Пауля, словно готовясь произнести надгробную речь. Глаза Эриха беспокойно мигали за стальными очками. Он поглядел на Карльхена, Фрица и обоих врачей, пытаясь угадать, что произошло между ними.

- Ну, писарь, - зловеще сказал Фриц, - это я твоих рук дело. Погляди, что натворили твои новые дружки.

Эрих, словно не слыша, обратился к Карльхену:

- Ты был при этом?

Карльхен переменил позу. Воинственное выражение на его лице сменилось хитроватым.

- Не был, - коротко ответил он.

- Так как же было дело? - нетерпеливо крикнул писарь.

- Не кричи, Эрих, - почти прошептал Карльхен. - Не тебе это дело расследовать. Позови-ка рапортфюрера.

Писарь почувствовал, что дело плохо, но все-таки

заупрямился:

- Чтобы вызвать рапортфюрера, надо знать, зачем. Скажешь ты мне или нет, что случилось?

Карльхен молчал, хмуро глядя ему в лицо. Писарь с недовольным видом обратился к Оскару:

- Что же случилось?

- Берл прибежал в лазарет с известием о несчастье. Антонеску и я сразу же поспешили сюда. Здесь мы нашли Пауля, он умер у нас на руках. Тот, кто его зарезал, лежит вон там, у окна. Он эпилептик, невменяемый человек. Сейчас он без сознания.

Оскар умолк, в бараке настала тишина.

- Что же вы двое дурите? - раздраженно повернулся писарь к Карльхену и Фрицу. - Случилась беда, а вы глядите на меня, словно Пауля убил я...

- Ну и что ж? - дерзко крикнул Фриц. - Это еще надо выяснить. Забыл ты, что ли, как сам говорил: передай Паулю, что я с ним расправлюсь за ту сломанную челюсть...

- Никогда я этого не говорил, сукин ты сын! - накинулся на него Эрих. - Ты врешь, передергиваешь!

Фриц усмехнулся, оскалив зубы.

- Я вру? Ты так не говорил? - он повернулся к Карлу и кивнул на Эриха.- Ты слышишь?

- Я только предостерег Пауля через тебя, вот и все, - хрипел писарь; шрам у него на шее побагровел.

- Кто же тогда подослал Янкеля? - тихо спросил Карльхен. - Жиды?

- И они тоже, - Фриц подлил масла в огонь. - Жиды и Эрих - это ведь одна шайка-лейка, которая верховодит в лагере.

Хорст поднял голову.

- Что за чушь вы несете, ребята! Лагерь возглавляю я. Такие разговорчики бросают тень и на меня. А ведь вы знаете, что Пауля, этого доброго немца, я любил, как родного брата...

- Эту трепотню ты оставь до похорон, - проворчал Карльхен. - Сейчас не об этом речь. Лагерем ты руководишь, как флюгер ветром. Ты пятое колесо в телеге, Хорст, и не путайся в это дело. Пауля убили не случайно, и мы не знаем, чьих рук это дело. Комендатура должна немедленно расследовать его. Если писарь сейчас же не отправится туда с рапортом, немецкие зеленые пойдут к воротам без него и попросят рапортфюрера выслушать их.

- Ладно же! - сказал Эрих. - Получайте, что хотели. Я считаю, что всегда лучше уладить дело самим и не звать на помощь комендатуру. Но если с вами иначе нет сладу...

И он направился к выходу.

- Погоди, Эрих, - остановил его Оскар. - Здесь велись опасные разговоры. Правда, случилось большое несчастье. Я сам не слишком любил Пауля, но очень огорчен, что произошло такое преступление. И я уверен, что в лагере нет ни одного человека, который не сожалел бы об этом, как и я. Но если Фриц и Карльхен начнут в комендатуре необдуманные речи, это может вызвать плохие последствия... вы сами понимаете. Я вас прошу, слышите, прошу, как старый хефтлинк, который прожил с вами бок о бок не один день и знает лагерные порядки: хорошенько подумайте, что вы там скажете.

- Оскар прав, - проворчал писарь. - Разве нет, скажи, Карльхен?

Но Карльхен не сдавался.

- Так что же, пойдет писарь рапортовать? Или нам идти самим?

Эрих пожал плечами: "Как хочешь". И ушел.

- Теперь проваливай и ты! - крикнул Карльхен Оскару. - И ты тоже!

Антонеску поглядел на старшего врача, тот кивнул, и оба направились к выходу.

- Я буду стеречь Янкеля, - сказал Карльхен. - А ты, Фриц, немедля собери немецких зеленых. Чтобы к приходу Копица все были здесь. Марш.

Фриц хотел было возразить, что посторожить парикмахера может и Берл, но промолчал. "Карльхен действует правильно, умнее, чем я, - думал он. - А если сейчас будет решаться судьба писаря, лучше, чтобы инициатива исходила от Карльхена, а не от иеня. Как-никак я кое-чем обязан Эриху".

- Is gut, - пробормотал Фриц и вышел.

Вернувшись в лазарет, Оскар спешно созвал врачей. Еще в дверях он встретил санитара Пепи, хотел позвать и его, но тот только махнул рукой и устремился куда-то.

- Постой, Пепи, - окликнул его Оскар. - Неужели ты пойдешь против нас? Уж кто-кто, а ты знаешь лучше других...

- Пауль был моим приятелем, - строптиво возразил Пепи. - А с вами я больше не хочу знаться. Все равно мне идти на фронт.

- Что ты болтаешь?

Пепи озлился на себя за то, что так опрометчиво проболтался. А-а, черт с ним, все равно пришлось бы им сказать! В лазарете ему жилось неплохо, с Оскаром он работал еще в Варшаве и всегда ладил с ним. Но теперь конец всему, теперь надо думать о других делах.

- Не тронь меня! - огрызнулся он, когда старший врач взял его за рукав. - Все вы один другого стоите!

Оскар отпустил его и медленно отвернулся. Дело плохо, Пепи и тот против нас... А что он сказал об уходе на фронт? Правда, я знаю, что он ужасный враль. Но это он выболтал сгоряча. Еще утром он пришел из немецкого барака какой-то странный, словно его подменили.

Вслед за Оскаром в лазарет прибежал Фредо.

- Что случилось, доктор?

Имре был уже здесь, Антонеску привел маленького Рача и Шими-бачи.

- У нас совещание врачей, - сказал Оскар. - Не обижайся, Фредо.

- Не выгонишь же ты меня, - настаивал грек. - Я слышал, что дело важное и касается не только врачей.

- Тебя оно, во всяком случае, не касается, Фредо. Ты не врач и не еврей. Радуйся этому и оставь нас одних.

- Да брось ты, Оскар, не будь ребенком. Я пришел предложить тебе...

Оскар упрямо выпятил подбородок.

- ...Политику! - прервал он. - Я знаю, ты заговоришь сейчас о политике. И в конце концов действительно получится так, словно мы в заговоре против кого-то. А это чисто врачебное дело. Эпилептик совершил преступление, и речь идет о том, насколько мы, врачи, ответственны за него. Вступать в спор с Фрицем о том, убили Пауля евреи или нет, я не собираюсь. Да в этом и нет смысла, если эсэсовцы начнут расследование. Так что не осложняй это дело, Фредо, и оставь нас одних.

- Ты упрям и не видишь дальше своего носа, - хмуро сказал грек. - Но пусть будет по-твоему. Если я тебе понадоблюсь, ты найдешь меня в конторе или в бараке у Вольфи. И не теряйте головы!

Он выбежал из лазарета и стал искать Диего. Первым ему встретился Гастон.

- Алло, Гастон, пойдем-ка со мной. Или погоди, не можешь ли ты найти Дерека, Жожо и Диего? Они, наверное, во французском бараке. Приведи их поскорей к Вольфи.

Через минуту Фредо уже был у рыжего Вольфи.

- Представь себе, - рассказывал он, - Карльхен заставил писаря пойти с рапортом в комендатуру.

- Мне уже говорили, - проворчал Вольфи. - Не знаю, что бы я делал на месте Эриха. Это же явное убийство, шутки плохи.

- Прежде надо было договориться между собой, Всякий старый хефтлинк знает, чего можно ждать от эсэсовского расследования. Да еще Фриц хочет все свалить на евреев.

- Это, конечно, подлость, - Вольфи нахмурил белесые брови. -

С чего это ему вздумалось?

- Зол на штаб лагеря. Ему не нравится, что в нем Оскар и что Эрих принял всерьез идею рабочего лагеря. Челюсть тому мусульманину сломал Пауль. Эрих якобы это знал и при Фрице пригрозил Паулю расправой. А зарезал его еврей-парикмахер Янкель.

Вольфи в раздумье почесал затылок.

- Янкеля нам от петли не спасти. Главное - как будет с остальными. Надо, чтобы тут не было погрома, как в сорок первом году в Дахау.

- Пошли штубака за Клаузе и Гельмутом, - сказал Фредо. - Ребята из французского барака тоже сейчас придут. Надо придумать, как помочь Оскару и лазарету. Зеленые прежде всего набросятся на них.

* * *

В комендатуре писарь нашел только Копица. Рапортфюрер сидел все в той же позе, в какой был недавно, когда писарь уходил из комендатуры. Только сейчас перед Копицем стояла большая кружка кофе с молоком, полученным в соседней усадьбе в обмен на краденую картошку, и рапортфюрер старательно обмакивал в нее сдобную булку, выменянную на казенную колбасу.

Эрих вздохнул с облегчением: Дейбеля тут нет. Видно, он еще отсыпается после ночной поездки в Дахау. С Копицем, да еще попивающим кофе, говорить легче.

- Ну, что еще? - проворчал рапортфюрер. - Забыл что-нибудь?

Писарь с необычным рвением вытянулся в струнку.

- Никак нет. Но считаю своим долгом доложить о чрезвычайном происшествии в лагере. Заключенный Янкель Цирульник зарезал заключенного Пауля Кербера.

- Пауля? - Копиц пососал намоченную сдобу, с которой капал кофе. - А почему именно Пауля? Почему не тебя? По крайней мере я мог бы спокойно позавтракать. И что это вообще значит "зарезал"? У нас мясники режут скотину. А Янкель - парикмахер, это не его специальность.

Эрих замигал.

- Осмелюсь доложить, что это именно так. Пауль, к сожалению, мертв. Янкель полоснул его бритвой, и Оскар констатировал...

Копицу все еще не верилось.

- Ну, довольно молоть чепуху! Чтобы этот хилый жиденок посмел поднять руку на Пауля?.. Я знаю обоих еще по Варшаве.

- Оскар, извиняюсь, утверждает, что Янкель сделал это в каком-то припадке. Я в этом не разбираюсь, но видел, что

парикмахер лежит с пеной у рта и все еще без сознания.

Копиц отодвинул кружку, наклонился над столом и утер рот скатертью.

- Хорош сюрпризик с утра! Что же нам с ним делать? Парикмахера придется повесить, а?

Эрих понемногу обретал обычное хладнокровие. Его успокоило, что великий и грозный рапортфюрер так здраво смотрит на это дело. Писарь даже не понимал, как он сам поддался нелепому возбуждению, охватившему немецкий барак. Что случилось с Фрицем и Карльхеном? Старые хефтлинки, а ведут себя, как последние кретины! А может быть, именно Копиц держит себя сегодня иначе, чем можно было ожидать? Похоже, что он уже не свирепый эсэсовец времен Варшавы, а какой-то благодушный немецкий папаша, слегка рассерженный тем, что ему не дают спокойно доесть сдобу и выпить кофе.

Писарь собрался с духом и сделал два шага к столу.

- Если герр рапортфюрер пожелает, Янкеля можно повесить немедля. Но, может быть, лучше сначала немного успокоить лагерь. Боюсь, что сейчас работа на стройке почти прекратилась... А ведь нам надо к завтрашнему дню построить последние тринадцать бараков для новой партии, которая прибудет к вечеру... Послезавтра мы должны послать на внешние работы две с половиной тысячи человек...

Писарь говорил и говорил. Пользуясь задумчивым молчанием рапортфюрера, он быстро изложил все доводы за осмотрительное и тихое разрешение дела.

- М-да, ты прав, - пробормотал Копиц. - С самого понедельника у меня голова просто распухла от забот... - Выразительным жестом он показал, как именно распухла его голова. - Постройку бараков нужно продолжать во что бы то ни стало, ей ничто не должно мешать, понятно? Немедля иди в лагерь, гони людей на работу, убитого пока что отнесите в мертвецкую. Оскар пусть напишет медицинское заключение о смерти. А этого Янкеля... черт подери, что с ним делать? У нас тут даже карцера нет...

- Может быть, отправить его в Дахау? Для суда... и вообще.

- Ты с ума сошел! Начнется следствие, нам не дадут покоя!

Теперь Эрих рискнул выложить самую деликатную часть своего сообщения.

- Разрешите доложить, что, к сожалению, без расследования все равно не обойтись.

- Почему? - рассердился Копиц. - Кто меня заставит? У нас каждый день столько мертвых, а тут из-за одного затевать такую канитель.

Эрих пожал плечами.

- Я только передаю слова Фрица. В его оправдание надо сказать, что смерть товарища страшно подействовала на него, он сам не знает, что говорит. Ему взбрело в голову, что это не несчастный случай, а предумышленное убийство немецкого заключенного. Мол, евреи подослали Янкеля...

- К черту Фрица, этого безмозглого гитлерюгендовца! - Копиц стукнул кулаком по столу. - А ты за него вечно заступаешься! Недавно я обозлил Дейбеля тем, что не угостил Фрица двадцатью пятью горячими, которые он вполне заслужил. А теперь еще этого не хватало! Следствие! Может быть, вызвать сюда еще и гестапо? И оправдываться перед ними, почему у меня, в этакой тесноте, арийцы не отделены от евреев?

- С Фрицем трудно разговаривать, герр рапортфюрер. Я начал было его уговаривать, но Карльхен стал на его сторону. Этот Карльхен тоже имеет на меня зуб за то, что я не прощаю ему разврата с еврейским мальчишкой...

- Ну, ну, хватит! - Копиц нетерпеливо покачал головой. - Ты все валишь в одну кучу. Карльхен - старый гомо, это всем известно. А что, он очень обнаглел?

- Так, пустяки, герр рапортфюрер, - уклончиво ответил писарь с видом человека, который не любит наушничать. - Я поймал его мальчишку на том, что он сшил себе шапочку из куртки. Франтит, видите ли... Люди в лагере мерзнут, а Карльхен заказывает из казенной одежды наряды для своего...

- Да перестань! При чем тут убийство Пауля?

- Пауль тоже был против меня. Недавно он жестоко избил одного мусульманина, и я передал ему, что больше не потерплю таких выходок. Теперь, когда этот кретин Янкель зарезал Пауля, Фриц говорит, что Янкеля подослали еврейские врачи - дружки этого побитого мусульманина. А Карльхен и вовсе кричит, что Янкеля подослал я!

- Бабы, вздорные, глупые бабы, вот вы кто! Один другого стоите! У меня хлопот полон рот, я даже в лагерь к вам не захожу, пытаюсь обращаться с вами по-хорошему, лишь бы рабочий лагерь стал на ноги - и вот, видишь, ничего не получается! Дейбель вам нужен, вот что! - воскликнул Копиц, и "Дейбель" опять прозвучало в его устах, как "Teufel".

Эрих сделал сокрушенное лицо пристыженного школьника, но в душе смеялся и потирал руки. Карльхен и Фриц посажены в калошу. Куда им против старого профессионала Эриха Фроша!

В этот момент произошло нечто, испортившее тихий триумф писаря. Распахнулась дверь, и из темного помещения вышел позевывающий Дейбель в одном нижнем белье, взлохмаченный.

- В чем дело? Ты звал меня, Лойзль?

"Пропало дело!" - мелькнуло у Эриха. Копиц сделал недовольное лицо.

- Никто тебя не звал. Просто я крикнул "Дейбель вам нужен". Разозлили меня наши старички. Самые старые хефтлинки, оказывается, самые дурные. Иди, спи.

Левый глаз Дейбеля никак не хотел раскрыться, но правый тупо уставился на писаря. Он все еще не мог простить Эриху заступничество за Фрица, о Фрице же он вспомнил сейчас потому, что нечего было курить. Несколько странным ходом мыслей он пришел к выводу, что во всем повинен Эрих: Фрица не выдрали, и потому сейчас нет сигарет.

- Не хочу спать! - хмуро сказал Дейбель. - И совсем я не удивляюсь тому, что этот подлый писарь портит тебе нервы. Но, слава богу, скоро мы от него избавимся.

- Проснись ты наконец как следует! - проворчал Копиц. - Или уходи. Тут и без тебя хорошая каша.

- А что случилось?

- Ничего. Вот придешь мне докладывать о поездке в Дахау, тогда я тебя информирую. А сейчас поди, оденься. Вот-вот приедет Россхауптиха. Увидит тебя с открытой аптекой - грохнется в обморок.

Дейбель оправил на себе белье.

- Иду, иду. Но самую важную новость из Дахау я тебе скажу сейчас. И пусть этот сволочной писарь тоже послушает: быть ему на фронте. Конец филонству в гиглингском санатории, всех зеленых берут в армию. "Achtung, годен к военной службе! В общую могилу - шагом марш!"

Дейбель продекламировал эту фразу словно со сцены в кабаре и так лихо повернулся направо кругом на голой пятке, что у него взметнулись завязки кальсон.

- Погоди-ка, - проворчал Копиц. - Я, конечно, ожидал, что ты налижешься там, но если ты и сейчас не соображаешь, что мелешь, это уж...

- То есть как так не соображаю, начальник? - возразил Дейбель и снова зевнул. - На той неделе зеленые призываются в Дахау. У нас их как раз тринадцать человек.... роковая цифра! А потом прямехонько на фронт - и на тот свет. Пиф, паф! - с этими словами Дейбель закрыл за собой дверь, и было слышно, как он повалился на койку. Скрипнули ржавые пружины.

- Руди! - недовольно воскликнул Копиц ему вслед, потом взглянул на писаря. - Сколько зеленых у нас в лагере?

Краснолицый Эрих стал заметно бледнее. Сердце у него колотилось.

- Герр обершарфюрер разрешит мне высказать свое мнение? Я думаю, что это невозможно... Обершарфюрер Дейбель немного сердит на меня и, видимо пошутил... Никогда еще не случалось...

- Я его слишком хорошо знаю, - тихо сказал Копиц. - Ему не придумать такую шутку. Нет, здесь что-то не так... ну, ладно, мы скоро узнаем. Но мне пришло в голову кое-что похуже. Сколько зеленых числится за нашим лагерем?

Он поглядел на писаря, тот - на него, и оба без слов поняли друг друга. У нас больше нет тринадцати зеленых, Пауль уже не в счет! Но его не вычеркнешь из списков, как любого другого: мол, заключенный номер такой-то выбыл, причина - смерть. В Дахау знают, что у нас числится тринадцать зеленых. Что, если их потребуют завтра же? Отсутствие тринадцатого придется объяснять, мотивировать. Как это острят хефтлинки насчет проверок? "Обходятся с нами, как с дерьмом, а считают нас, как дукаты". Пауль - это статья баланса, которой не хватит в нашей бухгалтерии. А если еще Фриц и Карльхен перед призывом начнут болтать и накляузничают... М-да-а, вляпались мы так изрядно, что одним повешением Янкеля не отделаешься. Германия потребует солдата, а что мы дадим?

- Kreuzhageldonnerwetternocheinmal! - медленно и со смаком выругался Копиц. Эрих тихо вздохнул.

- Тебе хорошо вздыхать, - накинулся на него рапортфюрер. - Ты-то знаешь, что в армию ты не годен, с таким горлом тебя не возьмут. А Пауль был здоровяк, второй Макс Шмелинг{16}. И такого солдата нам ухлопали евреи!

Писарь в душе содрогнулся. Вот теперь заговорил настоящий Копиц, крутой эсэсовец Копиц. Берегись, Эрих!

- Разрешу себе обратить ваше внимание, герр рапортфюрер, на то, что уход двенадцати ведущих работников заметно осложнит положение в лагере. Для того, чтобы послать в понедельник две с половиной тысячи заключенных на внешние работы, надо беречь каждого человека. Мы не можем позволить себе без разбору вешать евреев, как этого хочет Фриц.

Это были смелые, но правдивые слова. Копиц уже не стоял за столом, а бегал на коротких ножках по комнате. Затрещал телефон, и ему пришлось снять трубку. Звонил рапортфюрер из пятого лагеря и сообщал, что от них выехала Россхауптиха и через какие-нибудь двадцать минут будет у Копица.

- Спасибо, дорогой коллега, - сказал Копиц. - А кстати, раз уж ты позвонил, скажи-ка: не слышал ты каких-нибудь новостей о наших зеленых?

Эрих навострил уши, но голос в трубке был слишком тихим. Впрочем, достаточно было видеть кислое лицо Копица:

рапортфюрер из пятого, видимо, подтвердил то, что сказал Дейбель.

Трубка с треском упала на вилку аппарата, Копиц снова забегал по комнате.

- Такая невероятная новость, и вот, пожалуйста, я узнаю ее последним. Все уже знают, один я... Ручаюсь, что Фриц и Карльхен тоже пронюхали. Иначе они не нахальничали бы...

- Исключено! - сказал Эрих, хотя не был уверен, что это так. - То, что знает кто бы то ни было в лагере, знаю и я.

Копиц остановился перед ним.

- Кто приехал сегодня утром из Дахау? Пауль и Гюнтер, не так ли? Думаешь, они не знают? А ты с ними ссоришься, вместо того чтобы разведать, какие новости они привезли. Стареешь ты и глупеешь, писарь, вот что. Если тебя не заберут в четверг под ружье, тебе, я думаю, все равно не бывать больше писарем.

Эрих снова сделал огорченное лицо, но был рад, что Копиц немного успокоился.

- Насколько я понимаю, сейчас приедет фрау надзирательница, - сказал он. - Я хотел бы предупредить кухню и девушек. Да и на стройку мне пора... Вопрос о Пауле, герр рапортфюрер, видимо, лучше всего разрешить вам лично, когда вы придете в лагерь...

- Проваливай! - рявкнул Копиц. - И верно, никакого от тебя толку! Всем мне приходится заниматься самому. Сделай то, что я сказал: труп отнесите в мертвецкую, а Янкеля... а Янкеля знаешь, куда? Заприте его там же! Если в мертвецкой нет замка, забейте пока дверь гвоздями. Снимите у него пояс и шнурки, чтобы не повесился. А самое главное: работа на стройке должна продолжаться как ни в чем не бывало! Пока Россхаупт здесь, всюду должно быть полное спокойствие. Verstanden?

9.

Кюхеншеф Лейтхольд волновался больше обычного. Во-первых, он с тревогой ожидал визита надзирательницы, во-вторых, никак не мог забыть того, что произошло сегодня в немецком бараке. Итак, в лагере действительно убивают. Мысли о сверкающих кухонных ножах и топоре не случайно заполняли его голову, он не преувеличивал, все это правда, он попал в клетку с хищниками!

Одно теперь ему ясно: чем дольше он глядел на девушек в кухне, тем меньше боялся их и больше боялся за них. Эти женщины в жалких бумажных платьях никого не обидят, они робкие и мирные создания, кроме разве Юлишки. Надо оберегать их от мужчин, а не мужчин от них. Единственный мужчина в кухне, которому, быть может, грозит опасность, это он сам. Да и

то не от женщин. Если маленький ничтожный Янкель поднял руку на силача Пауля, почему бы Мотике, Фердлу, Диего или любому другому заключенному не прикончить его, Лейтхольда? Ведь он их враг, он эсэсовец, у него в кармане ключи от провиантского склада и от женского лагеря...

Лейтхольду стало страшно. Кроме того, он побаивался Россхауптихи: кто знает, что еще она выдумает? Забравшись к себе в каморку, он присел к столу, уставился в одну точку и даже не услышал легкого стука. Стук повторился уже погромче. Лейтхольд вскочил.

- Войдите!

Дверь отворилась, на пороге стояла Юлишка.

- В чем дело, Габор? Вам не полагается заходить ко мне. Оставьте дверь открытой.

Юлишка замигала. "Не укушу же я тебя, - говорили ее смеющиеся глаза. Какой ты странный!"

Стеклянный глаз Лейтхольда сердито глядел на блузку девушки, тесно облегавшую бюст.

- Ну, в чем дело?

- Пришла машина с хлебом. Капо абладекоманды Зепп просит помочь им с разгрузкой. Ведь у них теперь нет Пауля... Что, если послать Эржику и Беа...

- Вечно Эржика и Беа! - вырвалось у Лейтхольда. - Почему именно их?

- Вы же знаете, что они сильные девушки, - невозмутимо ответила Юлишка.

Экая бестия! Лейтхольд заставил себя взглянуть на нее зрячим глазом, хотел оборвать, но вместо этого сказал любезно:

- Ладно, пусть идут. Но чтобы не затевали никаких фокусов с мужчинами. С минуты на минуту явится надзирательница.

- Jawohl! - вытянувшись в струнку, отозвалась Юлишка и заговорщицки прищурила левый глаз. - Можете на меня положиться, герр кюхеншеф.

Дверь закрылась, Лейтхольд снова остался один. Через перегородку был слышен энергичный топот деревянных башмаков Юлишки.

- Эржика, Беа, марш разгружать хлеб! И никаких фокусов, verstanden?

Лейтхольд сидел за столом и глядел в одну точку. Вдруг он страшно перепугался, заметив, что его губы невольно растянулись в улыбку.

* * *

- Вот еще новое дело! - проворчал конвойный Ян и передвинул трубку из одного угла рта в другой. - У меня только два глаза, где мне еще смотреть за бабами? Они же могут упрятать под юбку целую буханку хлеба, а потом ищи-свищи!

Против обыкновения он подошел ближе к откинутому заднему борту грузовика, чтобы удобнее было следить за разгрузкой. Тем временем Фриц, околачивавшийся около кухни, воспользовался возможностью: подскочил к кабине и заглянул в открытую дверцу.

- Берегитесь конвойного! - испуганно и в то же время радостно прошептала фрау Вирт.

- Он там, сзади, - успокоил ее черномазый красавчик, влюбленно глядя на фрау Вирт.

- Я так давно вас не видела, - вздохнула дородная фрау Вирт. - Теперь у вас в лагере женщины, обо мне вы, наверное, и не вспоминаете.

- Ах, что вы, фрау Вирт, - Фриц обиженно покачал головой. - Вы же меня знаете. До этих пархатых венгерских жидовок я не дотронусь даже щипцами. И вообще, знали бы вы, что у нас тут творится! Помните Пауля, этого детину из абладекоманды? Так вот, он лежит в мертвецкой, ей-богу! Зарезан сегодня утром.

- Эсэсовцы? - в испуге спросила она.

"Чего там долго объяснять!" - подумал Фриц, кивнул и продолжал.

- Да и мне уже недолго оставаться здесь. Еду на фронт.

- Что вы говорите! А я думала, что в концлагере... Вас в самом деле заставляют?

- Если не сбегу, заставят. - Он подошел поближе. - Как думают у вас в Мюнхене, скоро все это кончится?

Боже, что говорит этот человек! Давно ли он ораторствовал, как сам Гитлер...

- Не бойтесь, - фрау Вирт понизила голос. - Войне вот-вот конец.

- А что, если однажды ночью я постучусь у ваших дверей? Спрячете вы меня? Вы же живете одна, - напрямик спросил Фриц, глядя на нее голодными глазами и с таким видом, словно от ее согласия зависит спасение его души.

Фрау Вирт вздрогнула. Он это всерьез? Сокрытие беглого лагерника карается смертью. Но разве можно отказать такому славному пареньку?.. Оставить его на погибель в страшном

лагере, сказать ему в лицо: нет, я вам не помогу! Но она не поверила его версии о скорой отправке на фронт и не отнеслась всерьез к словам о возможном побеге. Ведь он такой вертопрах, этот ее цыганенок...

- Понимаете... я бы с удовольствием помогла, но, ради бога, прошу вас, не поступайте опрометчиво, чтобы вам не стало еще хуже...

- Это так похоже на вас, фрау Вирт, - пылко сказал Фриц и ловко изобразил подступившие к горлу слезы. - Я никогда этого не забуду. Скорее, скажите ваш адрес!

- Но не так же, в арестантской одежде...

- Адрес, скорей!

- Ольденбургерштрассе, 68, четвертый этаж, направо.

Фриц для верности переспросил, потом, оглянувшись, попятился от кабины.

- Пожелайте мне успеха, фрау Вирт, и не бойтесь!

Она слегка подняла руку, словно хотела перекрестить его. Ей показалось, что она видит его последний раз в жизни.

Фриц быстро и осторожно обошел Зеппа, Коби, Гюнтера и девушек и из-за угла стал наблюдать за разгрузкой хлеба. Грузовик был уже почти пуст, в заднем углу кузова у борта лежал зеленый брезент.

Фрица вдруг осенило. Еще пять минут назад он и не думал, что это произойдет сегодня и именно так. Но сейчас... В голове этого туповатого парня вдруг засела навязчивая мысль, которую он никак не мог прогнать. Мерзкий концлагерь, зарезанный Пауль, призыв в армию и страх, все-таки неотвратимый страх перед фронтом, - все это угнетало его... И вот подвертывается редкая возможность! Надо только перескочить через левый борт в кузов грузовика в тот самый момент, когда Ян будет влезать справа в шоферскую кабину, и успеть спрятаться под брезентом, пока машина едет по лагерю. Есть только два опасных "если": если часовой на вышке справа вдруг посмотрит на грузовик (левому не видно, заслоняет кухня) и увидит, что Фриц вскочил в машину; но и это еще не беда - часовой может подумать, что проминент с повязкой поехал легально, с разрешения. Второе "если" подстерегает Фрица у ворот: часовой там может быть более дотошным и приподнять брезент. Но может и не приподнять... В большом деле риск неизбежен, а здесь все ставится на карту.

...Последняя буханка снята с грузовика. Зепп и Гюнтер подняли и закрепили задний борт, Коби крикнул какое-то ядреное словцо вслед девушкам, которые, мелькнув юбками, исчезли в кухне. Конвойный Ян усмехнулся, закурил трубку и направился к кабине.

Фриц, весь подобравшись, как спринтер на старте, кинулся к машине. Почти наверняка кто-нибудь из заключенных заметит его, но это не смущало Фрица; в своей жизни он без всякого зазрения совести предал многих людей, но столь же спокойно рассчитывал на то, что его самого не предаст никто. Как кошка, прыгнул он в тронувшийся грузовик и прижался к стенке за кабиной на случай, если конвойный, почувствовав легкий толчок, поглядит в заднее окошко. Потом Фриц залез под зеленый брезент.

Грузовик подъехал к воротам лагеря в тот самый момент, когда в них входили Копиц и Россхаупт. Часовые вытянулись перед ними и почти не обратили внимания на автомашину. Ян вылез из кабины, а часовой небрежно выполнил свою обычную процедуру: поставил ногу на колесо, приподнялся и заглянул в кузов. Он увидел там лишь валявшийся брезент.

Фрау Вирт тронула машину.

* * *

Россхауптиха была исполнена энергии, как и в тот раз, когда впервые прибыла в комендатуру.

- Что случилось, дорогой коллега, почему вы сегодня сопровождаете меня? - осведомилась она у Копица.

Тот попытался отделаться шуткой.

- Просто так. Надо же когда-нибудь быть кавалером.

Россхауптиха на ходу смерила его взглядом.

- Что-то у вас тут неладно, а? В тот раз вы были тверды, как скала, а сегодня похожи на студень.

- Вы так думаете?

"Ах, черт! - досадовал Копиц. - Я и забыл, что только выдержка, выдержка и еще раз выдержка избавит меня от подвохов этой несносной бабы".

- Когда с вами держишься официально, это вам не нравится. А начнешь относиться запросто, вы опять недовольны. Чего же вы хотите?

Россхаупт усмехнулась.

- Ишь, как вы расшевелились! Вот это мне нравится! Движение, темп, больше жизни - все это правильно! Щука в пруду - это я, господин карась!

"Никогда еще не видывал рыжей щуки, - кисло подумал Копиц. - Но рожа у тебя, и верно, щучья".

Они подошли к конторе, где, стоя навытяжку, их ждал писарь. Из кухни вышел Лейтхольд и заковылял к ним.

- Каковы ваши планы на сегодня, фрау надзирательница? - спросил рапортфюрер.

- Ничего особенного. Взгляну только, как ведут себя

женщины. Мертвых среди них нет?

- Списочный состав без перемен: семьдесят девять человек, - прохрипел писарь.

Россхаупт нахмурилась.

- Тебя я не спрашиваю. У меня есть секретарша, она будет вести учет. Надеюсь, у вас есть картотека? - обратилась она к Копицу.

- Конечно. Но только одна, и она здесь, в конторе. Разрознивать ее я не собираюсь. Мне нужны полные сведения о наличном составе, и я не намерен бежать в женский лагерь каждый раз, когда мне понадобится...

- Не волнуйтесь, я сделаю себе отдельную картотеку: приведу секретаршу, и она снимет копии с карточек. Против этого вы, я полагаю, не возражаете?

Подошел Лейтхольд.

- Хей...тлер! - приветствовал он надзирательницу. - Вот ключ от калитки.

- Как ведут себя номера на кухне? - подмигнула ему Россхаупт.

- Хорошо. У меня жалоб нет.

- Я сейчас туда загляну, но прежде закончу дело с секретаршей. Вы собираетесь идти со мной, рапортфюрер? А собственно, зачем?

"Ага, вот оно, - подумал Копиц. - Клюет, клюет щука!" Вслух он сказал:

- Меня туда ничто не тянет. Да и есть кое-какие дела в мужском лагере. Если я вам понадоблюсь, дайте знать. Хей...тлер!

Россхаупт направилась к калитке, а Копиц кивнул Лейтхольду.

- В кухне у тебя все в порядке? Дождись там надзирательницу. Писарь, мы идем в немецкий барак. Марш!

У калитки стояла Илона. Она отрапортовала надзирательнице: столько-то женщин работает вне лагеря, в казармах и кухне СС, столько-то в лагерной кухне и столько-то в бараках. Больных трое, заболевания легкие.

- Где секретарша?

Староста проводила надзирательницу к третьему бараку. Там санитарка крикнула "Achtung!" Три пациентки стояли в проходе между нарами. В бараке было чисто, одеяла сложены безупречно. Рассхаупт кивнула и проследовала дальше. За занавеской в глубине лазарета, у окна, стоял стол. За столом сидела тоненькая Иолан.

- Is gut, - сказала эсэсовка Илоне. - Иди, проверь остальные бараки. Я сейчас туда приду. - И она опустила занавеску. - Ну,

секретарша, есть у тебя точный учет, где работают девушки?

- Да, пожалуйста, - Иолан робко показала на бумаги. Но Россхаупт даже не взглянула на них. Она глядела на длинные ресницы и чистый лоб девушки. Вшей у тебя, я надеюсь, нет?

- О, нет, нет!

- Сними головной платок.

Иолан повиновалась. Надзирательница подошла к ней. Россхаупт была на голову выше.

- Так тебе больше идет. Ты теперь похожа на мальчишку. Покажись, - она провела рукой по мягким, коротко остриженным волосам девушки. - У тебя красивые уши. Под волосами их, наверное, было бы не видно, - Россхаупт вдруг ухватила девушку за мочку левого уха и сильно дернула. Иолан испуганно вскрикнула.

- Не ори! - сказала надзирательница. - У тебя грязное ухо.

- Я его мыла... - Девушка заплакала.

- Плохо! Покажи ногти.

Иолан спрятала руки за спиной.

- У нас нет ножниц, и мыла очень мало...

- Показывай!

Иолан вытянула руки. Ногти у нее были обломанные и разной длины, но совершенно чистые.

- Свинья! - сказала надзирательница. - Я тебя проучу. Разве это чистота?! Противно сесть рядом с тобой! Покажи ноги!

Девушка смотрела на нее глазами, полными слез.

- Разуйся! Ну, пошевеливайся!

Иолан нагнулась, развязала шнурки и сняла деревянные башмаки с парусиновым верхом. Ступни у нее были узкие и очень пропорциональные, подъем высокий, пальцы длинные, кожа смуглая, чистая. На ногтях обоих больших пальцев надзирательница заметила какие-то пятнышки.

- Это что такое?

Иолан взглянула и улыбнулась сквозь слезы.

- Остатки лака... Еще не сошел... летом я была на курорте... - "Летом на курорте, - мечтательно подумала она. - О господи, еще этим летом!"

- Ах, вот ты какая! Красила ногти, соблазняла мужчин! Wie eine richtige geile Nutte! нем.)> А прикидываешься невинной.

Девушка покачала головой.

- Нет, нет, я не делала... того, о чем вы говорите. Все девочки в моем классе летом красили ногти... честное слово!

- Ну, здесь этому будет конец, о твоем воспитании позабочусь я. Знаешь ты, что это такое? - Россхаупт словно только и ждала этого момента: она вынула из сумки аккуратно свернутую плетку,

взмахнула ею и улыбнулась, увидев испуг в глазах маленькой венгерки. - Так ты не знаешь, что это?

- Плетка для собаки, - прошептала Иолан.

- Какое там для собаки! - сказала эсэсовка. - Это для таких, как ты. Понятно? - b она слегка хлестнула девушку по икрам. Иолан подпрыгнула.

- Но по ногам я обычно не бью, - с расстановкой продолжала надзирательница. - В лагере бьют по заднице. По голой заднице. И на виду у всех. Перегнешься через стол, одна тебя держит за голову, другая за ноги, а третья бьет, вот так! - Она взмахнула плеткой и со всей силы хлопнула ею по столу. Звук был страшный.

- Нет, нет, - как безумная вскрикнула Иолан. - Меня еще никогда не били!

- Это и видно! - проворчала Роосхаупт и схватила ее левой рукой за горло. - Ты, я вижу, хорошая истеричка. Ну-ка, замолчи!

Она сказала это так угрожающе, что Иолан затихла, но тряслась, как в лихорадке, и чувствовала, что у нее стучат зубы.

Россхаупт отпустила ее.

- А для тех, кто часто ревет и вообще устраивает сцены, у меня есть кое-что получше, чем плетка. Вот, гляди, - она нагнулась и подняла деревянный башмак. - Возьму его и разобью в кровь твое смазливое личико!.. Ты была бы не первая, кого я убила вот этими руками, понятно? - и она стукнула девушку каблуком по лбу. Лицо эсэсовки налилось кровью, Иолан была бледна как мел.

- Обуйся, бери бумаги и пойдем, - сказала надзирательница и бросила башмак на ногу Иолан. Та вскрикнула "ой!" и тотчас закусила губы. Потом обула башмаки, вытерла слезы, повязала на голову платок и пошла за надзирательницей.

Плетка снова была спрятана в сумку. Визит Россхауптихи в остальные два почти пустых барака был коротким. Кое-где она проронила две-три фразы, потом повела секретаршу в контору мужского лагеря. Там сидели Хорст и Зденек. В глубине, за занавеской, Бронек занимался уборкой. Хорст отрапортовал, Россхауптиха улыбнулась ему: "А, мой немецкий красавчик!" Польщенный Хорст погладил усики.

- Ты ведешь картотеку? - строго обратилась надзирательница к Зденеку, перед которым стояло два ящика - картотека живых и картотека мертвых. Какой ты национальности? И почему у тебя не пришит треугольник?

- В Освенциме нам дали куртки без треугольников. Я чех, политический.

- Ein Tscheche? нем.)> - грубо засмеялась Россхаупт. - "У

чехов много блохов", - сказала она по-чешски с сильным судето-немецким акцентом. - Не так ли?

- Не совсем, - улыбнулся Зденек. - Здесь, в Германии, у нас завелись еще и вши.

Это было дерзостью, и Зденек не получил оплеухи только потому, что надзирательницу обеспокоило слово "вши".

- Фуй, и у тебя тоже?

- Сегодня утром я нашел всего трех. Но если так пойдет и дальше, скоро их у нас будут тысячи.

Россхаупт записала на клочке бумаги "Произвести дезинсекцию", потом обратилась к испуганной Иолан, которая все еще стояла со слезами на глазах:

- Вот видишь, к этим мужикам нельзя подходить близко, они грязные. Ты сядешь вон там... - Она показала на свободное место Фредо. - Чех даст тебе карточки женского лагеря и чистые бланки, и ты снимешь копии. Работай молча, не вздумай ни с кем разговаривать, а то... в общем, сама знаешь, она взглянула на Хорста, который все еще стоял навытяжку. - А что мне делать с этим опасным щеголем? Не хочешь ли проводить меня на кухню?

- С удовольствием, фрау надзирательница! Прошу вас.

- Тебя я уже не считаю заключенным, - сказала она ему по дороге. - Ты ведь знаешь, что фюрер дает тебе возможность отличиться на фронте и загладить все твои проступки.

- Да, у нас поговаривают об этом... Я высоко ценю великодушие фюрера.

- Рада слышать. В Дахау мне сказали, что из вашего лагеря пойдет тринадцать человек.

- Jawohl! - сказал Хорст и запнулся. - То есть... к сожалению, нас только двенадцать. Сегодня утром выбыл самый бравый...

- Что с ним случилось?

- Умер. Представьте себе, убит, фрау надзирательница.

- Что ты говоришь? И кто же его убил?

- Загадочная история, - сказал Хорст, радуясь, что они уже подходят к кухне и разговор кончается. Не выболтал ли он лишнее? С эсэсовцами надо быть осторожным...

- Погоди, остановись-ка! Какая такая загадочная история? Разве не выяснено, кто его убил? Может быть, сам Копиц? - Ее глаза блеснули. Недурно было бы узнать что-нибудь, компрометирующее этого противного рапортфюрера.

- Нет, нет, - поспешил ответить Хорст. - Убийца - заключенный. Польский еврей, парикмахер Янкель... Во время бритья он перерезал Паулю горло.

- Так что же тут загадочного?

Хорст смутился.

- Есть слух, что парикмахер действовал по наущению... Все выяснится, герр рапортфюрер сейчас расследует дело.

* * *

После ухода надзирательницы и Хорста в конторе воцарилось молчание. Зденек передвинул карточки на другую сторону широкого стола, и Иолан начала усердно заполнять их. Не поднимая головы, она все писала и писала, лишь иногда украдкой утирала глаза, и ее плечи чуть вздрагивали. Зденек с минуту наблюдал, потом спросил:

- Что с вами? Вы плачете?

Девушка не ответила.

- Меня вы можете не бояться, - продолжал он немного погодя. - А кстати, мы здесь не одни... Бронек! Покажись барышне!

Поляк выглянул из-за занавески и весело подмигнул.

- Добрый день, - сказал он по-польски. Слегка испуганная Иолан бросила на него быстрый взгляд. Но круглая голова Бронека, торчавшая из-за занавески, выглядела так забавно, что юная венгерка не удержалась от легкой улыбки.

- Ну вот, то-то! - сказал Зденек. - Что такое с вами стряслось, почему вы такая перепуганная?

Девушка хотела что-то сказать, но покосилась на дверь и промолчала.

- Вас обидела эта эсэсовская стерва?

Иолан кивнула, и из глаз ее закапали слезы. Зденеку очень хотелось встать, обойти стол и погладить по плечу эту маленькую красивую девочку.

Иолан по-детски излила ему свою обиду.

- Она ругала меня грязной свиньей и еще бог знает как за то, что у меня на ногтях следы лака. У нас в классе все девочки красили ногти. Разве в Германии это грех?

- Не знаю, - засмеялся Зденек. - Здесь грех все, что не нравится эсэсовцам. Значит, вы так недавно в лагере, что у вас еще не сошел лак с ногтей?

Она снова кивнула.

- Летом я была с мамой в...

- Ну, ну, только не плачьте! У меня вот тоже еще сохранилась кое-какая памятка о прошлом...

Он вытянул левую руку и показал ей безымянный палец, на котором виднелся след кольца - узкая полоска незагорелой кожи.

- Это от кольца? - спросила Иолан. - Вас тоже взяли недавно?

Зденек грустно улыбнулся.

- Нет, уже почти два года назад. Но в Терезине у меня не отнимали обручального кольца. Я, видите ли, женат.

- А где ваша жена?

Опасаясь, что, если речь зайдет об Освенциме, маленькая венгерка опять заплачет, Зденек ответил небрежно:

- Не знаю, где она сейчас. Наверное, ей легче, чем мне.

- Это хорошо, что вы можете не бояться за нее. Моя мама, к сожалению...

- Меня зовут Зденек, - поспешно прервал он. - А как вас? Я не знаю вашего имени.

- Иолан Фаркас.

- Ага, вспомнил. Уроженка Будапешта и одна из самых младших в группе. Вам шестнадцать лет.

Она улыбнулась.

- Вы всю картотеку знаете наизусть?

- Это входит теперь в мои обязанности.

- А что вы делали раньше?

- Работал на киностудии.

Услышав это, Иолан почти забыла о всех своих огорчениях и о страшной надзирательнице. Молодость взяла свое.

- Правда? - воскликнула она. - Это так интересно! Я выписывала журнал, "Szinhazi elet" венгер.)> - знаете такой? А когда меня пускали в кино... Знаете, какой фильм я видела в последний раз?

- Я с сорокового года не был в кино.

- В сороковом году я еще в кино не ходила. Но я хочу вам сказать, что я видела в последний раз: "Юг против севера". Знаете? Замечательно! Кларк Гейбл играл... вы знаете Кларка Гейбла? Я его обожаю! - Она даже зарделась. - А в роли Скарлет была...

- Не увлекайтесь, Иолан! - улыбнулся Зденек.- Надзирательница придет с минуты на минуту. Сперва заполните все карточки, а потом поболтаем. Идет?

Иолан живо кивнула и углубилась в работу.

* * *

Но Россхауптиха все не появлялась. Закончив проверку кухни, она послала Хорста за Копицем. Тот все еще был в немецком бараке и пришел неохотно. Хорст сказал ему, что Россхауптиха собирается уезжать. Тогда надо поскорее отвязаться от нее, решил Копиц.

- Что вам угодно? - крикнул он еще на ходу. Надзирательница медленно шла ему навстречу. Заглянув в свой листок с заметками, она сказала:

- Есть кое-какие замечания. Во-первых, я обнаружила вшей. Позаботьтесь, чтобы вам прислали из Дахау дезинсекционную бригаду.

- Это все?

- Отнюдь нет, - Кобылья Голова подозрительно усмехнулась. - Замечание номер два. В кухне еще работают двое мужчин. Я не хочу, чтобы они оставались там.

- Но позвольте...

- Наши девушки - лихой народ, не так ли, Лейтхольд? - обратилась она к тощему эсэсовцу, который ковылял за ней. - Они сами справятся с любой тяжелой работой. А старший повар - такой здоровяк, он пригодится вам в понедельник на стройке. Пусть-ка займется чем-нибудь полезным для Германии. Согласны?

Копиц злился в душе. С Мотикой удобно было работать, он уже точно знал, сколько и чего надо припрятать для комендатуры. Но попробуй поспорь с Россхауптихой, у нее веские аргументы.

- Ну, теперь все?

- Нет, друг мой. Второй повар - немецкий зеленый. Как вам известно, он в четверг поедет в Дахау...

- Он же глухонемой, о господи боже!

- У него две руки и две ноги. Предоставим призывной комиссии решать, как его использовать. В кухне он оставаться не может. А вы радуйтесь, что сможете отправить в Дахау хотя бы две-над-цать новобранцев...

"И об этом уже пронюхала! - подумал Копиц. - А кто ей сказал, Хорст?"

- Да, - проворчал он вполголоса. - У нас тут произошел прискорбный случай. Преступника мы обнаружили и устроим публичную казнь.

- Этого, я думаю, недостаточно, - усмехнулась Россхаупт. - Убийство немца, который уже одной ногой был в армии, заслуживает официального расследования. Вы уже сообщили в гестапо?

"Ни шагу назад!" - сказал себе Копиц и ответил:

- Спасибо за совет. Я не суюсь в ваш женский лагерь, а вы не суйтесь ко мне. Я в лагерях работаю с тридцатого года, по-моему, достаточно, а?

- Смерть немецкого солдата - это уже не внутреннее дело лагеря. Меня как национал-социалистку, естественно, интересует, что будет, если евреи убьют у нас еще одного мужчину...

- Он был не ваш, Россхаупт! - не сдержался Копиц. - Я понимаю, что мужчины вас интересуют, но этот случай предоставьте мне. Хей-тлер!

Он повернулся и зашагал прочь. Надзирательница, казалось, совсем не рассердилась. Наконец-то ей удалось вывести этого противного типа из равновесия, которое раздражало ее гораздо

больше, чем его сегодняшняя вспыльчивость. С невозмутимыми людьми шутки плохи, а вот вспыльчивые совершают опрометчивые поступки и тем самым выдают себя с головой. Вспыльчивость легче уязвима.

В наилучшем расположении духа Россхаупт отвела Иолан обратно в женский лагерь, заперла калитку, вручила ключ Лейтхольду и многозначительно подмигнула ему.

- Теперь ты будешь в кухне совсем наедине со своими номерами! Ну что, разве я не добрая фея?

10.

Как только Фриц решил, что они миновали часовых, он осторожно высунул голову из-под брезента. Грузовик ехал по ухабистому шоссе, хорошо знакомому Фрицу еще с тех времен, когда он ежедневно проезжал здесь, сидя рядом с фрау Вирт. Когда они въехали в лес, он постучал в заднее окошечко. Фрау Вирт испугалась и погнала машину еще быстрей. Фриц перегнулся через борт и махнул в левое окно кабины своей арестантской шапочкой.

- Это я! - заорал он, стараясь перекричать ветер.

Только теперь фрау Вирт замедлила ход и подъехала к обочине дороги. Фриц, не ожидая, когда машина совсем остановится, соскочил на ходу и побежал вдогонку. Дверь кабины открылась, выглянула фрау Вирт.

- О господи! - ужаснулась она. - Так я и думала! Что вы наделали, сумасброд! Теперь мы оба погибли!

Фриц бегом обогнул машину и забрался в кабину с правой стороны.

- Не кричите, фрау Вирт, с вами ничего не случится, только не теряйте головы. Поедем дальше, по дороге я вам все объясню.

Машина тронулась. Подбородок фрау Вирт дрожал и стукался о твердый воротник форменной куртки.

- Я так и знала, честное слово, так и знала! Там, около кухни, когда садился Ян, я заметила, что машина чуть наклонилась влево, в мою сторону. Я молилась, чтобы это были не вы...

Фриц не обращал внимания на ее причитания и зорко глядел в окно.

- Вот здесь можно, - вдруг сказал он. - Сверните-ка на эту дорогу, где запретный знак.

Она повиновалась. Промелькнул столб с дорожным знаком "Въезда нет, частная территория", и машина помчалась по почти цельному снегу.

- Что вы хотите?.. Куда?..

- Езжайте еще полкилометра и остановитесь.-Он взглянул на нее самым пылким взглядом, на какой только был способен. - Ну,

улыбнитесь же, фрау Вирт! Теперь мы в безопасности.

- Бога ради, не говорите так! Какая же безопасность! Нас вот-вот схватят... Вернитесь, прошу вас, скройтесь!

- Ах, фрау Вирт, не уверяйте, что вы не хотели побыть со мной наедине! Ручаюсь, что с вами не случится ничего страшного. Никто нас не преследует, никто не знает, что меня сейчас нет в лагере. Я вернусь прежде, чем это заметят... У меня есть тайная лазейка в ограде, где можно незаметно пролезть... Я вам никогда не говорил?

- Вы лжете! Вы готовились к побегу, вы спрашивали мой адрес...

- Для того, чтобы удрать вечером, провести ночь у вас, в Мюнхене, и вернуться к утру в лагерь. А сейчас подвернулась возможность сделать это днем... Вы же знаете, что у меня особое положение в лагере. Сам рапортфюрер Копиц сказал мне, что я ему сегодня не понадоблюсь...

- Я не верю ни одному вашему слову, ведь только что, в лагере, вы говорили... И потом... у вас... там... утром было убийство...

- Я просто хотел вас напугать. Напрасно я это сделал, но мне хотелось проверить, любите ли вы меня, [269] готовы ли ради меня на риск... - Он обнял ее левой рукой за плечи и прижал к себе. Фрау Вирт упиралась, но Фриц, тяжело дыша, стал целовать ее в лицо.

- Не спорю, вы мне нравитесь, - произнесла она, оттолкнув его наконец. - Потому я и не хочу, чтобы вас казнили из-за меня. Я знаю, что в лагере очень плохо, но все-таки вам там будет легче дождаться конца войны, чем в Мюнхене... У нас кругом гестаповцы... и потом воздушные тревоги... Вот и сегодня ночью...

- Мне все равно! - он снова прижал ее к себе. - Будьте же хоть на минутку ласковы со мной, даю честное слово, что я сразу же вернусь в лагерь. Я не хотел бежать, я только...

- О боже, не лгите и отпустите меня... Мы на дороге, каждую минуту кто-нибудь может...

- Что вы, что вы, фрау Вирт, никто нас не увидит. Будьте со мной на минутку ласковы, и я тотчас уйду отсюда... Прошу вас... Не видите вы, что ли, как я страдаю?

Он отлично разыгрывал страсть и даже слегка распалился, несмотря на свою холодную натуру, однако не забывал ни об одном пункте заранее продуманного плана. "Нужно заполучить ее форменную одежду чистой, без крови... Нож у меня с собой, но я воспользуюсь им только в крайнем случае. Мне нужны ее ключи и документы. Форма мне будет великовата, особенно брюки, ну, не беда. Поеду на Ольденбургерштрассе, 68, машину оставлю перед

домом, поднимусь в квартиру на четвертом этаже. Если привратница или соседка спросят, кто я такой, скажу - шофер, товарищ по работе, она, мол, меня послала взять кое-что. Спокойненько отопру квартиру, выберу себе костюм и пальто... У нее ведь муж и двое сыновей на фронте, что-нибудь подходящее наверняка найдется... а заодно еда и какие-нибудь деньжата. Потом обратно в машину, вон из Мюнхена - и фьюить, пока хватит бензина!"

- Фрау Вирт, - сказал он вкрадчиво. - Я сейчас же вернусь в лагерь. Не бойтесь же, фрау Вирт, обнимите меня разок. Обнимите своего черного цыганенка!

Он целовал и уговаривал ее до тех пор, пока она перестала сопротивляться, опустила руки и даже сама обняла его, улыбнувшись сквозь слезы...

В лагере тем временем происходили столь серьезные события, что о Фрице никто и не вспомнил. Как только Россхаупт уехала. Копиц выставил из конторы Зденека и Бронека и вызвал туда писаря, Хорста и Карльхена. Сам он уселся за стол, трое проминентов стояли перед ним навытяжку.

- Нечего сказать, здорово мы влипли! - начал рапортфюрер почти торжественным тоном. - И влипаем все больше и больше. Карльхен, ты величайший болван. С какой стати ты затеял всю эту шумиху? А ты, писарь, безмозглый дурак, зачем ты его послушался и полез ко мне с рапортом? И наконец ты, Хорст, последний кретин, неужто у тебя не хватило хоть настолько ума, чтобы не выболтать все надзирательнице? Молчать, ни слова! Видите, я с вами разговариваю по-человечески, не как с заключенными, а как с будущими солдатами Германии. Но если вы воображаете, что в четверг спокойненько уедете в Дахау и всю эту возню с рабочим лагерем свалите на дядюшку Копица, то страшно ошибаетесь. Мне сейчас не остается ничего другого, как известить гестапо о случившемся. Но вам от этого будет мало радости. Вы мне поможете уладить дело и доказать ищейкам из гестапо, что мы уже приняли меры, а они запоздали. И горе вам, если вы не проведете все это как следует! До четверга мне еще хватит времени, чтобы расправиться со всеми вами... легально, без янкелевской бритвы. Так что берегитесь! Слушайте же и рассуждайте вместе со мной, учитесь мыслить государственно. Итак, во-первых... - Копиц расстегнул воротник и перевел дыхание. Во-первых, парикмахер. Его мы отдадим живым, пусть увозят! Во-вторых, мы скажем им, что отстранили и наказали старшего врача за то, что тот знал и не доложил об эпилепсии. Что получит Оскар? Двадцать пять горячих. Кого мы назначим старшим врачом? Санитара Пепи. У него, правда, не все дома, но

до четверга он ничего не успеет напортить, а гестаповцам понравится, что лазарет возглавляет ариец. Когда его увезут вместе с вами на фронт... ну, там будет видно. А теперь третье и самое важное: произойдет стихийное выступление немецких заключенных против евреев. Чтобы все прошло быстро и гладко, разрешаю вам погромить два - слышите, два! - лазаретных барака... Там лежит человек сто, в большинстве поляков. Так вот, возьмите палки и обработайте их. Все равно это безнадежные больные, так что в лагере станет посвободнее. Но берегитесь, если вы изобьете хоть одного здорового! Особенно чтобы Фриц не слишком усердствовал. Где он вообще?

Никто из присутствующих не знал, где Фриц.

- Передайте ему это. Отвечает за все Карльхен. Собери своих людей, возьмите дубинки покрепче, и марш! Не позже чем через час писарь придет и доложит мне, что в лагере начался погром. Мы с Дейбелем тотчас же прибежим на место происшествия. Он, может быть, даже выпалит разок из пистолета, а вы организованно отступите. Потом мы сложим мертвых на апельплаце, Оскара свяжем, отвесим ему двадцать пять, а я позвоню в гестапо, чтобы они приехали поглядеть на жертвы и поскорей убрались восвояси. Вот, кажется, и все. Еще раз напоминаю: вы знаете, в какой спешке мы заканчиваем последние бараки. Боже вас упаси, чтобы из-за вашего стихийного выступления остановилась работа на стройке... Карльхен, что ты глядишь на меня, как баран? Тебе понятно?

Рослый капо выкручивался, как вызванный к доске ученик.

- Я бы сказал, что такая месть... по команде... как-то не радует душу, герр рапортфюрер. Лучше пусть это дело возглавит Фриц, он просто создан для расправ с жидами. А я... вы ведь знаете, что я заварил эту кашу только потому, что был зол на Эриха...

Копиц вскочил. Он устал, разрабатывая сложный план действий и втолковывая его этим тупицам, и больше не намерен был терять времени.

- Ну, что еще, склочные вы бабы, что еще?! Он придирается к твоему мальчишке, а ты зол на чеха, его помощника?! Так вот что, Карльхен, одного здорового я тебе разрешу пристукнуть: этого самого чеха...

Но тут вмешался Эрих. Трудно сказать, так ли важна для него была жизнь какого-то Зденека, но дело коснулось престижа конторы. Убивать человека, которого он выбрал себе в помощники? Он, Эрих Фрош, должен будет безропотно смотреть, как Карльхен ворвется к нему в контору и будет там размахивать дубинкой? Ни за что!

- Герр рапортфюрер, я протестую! Еще раз заверяю, что мой

чех ни словом не жаловался мне ни на капо Карльхена, ни на этого его... Чех способный парень, конечно, многого он еще не умеет, но, герр рапортфюрер, надо же подумать и о будущем. Что, если в четверг я не вернусь из Дахау? Кто же будет работать в конторе? Так быстро не подготовишь замену...

- Это верно, - Копиц почесал за ухом. - Согласись, Карльхен, нельзя же ради тебя перевернуть все вверх ногами. Эрих сказал тебе, что чех тут ни при чем, чего же тебе еще?

Карльхен с досадой махнул рукой.

- Ничего мне больше не надо... И вообще не стану я связываться с этим делом. В четверг мне уже будет на... на весь Гиглинг...

- Нет, этак не годится! - вмешался бравый Хорст. - Я еще староста лагеря и говорю тебе, Карльхен, как немец немцу, что мы не можем оставить герра рапортфюрера одного расхлебывать всю эту кашу. Может быть, и в самом деле лучше, чтобы Фриц возглавил эту стихийную месть. Разрешите, я схожу за ним.

- Не сейчас! - Копиц поднял руку. - Можете потом, мне все равно. Я больше ничего не хочу слышать, иду в комендатуру и не позже чем через час жду рапорта. Вас, зеленых, двенадцать человек, покажите-ка, на что вы способны! Да не забудьте, что в четверг я буду давать призывной комиссии отзыв о вашей благонадежности. Если я им распишу, какие вы "treu und bieder" нем.)>, как вы боролись с внутренним врагом в лагере и все прочее, то учтите, бандюги, что в армии вам это очень пригодится. Ну, марш!

И Копиц быстро вышел из конторы.

* * *

Когда в верхах готовилось что-то, могущее коренным образом изменить жизнь хефтлинка, бараки обычно охватывало своеобразное возбуждение, которое в лагере называли "транспортной горячкой". Казалось, что все пространство внутри лагерной ограды, между шестью сторожевыми вышками, затянуто, как паутиной, сетью чувствительных нервов. Самый незначительный импульс молниеносно передавался во все стороны. То, что предчувствовал один хефтлинк, через минуту знал другой.

С того момента, как в немецком бараке раздался крик Берла: "Герр Пауль... Янкель... Помогите!", весь лагерь был в напряжении. Даже новички понимали, что беда не приходит одна: убийство Пауля повлечет за собой много других смертей. Все, притаившись, ожидали эту лавину смерти.

Пока в лагере находилась Россхаупт, беспокойство немного улеглось, но это было лишь гнетущее затишье перед бурей. Более

предприимчивые узники засуетились, стараясь использовать это затишье, чтобы исподволь как-то защитить себя. Похоже было, что пока гроссмейстеры на минуту отвлеклись от игры, некоторые шахматные фигуры ожили и потихоньку передвигаются на более безопасные места. Общая тревога от этого только усилилась.

Как только появились первые признаки того, что гнев "зеленых" будет обращен на лазарет, юный Берл выскользнул из немецкого барака и побежал к своему отцу. Старый Хаим Качка приехал в Гиглинг больным и по сравнению с другими больными был в привилегированном положении: по протекции сына он водворился на одно из лучших мест лазарета, куда не могли попасть даже тяжело больные узники. Питался отец Берла тоже много сытнее других. Сейчас Берл с той же бесцеремонностью, с какой он несколько дней назад добивался приема отца в лазарете, стал требовать, чтобы старика выписали оттуда. Он препирался с санитаром Фюреди, твердя, что в лазарете больше вшей и хуже кормежка, чем в бараке; лучше, мол, он возьмет отца обратно.

- А где у тебя записка от писаря? - кричал Фюреди. - Без записки никто отсюда не выйдет!

- Какое нам дело до писаря, плевать мне на него! - еще нахальнее кричал Берл. - Отец тут не останется ни одной минуты! - Казалось, он готов кинуться на санитара и выцарапать ему глаза. В конце концов он стащил с постели плачущего, сбитого с толку и упиравшегося отца и увел его из больничного барака.

После этого короткого инцидента в лазарете начался переполох. Вслед за Качкой потянулись другие больные. Без долгих разговоров и шума они выходили из барака, а если Фюреди пытался задержать их, говорили, что идут в уборную. Вскоре стали разбегаться больные и из второго лазаретного барака. Всякий, кто мог идти или хотя бы с трудом тащиться, ни за что не хотел оставаться на нарах. "Что случилось? В чем дело?" - взволнованно шептали больные и тотчас передавали дальше то, что слышали от соседа: "Никто ничего толком не знает, но похоже, что будет отправка больных в газовые камеры!"

В проходе у лазарета толкались люди. Многие удрали в одном белье и не знали, куда бы поскорее скрыться. В уборной было не теплей, чем на улице. В жилых бараках уже произошло несколько стычек: блоковые палками выгоняли больных, пытавшихся вернуться на свои прежние места, сейчас уже занятые другими.

Тут в дело вмешались врачи и кое-кто из друзей арбейтдинста Фредо. Пока Копиц в конторе инструктировал трех главарей "зеленых", в лазарет потихоньку прибежал санитар Пепи. В придурковатом Пепи вдруг заговорила совесть. Ему, как и

Карльхену, не по вкусу была "стихийная месть по приказу", а кроме того, Оскар столько раз помогал ему в трудную минуту, что Пепи просто не в силах был предать его.

- Слушай-ка, - прошептал он, отведя Оскара к окну в глубине барака. Они все против тебя и вообще против лазарета. Не знаю, о чем они сейчас сговаривались в конторе, но Копиц, видно, хочет все свалить на вас. Пойми меня... я немец, и в четверг мне призываться... Не идти же мне в армию с плохой аттестацией... Напишут, чего доброго, что я изменник родины и жидовский пособник. Не требуй от меня многого, я сделаю, что могу, но для вида мне придется быть заодно с ними. А вы позаботьтесь о больных. Кто останется в лазарете, за того я не поручусь. А сейчас не сердись, я бегу обратно.

Блоковый Вольфи пришел сразу же вслед за Пепи и сказал еще яснее:

- Слушай-ка, Оскар, не болтай об этом и не устраивай паники, а быстро переведи ко мне в барак тех, кого тебе нужно убрать из лазарета. Можно еще в двадцать седьмой, там блоковым Гельмут - честный немец. Действуйте тихо, незаметно, никого не пугайте. Не забудь, что в бараке рядом со мной хозяйничает Фриц. Пошлите или принесите к нам кого хотите, но осторожно. А теперь самое важное. К тебе сейчас придет кое-кто из наших: Клаус, Гастон, Жожо, Дерек и Диего со своей тотенкомандой. Фредо мне сказал, что ты, наверное, будешь недоволен, поэтому я и зашел предупредить. Не дури, пусти их сюда, не смущайся, что они с палками... Погоди, дай сказать! Это нужно, иначе будет худо. Судя по всему, на вас нападут только зеленые, так что особенно бояться нечего. Эрих, видимо, вовсе не пойдет, Фердл и Пепи - едва ли. Остаются, стало быть, включая Хорста, девять человек. Всерьез опасны только Карльхен и Фриц, да еще Коби и Гюнтер. Но наши ребята дадут им отпор. Если не вмешаются эсэсовцы, мы от них отобьемся. А если вмешаются, то все равно хуже не будет. Сейчас главное в тебе: не мешай, понял?

Едва он договорил, как появились его друзья. Оскар и запротестовать не успел. Первым пришел Диего, в берете, с толстым шарфом на шее и лопатой в руке. За ним Клаус и Жожо с дубинками и элегантный Гастон с тонкой гибкой палкой.

- Ну, ну, это еще что? - Оскар пошел им навстречу. Он был тронут, но скрывал это обычной воркотней. Глаза его горели темным огнем, подбородок был воинственно выпячен.

- Никс, ничего, pas du tout франц.)>, - медленно сказал Жожо. - У меня есть кое-какие счеты с Фрицем. Я подожду его здесь.

Диего молчал. Он влез на нары возле двери, поджал ноги и

принял выжидательную позу.

Вольфи обнял Оскара за плечи.

- Оставь их и не задерживайся здесь, у тебя сейчас много дел с больными. Лучше всего, если доктора совсем уйдут отсюда. Делайте вид, что вы не знаете, что мы здесь, и занимайтесь теми двумя бараками, где больные. Ну, иди, иди, Оскар!

Старший врач стиснул зубы, дружески кивнул всем собравшимся и вышел.

- Ну, с самым трудным справились, - усмехнулся Вольфи и пошел вслед за Оскаром. На улице он увидел Шими-бачи.

- Слушай-ка, старый, здесь ты нам не нужен. Пошел бы ты сейчас в женский лагерь, устрой врачебный осмотр и оставайся там, пока мы тебя не позовем!

Щеки Шими-бачи были, как всегда, румяны, глаза смотрели бодро.

- Куда там! И не подумаю уходить! Девушки там в безопасности, а мне и здесь есть о ком позаботиться... вот хотя бы о Феликсе. Не оставлять же его в лазарете?!

В этот момент вбежал Зденек. Ему передали, что Берл бахвалился: Карльхен, мол, первым делом пристукнет чешского писаря. Зденек поговорил с Фредо, и тот послал его сюда, в лазарет. Зденек был бледен и взволнован, но полон жажды действия. Это лучше, чем молча ждать, пока тебя зарежут, как барана.

- Поди сюда, - сказал Шими-бачи. - Прежде всего, отнеси-ка Феликса в четырнадцатый барак и положи его где-нибудь, хотя бы на свое место. Блоковый не откажет тебе в такой пустяковой услуге.

- И еще вот что, - добавил Вольфи и взял Зденека за рукав. - Ты ведь уже окреп и не похож на мусульманина. Найди-ка себе дубинку и живо возвращайся обратно в лазарет. Скажи Диего, что тебя прислал я.

Врачи обходили больных и шептали им: "В двадцать первый или двадцать седьмой барак!"

Фредо поспешил на стройку, взяв с собой Бронека. Там он подошел к Гонзе Шульцу.

- Есть у тебя несколько надежных чехов? Организуй их вместе с поляками, которых тебе укажет Бронек. Каждому надо сказать, что зеленые готовят налет на лазарет. Если это произойдет, все вы сразу перестанете работать. Ясно?

Гонза улыбнулся.

- Ничего не делать - моя специальность. Но будет ли этого достаточно?

- Вероятно, будет. Пока. А если понадобится еще что-нибудь,

я приду сам или пришлю Бронека.

К ним подошел Мирек. Фредо побежал дальше. Гонза подозвал Ярду и объяснил ему и Мирeку, в чем дело.

- А если придут эсэсовцы? - опасливо возразил Мирек.

- Придут, придут!.. Пока они не пришли, не можем же мы спокойно смотреть, как зеленые громят лазарет.

Ярда кивнул и быстро обошел нескольких чехов. Бронек тоже не медлил. Греки уже все знали от Фредо, а на стройке за ними было решающее слово, потому что это были старые хефтлинки и лучшие работники. Рапортфюрер Копиц ушел из лагеря, а Карльхен с Хорстом стали искать Фрица. В бараке его не оказалось, штубак не видел его с утра. Среди немцев его тоже не было, он ушел из немецкого барака после первой ссоры с писарем, еще до того, как тотенкоманда унесла Пауля в мертвецкую.

- Где же он, черт подери? - хрипел Эрих. - Задерживает всех нас!.. Может быть, Зепп знает?

- Зепп сторожит Янкеля в мертвецкой.

- Коби, сбегай туда, спроси его. А ты, Гюнтер, дойди до кухни, ударь в рельс и вызови капо-электрика.

Коби побежал по апельплацу. Темное строеньице мертвецкой торчало среди талого снега; ее дверьми сегодня не хлопал ветер, они были забиты гвоздями, и за ними слышался писклявый голосок Янкеля.

Зепп стоял у двери, глядя в щелку. Он помахал Коби рукой.

- Погляди, что он делает, совсем спятил.

Коби заглянул в щелку и не сразу понял, что там происходит. На полу лежали голые трупы, и трудно было разобрать, который из них Пауль. В углу, недалеко от двери, стоял тщедушный Янкель, тоже голый и синий от холода, и легонько, но упорно стучал лбом о стену.

- Ты у него отнял одежду? - удивился Коби.

Зепп усмехнулся.

- Все равно штаны не держались бы на нем без пояса. А кроме того, все обитатели мертвецкой должны быть голые.

- Не дури, - сказал Коби, - рапортфюрер хочет сдать его в гестапо. Брось-ка ему одежду в окно, а то он замерзнет прежде, чем его повесят. И пойдем со мной.

- А если он удерет?

- Окно высоко. Да и куда ему удрать в лагере? Сейчас есть дело поважнее. Не знаешь, где Фриц?

Зепп лениво нагнулся за кучкой одежды, лежавшей рядом, и ехидно взглянул на Коби.

- Не прикидывайся, что ты сам не знаешь.

- Откуда мне знать? Его всюду ищут. Он должен вести нас на лазарет.

Зепп взял брюки Янкеля, вынул из них пояс, свернул его колечком и сунул в карман.

- Разве ты не видел, что сделал Фриц, когда мы выгрузили хлеб?

Коби покачал головой. Зепп подошел поближе.

- Даешь слово, что это останется между нами? Фриц сейчас, наверное, сидит в Мюнхене и пьет пиво.

Коби вытаращил глаза. Зепп был горд таким эффектом.

- Da bleibt dir einfach die Spucke weg! нем.)>

- Он ухлестывал за шофершей, - сказал наконец Коби. - Но где она его спрятала?

- Я сам видел, - похвалился Зепп. - Здорово он смотался: через борт и под брезент. В воротах никто не заметил.

- А нам что делать? Ты же знаешь, что это может нам дорого обойтись.

Зепп пожал плечами.

- Этот лагерь - не то, что прежние. В старом Дахау нас бы заставили стоять на апельплаце, пока беглеца не поймают. Два или три дня. А в Гиглинге такие штучки уже не в ходу. Кроме того, мы с тобой нужны им в четверг для призыва. Нас не прикончат, бояться нечего.

- Скажи о Фрице хотя бы писарю. В конторе и без того дым коромыслом. А тут еще такой сюрпризец.

- И не заикнусь. И ты тоже. Пусть-ка его поищут. Чтобы мне отсчитали двадцать пять горячих за то, что я не донес сразу? А кроме того, может быть, никто не узнает, как он удрал, и эта шоферша будет по-прежнему ездить к нам. Что, если ты и я тоже попробуем?..

Коби пришлось согласиться, что Зепп прав. Они вместе отправились в контору, твердо решив молчать как рыбы. В крайнем случае они посвятят в это Гюнтера, третьего члена абладекоманды.

Послышался звон рельса, десятки голосов повторяли на все лады: "Монтер! Монтер!", но Фриц не появлялся. Писарь, красный как рак, побежал к Лейтхольду.

- У нас не хватает одного человека. Никак не доищемся, герр кюхеншеф. Этот наглец способен перелезть в женский лагерь и валяться там где-нибудь. Прежде чем я доложу коменданту, прошу вас, давайте пройдем все три женских барака, может быть, накроем его там.

Лейтхольд вышел из кухни и заковылял к калитке. Он и писарь прошли в женские бараки и осмотрели там все закоулки -

что было довольно несложно, но видели лишь испуганные взгляды девушек. Блоковые женских бараков качали головой и, видимо, вполне честно говорили, что, кроме фрау надзирательницы, сегодня в женском лагере не появлялся никто; даже доктор Шими-бачи еще не приходил.

Карльхен тем временем уперся, как бык: он не поведет "зеленых" на погром лазарета и вообще без Фрица не пойдет ни на что. Зепп, правда, для виду заявил, что готов возглавить это дело (ему хотелось отвлечь внимание от Фрица), но никто из "зеленых" не отнесся всерьез к его предложению.

Писарь вернулся из женского лагеря, ухватил Хорста за рукав и прохрипел, что с него хватит: он немедля идет в комендатуру и доложит об исчезновении заключенного. Из-за такого стервеца, как Фриц, он не намерен получить порцию горячих. Хорст разубеждал его, но не очень настойчиво. "Писарь-то прав", - думал он; у немцев постепенно возникла уверенность, что, как ни кинь, хуже этого дурацкого налета на лазарет ничего не придумаешь. "Зеленые" уже знали, что там им предстоит схватиться с Диего и его товарищами.

Писарь зашагал к воротам и оттуда в комендатуру, к Копицу. Там было, как всегда, жарко натоплено. Дейбель стоял у стола, собираясь идти в лагерь, и затягивал ремень и портупею, на которой болтался большой револьвер. Копиц налил ему для бодрости рюмку водки, другую рюмку держал в руке.

- Хвати-ка рюмашку, - подмигнул он Дейбелю. - Вон как раз идет писарь, видно, хочет доложить нам, что в лагере что-то стряслось.

Эрих вытянулся в струнку.

- Простите, но я по другому делу. Произошла еще одна неприятность: видимо, сбежал заключенный Фриц.

Копиц поперхнулся водкой и закашлялся. Дейбель выхватил из-за голенища красную резиновую плетку и бросился к писарю.

- Ты его выжил из лагеря! Фриц отличный немец, а ты на него взъелся!

Копиц оттащил Дейбеля, но сам не мог произнести ни слова.

- Не мешай, Руди... Это ты хотел вздуть Фрица, и если бы не писарь... Ты сам виноват...

- Я? Фриц был мой человек! От меня он не сбежал бы!

- Молчать! - рявкнул Копиц. - Назад! - И сам накинулся на писаря. Если бы только не призыв в четверг, если бы у меня не становилось все меньше зеленых, я бы тебя пристрелил, писарь, ты этого заслуживаешь!

Эрих не чувствовал за собой вины, но понимал, что сейчас лучше помалкивать.

- Нужен общий сбор! - кричал Дейбель. - Иначе я снимаю с себя ответственность!

- А на ком, собственно, лежит эта ответственность, на тебе или на мне? Никаких сборов! Фриц наверняка где-нибудь в лагере, через ограду он не полезет, я его знаю. Руди, немедленно проверь, включен ли ток. И обойди часовых, узнай, не заметили ли они чего-нибудь подозрительного. Писарь, мы с тобой идем к воротам.

У ворот Копиц допросил часового.

- Ты стоишь с утра. Кто выходил из лагеря?

- Писарь, вот уже в третий раз. Девушки вышли на работу, как обычно. Потом Ян с грузовиком, потом надзирательница... И вы сами, герр рапортфюрер. Вот и все.

- Тележка еще не выезжала за строительными материалами?

- Никак нет. И тотенкоманда тоже.

- Кто ездил за хлебом? Зепп?

- Так точно. Он и Ян. Когда машина возвращалась после разгрузки, я заглянул через борт, все было в порядке.

- Шофера ты знаешь?

- Как не знать, фрау Вирт ездит каждый день.

Копиц вошел в лагерь.

- Фриц не сбежал, - проворчал он. - Он где-то у баб.

- Я тоже так думаю, - отважился вставить писарь, поспешая за рапортфюрером. - Мы с герром кюхеншефом осмотрели все женские бараки и уборную.

- Неужели он все-таки смылся? А впрочем, на Фрица это похоже, взорвался Копиц. - Восемь лет просидеть в лагере - это его устраивало. А как пришлось отправляться на фронт, навострил лыжи! Писарь, мы сделаем перекличку в бараках.

- Сегодня это будет трудновато... Взгляните сами, герр рапортфюрер... - Писарь указал на главный проезд. Там было полно людей. Общее беспокойство, ожидаемый погром, бегство больных из лазарета - все это превратило лагерь в кишащий муравейник. - Это значило бы задержать стройку, а она до сих пор шла бесперебойно...

Копиц остановился. Он и вправду не знал как быть. У ворот тем временем вновь раздалось "Achtung!", и подошел Дейбель.

- Ну что? - издалека крикнул ему Копиц.

- Ничего. Никто его не видел.

- Грузовик - это единственная возможность, - вслух размышлял Копиц. Он влез под машину, уцепился там как-нибудь и уехал... Слушай-ка, обратился он к Дейбелю, - собери всех блоковых на апельплаце, скажем им напрямик, что ищем Фрица. Если кто-нибудь укрыл его, повесим обоих! Постарайся вытянуть

из них все, что они знают. Но общего сбора не будет! Стройка не должна останавливаться ни на минуту, это решено.

И он поспешил к себе в комендатуру. Оттуда он позвонил в мюнхенские пекарни узнать, вернулась ли машина из Гиглинга. Через некоторое время ему ответили, что нет. Наверное, мол, она задержалась в лагере номер 3, ей уже не раз приходилось ждать там лишний час из-за общих сборов или воздушной тревоги...

Копиц оживился.

- Сегодня у нас не было ни сбора, ни тревоги. Есть серьезное подозрение, что ваш шофер помог бежать заключенному. Срочно найдите ее, известите полицию. Как только что-нибудь выяснится, немедля позвоните мне.

Дело принимало интересный оборот. Копиц снял мокрую от пота рубашку, бросил ее на стул, налил себе еще рюмку и стал глядеть в окно на апельплац, где Дейбель с плеткой в руке носился перед блоковыми. Те стояли, не шелохнувшись, смирные, как овечки.

Стоит ли ждать результатов расследования? Рапортфюрер усмехнулся. Несмотря на весь этот переполох, в его голове родилась спасительная идея. Он уже знал, как сохранить спокойствие в лагере, оградить себя от кляуз Россхауптихи и одновременно покончить с делом Пауля и Фрица. Все единым махом! Усевшись за стол, он позвонил в гестапо и спокойно, по всем правилам службы доложил:

- В моем лагере произошли два серьезных происшествия: убит один заключенный и исчез другой. Они были друзья, оба немцы, оба зеленые. Беглец, опасный уголовник, устранил своего соучастника за то, что тот хотел выдать его в последний момент. Скорее всего, беглец совершил убийство собственноручно, но не исключено, что он понудил к нему другого заключенного, который сейчас у нас в руках. Этот второй во всем признался, и вы можете за ним приехать. Далее мы установили, что побег был организован в сговоре с сообщниками. Есть веские основания полагать, что в их числе шофер автомашины фрау Вирт из мюнхенских пекарен...

Разговор был долгий и обстоятельный. Копиц говорил так убедительно, что сам почти поверил в свою версию. Виновник смерти Пауля не кто иной, как Фриц, и он же сбежал с помощью сообщников. Подумать только: преступление закоренелого убийцы и бегство при участии пособников, - нет, господа, комендатуре лагеря "Гиглинг 3" не по плечу такой сложный случай. Мы рабочий лагерь, и только. Обыкновенный рабочий лагерь, да-с!

11.

Работа на стройке шла бесперебойно, и Копиц улыбался. Он сам себя не узнавал: чего только он вчера не сделал, чтобы лагерю (и ему самому) жилось спокойно. От гестапо он отделался просто изумительно, Дейбеля обуздал, и даже "зеленые" были рады, что во всей этой суматохе как-то забылась затея с местью за Пауля. Сегодня воскресенье, к вечеру будут готовы последние бараки, партия новичков еще не прибыла, - все, стало быть, идет как по маслу, в понедельник выйдем на внешние работы и как-нибудь дотянем до конца войны.

Копица особенно устраивало, что гестаповские агенты кинулись преследовать Фрица, а в лагерь даже не заглянули. Идя по следам грузовика на талом снегу, они уже через два часа обнаружили труп фрау Вирт в лесу, в восьми километрах от Гиглинга. Тем самым подтвердилась версия Копица, а новое преступление Фрица даже придало ей большую убедительность. Убийца в шоферской форме, мчащийся в машине по дорогам Германии, - это была соблазнительная приманка для полиции. Комендатуру лагеря "Гиглинг 3" они оставили в покое. Сверху, наверное, пришлют потом какого-нибудь чинушу, который проверит состояние охраны лагеря и напишет заключение о том, что ее необходимо усилить. Но это, конечно, не будет стоить Копицу головы: происшествие явно переросло компетенцию рядового рапортфюрера.

Правда, показания Фрица могут смешать все карты Копица. Но рапортфюрер не очень тревожился на этот счет. Во-первых, не известно, поймает ли гестапо этого красавчика, а если поймает, то живым или мертвым. Если даже живым, то ясно, что гестаповцы не станут с ним долго канителиться. Беглый заключенный, убийца... В гестапо умеют заставить человека сказать то, что нужно, и ни слова больше. Нет, можно не беспокоиться о дальнейшей участи какого-то Фрица.

Не лучше ли, кстати, дать понять кому-нибудь из заключенных - хотя бы и Оскару, - что рапортфюрер, собственно говоря, спас лазарет: свалив на Фрица вину за убийство Пауля, он, Копиц, помог евреям. Кто знает, может быть, такое показание лагерного врача когда-нибудь очень пригодится рапортфюреру. Как-никак сейчас ноябрь 1944 года...

* * *

Настроение заключенных в лагере заметно улучшалось. Тревога уменьшилась, дружеские связи между узниками, прежде возникавшие с трудом, с оглядкой, теперь, в минуту опасности, окрепли. "Красные" радовались, что не дошло до рукопашной с "зелеными". Солидарность при обороне лазарета была многообещающим началом, почти генеральной репетицией того

момента, когда все заключенные, вооружившись палками и камнями, добьются лучшего обращения или даже свободы.

Диего, встретив Зденека, подмигнул ему, как давнему союзнику. "Это ты, чех, приходил к нам с палкой помогать обороне лазарета? - говорил его смеющийся взгляд. - Еще недавно ты был мусульманином, а вчера, смотри-ка, уже полез в драку!" Вслух он сказал:

- Я знаю чехословаков. Батальон Клемента Готгвальда, muy buena gente. Хорошие ребята. Твои земляки храбро сражались у нас, в Испании.

Зденек просиял. Дружеские слова человека, которого он так уважал, обрадовали и ободрили его. Осмелев, он спросил:

- Не знал ли ты на мадридском фронте Иржи Роубичека, журналиста из Праги?

- Робича? - повторил Диего, подумал и покачал головой. - Не помню. Фелип Диац из моей команды долго был под Мадридом, я у него спрошу. А ты где воевал?

Зденек потупился. Он не всегда был таким, как теперь; прежний Зденек не взял бы в руки палку, не пошел бы защищать лазарет. Заговорив о его прошлом, испанец коснулся больного места. Сколько раз сам Зденек терзался вопросом: почему я тогда остался дома, почему не воевал?

Иржи, его брат, сразу же, еще в 1936 году, вступил в Интербригаду. Жизнь у него сложилась нескладная, бурная. Иржи был бунтовщиком по натуре, которого нисколько не беспокоило, что в его полицейском досье прибавится компрометирующий материал. А Зденек, ну, Зденек - совсем другое дело, он не был так опрометчив. Мамин любимец, Зденек поддался уговорам и остался в Праге. А ведь он, быть может, не хуже Иржи знал, что поставлено на карту в Испании. Слова "в Мадриде мы защищаем Прагу" были просты и убедительны. Но столь же простыми и убедительными казались тогда Зденеку доводы против того, чтобы внезапно покинуть родной дом: незаконченное образование, карьера на киностудии...

Зденек твердил себе, что, став человеком с солидной профессией, он сможет больше сделать для прогрессивного движения. Что пользы от безвестного недоучки, который зарыл талант в землю? Не лучше ли сначала показать себя на родине, например стать видным режиссером, а потом заговорить в полный голос и, так сказать, сверху устремиться к той же цели, к которой Иржи пробивается снизу, с помощью неблагодарного труда в окопах? Зденеку удалось уверить себя, что он не эгоист, что успехов в университете и на киностудии он добивается лишь затем, чтобы со временем быть полезнее в боевых рядах партии.

Добившись твердого положения в жизни, он будет стократ полезнее прртии, чем как безыменный рядовой...

И он остался в Праге. Мамаша говорила, что Иржи терзает ее сердце, а вот Зденечек - ее утешение. Было приятно слыть хорошим сыном. Но пришел день, когда все мечты и самообольщения потерпели крах и хороший сын оказался не таким уж хорошим. Едва ли не в тот же день, когда пал Мадрид, Зденека уволили из киностудии "Баррандов", несмотря на то, что в полиции у него было безупречное реноме - за ним не числилось никаких крамольных поступков. Потом мать увезли с первым еврейским транспортом в Польшу, и хороший сын ничего не мог сделать для ее спасения. Прошли сотни мрачных ночей, наполненных мучительными думами; мысль Зденека неизбежно возвращалась к испанским событиям: вот когда надо было действовать! Быть может, стоило тогда взять оружие в руки, и не было бы теперь этого страшного кошмара...

Сейчас Зденеку казалось, что в смеющихся глазах Диего он видит тот же давний упрек. Эх, до чего трудно было ответить: "Нет, товарищ, в Мадриде я не воевал!"

- Я был тогда слишком молод, - тихо сказал Зденек. - И не пошел с братом. Я... я жалею об этом, честное слово!

- Esta bien, всё в порядке,- сказал Диего, потрепал Зденека по плечу и наконец-то отвел от него свои черные глаза. - У Фелипа Диаца я при случае спрошу. Salud!

* * *

Арбейтдинст Фредо заглянул в лазарет.

- Ну что, Оскар, все еще ходишь в старших врачах?

Оскар насупился.

- Вы все посмеиваетесь, словно произошло что-то очень отрадное. А я не вижу никаких причин радоваться. Меня не разжаловали и не избили, вот вам и вся радость! Да будет тебе известно, что мы как раз собираемся идти в контору и сообщить, что этой ночью у нас в лазарете умерло пятнадцать человек. Почему - понятно: вчерашний переполох, переходы из барака в барак, блуждание на холоде... Но тебе, конечно, как всегда, важна только политика. Если тебе удаются твои интриги, тебе на остальное наплевать.

- Не ворчи, Оскар, - возразил неунывающий Фредо. - Ты отлично знаешь, что мы были на волосок от того, чтобы иметь не пятнадцать, а сотню мертвых... и ты мог бы быть среди них. Мне не меньше, чем тебе, жаль каждой человеческой жизни, но те, кого мы еще можем спасти, для меня важнее тех, кому уже нельзя ничем помочь. С Янкелем вы допустили ошибку, уж ты не спорь: нельзя было оставлять его парикмахером. В прежнем концлагере

тебя повесили бы за такое упущение. А сейчас ты жив и даже продолжаешь носить повязку старшего врача. Неужто тебе не ясно, что это просто замечательно? Это же настоящая перемена в лагерном режиме! Может быть, я не такой уж дурак, если верю, что большинство наших людей доживет до конца войны.

Оскар махнул рукой.

- Увидим. Пока что сдается мне, что у наших нацистов все идет по плану и ты им усердно помогаешь. Без людей из твоей организации бараки не были бы построены.

- Услуга за услугу, Оскар. Они нас оставили в покое, почему же нам не строить бараки? А ребята из моей организации вчера как будто показались тебе совсем неплохими, когда пришли с палками защищать лазарет. Говорят, ты им даже улыбался.

Брада не смог сдержать улыбки.

- Да, они меня развеселили, не спорю. Когда Диего прибежал со своей лопатой и уселся с нею за дверью, как с хлопушкой от мух, трудно было не улыбнуться.

- Диего - коммунист, настоящий коммунист, Оскар! Всегда приятно видеть таких людей. А еще лучше чувствовать их плечо, когда против тебя стоят дейбели и фрицы.

Оскар согласился и с этим.

- Да, иногда коммунисты отличные ребята. Особенно когда они не пристают ко мне с политикой... С меня хватает заботы о больных. Ну, пока.

И он крепко пожал Фредо руку.

* * *

На стройке Гонза разговаривал с группой поляков.

- А не ложная была вчера тревога? - спросил кто-то. - Уж не возникли ли слухи о налете зеленых на лазарет из пустых разговоров в уборной?

Гонза объяснил, что Фредо был прав и, видимо, только забота о стройке вынудила немцев действовать осмотрительно.

- А ну тебя! - проворчал парень по имени Мойша. - Забота о стройке это забота о концлагере, о том, чтобы он продолжал существовать и расширялся. О том, чтобы сюда можно было напихать побольше таких же, как мы. Мы уверяем себя, что немцы идут на какие-то уступки, а ведь это чушь! Сегодня придет транспорт из Освенцима. Что это значит? Это значит, что Освенцим еще у них в руках, что железнодорожные коммуникации у них в руках и действуют... Хороши уступки!

- Не горюй, русские уже недалеко от Освенцима. Доживем и до того дня, когда эти транспорты прекратятся. А что ты скажешь насчет призыва немецких уголовников в армию? Видно, Гитлеру приходится совсем туго, если его должны выручать такие, как

Фриц. А замечательнее всего то, что и Фрицу это пришлось не по вкусу. Свобода в военном мундире показалась ему хуже концлагеря и арестантской одежды!

* * *

Солнце сияло, в лагере исчезли последние остатки снега, дороги превратились в сплошные потоки грязи. В них даже утонуло несколько башмаков, владельцы которых не сумели раздобыть кусок веревки для замены износившихся шнурков.

У повара Мотики, разумеется, были отличные ботинки, ему нипочем была любая лужа. Сейчас он нерешительно прохаживался около конторы, словно от нечего делать, греясь на солнышке. Но на самом деле его одолевали заботы. Вчера ему сказали, что на кухню ему больше нет доступа, всю работу там будут делать девушки. Мотика едва успел вынести свои тайные запасы, припрятанные в кладовой под грудой картошки, и вот уже пришлось снять фартук и с кисло-сладкой улыбкой передать его новой властительнице кухонных котлов Эржике.

Никто не сказал ему, что он теперь будет делать. Правда, у него был накраден изрядный запас хлеба, маргарина, сыра и колбасы. Неделю или две он может обойтись и без хлебного местечка. Но им уже владели мрачные мысли и страх голода. В кухне он привык наедаться досыта, нагулял жирок, а теперь, что же, подтягивать пояс? Лучше всего было бы занять место Пауля в разгрузочной команде. Это, кажется, не так и трудно: Мотика был уверен, что Зепп все устроит. Однако возникает вопрос: стоит ли сейчас связываться с "зелеными"? Через несколько дней их уже не будет в лагере, если не всех, то, во всяком случае, Зеппа, Коби и Гюнтера. И тогда Фредо составит разгрузочную команду заново, и, конечно, из "красных". Будут ли у Мотики шансы остаться в этой команде?

Мотика не пользовался любовью своего соотечественника Фредо. Единственный из всех греков, он был далек от целей и задач группы заключенных, сплотившихся вокруг арбейтдинста. Выгодная работа на кухне слишком сблизила его с немцами, от старых друзей он отошел, их политические интересы были ему чужды. Еще в Варшаве Фредо не раз упрекал Мотику в том, что он отступник и бессовестный ворюга. Что же, сейчас снова обойти арбейтдинста и с помощью немцев устроиться на новую работу? А что, если в четверг исчезнет писарь, а с ним и последняя протекция?

Солнце сияло, хлюпала грязь, а Мотика никак не мог решиться. Он прохаживался около конторы и ждал, не поможет ли ему счастливый случай. Что, если вдруг оттуда выйдет Фредо и сам начнет разговор: "Ах, господи, Мотика, ты ведь ничем не

занят... куда бы тебя пристроить?"

Через полчаса дверь конторы и в самом деле раскрылась. Сердце у Мотики дрогнуло. Но вышел не Фредо, а сам писарь. Ну что ж, с ним еще удобнее иметь дело!

- Привет, Эрих! - воскликнул бывший повар. - Хорошая погодка!

- Хорошая... - проворчал писарь и поспешил к воротам. Мотика торопливо зашагал ему вслед, разбрызгивая грязь.

- Слушай-ка, Эрих. Что будет со мной? Нельзя ли перевести меня в абладекоманду?

- Нет, нельзя, - хмуро ответил писарь.

- Фредо не хочет?

Писарь сощурился: солнце, слепило ему глаза.

- Да, и Фредо.

- Куда же Фредо хочет поставить меня?

Эрих остановился и насмешливо взглянул на Мотику. Почему бы не настроить этого толстяка против ловкача арбейтдинста?

- Ни за что не догадаешься! Представь себе, он хочет сделать тебя капо тотенкоманды.

Толстый повар остановился, разинув рот, щеки у него уныло обвисли. Писарь хрипло расхохотался.

- Фредо сказал, что мертвецкая - единственное место, где ты не сможешь сожрать ни куска из того, что тебе доверено. Что, разве неверно?

- Сволочь он! - проворчал толстяк, сжимая кулаки. - Если он назначит Диего капо абладекоманды, конторе не достанется ни грамма маргарина, ни кусочка колбасы!

- Там видно будет... А мне что за печаль? Черт знает где я буду в четверг.

- Тебе-то лафа, - вздохнул Мотика. - А можешь ты по старой дружбе помочь кое в чем и мне?

Писарь сделал серьезное лицо.

- Едва ли, едва ли. Видишь ли, надзирательница тебя заприметила. Я сам слышал, как она говорила Копицу и Лейтхольду, что нужно убрать тебя из кухни и отправить на внешние работы, на стройку. Они все побаиваются этой бабы и, стало быть, не оставят тебя в лагере... Но не беспокойся, на внешних работах ты станешь капо, это тоже неплохо, там тебе наверняка встретятся деляги. Будут сигареты, Мотика... В обмен на золотые зубы ты получишь и шнапс и все что душе угодно... А по-свойски рассчитаться с дорогим земляком Фредо при случае тоже не составит труда.

Эрих подмигнул, пожал руку Мотике и поспешил дальше.

* * *

Тишь и благодать царили в кухне. От Мотики там остался только передник, от Фердла - палочка. Лейтхольду казалось, что и ему-то самому больше нечего делать в кухне: куда ни глянь, всюду бесшумно работают девушки; опустив глаза, они ходят мимо него, иногда перешептываются или тихо смеются. Куда приятнее видеть здесь Эржику, чем того толстого повара с воловьей шеей. Рукава у Эржики засучены, руки красные от жары, голые икры ног покраснели, а юбка так и колышется, когда Эржика, склоняясь над котлами, начищает их.

Чайниками теперь ведает маленькая Като, этакий петрушка в юбке. В ее лице с выдающимися скулами и чуть раскосыми глазами есть что-то татарское. При взгляде на нее Лейтхольд с трудом сдерживает улыбку. И если бы не волнующая и такая красивая Юлишка с ее заговорщицким взглядом и щебечущим "битташон", Лейтхольд вообще чувствовал бы себя здесь как дома и благодарил бы судьбу за удачную службу. Еще вчера, перепуганный такими происшествиями, как смерть Пауля и фрау Вирт, он уселся за стол и написал рапорт высшему начальству. "В связи с весьма плохим состоянием здоровья, обусловленным официально установленной у меня девяностопроцентной, инвалидностью, прошу срочно перевести меня из лагеря "Гиглинг 3" в другое место..." Лейтхольд хотел тайком отправить сегодня это послание, но по какому-то внутреннему наитию придержал его. В кухне произошла перемена к лучшему: Мотики и Фердла больше нет, можно, пожалуй, выдержать и тут, кто знает, на что он нарвется в другом месте?..

Лейтхольд с минуту задумчиво смотрел на девушек, потом зашел в свою каморку и разорвал рапорт. Как только он исчез из кухни, там начался тихий, но оживленный спор. Он возник еще ночью, в бараке, но Илона тогда прикрикнула на девушек и велела им спать. Дело было вот в чем. Все девушки отлично знали о событиях в мужском лагере и о том, что лазарету грозил погром. Набожная Мария вчера весь вечер простояла в углу барака и, закрыв глаза, молилась вслух; некоторые подруги вторили ей: "Да славится имя господне! Аминь!" Тем временем остальные девушки заметили, что Беа опять собирается на свидание у забора и даже взяла у Юлишки платочек, чтобы выглядеть понарядней.

- Нечего сказать, нашла себе кавалера, - пристыдила ее Като. Старосту лагеря, зеленого, одного из самых ярых антисемитов!

Юлишка вступилась за подругу.

- Не придирайтесь к ней, она молода и еще ничего не знала в жизни... Вчера она мне призналась, что даже ни разу не целовалась с мужчиной. Есть же и у нее право на капельку

радости.

- Радость? - возразила Илона. - Глупости ты говоришь! Какой-то нахал с усиками придет к забору - вот и вся радость? А если бы погром состоялся и Хорст убил в лазарете двоюродного брата Беа, Шандора, который работает там санитаром, она тоже пошла бы сегодня целоваться у забора?

- Хорст никогда бы этого не сделал! - всхлипывала Беа. - Он культурный человек... он сказал мне, что он инженер...

- Кто бы он ни был, у него зеленый треугольник и он немец, - отрезала Като. - Забыла ты немецких капо в Освенциме?

- Немец, немец, ну и что ж! - вскинула голову крепкотелая Юлишка. - Он сидит в лагере, как и мы, он тоже жертва Гитлера. Если посмотреть на наши бритые арестантские головы, можно подумать, что и мы какие-нибудь воровки и еще похуже. А чем мы виноваты?!

- Хорст наверняка попал сюда не так, как ты. Так что не вступайся за него. Но даже Хорст, по-моему, лучше, чем эсэсовец Лейтхольд, с которым ты заигрываешь, - сказала Като и быстро отскочила, потому что Юлишка, как кошка, кинулась на нее. Илоне пришлось вмешаться, иначе дошло бы до драки.

Сейчас, в воскресной тишине кухни, ссора грозила разразиться снова.

- Ну как, вкусны поцелуи убийцы с усиками? - осведомилась Като у Беа, едва Лейтхольд вышел из кухни. Девушки, чистившие картошку, засмеялись, а Беа сердито отвернулась. Юлишка подбоченилась и сверкнула глазами. Всю ночь она досадовала, что так забылась и чуть не подралась со своей подчиненной. Зачем, ведь она может действовать совсем иначе!

- Като, еще одно такое замечание - и ты вылетишь из кухни. Пойду и доложу кюхеншефу.

Раскосая девушка наклонила голову.

- На тебя это похоже, я знаю. Но я не могу молчать, когда вижу, что у некоторых из нас нет ни стыда ни совести.

- Замолчишь ты?! - Юлишка подошла с угрожающим видом. Но в глазах всех девушек она заметила безмолвное предостережение. Никто не был на ее стороне. Юлишке от злости хотелось накинуться на всех сразу, проучить их... Но она снова вспомнила, что она не кто-нибудь, а кюхенкапо, и злобно усмехнулась.

- Ладно же! Вы все против меня, я это вам припомню. Не хотите, чтоб я была для вас подругой, буду только капо. Беа, где палочка, которой Фердл наводил порядок, когда мусульмане дрались из-за чайников?

Беа испуганно подняла голову.

- Что ты хочешь, Юлишка?

- Подай мне ту палку и не прикидывайся дурочкой. Живо!

Девушка повиновалась и принесла палку. Юлишка сжала ее в руке.

- С сегодняшнего дня заведу в кухне другие порядки. С вами, стервами, по-хорошему нельзя, мне это ясно. Будете у меня работать, и никакой болтовни, никаких шепотков и смешков. Хотели, чтобы я стала вам врагом, пожалуйста!

* * *

Контора готовилась к приему большой партии заключенных, которая должна была прибыть этой ночью. Зденек сделал полторы тысячи чистых карточек для картотеки живых, нарезав их из оберточной бумаги и кульков, какие только писарь смог достать на складе и в комендатуре. Новичков, правда, ожидалось всего тысяча триста, но Эрих требовал, чтобы запас карточек был не меньше полутора тысяч. Теперь "коробка живых" была действительно набита битком, карточки не лежали, а стояли в ней. У писаря вновь вспыхнул интерес к столь объемистой и многообещающей картотеке. Среди этих приятных забот он даже не вспомнил, что через четыре дня пойдет на призыв и, быть может, навсегда расстанется со своими писарскими обязанностями в лагере "Гиглинг 3".

Но заниматься сейчас большой организационной перестройкой, как предлагал Фредо, писарю не хотелось. Работы и без того было по горло: завтра нужно отправить на внешние работы две с половиной тысячи заключенных. Комендатура сама не знает, чем они будут там заниматься, так что о создании рабочих бригад, подборе людей по профессиям, назначении бригадиров и мастеров пока что и думать нечего. Найти монтера, который сделает электропроводку в новых бараках вместо Фрица, оказалось нетрудно: монтеры были среди старожилов лагеря, и среди новичков их тоже нашлось пятеро или шестеро. Столь же просто было выбрать из старых филонов и из некоторых новых, хорошо проявивших себя штубовых двадцать семь старост и назначить их в новые бараки. Со всем остальным придется подождать, пока выяснится обстановка на строительстве фирмы Молль.

"Зеленые" немцы проявляли полное безразличие к делам лагеря и конторы, писаря это не беспокоило. Главного задиры Фрица уже нет, Карльхен, видимо, страшно завидует сбежавшему, а придурковатый Пепи вдруг вновь воспылал симпатией к Оскару и пришел к Эриху просить, чтобы тот устроил старшему врачу разговор с Копицем. У Оскара, мол, есть ряд полезных предложений насчет ликвидации вшей и по другим санитарным

делам, он еще вчера хотел поговорить об этом с рапортфюрером.

- Чушь! - отмахнулся писарь. - Со всем этим надо повременить. Прежде всего надо принять новую партию людей и отправить их на работу. А там видно будет... Завтра побудка в пять утра, новички выйдут в том, в чем пришли, наши присоединятся к ним, всем выдадим пальто и шерстяные шапочки, и шагом марш на стройку, к фирме Молль. Новичков будет тысяча триста человек, да наших, старых, - тысяча двести. В лагере останутся больные, медицинский персонал, старосты бараков, абладекоманда и могильщики во главе с Диего. Каждую сотню новеньких поведет кто-нибудь из старых - Дерек, Жожо, Гастон, Мотика и другие, всего, стало быть, будет двадцать пять капо. Ясно?

Наступил вечер. Настроение в лагере было такое же, как в ночь, когда ждали прибытия девушек. Приедет новая партия, новые люди принесут новые вести... Кто-то окажется в этой партии? Знакомые? Земляки?

На этот раз пока еще не было запрета выходить из бараков, и, несмотря на сырой и довольно холодный ноябрьский вечер, никому не хотелось ложиться спать. Хорст с абладекомандой сидел в конторе, ожидая, не пошлет ли его комендатура на вокзал. Ведь в таких больших транспортах всегда бывают мертвые... Но за оградой было тихо, и даже отряд конвойных еще не уходил на станцию. Наступила ночь, засияли звезды. Эрих поглядывал на часы и в сторону ворот, но тщетно. Может быть, новичков не привезут по железной дороге, а пригонят пешком с другой стороны, под охраной каких-нибудь соседских конвоиров? Почему бы и нет?

В десять вечера писарь стал поглядывать на лампочку под потолком. В этот час комендатура обычно выключала свет в бараках, кроме тех случаев, когда ожидалось прибытие новых заключенных. Тогда свет горел подчас всю ночь. И вот теперь лампочки погасли. В начале одиннадцатого! И не из-за воздушной тревоги, потому что прожекторы на ограде продолжали лить свет на лагерь. Темно стало только в бараках.

- Странное дело, - проворчал писарь. - Неужто транспорт не пришел?

Люди у бараков зашумели. Блоковые выбежали с криками: "Спать, спать! Alles auf die Blocke!" Заключенные потянулись на свои места. Все были обеспокоены: новенькие, стало быть, не приедут. Хорошо это или плохо?

Гонза вспомнил свой разговор с одним из товарищей: "Мы дождемся дня, когда прекратятся транспорты из Освенцима... Русские уже близко". Неужто настал такой день? Это было бы

замечательно! Но что же будет завтра утром, кто пойдет на внешние работы? Или война уже на таком этапе, что нацистам наплевать на эту нашу прогулку к фирме Молль? Боже мой, а что, если война вообще кончилась? Сегодня был такой чудесно спокойный день, а вчера немцы держались как-то необычно, отменили погром и не нагоняли страху... А почему не пришел давно обещанный транспорт? Почему кругом так тихо и нет воздушных налетов, как вчера и позавчера? Может быть, Гитлер капитулировал? Признал свое поражение? Может быть, войне конец?

Как ни странно, не только у одного Гонзы появились столь смелые мысли. Не прошло и десяти минут после того, как погас свет, а полутемный лагерь был как в лихорадке. Паутина нервов, протянувшаяся между бараками, дрогнула, молниеносно передавая любое колебание во все стороны. Каждый тотчас узнавал все, что знали другие. Может быть, и в самом деле войне конец? Почему "может быть"? Наверняка, факт! Война кончилась! А что будет с нами? Ну, ясно что: утром приедет международный Красный Крест и возьмет заключенных под свою опеку. Врачи швейцарцы, медицинские сестры в белоснежных халатах, грузовики с медикаментами, одеялами, шоколадом, сигаретами... Эсэсовцы откроют ворота... э-э нет, какие там эсэсовцы! Они, конечно, удерут, не дождавшись утра! Утром мы проснемся и увидим, что на сторожевых вышках никого нет и в комендатуре пусто...

- Да не порите вы чушь! - крикнул кто-то у дверей. - Вон он, часовой-то! На вышке! Как раз закуривает.

Ну и что ж! Он еще ничего не знает. Может быть, ему тоже скажут только утром. Что такое часовой, - последняя спица в колеснице! Неужели вы думаете, что Копиц и Дейбель прежде предупредят часовых и только потом сами навострят лыжи? Может быть, они торжественно объявят охране: идите домой, мы проиграли войну? Как бы не так! Если они смоются, то потихоньку. Уволокут все, что накрали, а часовых оставят торчать на вышках.

Швейцарский Красный Крест (никто не сомневался, что это будет именно швейцарский) привезет множество всякой снеди и другого добра. Ведь за границей знают о нас. Дахау, черт подери! Швейцарцы в первый же день перемирия примчатся поглядеть на Дахау. Как называется их знаменитый шоколад? "Вильгельм Телль" - это молочный. А "Гала Петер" с горчинкой, но куда лучше... Я однажды курил швейцарские сигареты "Турмак", понимаешь "тур-мак", турецко-македонский табак, мечта да и только!

Некоторые узники болтали чуть не до утра. А те, кто уснул, спали тревожно и видели фантастические сны. Пробуждение было тягостным, потому что около пяти часов, еще затемно, послышался тревожный звон рельса и около кухни заорали: "Kafe hole-e-e!" Но тотчас послышались возгласы: "Отставить кофе! Блоковые на апельплац!"

На вышках вспыхнули сразу все прожекторы, лучи их были направлены на апельплац. На это ярко освещенное пространство, напоминавшее цирковой манеж, выбежал Дейбель. Один Дейбель! Он немного попрыгал по безлюдному плацу, сделал несколько гимнастических приседаний, левой рукой поправил тесные в шагу брюки и, объятый жаждой деятельности, нетерпеливо закричал:

- Ну, скоро вы, проминенты, ferfluchte Scheissbande нем.)>.

Писарь выскочил из конторы, вздрагивая от холода и протирая глаза. Приятный сюрпризец: Дейбель в лагере, а Копица не видать! Значит, рапортфюрер отрекся от нас. Пополнения ему не прислали, и он теперь не знает, кого послать на внешние работы. Вот он и выпустил Дейбеля, дал ему свободу действий... Тьфу!

Фирма Молль ждет от нас две с половиной тысячи человек, а мы сегодня наскребем едва ли половину. Вот Дейбель уже орет: всем строиться! Никаких поблажек лазарету, не церемониться ни с кем! А ты, дантист, думаешь, ты особенный? Вот тебе, получай, посмотрим, крепки ли зубы у тебя самого. Все на апельплац, сволочи! Общий аврал, и никаких гвоздей! Никто не останется в лагере, все пойдут работать, здоровые и больные...

- Hast du verstanden, Idiot? нем.)> Все на работу! Блоковые, палки в руки и лупите так, как еще никогда не лупили! Марш, живо!

Писарь все понял. Итак, конец разглагольствованиям о рабочем лагере и о "новом духе". Дейбель у власти, он всех гонит на апельплац. Третий общий сбор за последние дни, и самый тяжелый. Больных тоже сюда! А как? Да хоть несите их на себе!

Надо идти, всем идти. И Феликсу тоже. Не возражай, приятель, не хочешь же ты, чтобы Дейбель взялся за пистолет? В Варшаве он так и делал: стрелял в больных прямо в лазарете...

Лужи и глубокая колея от проехавшей вчера тележки, груженной трупами, покрыты тонкой корочкой льда. Она хрустит и ломается под ногами. Из-под льда брызжет темная вода. А ведь в лагере есть "безобувные", они еще не все вымерли: около восьмидесяти босых узников тащатся по подмерзшей грязи. Они уже не перепрыгивают, выискивая места почище, не надеются ни на дощечки, ни на тряпье, привязанное к ногам. Они шагают напрямик, всей ступней. Они сдались.

12.

Тысяча триста шестьдесят четыре человека. Больше не получается, как ни неистовствовал Дейбель. В лагере остались действительно только мертвые или почти мертвые. А из здоровых - писарь Эрих, доктор Шими-бачи и пятеро могильщиков.

Дейбель решил округлить цифру хотя бы до тысячи четырехсот, поэтому Лейтхольду пришлось собрать девушек и назначить тридцать шесть из них на работы к Моллю. Юлишка воспользовалась этим, чтобы отделаться от Като и еще шести нежелательных девушек; Магде тоже пришлось послать кое-кого из своих уборщиц и кухарок. В женском лагере осталась только секретарша Иолан.

Всех заключенных построили в шеренги по пять человек, проминентов вместе с "мусульманами". В стороне, прямо в грязи, лежало несколько тяжелобольных, среди них Феликс. Дейбель велел снять с них башмаки и отдал их "безобувным", пожелавшим идти на работу. Тотенкоманда притащила со склада пальто и шапочки, привезенные из Дахау. Старых, затрепанных пальто оказалось около пятисот, их дали проминентам и некоторым особенно оборванным "мусульманам". Кроме того, была роздана тысяча с лишним серых вязаных "Teufelsmutzen" нем.)>, каких-то детских шапочек с мефистофельским уголком на лбу; старым хефтлинкам они не понравились, и их расхватали "мусульмане".

Только в шесть часов, после того как Дейбель уже сделал для Копица самую грязную работу, на апельплаце появился сам рапортфюрер и дал приказ выступать. Заключенные сотнями выходили из ворот, писарь и Хорст тщательно пересчитывали шеренги. Потом писарь вернулся в лагерь, а Хорст побежал вперед, чтобы занять место во главе колонны, подобающее ему как "почти офицеру". Конвойные окружили колонну, которую замыкали девушки во главе с Илоной. Като хотела было запеть назло немцам, но никто из девушек сегодня не поддержал ее, и она умолкла.

Ворота закрылись, Копиц и Дейбель ушли в натопленную комендатуру, а тотенкоманда принялась разносить больных обратно по баракам. Босые и плачущие, они лежали на холодной земле и не чаяли вернуться на покрытые стружкой нары под вшивые лазаретные одеяла. Несколько тел остались недвижимы на апельплаце. Шими-бачи осмотрел их, а Диего вернулся за ними уже после того. как развез живых. С мертвых сняли тряпье и потащили их в покойницкую. Прожекторы на вышках погасли. Лейтхольд запер калитку и заковылял на кухню. Секретарша Иолан со списками девушек осталась совсем одна в женском лагере. Она стояла за забором, глаза у нее расширились от

страха, она уже не плакала, не кричала, не видела, что происходило вокруг нее, забыв и о голых трупах, и об обезьяньих прыжках Дейбеля, и о плачущих мужчинах. Она думала только о своем полном одиночестве сейчас, здесь... Вот придет надзирательница и застанет ее покинутой и совсем беззащитной. Что-то будет? Никто не услышит криков Иолан, а если и услышит, не поможет ей. Девушка сама не знала, почему ей так страшно, но ей казалось, что она умирает от страха. Если даже Россхаупт вообще не придет сегодня и не убьет ее плеткой или башмаком, Иолан все равно умрет, не вынесет ужаса одиночества.

Сухими глазами Иолан смотрела в одну точку, и ей виделась занесенная над ней рука и злые, жадные глаза под рыжими ресницами, чудился запах форменного ремня и портупеи. Юная венгерка не плакала и не кричала, она вцепилась зубами в свой маленький кулачок и кусала его.

* * *

Длинная колонна заключенных медленно удалялась от лагеря. Темп передвижения определяли самые слабые: хромые, люди с высокой температурой, с отекшими конечностями.

Ноябрьское утро было темным и сырым. Горящие глаза Оскара искали Фредо, хотя врач знал, что он едва ли увидит грека, потому что арбейтдинст идет где-то в первых рядах. "Что-то скажет сейчас этот вечный оптимист и заговорщик? - думал Оскар. - Хорошо бы изругать его или хотя бы упрекнуть: вот он, твой рабочий лагерь! Ты помогал эсэсовцам строить бараки, ты верил им, ты попался на удочку. Меня оставили старшим врачом, не разжаловали и не избили, даже не сняли у меня повязку с рукава, и все-таки все мы, и больные и врачи, маршируем здесь в общей колонне, всех гонят на тяжелые работы. Конец всем благим намерениям! Вот рядом идет большой Имре, он уже давно не такой большой, как прежде, он ссутулился, и на глазу у него страшный "монокль" от кулака Дейбеля; свою офицерскую тросточку с резной головкой он забыл где-то в бараке. Уныло висят его искусные руки, сумевшие починить разбитую челюсть Феликса. Что будут делать сегодня эти руки? Носить кирпич и железный лом, махать киркой? Вредно это для таких рук, ах, до чего вредно! А как чувствует себя человек с оперированной челюстью там, в лагере? Все мы мысленно его поддерживали, не так ли, маленький Рач? Ты идешь в двух шагах от меня, прижавшись к своему тоже невеселому другу. Видел ты, как этот пациент лежал в грязи, друг Антонеску? С него еще и ботинки сняли, а зачем? Ведь холод все равно убьет его...

Не думаете ли вы, ребята, что все это была лишь беспечная игра во врачей? Мы охотно проглатывали всякое вранье, которым

нас потчевал "дядюшка Копиц". "Рабочий лагерь, новый дух, дотянем как-нибудь до конца войны" и так далее... Детские игрушки! Мы так увлеклись ими, что одна-единственная сшитая челюсть привела нас в умиление! Ну, Фредо, настоящий коммунист, где же ты, подбодри нас! И где твой веселый друг Диего со своей лопатой могильщика. Все хоронит, хоронит?.."

* * *

Зденек, шагавший на другом конце колонны, тоже искал глазами арбейтдинста. Сам он волей случая попал в бригаду проминентов из немецкого барака, которой командовал Карльхен. Сперва Зденек испугался и даже съежился, заметив, как Берл бросил на него быстрый взгляд из-под длинных ресниц. Но встретясь взглядом с самим Карльхеном, Зденек с изумлением увидел, что тот усмехается.

- Герра писаря тоже заграбастали, - подмигнул он своему юному слуге. Klaner Bar, da schau her, der Herr Schreiber{17}! - капо лениво полез в карман, вынул помятую повязку Зденека, всю в табаке и каких-то крошках, и протянул ее владельцу. - Надень-ка ее, чтобы тебя на стройке не спутали с главным инженером.

Зденек тоже улыбнулся.

- Спасибо, герр Карльхен. Но на что мне здесь писарская повязка?

- Надень, надень! Можешь быть уверен, она тебе поможет.

Чех смущенно оглянулся - не высмеют ли его окружающие? - но увидел лишь безмолвные, задумчивые или равнодушные лица... и надел повязку.

Много дальше, в хвосте колонны, шел со своей бригадой Гонза Шульц. Слева от него шагали Ярда и Мирек, справа - Руди и поляк Мошек. Никому не хотелось разговаривать, Гонзе тоже. Все ощущали какое-то похмелье после бесконечных ночных бесед о швейцарском Красном Кресте и были особенно раздражительны, даже злы. Если бы рядом с ними оказался сейчас грек-арбейтдинст и опять начал разглагольствовать о выгодах самоорганизации труда заключенных и пользе строительства бараков, Гонза, наверное, не удержался и дал бы ему по шее. Панибратство с нацистами, сделки с ними, мол, вы нам, а мы вам, - этого еще не хватало! Вот мы и видим, к чему все это привело: на старую работу мы сами бежали, как лошадки, а на новую нас гонят, как побитых баранов. Сбежать? Ну, по мнению Фредо, и этого нельзя. "Ты, мол, Гонза, все думаешь о себе... Я не мог бы удрать, у меня тут товарищи - греки, они надеются на меня..." Был бы этот Фредо тут, рядом, я бы ему ответил. Обязательно сбегу! Все равно, один или с кем-нибудь! Доберусь до Чехии, там хоть смогу что-то делать. Не хочу быть в стаде, которое гонят на

бойню, добуду себе оружие, стану драться. Если даже меня угробят, прежде я прикончу нескольких. Не подставлю шею, как скотина на бойне, нет!

* * *

В течение двадцати минут длинная колонна тянулась по шоссе, потом свернула в поле, покрытое жнивьем. Зачем - непонятно; было плохо видно, что делается впереди. Кажется, нас ведут к железнодорожному полотну на той стороне поля? На насыпи стоит солдат с красным фонарем. Командир конвоя остановился под этим фонарем и вынул портсигар. Хорст услужливо подскочил с зажигалкой. Командир поблагодарил и сказал:

- Так что, старик, значит, в четверг? Ты рад?

Хорст кивнул.

- На такую удобную службу, как у вас, я пошел бы хоть сейчас.

- Нечего сказать, хороша служба! - сплюнул командир, обойдя молчанием тот факт, что Хорсту предстоит фронт. - Сторожить банду этих колченогих дохлятин. Вон, погляди.

Колонна давно разрозненными и сбившимися шеренгами подтягивалась к насыпи. Головы шести или семи человек возвышались над остальными - это товарищи несли тех, кто уже не мог идти.

- Какой от них будет прок, не представляю, - проворчал командир охраны. - Сами еле держатся на ногах, а должны работать на стройке. Где это видано!

Постепенно колонна подтянулась к насыпи, и все стали ждать, что будет дальше. Командир охраны поглядел на часы.

- Интересно, придет ли он вовремя... В шесть тридцать пять здесь должен быть поезд. Через восемь минут.

"Через восемь минут, - зашептались заключенные, и эти слова передавались из уст в уста. - Он сказал: "Интересно, действует ли еще у них транспорт?"

К сожалению, коммуникации немцев были в исправности: ровно в шесть тридцать пять подъехал длинный пассажирский состав. Толпа задвигалась, конвойные, действуя прикладами, осаживали ее. Потом послышалась команда "Марш по вагонам!"

Карабкаться на насыпь было нелегко, но еще труднее оказалось взбираться на высокие ступеньки вагонов. Схватившись за ледяные поручни, человек поднимался на первую ступеньку, примерно на высоте своего пояса. "Черт возьми, у меня не хватает сил!" - стонали некоторые и беспомощно падали со ступеньки. Другие нажимали на них сзади, словно боясь, что поезд уйдет.

- Кто покрепче - вперед! - крикнул солдат. - Тяните дохлых!

Живо!

Посадка шла медленно, шумно, но, наконец, закончилась. Настроение немного улучшилось. Шипение пара, запах дыма, стены вагонов, выкрашенные масляной краской, - вся эта знакомая обстановка радовала глаз и слух, ведь она так не походила на лагерные землянки и колючую ограду и напоминала о чем-то ином, о давнем, почти сказочном прошлом: о загородных экскурсиях, о воскресной толкучке на пражских вокзалах и в дачных поездах... Приятно было сознавать, что усталые ноги в разбитой, грязной и промокшей обуви смогут отдохнуть в поезде. "Занимайте места, милостивые государи! - кричал Франта Капустка. - Вагон-ресторан прицепят в Тшебове!"

Окна в вагонах выбиты все до одного, отопление, конечно, не действует, уборные засорены... и все-таки мы едем в пассажирских вагонах! Ехать пришлось меньше получаса, но кое-кто из узников умудрился поспать и увидеть во сне, что он подъезжает к Колину{18}.

Гонза так и не успокоился, мысль о побеге не покидала его. Глядя на обессилевших людей, он говорил себе, что не надо медлить с побегом, пока он сам еще более или менее "в хорошей форме". Во время посадки он хотел было выскользнуть из вагона с другой стороны, скатиться с насыпи, притулиться где-нибудь и дождаться, пока поезд уйдет, но не сделал этого, потому что уже совсем рассвело, а поблизости не было ни кусточка, за которым можно укрыться. Конвойные остались на площадках, так что на ходу нельзя было удрать. Может быть, это удастся на стройке?

Колеблясь и ругая себя за нерешительность, Гонза сунул руку в карман и сердце у него упало: он вспомнил, что "картинка" осталась в лагере. Рентгеновский снимочек был спрятан в щелке на нарах. Неужели оставить его там, бежать без него?

Это был желанный предлог. Нет, сказал себе Гонза, пожалуй, нецелесообразно пробовать счастье в первый же день. Осмотрюсь сначала, прикину все как следует, ведь завтра мы опять проедем здесь, а с каждым днем рассветает все позже... Но долго откладывать побег тоже не годится. Завтра возьму снимок с собой, и фьюить! Пусть хоть стреляют мне вслед!

Тем заключенным, кто рассчитывал, что поезд прибудет на какой-нибудь вокзальчик и сразу выяснится, что это за стройка, пришлось разочароваться. Поезд остановился в редком леске, конвойные заорали, создавая обычную суматоху: "Живо, вы, сволочи! Вон из вагонов, стройтесь в шеренги! Живо!" Замелькали приклады. Как только колонна построилась, заключенных погнали на опушку леса, откуда открывался вид на глубокую долину, раскинувшуюся далеко внизу. Спешка вдруг кончилась,

никто не обращал на узников внимания, и они могли спокойно смотреть вниз, обмениваться впечатлениями и спорить о том, где же они, собственно, находятся.

По слегка холмистой местности, окаймленная лесами, тянулась широкая долина, вся разрытая экскаваторами и пересеченная рельсами узкоколеек. Дымились трубы, в темных уголках все еще желтел электрический свет, слышался лязг металла и грохот железных гусениц, сигнальные гудки и торопливый стук насосов. Какой-то заключенный, родом из северной Чехии, поднял руку.

- Ну, ясно, - сказал он, - шахта открытой разработки.

- Чушь! - проворчал его сосед из Моравы. - Здесь строят плотину.

Всюду валялись стройматериалы и крепежный лес, вдалеке виднелась кладка гигантского свода. Сверху из него торчали незабетонированные концы железной конструкции, а внизу под свод уже въезжали локомотивы, казавшиеся крохотными, - похоже было, что из настоящего туннеля выезжают игрушечные поезда.

- Мирек, ты инженер, скажи, что же это, черт возьми, такое? - спросил Гонза.

Мирек был озадачен не меньше других. Покачивая головой, он наблюдал и размышлял.

Пришлось довольно долго ждать, пока выяснится, что будут делать заключенные лагеря "Гиглинг 3". Потом прибежал какой-то толстяк, размахивая бумагами, он сердито закричал:

- Ваш лагерь должен был дать две с половиной тысячи человек. Как вы смели не выполнить разверстки?!

Но оказалось, что и для тысячи четырехсот не найдется работы. На строительство согнали массу заключенных, которые, как и гиглинговцы, ждали разбивки на рабочие бригады. Где-то около лесного вокзала их, говорят, стояло одиннадцать тысяч человек!

- Начальство совсем спятило, честное слово! - ворчал в своей деревянной будке главный инженер фон Шрамм, словно он не знал еще несколько дней назад, что дело неизбежно примет такой оборот. Но ему нравилось пошуметь и излить досаду на ни в чем не повинных помощников. - Что нам делать с такой ордой неквалифицированных людей?! Дали бы мне лучше полторы тысячи здоровых наемных рабочих. Или знаете что? Заприте куда-нибудь этих заключенных, а мне оставьте их стражу. От нее будет куда больше пользы!

Где, спрашивается, взять десятников для этих тысячных толп? И почему на каждом шагу торчат здоровенные бездельники с ружьями за плечом? Обученных рабочих взяли на фронт и

пообещали фон Шрамму за каждого из них по пяти заключенных. Но на черта ему заключенные! В древнем Египте можно было строить руками рабов, а современное строительство, насыщенное сложными механизмами, - это вам не какое-нибудь ристалище для массовых действ человеческого стада!

Инженер фон Шрамм, человек с седой шевелюрой ежиком, был личным другом рейхсминистра Шпеера и потому мог позволить себе говорить, что ему вздумается. Но положение от этого не менялось.

- Сейчас ноябрь сорок четвертого года, друг мой, - вздыхал его собеседник по телефону. - Утихомирься, работай как можно лучше, справляйся сам, ведь такой выдающийся специалист, как ты...

Заключенные ждали. Наконец прибежал какой-то мастер или десятник и увел сто человек. Пришел другой, ему нужно было всего пятьдесят. А что делать с женщинами? Еще их нам тут не хватало! "Гиглинг 3" вообще спятил, зачем он прислал баб? Отправьте их в рабочую столовую. Что они там будут делать? Не знаю. Но отправьте их туда!

Пятьсот мужчин пусть носят балки. Из сектора "Л-7", где эти балки мешают, в сектор "Л-16", понятно? Лучше было бы пустить на это дело два трактора, но раз уж нам прислали людей, пускай носят. Еще пятьсот человек (счет идет на сотни, прямо ошалеешь!) пошлите к брандспойтам, на цемент. Научите их поливать, а если кто-нибудь из них свалится в шахту, особенно с ним не возитесь... Тысячу человек отправьте на сгибку железных прутьев, будут там подсобниками на подноске. За каждым столом оставьте одного квалифицированного рабочего, пусть он с ними займется. На опалубку свода можете тоже послать тысячу или две, мне уж все равно. Сколько их еще остается? Пропасть! Пошлите тысячу в сектор "Б-8", пусть помогают рыть канал. Геннинг как раз звонил, что у него вышла из строя землечерпалка. Выдайте им кирки и лопаты, черт бы их драл! Назад, к временам древнего Египта! Тысячу их я бы охотно отправил в тот провал, что у нас образовался в шахте номер 26... Нет, вы меня не поняли: не на работу, а просто побросать их туда и прикрыть сверху бетонной плитой... Ха-ха! Извините за глупую шутку, но это лучший способ избавиться от такого скверного человеческого материала... Ну,, так забудьте о шутке и пошлите тысячу Швандтнеру. Может быть, ему вздумается выкорчевать еще часть леса, он этим увлекается, вот они ему и заменят бульдозер. У Зейселя, наверное, найдется работа человек для трехсот, а? Ну, сколько еще остается?

Так, на глазок, под брань и проклятия, шло "распределение

рабочих рук". Над столом главного инженера висел график строительных работ, испещренный грозными пометками о сроках и датами с восклицательными знаками. Но фон Шрамм только рукой махал, он уже ни к чему не относился всерьез.

- "К шестнадцатому ноября - корпус "А", к третьему декабря - корпус "Б", к тридцать первому декабря - весь первый тракт, к двадцатому января..." Э-э, смех да и только! У нас тут работа в три смены, прямо-таки дым коромыслом, а заключенных нам дают только на девять часов в сутки - как же их приспособить? Ночью, мол, их нельзя посылать на работу по соображениям безопасности, чтоб не удрали во время затемнения, и всякое такое прочее... Так не привязывайтесь к нам с этими сроками... Или посадите всех нас за решетку, и пусть стройка будет сплошным лагерем, все равно к этому идет дело, а, Дитрих? Опять глупая шутка, но мне все равно! Допустим, в апреле у нас действительно все будет готово. А ты веришь, что у них там, наверху, к тому времени найдется оборудование, которое надо установить в этих корпусах? Шиш с маслом! Всюду дела идут вкривь и вкось, всюду не ладятся. До апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, мой милый, еще так далеко, как до светопреставления!

* * *

Тысячу человек туда, тысячу человек сюда, тысячу наверх, тысячу вниз... Стройка превратилась в кишащий человеческий муравейник.

- Ну что, Мирек, понял ты наконец, что тут будет? - спросил Гонза, когда очутился рядом с Мирeком.

Тот пожал плечами.

- Больше всего похоже на подземные ангары или на крупный завод. Сказать по правде, я не видывал у нас ничего подобного. Делается это, очевидно, так. Они выбрали продолговатый холм в лесу, очистили его от деревьев, подровняли поверхность. Потом надели на него стальную конструкцию и забетонировали ее. А теперь идет выемка грунта из-под свода, который образовался таким образом. Понял? Хитро придумано, сберегает массу труда: не нужно возиться с лесами и прочее. К тому же все сооружение сразу замаскировано. Вот погляди, из того огромного жерла под сводом выезжают составы с землей. Там теперь оборудуют цеха или что-нибудь в этом роде...

Гонза кивнул.

- Ладно. Но какое же это подземное сооружение? Свод-то снаружи.

- Этот белый? Он еще не готов, потому и виден. Потом туда навезут земли, может быть даже высадят деревья, и будет холм

как холм.

- Здорово, - признал Гонза. - Мастаки! А как скоро все это будет готово?

- Откуда я знаю, - кисло усмехнулся Мирек. - Понятия не имею, насколько глубока должна быть эта выемка и что они построят рядом. Когда оттуда вылетят первые самолеты, нас с тобой здесь наверняка не будет.

- А где мы, по-твоему, будем?

- Наверное, под землей, как и этот ангар.

* * *

Никто из заключенных, разумеется, не слышал, как главный инженер фон Шрамм сравнил свое строительство с сооружением египетских пирамид. И все-таки всем польским евреям пришло в голову подобное сравнение. Как не вспомнить библейскую историю о горьком хлебе, нужде, крови и грязи и о бичах земли Мизраим? Подгоняемые прикладами конвойных, узники медленно поднимались на холм, хватаясь исцарапанными руками за торчащие из бетона железные прутья, неуверенно ступая по шатким доскам опалубки. Свод ангара был крут, как грань пирамиды. Фантастическая, вблизи еще более непостижимая стройка ощетинилась злобно и угрожающе. И здесь фараон возводил дело-своей гордыни, дабы умножить славу свою и на вечные времена закрепить власть. Власть над порабощенными народами, власть над потомками тех, кто ляжет костьми на этой стройке...

Тяжело было взбираться на самый верх, тяжело поднимать груз и нести его на костлявой спине. У заключенных подкашивались ноги, дрожали руки. Не раз слышался глухой удар прикладом в бок и стоны побитого узника.

Гонза вздрогнул и поднял голову, ему показалось, что кто-то смотрит на него. Он обернулся. Фредо!

Нарукавная повязка давала греку право ходить по всей территории стройки. Он с улыбкой подошел к чеху, сверкнул белыми зубами.

- Salud!

- Что тебе? - недружелюбно спросил Гонза.

- Пойдем со мной, я тебе покажу кое-что.

- На меня ты не рассчитывай. Никаких бараков я больше строить не буду.

- Не дури, речь идет совсем о другом.

Гонза опустил доску, которую держал в руке.

- Говорю тебе, чтобы ты меня не...

- Was gibts? - к ним подошел конвойный.

- Этот человек нужен в другом месте, - хладнокровно

объяснил Фредо и указал конвойному на свою повязку с надписью "Арбейтдинст". - По распоряжению герра инженера.

- Is gut, - кивнул конвойный и отвернулся.

- Ну, пойдем же! - прошептал грек. - Если ты считаешь, что мы до вчерашнего дня действовали неправильно, об этом можно поговорить вечером. А сейчас есть совсем новое дело. Обстановка изменилась, и нам надо действовать иначе. Пошли!

Гонза молча зашагал рядом с Фредо, твердо решив, что не даст вовлечь себя ни в какие новые затеи.

- Здесь собрались люди из четырех гиглингскнх лагерей, - быстро и настойчиво говорил Фредо. - Всюду примерно одинаковый состав: поляки, чехи, венгры и другие национальности. Вон там, на той стороне, я нашел большую группу твоих земляков. Ты должен немедленно связаться с ними...

- На меня не рассчитывай, - проворчал Гонза. - Говори, что хочешь, я все равно сбегу.

- Отговаривать тебя я не стану. В конце концов, бороться с фашизмом можно всюду, в Чехии тоже. Но помоги мне сегодня связаться с этими людьми. Потом найдешь вместо себя кого-нибудь другого, тоже надежного парня, чтобы он с ними поддерживал...

- Никакой я не надежный, - сказал Гонза и остановился. - По крайней мере не для этого дела. Хочешь здесь, в Гиглинге, играть в партийную работу, пожалуйста. А я в такие затеи уже не верю. Я был прав насчет бараков, прав и сейчас. Не знаю. как ты представляешь себе антифашистскую борьбу здесь. Гиглинг для нее неподходящее место, а эта стройка и подавно. Меня, может быть, пристукнут прежде, чем я доберусь домой, но я хотя бы подерусь с ними по-настоящему. Эх, раздобыть бы оружие!..

Фредо взял Гонзу под руку и потянул его дальше.

- Не останавливайся, а то на нас обратят внимание. Только малые дети думают, что нельзя бороться без оружия, взрослый человек должен рассуждать иначе. Представь себе, например, на какой риск пошел бы русский парашютист, чтобы попасть на эту стройку. На то самое место, где ты сейчас стоишь и так по-дурацки упрямишься!

Гонза поднял насмешливый взгляд.

- Язык у тебя подвешен неплохо, я однажды уже признал это. Умеешь уговаривать.

- Я не уговариваю тебя сейчас работать на немцев. А что ты скажешь о примере с парашютистом?

- Если бы он спустился тут, то не с пустыми руками, как у меня сейчас. Найди пример получше.

- И этот пример не плох. Что было бы у него в руках?

Динамит, например. Но динамит можно достать на любой большой стройке, стоит только проявить инициативу и связаться с настоящими людьми. Надо пошевеливаться, не робеть и по-настоящему ненавидеть Гитлера... а не только болтать о том, что, мол, в другом месте работать было бы лучше. Ну что, пойдешь со мной или нет?

Фредо тоже остановился; он уже не улыбался, взгляд его был холоден.

- Веди меня к тем чехам, - проворчал Гонза. - Видишь ведь, что я иду!

Часть третья

1.

К вечеру, вернувшись с работы, девушки обнаружили в женском лагере новую обитательницу. Утром приезжала Россхауптиха. Лейтхольд отпер ей калитку пустого лагеря, и она быстро прошла к бараку, где одинокая Иолан сидела над своими бумагами.

- Секретарша!

Маленькая венгерка замерла от страха. Она приоткрыла рот, но не в силах была вымолвить ни слова.

- Где же ты? - нетерпеливо крикнула надзирательша. - За уши тебя тянуть, что ли?

Тяжело топая, она прошла по проходу и отдернула занавеску. Иолан пыталась встать, ноги у нее подкашивались. Как загипнотизированный кролик, она уставилась в колючие глаза под желтыми ресницами. Россхаупт глядела на нее несколько секунд, и выражение лица надзирательницы чуть заметно смягчилось, углы щучьего рта приподнялись в улыбке.

- Чего ты боишься? - сказала она почти мягко. - Гляди, что я тебе принесла.

Она вытянула левую руку, которую до того держала за спиной. Ее пальцы крепко держали за шиворот котенка. Зверек слабо мяукал.

Иолан поразилась, ее веки дрогнули.

- Киска! - воскликнула она.

- Это тебе, - сказала надзирательница.

Девушка нерешительно протянула руку к мохнатому комочку, беспомощно висящему в воздухе.

- Киска, какая миленькая!

Котенок в самом деле был прелестный - серый с черным, с розовой мордочкой и белыми иголочками зубов.

- Не плачь, малышка, - шептала Иолан, принимая его обеими руками. Кис-кис!..

Россхаупт отерла руку о юбку.

- Мерзкая кошка в "Гиглинге 5" опять принесла котят. Их взяли топить, а я вспомнила о тебе. - Она говорила грубовато, словно стыдясь своего порыва.

- Большое спасибо! В самом деле мне можно оставить его у себя? - Иолан подняла изумленные глаза и прижала котенка к груди.

- Если будешь вести себя хорошо, можно. Одна из девушек, что работают в кухне эсэс, будет носить для него молоко... и прочее. Я это устрою. Но смотри, не вздумай жрать молоко сама!

Маленькая венгерка недоумевающе взглянула на рыжую эсэсовку.

- Что вы сказали, простите?

- Ничего! - Россхаупт махнула рукой и усмехнулась.-Ты такая дурная, что если тебе из кухни пришлют шницель, ты и его отдашь котенку.

* * *

Под вечер женская рабочая команда уже вернулась в лагерь, и Иолан очутилась в центре внимания тридцати шести товарок. Как ни устали девушки на стройке, все они с возгласами радости и восхищения столпились вокруг Иолан и котенка. Впрочем, на минуту его затмил подарок, которым похвасталась "татарка" Като.

- Глядите, - воскликнула она, - что мне дал буфетчик у Молля. Чуры, муры, гоп-ля-ля! - Жестом фокусника она распустила пояс, подпрыгнула, и из ее юбки выпал зеленый галалитовый гребешок.

- Ого! - бросилась к нему одна из девушек. - Девчата, настоящая гребенка!

- Покажите! - Илона жестом знатока провела пальцем по зубцам. - В нашем магазине такая стоила два сорок. Немного островаты.

Като пожала плечами.

- Для нас это еще долго не будет иметь значения. Знал бы буфетчик, что у меня под платком голая голова, наверняка не дал бы мне гребенки. Да и вообще не взглянул бы в мою сторону.

- Д-да... - вздохнула девушка, которую звали Маргит, вдруг вспомнив, что и она острижена наголо. Она с досадой провела ладонью по голове и сказала :- Собственно, этот гребешок пригодится разве для кошки{19}.

- Для кошки? Неплохая мысль, - засмеялась Иолан. - Дай-ка мне его, Като, посмотрю, что скажет наша киска.

Като подала гребешок, и Иолан осторожно провела им по спине котенка.

- Слышите, как мурлычет эта франтиха? - спросила она тоном счастливой мамаши.

- Ты тоже мурлычешь, - прищурилась на нее Като. - И что только с тобой, девушка, сталось? Когда мы утром уходили из лагеря, я думала, что тебя и в живых не застану, так ты боялась Кобыльей Головы. А сейчас тебя словно подменили. Она тебя не била?

Иолан покраснела и покачала головой.

- Сегодня даже пальцем не тронула. И раздеваться не заставляла. Может быть, она не такая плохая, как мы думали...

Като стала серьезнее и поддакнула для вида:

- Может быть. Кстати говоря, буфетчик, что подарил мне гребенку, тоже немец.

- А что он хотел за эту гребенку, скажи, Като, - приставали подруги. Поцелуй?

- Даже и не знаю, - медленно ответила та. - Я ему улыбнулась, как обычно, а он ухватил меня за талию и заглянул в глаза. Тут, видно, он сразу понял, что я вот-вот пырну его кухонным ножом, который был у меня в руках. Ну, он и отцепился.

- А ты бы его и в самом деле пырнула? - изумилась Иолан.

- Факт! - сказала Като.

С минуту все молчали, потом Илона прошептала:

- Вот и надо было принести не расческу, а нож.

- Я так и хотела, - призналась скуластая девушка. - Но этот чертов буфетчик сразу убрал его под замок, где деньги.

Для девушек, работавших на стройке Молля, ужин подали в бараки: Беа и Эржика притащили две большие бадейки с похлебкой. В мужском лагере было иначе: всем пришлось, как обычно, выстроиться в хвост, хотя после шестнадцати часов на ногах - утренняя перекличка, переход, тяжелая работа люди просто падали от усталости. От ворот капо погнали заключенных прямо к кухне, и все же Юлишка обнаружила, что пришло много меньше людей, чем ожидалось. Один из поляков умер на стройке, человек тридцать тяжелобольных не смогли сами вернуться в лагерь. Товарищи донесли их на спинах или на носилках, наскоро сбитых из досок, и положили на апельплаце, рядом с теми, кто умер.

Утром, когда нужно было вовремя доставить заключенных на работу, поезд за ними пришел точно, минута в минуту. Но никто не беспокоился о том, чтобы вечером они так же быстро попали домой. Долго ждали вагонов, еще дольше паровоза. Переход от железнодорожной насыпи до лагеря, утром занявший двадцать минут, сейчас длился целый час. То один, то другой узник падал и отставал. Усталые, озлобившиеся конвойные били чаще и беспощаднее, чем днем. Кто-то из них даже стал стрелять под ноги отстающим.

'Заключенные покрепче несли больных, шатаясь под их тяжестью, другие тоже шли с трудом. Едва закрылись ворота, часть людей сразу же разбежалась по баракам, махнув рукой на горячую пищу. Но у большинства голод был сильнее усталости, и они послушно стали в очередь за ужином. Хлеб они в последний раз получили и съели еще вчера вечером, а в утренней суматохе не было даже времени выдать им обычный кофе-бурду. Только в полдень они получили у Молля немного жидкого горохового супа, который наливали в ржавые консервные банки, собранные буфетчиком для сдачи в утиль. И в самом деле, где ему было взять другую посуду для одиннадцати тысяч новых рабочих? Консервных банок нашлось штук девятьсот, и они имели то преимущество, что были невелики и из них можно было пить, как из кружек. Никому не понадобились ложки. И каждый, быстро опорожнив банку, передавал ее товарищу. Когда кто-нибудь жаловался, что этот гороховый брандахлыст даже не горяч, буфетчик пожимал плечами: "А будь он горячий, вы бы не удержали банки в руках!"

Кружка mollsuppe нем.)> пока что была единственной едой за день. Теперь, вечером, людям полагался еще обычный lagrsuppe нем.)>{20} и позднее, в бараке, четверка хлеба с маргарином. Многие лезли за супом без очереди - капо, блоковые, штубаки: как же, мол, они смогут следить за порядком и быстро нарезать порции хлеба и маргарина для своих команд, если им самим придется стоять в хвосте? Таким образом, проминенты получили похлебку в первую очередь. Но ведь проминент не станет есть "в стоячку", около кухни. Он возьмет миску с собой, удобно расположится в своем бараке, подогреет похлебку на камельке, заправит ее жиром и посолит, насушит гренок, мелко накрошит их в суп...

Так вышло, что большая часть посуды исчезла в бараках, а у дымящегося котла толпилась длинная очередь "мусульман" и ругала девушек, которым не во что было разливать суп. Лейтхольд ничего не предпринимал и только с немым восхищением смотрел на энергичную Юлишку, которая с палкой в руке ходила по рядам, все замечала и покрикивала на людей. Тех, кто проявлял чрезмерное нетерпение и лез к пустым мискам, она била по рукам, а тех, кто, по ее мнению, ел слишком медленно и не освобождал посуду, била еще больнее. Около кухни стоял шум, крик, суетня, "служба порядка" отсутствовала. Было уже десять часов вечера, а очередь, казалось, даже не уменьшилась. Может быть, дело в том, что в нее затесались лишние претенденты? Юлишка уверяла, что некоторые ловкачи, получив похлебку, становились в очередь по второму разу. Это

было не исключено, но вместе с тем несомненно, что у большинства "мусульман" до сих пор не было во рту маковой росинки. А тут еще погасили свет и раздался звон рельса: "Воздушная тревога!"

- По баракам! - заорали капо. Им-то хорошо, они наелись, утерли жирные губы и не прочь были поспать.

- Марш по домам!

Лейтхольд тоже зашевелился, вспомнив, что ведь он начальник, и закричал в темноту:

- Прекратить выдачу еды! Немедленно!

Впереди началась возня и суматоха. Узники, после часового ожидания наконец добравшиеся до котла, протягивали миски, громко кричали, упрашивая выдать им порции. Кухарки хотели было сжалиться, но на них напирала вся очередь; люди, лишившиеся ужина, проталкивались вперед. "Ради бога, тише, ошпаритесь!" - кричали Беа и Эржика, размахивая поварешками и отступая от котлов. Юлишка уже ничего не видела и яростно молотила палкой во все стороны. Один котел действительно перевернулся, какой-то заключенный взвизгнул нечеловеческим голосом, этот визг перекрыл даже общий рев. Юлишка еще раз попыталась навести порядок, но кто-то смаху влепил ей оплеуху. Она отскочила, выбралась из толпы и устремилась туда, откуда слышался голос Лейтхольда: "Перестаньте же выдавать еду, говорю вам!"

Наткнувшись на кюхеншефа, Юлишка чуть не бросилась к нему на шею.

- Это я, герр кюхеншеф... - всхлипывала она. - Меня хотели убить... спасите!

Лейтхольд сам не понимал, как это произошло, но вот он уже прижал Юлишку к себе и вместе с ней отступил к кухонным дверям. Сейчас шеф кухни уже не был перепуганным инвалидом, сейчас он был защитником женщины! Неожиданный прилив сил захватил его и понес.

- Не бойтесь, девочка, никто вас не обидит...

Он сказал "девочка", "Madel". Стеснительный Лейтхольд назвал всхлипывающий у него на плече "номер" "девочкой"! И даже "mein kleines Madel", своей маленькой девочкой. Он сам себя не узнавал, таким он вдруг стал удальцом. Здесь, в темноте, среди этих хищников в клетке, сердце Лейтхольда преисполнилось самых нежных, рыцарских чувств. Уже знакомое ему девичье тело было сейчас у него в руках, он чувствовал ладонями крутую спину Юлишки, глубокую ложбинку посредине...

Лейтхольд прижимал к себе юную венгерку, утешал ее и, хотя сам совсем потерял голову, уговаривал Юлишку: "Опомнитесь же, девочка!"

* * *

Зденек еще во время воздушной тревоги вышел из конторы, неся под полой миску похлебки для Феликса. Весь день Феликс не выходил у него из головы, босой, беспомощный Феликс, лежащий на мерзлой грязи апельплаца. Если сейчас в лазарете доктор Шими-бачи скажет, что Феликс умер, у Зденека, наверное, подкосятся ноги и он не сможет сделать ни шагу. Он смертельно устал, все пережитое сегодня на стройке и по пути давило его душу, как камень.

Зденеку хотелось во что бы то ни стало помогать людям, Феликсу, кому угодно! Вместе с теми заключенными, которые еще не совсем обессилели, он носил сегодня больных. Некоторые проминенты, видя на рукаве Зденека повязку, сердито отгоняли его: "Это не твое дело, мусульмане сами себе помогут". Но Зденек упорно возвращался: чувство растерянности заставляло его усиленно расходовать свои силы, чтобы не думать ни о чем. Он с упоением вспоминал о тех недолгих минутах, когда он с палкой в руке стоял плечом к плечу с Диего, ждал налета "зеленых". Вот тогда было легко на душе. А сейчас... "Сейчас уже не за что бороться", - твердил он себе по пути в лагерь. Здесь не Испания. Здесь можно только спасать и как-то поддерживать остальных, играть жалкую роль самаритянина.

Кругом Зденек слышал мужской плач, противный плач, который терзал его слух и не вызывал в нем сочувствия. Но Зденек снова и снова приказывал себе склоняться над несчастными и вникать в чужие страдания, Ему хотелось

помогать другим, не щадя сил. Иногда, стараясь отделаться от мучительных мыслей, он вспоминал, каким он когда-то был брезгливым чистюлей, шарахавшимся от всякого дурного запаха. Умора, да и только! Не смешно ли в самом деле, что отвращение к чужой грязи помешало ему стать актером, о чем он в свое время так мечтал! Зденек взялся за это дело в те блаженные дни свободы, когда все было доступно, принял участие в подготовке спектакля, но на генеральной репетиции не смог связать двух слов, захлебнувшись отвращением к пропитанному чужим потом парику и привязной бороде, к заношенному театральному костюму, который липнул к телу. Ну, не смешно ли, смейся же, Зденек! Ты обожал театр и еще больше кино, но так брезгал чужой одеждой, что предпочел одевать в нее других, а самому оставаться "господином режиссером" в безупречном собственном костюме.

А теперь припомни-ка, как в Освенциме тебя взяли в работу, как "перевоспитали"! Твой пражский костюмчик тебе было ведено снять, сложить на полу и отойти от него... Шагом марш в новую жизнь! Голову тебе остригли наголо, живот мазнули зеленым мылом, пропустили через горячую баню и выгнали на холод. Потом тебе швырнули какую-то одежду, заскорузлую от высохшей крови. Было ясно, что эти штаны сняты с мертвеца. И все же ты торопливо расправлял и натягивал их - ведь было так холодно! На рукавах куртки ты видел бурые пятна - не от театральной, а от настоящей крови! - и, смотри-ка. не умер от всего этого! Ни от холода, ни от омерзения. Ты содрогнулся... и тотчас же засмеялся шутке соседа, заметившего, что ты стал вполне элегантным пугалом. Ей-богу, засмеялся!

Жизнь в духе "Живо, марш!" продолжалась и заставляла людей переучиваться. Была, например, новая грамота - буквы, написанные чернильным карандашом на бедре мертвеца. Зденеку иногда становилось жутко: как быстро он ко всему привыкает, все вокруг становилось ему безразличным; наконец, сделав усилие, он приостановил в себе этот процесс. Это случилось в тот день, когда он сказал венгру-дантисту - и себе самому, - что есть граница безразличию.

Этому помог разговор с Диего. Иной раз щенка воспитывают так: тычут его носом в собственные нечистоты. Чем-то подобным был этот разговор для Зденека. В нем уже не было ложной брезгливости к чужой грязи, но им владело отвращение к своей старой внутренней нечистоте. Вот хотя бы эта противная история с Испанией... По ночам Зденека мучил стыд: почему он не пошел в свое время сражаться против фашизма, почему без борьбы позволил отнять у себя будущее, мать, Ганку... Черт возьми,

неужели ничем нельзя было помочь?

"Ты не был на фронте, ну, ничего не поделаешь", - снисходительно сказал Диего и отвел взгляд. Но Зденеку этот взгляд сегодня мерещился с утра до вечера. Он так старался, помогая слабым, быть может, лишь затем, чтобы в другой раз Диего не отвернулся от него со снисходительной и ничего не требующей улыбкой. Зденек считал, что испанец намного лучше его, и он, Зденек, претендует на многое, добиваясь того, чтобы глаза Диего взглянули на него дружески и с одобрением.

В конечном счете именно по этой причине он, преодолевая ужасающую усталость, шел сейчас в темноте к лазарету, неся под полой миску похлебки.

* * *

Феликс все еще был жив. Ничего более утешительного о его состоянии оказать было нельзя. Кстати говоря, в лазарете царил еще больший беспорядок, чем повсюду в лагере. Зденеку даже не удалось найти Шими-баши и подробнее расспросить его о Феликсе. В обоих лазаретных бараках стонали и бранились больные, в большинстве те, кого сегодня гоняли на работу к Моллю. К ним прибавилась масса новых, от которых было невозможно избавиться. Еще утром стало ясно, что лазарет никого не спасает от отправки на внешние работы, и все же многие просились в лазарет. Врачи тоже отработали на стройке у Молля. Имре, вернувшись, свалился на койку и наотрез отказался встать и заняться больными. Антонеску и маленький Рач послушались Оскара и пошли делать то, что Шими-бачи делал каждый день, - бумажными мешками из-под цемента они перевязывали открытые раны, выслушивали хриплое дыхание похожих на скелеты людей, покачивали головой, слыша слезливые жалобы на боль при мочеиспускании и стуле. Начавшаяся воздушная тревога заставила врачей растолкать обступивших их больных и ненадолго укрыться в лазарете. Здесь их ждала холодная похлебка, которую санитар Пепи час назад принес из кухни. На похлебке уже застыла противная корка. Антонеску жадно накинулся на еду, маленький Рач сел с ним рядом и положил голову на стол, ему даже есть не хотелось. Оскар курил и смотрел в окно на черное небо.

- Это невыносимо! - прошептал он. -Пять таких дней, как сегодня, и уже некому будет носить больных и ухаживать за ними. Все пойдет прахом, комендатура не сможет выгнать нас на работу, даже если эсэсовцы откроют стрельбу... Хотел бы я знать, кто похоронит такое множество мертвецов?

- Э-э, - сказал Антонеску между двумя глотками похлебки. - Ты слишком мрачно смотришь на вещи.

- Мрачно? - отозвался в темноте большой Рач. - Еще слишком оптимистически, ребята! Для себя лично я не рассчитываю и на пять дней. Я конченый человек.

- А ну тебя, Имре, ты это не всерьез! - поднял голову его маленький тезка. Он был хороший психолог, и в голосе дантиста ему послышались новые грустные нотки. Очень они ему не понравились!

- Маленький Рач меня утешает, это плохой признак, - хрипло усмехнулся Имре. Он тоже был по-своему проницателен. - Маленький Рач хочет по своей профессиональной привычке подбодрить меня. Не надо, приятель! Это хуже, чем последнее помазание.

Оскар у окна махнул рукой.

- Кто нас всех переживет, так это ты. Ты-то себя жалеешь, тебя ничем не проймешь. Эгоист, который валяется на койке, пока его товарищи работают, не умрет. Куда там!

Маленький Рач тронул Оскара за локоть.

- Оставь его. Нельзя же упрекать его, не спросивши. почему он...

Под длинным телом военного дантиста зашуршала стружка, он быстро повернулся лицом к окну, на фоне которого виднелся силуэт Оскара.

- Эгоист? Да, я эгоист! Эгоизм - моя религия, так и знай. Больше ни во что я не верю.

- Не волнуйся, - успокоил его маленький Рач. - Константин, поди-ка взгляни, у него жар.

Но дантист не дал отвлечь себя.

- Моя песенка спета, и я вам сейчас изложу свое кредо. Мне, для того чтобы жить, нужно какое-то преимущество перед другими, хотя бы пустячное. С таким утешением можно выжить всюду, хоть в аду. И я понял это...

- Нет ли здесь Шими-бачи? - раздался в дверях голос Зденека.

- Не мешай! - слабым голосом оборвал его Имре. - Заходи, писарь, ты очень кстати. Ты как раз живое доказательство того, о чем я говорю. О чем бишь я?.. Да, так вот мое кредо. Я понял: помести человека хоть в рай, он все равно будет ворчать на всякие неудобства, пока не увидит, что кому-то рядом с ним живется хуже. Понимаете? Жить хорошо или жить плохо - это само по себе ничего не решает. Все воспринимается в сравнении... Это уже давно известно. Я знавал некоего доктора Гондоса из Бекечабы, знаете ведь, какой это захолустный городишко? И вот захотелось ему поехать в Бразилию. Что-то он о ней читал, видел картинки, в общем, вбил себе в голову, что должен побывать там. И побывал. Потом он мне рассказывал. Понимаешь, говорит,

Имре, все это очень интересно, когда смотришь глазами жителя Бекечабы. Ну, а я туда попал и очутился, так сказать, по уши в Бразилии... Знаешь ты, что там пятьдесят миллионов жителей? Представляешь себе: пятьдесят миллионов человек, и все живут в Бразилии так же, как и я, Гондос из Бекечабы. Едва я осознал это, все удовольствие кончилось. Какой смысл познавать жизнь, которой уже живут пятьдесят миллионов человек? Через год я собрал свои вещички и помчался домой.

Рассказчик засмеялся. Оскар хотел что-то сказать, но маленький Рач снова сжал его локоть.

- Да, господа, таковы мы, люди, - продолжал Имре. - Каждому хочется чем-то выделяться среди других. В Бекечабе теперь есть только один человек, побывавший в Бразилии, и этот человек - доетор Гондос. А это чего-нибудь да стоит. Это уже недурная пища для честолюбия...

С минуту было тихо. Зденек хотел было уйти. Имре заметил это.

- Садись, писарь. Речь как раз пойдет о тебе. Вот, господа, вы видите перед собой... собственно, сейчас темно, и вы ничего не видите, но если бы не было затемнения, вы бы увидели человека, который еще неделю назад был зауряднейшим мусульманином. Его возвели в проминенты, прибавили жратвы, дали нарукавную повязку. Да, да, самое главное -это повязка. И что же произошло? Он стал совсем другим. Я не хочу сказать о нем ничего плохого, но неужели вы не заметили, что он уже не тот? Он иначе выглядит, иначе держится. А как он сегодня носил больных!.. - Имре запнулся, вспомнив, что сам-то он никого не носил и даже сейчас, вернувшись в лагерь, уклонился от обязанностей врача. - Но в общем не это важно, - быстро продолжал он. Важно вот что: человек всегда хочет, чтобы ему жилось хоть немного лучше, чем остальным: тогда он все может выдержать. Вот видите, я уже конченый человек. И не только потому, что сегодня меня избил Дейбель, а на стройке меня низвели в простые мусульмане. Нет, меня уже давно гнетет мысль, что я ничто, кусок дерьма, просто грязное животное... Они слишком долго вбивали мне это в голову...

Стружка опять зашуршала: Имре опустил голову и заплакал, тихо и упорно, как дитя.

- Эгоист, - проворчал Оскар. - Забрало его!

- Кое в чем он прав, - прошептал Антонеску. - Человек должен во что-то верить... ему нужны идеалы. У Имре этот идеал в том, чтобы жить лучше других. Кое в чем он прав.

- Ни в чем, ни на йоту! - вдруг вмешался маленький Рач почти враждебным тоном. - Слушай-ка, Имре, ты неправ. Ты все

понятия перевернул вверх ногами. Уж если человеку хочется в чем-то превосходить других, так почему бы не в смелости, разуме, знаниях? Такой человек может помогать другим. Вот ты - врач, золотые руки, не забывай об этом. Ты можешь помогать людям, а кто помогает, тот богаче других. Шими-бачи слабее тебя, он старик, провинциальный врач. По возрасту он годится тебе в отцы. А вот видишь, он все еще не вернулся сюда, не лег отдыхать, он все еще что-то дает другим, он самый богатый из всех нас...

Дверь снова распахнулась, и все почтительно замолкли, думая, что это может быть только Шими-бачи. Но вошел Гонза Шульц и робко сказал в темноте:

- Простите, нет ли тут чеха-писаря? Он, говорят, пошел в лазарет.

- Ну, в чем дело? - грубовато отозвался Зденек. Он живо заинтересовался разговором в лазарете и уже забыл, что ему надо спешить. Но тотчас же смутился и подошел к двери.

- Мне нужно поговорить с тобой, - сказал Гонза. Он взял Зденека за рукав, и они пошли по темному проходу между бараками. - Ты меня знаешь, я Шульц. Мы с тобой вместе были в Терезине, а потом ехали в одном вагоне...

- Ну и что?

- Ото, каким тоном ты разговариваешь, видно, и впрямь стал господином писарем!

Зденек почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо.

- Ничего подобного, честное слово, нет. Ты меня извини, там в лазарете интересный разговор, мне хотелось бы поскорей вернуться.

- То, что я тебе сообщу, тоже будет для тебя интересно, - строго сказал Гонза. - Ты раньше носил фамилию Роубичек?.

- Моя фамилия Роубик, - сухо и категорически отрезал Зденек. Он не хотел строить из себя проминентскую "шишку", но Гонза коснулся чувствительного места: будут люди вечно упрекать его за то, что он переменил фамилию?

- Слушай-ка, приятель, что с тобой? - продолжал Гонза. - Мне же совершенно безразлично, какая у тебя фамилия. Я только хотел знать, не брат ли тебе Иржи Роубичек.

- Брат. А что?

- Так слушай меня и не злись. Сегодня на стройке я случайно узнал, что в "Гиглинге 5" есть Иржи Роубичек, бывший журналист...

У Зденека заколотилось сердце.

- Это он! Скорее скажи, что ты о нем знаешь.

- К сожалению, он болен. И серьезно. Он уже давно не ходит

на работу.

- Что с ним?

- Ну, подробностей я не знаю. Товарищи его очень любят. Тот парень, что мне о нем рассказал...

- Ты меня сведешь с этим парнем? Завтра на стройке обязательно...

- Насчет этого я и пришел. Завтра я все устрою. Но есть еще одно дело, - Гонза остановился и откашлялся. - Не знаю, как бы тебе сказать...: Тебе известны взгляды твоего брата?

- Конечно. А что?

- А у тебя такие же взгляды или...

- Совершенно такие же.

Гонза опять кашлянул.

- Сказать-то просто. Твой брат был известный человек, доброволец в Испании, политический деятель. А ты, насколько я знаю...

- Я иногда поступал глупо, быть может, уклонялся от многого. Но взгляды у нас одинаковые. А почему ты спрашиваешь?

- Понимаешь ли, кто тебя знает. Ты ведь "господин писарь", а у меня щекотливое дело. Вдруг ты сразу же побежишь к начальству...

- Глупости! Я такой же заключенный, как ты. К начальству? Не знаю даже, как тебя понимать.

- Ну ладно, хватит. Я для тебя чужой человек, но родному брату ты навредить не захочешь. Так вот, видишь ли, у них в том лагере есть подпольная группа, и она исправно работает. Ее организовал Иржи. А теперь, когда он болеет, его заменяют другие. Они работают на стройке. Я хотел бы, чтобы ты не только справлялся у них о брате, но вообще... держал с ними связь.

- Ладно, - согласился Зденек и глубоко вдохнул холодный воздух. "Уже нельзя оставаться только тем, чем я был до сих пор", - подумал он.

- Я этого ждал, - сказал он Гонзе.

- Надо было не ждать, а... Ну, теперь уж неважно. Кстати, мы наметили тебя не только потому, что у тебя там брат. Ты работаешь в конторе, дружишь с докторами, все это важно. А сегодня я видел, как ты носил больных... Короче говоря, я получил задание...

- От кого?

- Скажем, партийное... связать тебя с теми ребятами из пятого лагеря. Они работают на правом склоне, прямо против бетонного свода. У тебя на руке повязка, ты можешь свободно ходить по стройке. Найди завтра меня и отведи к ним. Если тебя остановит

конвойный, скажи, что, мол, так приказал инженер. Понял?

- А дальше что?

- Я исчезну, а ты будешь поддерживать связь.

- А ты куда?

- Это неважно.

- Партия поручила тебе другое дело?

- Не спрашивай. - Гонзе было стыдно за такой ответ, но не сознаваться же этому простофиле в том, что он, Гонза, завтра собирается удрать из лагеря. - Вечером к тебе зайдет кто-нибудь из наших. Паролем будет фраза: "Как поживает твой братишка?" Этот парень станет твоим связным.

- Ладно. А что дальше?

- Заладил "что дальше" да "что дальше"! Дальше видно будет. На стройке все мы были сегодня впервые. Надо оглядеться. Договоришься потом со связным насчет того, что можно предпринять.

Зденек медленно шел вперед.

- Вы думаете, что мы долго будем ходить на эту стройку к Моллю?

- Для этого мы здесь. Иначе с какой бы стати немцы кормили нас?

- А они нас почти и не кормят. Доктора говорили, что лагерь долго не протянет. Еще пять таких дней, как сегодняшний...

В этот момент зажглись все огни, воздушная тревога кончилась. Зденек испуганно оглянулся, словно боясь, что все увидят, с кем он дружит. Тотчас же он мысленно усмехнулся: "Хорош я заговорщик!" - и заставил себя твердо взглянуть в глаза Гонзе; тот протянул ему руку.

- Я пошел. Так смотри, Зденек, никому ни слова, понял? Может быть, тебе теперь будет труднее житься, но ты сам сказал, что хочешь...

- Хочу. Итак, завтра на стройке. Пока.

- Честь труду! - сказал Гонза.

- Честь труду! - поправился Зденек.

Они еще не розняли рук, когда послышались частые удары в рельс. "Блоковые на апельплац. Живо!"

На вышках зажглись мощные прожекторы, их лучи сошлись на апельплаце.

- Это что еще? Неужели прибыл транспорт, который ждали вчера? Черт подери, пяти минут не проходит без событий! - воскликнул Зденек и побежал в контору.

- Здесь не санаторий! - усмехнулся вслед ему Гонза.

2.

Да, это был транспорт. Заключенные из Освенцима, тысяча

триста человек, точно по немецкой разверстке. Стало быть, коммуникации гитлеровцев в порядке, вся длинная трасса из Польши в Баварию еще в их руках. Опоздание на сутки, как оказалось, было вызвано просто тем, что транспорт задержался под Веной. Там убирали развалины, и поезд простоял где-то на запасных путях. Никому, конечно, не пришло в голову отпереть вагоны и дать людям хотя бы напиться. Заключенных везли так же, как и первую партию, в которой был Зденек, - девяносто человек в товарном вагоне, ведерко черного кофе и одна параша на всех, которую опоражнивали в окно. Но была и большая разница: на этот раз люди пробыли в запертом деревянном сарае на колесах не 56, а 76 часов. В первой партии по пути умерло шесть человек, во второй сорок девять. Почти все остальные были не в силах пройти четыре километра от станции до лагеря.

В жарко натопленной комендатуре опять "сгущались тучи": Копиц бушевал, - Дейбелю уже несколько раз сильно досталось, а Лейтхольд даже не появлялся. Начальник охраны отказался отправиться со своими людьми на станцию, произошла сцена, очень похожая на открытое неповиновение. Охранники конвоировали заключенных с шести утра до девяти вечера, сейчас едва успели поесть, и вот опять идти в город? Раньше четырех утра они не управятся, а в шесть снова вставать и быть на ногах пятнадцать часов?

Копиц понимал, что они правы, но что ему было делать? Он орал, но это не помогло. Тогда он стал обзванивать соседних рапортфюреров и просить помощи. Но те отказывали, потому что почти всюду у конвойных был такой же тяжелый день, как в "Гиглинге 3". Наконец Копиц с крайней неохотой обратился к Вачке, рапортфюреру лагеря штрафных эсэсовцев. Вачке не может отказать, его лагерь не ходит на внешние работы. Но Вачке опасный тип: попросишь его помощи, чтобы вытащить застрявшую телегу, а он тотчас захочет узнать, что ты в этой телеге везешь, откуда взял и не дашь ли ему половину...

А Копиц как раз сегодня задумал некую коммерческую комбинацию, в которую никто не должен совать носа. Но делать нечего, пришлось позвонить Вачке, и просьба была удовлетворена, сосед тотчас же отправил конвойную группу ("Реванш за голого в снегу", - усмехнулся он) и даже обещал прислать свою тотенкоманду, чтобы трупы не валялись на станции до утра.

Копиц вздохнул с облегчением: самое трудное сделано. Затем он вызвал писаря Эриха - надо было определить порядок приемки новичков.

- У абладекоманды и могильщиков был трудный денек, но

выгоним их еще и на эту работу, а завтра дадим им сутки отдыха.

- А работа у Молля?-осмелился возразить писарь.

- Ерунда! - махнул рукой вспотевший Копиц и окинул рубаху. - Там у них на стройке еще больший бедлам, чем у нас. Я это сразу заметил, когда они позвонили мне по телефону. Сказать прямо: ты, мол, пошли нам поменьше людей, им тут нечего делать, они не решаются, боятся нарушить распоряжение свыше. Но меня не проведешь! Их бы очень устроило, чтобы я не выполнил разверстки, - будут потом рапортовать начальству: мы, мол, не справились с заданием, потому что "Гиглинг 3" нам недодал людей. Знаем эти штучки! Я поступил иначе, воспользовался тем, что на стройке решительно отказываются от женщин, и заявил, что собираюсь прислать их завтра вдвое больше, чем сегодня. Иначе, мол, не могу. Ну, они и сократили нашу разверстку. Да еще мы скинем с нее всех умерших у нас и в поезде. Короче говоря, завтра мы пошлем им тысячу шестьсот или тысячу восемьсот человек, и пусть радуются. Оставим дома врачей и еще кое-кого, чтобы лагерь был прибран и не походил бы на сегодняшний свинушник! И вообще будем посамостоятельнее.

Писарь осмелел: раз есть послабление, надо воспользоваться им и для себя.

- Хорошо бы оставить в лагере и младшего писаря Зденека, надо привести в порядок картотеку, оформить новоприбывших, умерших и прочее. Затем в кухне нужны дежурные орднунгдинсты, я уже докладывал вам, что творилось у котлов сегодня вечером. Юлишка, правда, орудовала палкой, но что может сделать женщина? Я предложил бы оставить дома всех зеленых, пусть отдохнут до четверга и поработают в кухне, это пойдет им на пользу, будут лучше выглядеть на призывной комиссии. Прошу также два барака под лазарет. Это просто необходимо, разрешите доложить... Оскар настаивает...

- Хватит! - сказал Копиц, - тебе дай палец, ты сожрешь всю руку... Беги в лагерь и пошли мне сюда Лейтхольда, где он там запропастился? С командой, что пойдет на станцию закапывать мертвых, пошлите дантиста Имре, да пусть не забудет взять свои зубодральные клещи.

Писарь захлопал глазами.

- С Имре дело дрянь. Утром его избил герр обершарфюрер Дейбель, да и на стройке ему, видно, пришлось круто. Сейчас он лежит в лазарете. Пепи говорит, что он совсем плох...

- И слушать не хочу, сегодня он пойдет, и точка. На вокзале будут конвойные от Вачке, так что у нас все должно быть в порядке. Завтра поищем другого дантиста, наверное, найдется

среди новичков. Марш! Все остальное, о чем ты просил, разрешаю.

Писарь рысью побежал в лагерь. Копиц встал и выглянул в окно. На залитом светом рефлекторов апельплаце Дейбель, помахивая красным кабелем и хлопая им по голенищам, инструктировал новых блоковых из тех бараков, куда сегодня должны были прибыть люди. Скорей бы он покончил с этим и отправлялся на станцию принимать транспорт!

Эрих тем временем прибежал в кухню. Около нее еще бродили "мусульмане", надеясь, что, может быть, теперь, после отбоя тревоги, все-таки раздадут остатки похлебки. Но дверь была на запоре. Писарь замолотил в нее кулаками. Изнутри послышался голос Беа:

- Уходите, сколько раз вам говорить, что раздачи больше не будет!

- Это я, писарь! - крикнул Эрих. - Беа, слышишь?

По бетонному полу, удаляясь, простучали деревянные башмаки.

- Эй, Беа, отвори, я спешу! - заорал писарь так громко, что у него заболело сшитое горло и он раскашлялся.

В кухне что-то делали, но писарь не знал что. Потом опять послышались шаги, и кто-то отодвинул засов. Это был сам Лейтхольд. Он сверкнул на писаря ехидным стеклянным глазом.

- Was gibts, Mensch? нем.)>

Писарь вытянулся в струнку и передал распоряжение Копица. Мол, прибывает новый транспорт и герр рапортфюрер просил вас немедленно...

- У нас еще не закончена уборка, - проворчал Лейтхольд. - Вот запру девушек и приду. Так ему и передай.

"Если этот недотепа воображает, что заключенный побежит с таким ответом в комендатуру, чтобы его там изругали, он сильно ошибается", подумал писарь и прохрипел:

- У меня еще несколько срочных поручений, я не сразу попаду в комендатуру. Поэтому было бы лучше, если бы вы... Герр рапортфюрер сказал, что дело очень спешное...

- Hau ab! Здесь: Заткнись! (нем.)> - с необычайной резкостью гаркнул Лейтхольд.

Эрих поспешил дальше, размышляя, в чем дело. Что-то здесь нечисто. Может быть, у придурковатого кюхеншефа шашни с Беа? Хорсту это было бы интересно, рассказать, что ли, ему об этом?

Вернувшись в контору, Эрих тихонько сказал Бронеку:

- Следи из окна за женской калиткой. Сейчас Лейтхольд проведет через нее несколько девушек. Мне нужно знать, сколько их было. С меня четверка хлеба!

И он побежал в лазарет, чтобы уладить неприятное дело с дантистом. Имре, наверное, будет ругаться, но остальных врачей мы порадуем вестью о том, что завтра они уже не идут на внешние работы и лазарет получит два новых больничных барака, которых давно добивался Оскар.

* * *

Застегнутый на все пуговицы Лейтхольд вошел в комендатуру, вытянулся, поднял руку, гаркнул "Хей...тлер!" Он чувствовал себя как-то необычно бодро, в его вдоль и поперек изрезанном и сшитом теле словно ожили веселые, подвыпившие чертенята. Никогда он не был таким юным и гибким, ему даже хотелось петь. С высоты своего роста он глядел на плешивого, толстошеего Копица в теплой тельняшке и рубахе, который, скинув подтяжки, развалился за столом. И это его начальник! Этот неудачливый мелочной торговец хотел поучать его, как обращаться с "номерами". Этот потный лавочник намеревался давать ему житейские советы и треть всего накраденного!

Лейтхольд стоял навытяжку и незаметно вытирал о брюки ладони своих вытянутых по швам рук. Стереть бы с них следы рукопожатий этого недостойного нациста.

- Ты был занят, а? - сказал Копиц бодро. - Садись, устраивайся поудобнее.

- Я постою, герр рапортфюрер. Ты вызывал меня?

Копиц поднял взгляд - он заметил необычный тон своего помощника - и продолжал невозмутимо:

- Садись, приятель, разговор будет долгий.

- Пожалуйста, - оказал кюхеншеф, неловко подтянул к себе стул и сел.

- Слушай-ка, Лейтхольд, вот какое дело. Тот транспорт, что находится сейчас на станции, должен был прибыть на сутки раньше. Ты ведь это знаешь?

Лейтхольд едва кивнул.

- Да что с тобой? - Копиц снова взглянул на его стеклянный глаз. - Ты чем-нибудь озабочен?

- Да, - был ответ. - Не понимаю, почему ты запретил мне раздать остатки похлебки после отбоя тревоги.

Копиц наморщил лоб.

- Согласно инструкции, после десяти в лагере должен быть полный покой. Не устраивать же тут... Мало тебе было безобразия до налета?

- Люди были голодны, и...

- Люди? - прервал его рапортфюрер, но, вспомнив, что предстоит разговор на деликатную тему, снизил тон. - Не будем говорить об этом, приятель. Ты новичок в нашем деле, а я старый,

опытный дядюшка Копиц. Оставь эту похлебку на завтра, будет экономия. А?

- Похлебка скиснет, - упрямо возразил Лейтхольд.

- Ну и что ж? Разбавишь ее свежей, будет незаметно. Но, черт подери, не для этого я тебя звал, у нас есть совсем другое дело. С чего я начал?.. Ах да, так вот, этот новый транспорт. Он, как видишь, опоздал на сутки. Теперь представь себе, что там, наверху, никто не знает об этой задержке, и нам уже с утра полагается рацион на всех прибывших. Тысяча триста человек это триста двадцать буханок хлеба плюс тридцать девять кило маргарина и тысяча триста литров похлебки... Соображаешь? Чистый доход, можно все запросто положить в карман. Я тебе в связи с этим расскажу анекдот. Сынок лавочника спрашивает: "Папаша, объясни мне, что такое честность?" - "А вот что, сынок, - отвечает тот. - Представь себе, что покупатель вместо десятки дал мне по ошибке сотню, повернулся и ушел. Вот тут-то и возникает вопрос о честности: сказать об этом мамаше или не сказать?"

Копиц рассмеялся и уставился на Лейтхольда: понял ли тот и почему не смеется? Но кюхеншеф сидел перед ним, вытянувшись, как палка, и не улыбнулся, хотя бы из вежливости.

- Я тебе объясню, - продолжал рапортфюрер снисходительно. - У этого лавочника очень строгая жена, понял? И вот его сынок спрашивает: "Папа, что такое..."

- Честность! - подхватил Лейтхольд. - Я хорошо слышал.

Копиц поднял брови.

- Что с тобой, приятель? Отличный анекдот, а ты... Покупатель дал сотню вместо десятки, и вот возникает вопрос...

- О честности, - ледяным тоном повторил Лейтхольд.

Копиц отодвинулся от стола и встал.

- Шарфюрер, приказываю тебе сказать, что с тобой такое. Мне совсем не нравится, как ты разговариваешь.

Лейтхольд тоже встал. Он медленно выпрямился и одернул френч. Его стеклянный глаз глядел куда-то поверх Копица, на портрет фюрера, но зрячий с насмешливым упрямством уставился на нос собеседника.

- Мне тоже кое-что не нравится, и я тебе скажу что, герр рапортфюрер. Прокисшую похлебку я раздавать не стану. По правде сказать, прежде у меня было довольно туманное представление о концлагерях. Но я видел однажды фотоснимок ворот бухенвальдского лагеря, и на них была крупная надпись: "Jedem das Seine" нем.)>. Это справедливый принцип. Пайки заключенных и без того малы, да еще часть их прилипает к другим рукам, это ты сам отлично знаешь. Из того, что остается, мы варим похлебку, и даже ее я не могу раздать целиком? Или,

может быть, я должен спокойно смотреть, как моих кухарок поубивают голодные люди, которые не получили того, на что они имеют право?

Копиц ожидал упреков совсем другого рода, а это было просто смехотворно. Он снова опустился на стул и принял прежний тон.

- Да ладно же ты, недотепа! Что ты все ворчишь о какой-то похлебке, черт ее подери! Раздай ее сегодня или завтра утром, мне все равно, честное слово. Садись-ка и поговорим о выгодном деле. У нас в руках суточный рацион на тысячу триста человек, по ошибке отпущенный нам днем раньше. Дейбелю я еще ничего не сказал, он ужасный рвач, с ним о таких делах говорить нелегко. Потому-то я и вызвал прежде тебя, ты человек рассудительный, и я хочу, чтобы ты помог мне убедить Руди, что мы просто не можем всё хапнуть сами, только для нас троих. Придется поступить, как тот папаша из анекдота, и подумать о разумной доле для маменьки, которой в данном случае является каптенармус Шлейхер из главного склада. Это он допустил счастливую для нас ошибку, ему и надо заткнуть рот, чтобы никто ее не обнаружил.

Копиц хитро усмехнулся и выжидательно посмотрел на длинного Лейтхольда, который продолжал стоять на вытяжку, с видом богини правосудия, хоть и не слепой, но одноглазой... "Что только творится в этой дурацкой голове?" - подумал рапортфюрер.

А в голове Лейтхольда и в самом деле творились странные вещи. Над телом, в котором резвилась тысяча подвыпивших чертенят, господствовал мозг, полный серьезнейших мыслей, чистых и честных, как был твердо убежден сам Лейтхольд. Он еще чувствовал в своих объятиях прелестное молодое тело Юлишки, вспоминал, как отвел ее в свою каморку и уложил на койку. Помнил и то, как он тотчас осторожно отстранился от девушки, покрыл ее одеялом и хотел было на цыпочках отойти. И тут произошло невероятное: пока, склонившись над ней, он поправлял одеяло, Юлишка вдруг пошевелилась, схватила обеими руками руку своего патрона и прижалась к ней губами. Всего на секунду, и тотчас опять стала недвижима... Ошеломленный Лейтхольд выпрямился, пошатываясь, вышел в кухню и тихо прикрыл за собой дверь.

Больше ничего не произошло. Но, боже мой, это такое событие, такое событие! Хорошенькая арестантка спокойно отдыхала на койке, а он, Лейтхольд... Каждая клеточка его тела пела, в нем пробудились веселые чертенята, давно уже не подававшие признаков жизни. Несмотря на это, он оставался у

котлов в темной кухне и, дожидаясь отбоя тревоги, тихо разговаривал с другими кухарками.

О чем же он говорил с девушками? Ну, расспрашивал их, чем они занимались, откуда родом, сколько кому лет. В темноте их голоса звучали сначала робко, потом посмелей. Беа с наивной хитростью завела речь о Юлишке: ей, мол, восемнадцать лет, она из хорошей семьи, ее отец держал маленькую консервную фабрику, он погиб несколько лет назад.

Растроганный Лейтхольд слушал, сердце у него колотилось. Он уверял себя, что гордится своим рыцарским поведением: ведь вот, он ни на йоту не воспользовался положением своей прекрасной узницы, уложил ее, а сам находится здесь и лишь изредка смотрит на руку, к которой прижимались ее влажные губы...

Это и вправду было все. А сейчас он как остолбенелый стоял против портрета Гитлера над столом коменданта и мечтал о том, что когда-нибудь встретит Юлишку на свободе, подойдет к ней неофициально, запросто, как мужчина к женщине, возьмет ее за талию, напомнит ей о своем примерном поведении в ту ночь...

А до тех пор, пока это невозможно, он должен быть порядочным человеком. Иного пути нет. Надо избавиться от ловушки, в которую его завлекли эти хищники, Копиц и Дейбель, остаться честным немцем, выполнять свой долг немецкого воина и не ввязываться больше ни во что.

- Я тебе все рассказал, - сказал Копиц почти угрожающе. - Ну, что ты скажешь? Делим на три части или на четыре? Говори!

- Транспорт придет сегодня до полуночи. Сегодня, в понедельник, шестого ноября, - прошептал Лейтхольд, словно суммируя факты. - Тысяча триста человек. Хлеб, маргарин, продукты для супа....

- М-да, немалая сумма, жалко отдавать четверть, - кисло сказал Копиц. - Но осторожность необходима. "Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste" {21}, не так ли?

- Я тебя не понимаю, - ответил долговязый эсэсовец. - Выдадим мы сегодня новичкам их рацион? Едва ли. Стало быть, мы принимаем их на довольствие с завтрашнего дня, то есть с седьмого ноября. А если каптенармус герр Шлейхер ошибся, он, конечно, будет благодарен нам за указание на эту ошибку. Я вижу, перед тобой продовольственная ведомость. Могу сразу же подписать ее: новоприбывших в количестве одной тысячи трехсот человек принял на довольствие с седьмого ноября...

Копиц положил локти на стол, подпер руками тяжелую голову и с минуту мял небритую физиономию. Потом он вдруг поднял взгляд, и казалось, что его глаза налиты кровью. Но он

сказал удивительно спокойно:

- Ты сошел с ума, и это очень грустно. Очень грустно и очень опасно. Подпиши-ка ведомость, да с шестого числа! Мигом!

- С седьмого, - был ответ. - Я не буду обкрадывать Германию.

- Это твое последнее слово?

Лейтхольд кивнул. Душа его пела: "Я честный человек, я не иду по пути беззакония! Что мне может статься? Wir, Deutche, furchten Gott und sonst niemand auf der Welt нем.)>. А кроме того, я девяностопроцентный инвалид. Для меня война кончена. Буду вести себя безупречно и подожду, пока она кончится и для других. А потом... Юлишка!"

* * *

Еще во время воздушной тревоги, до того, как тотенкоманду погнали на вокзал, Диего Перейра зашел в двадцать первый барак к немецким товарищам узнать, какие новости они принесли с внешних работ. Он застал их всех в глубине барака, у окна: рыжий Вольфи и рыбак Клаус, склонившись в потемках над котелком похлебки, которую принес Гельмут, резали старые корки на мелкие кусочки и сосредоточенно жевали.

- Mahlzeit! Здесь: "Приятного аппетита!" (нем.)> - сказал Диего, подойдя к столу. Вольфи узнал его по голосу.

- Заходи, испанская птичка. Есть хочешь?

Остальные пробурчали приветствие.

- Я уже ел, - ответил Диего, нащупывая в темноте свободное место на лавке. - Те, кто оставался в лагере, получили обед в полдень. Вполне приличную похлебку. Кюхеншеф, кажется, сносный человек.

- Гм... - пробурчал Гельмут. - Этакий дохленький. Сам никого не бьет. Приспособил к этому стерву венгерку. Ее прозвали "номер". Я был с котелком в кухне и видел, как она там лупила мусульман палкой, а он глаз с нее не сводил.

Диего подтвердил.

- Девушки сами говорят, что "номер" - стерва. Сегодня я как раз случайно беседовал с теми, что работают в казармах эсэс. Все они злы на Юлишку за то, что она так липнет к Лейтхольду. Она выжила из кухни лучшую девушку, Като, только за то, что та высказала ей в глаза свое мнение.

- А что представляют собой эти девушки? Я их видел только издалека, спросил Клаус, погладил свой громадный узловатый кулак и подумал об Ирмгард, которая осталась дома, у моря. So lange...

Испанец получше закутал шею шарфом, словно ему и здесь, в бараке, было холодно.

- Сами знаете, женщины: политически малограмотны,

наверное даже религиозны. Но красивые. А та, маленькая Като, говорят, умна, как черт, и их старшая, Илона, тоже. Может быть, стоит поговорить с ними. Но я пришел не за этим, - он махнул рукой и откашлялся. - Расскажите лучше, что было на стройке.

Немцы стали рассказывать новости, их было не много, но и не мало для первого дня. Они беседовали с "красными" капо из других лагерей, удалось перемолвиться словечком и с наемными рабочими. Разузнали, каково положение в Мюнхене: бомбежка, продовольственные трудности, каждый боится "загреметь на фронт" и так далее. Что касается самой стройки, то это будет подземный завод какого-то тайного оружия. Точнее никто ничего не знал. Люди на стройке еще не верят, что война уже безнадежно проиграна. Поговаривают даже о каком-то новом наступлении. Газеты подогревают такие настроения...

- Наступление на Востоке? - быстро спросил Диего.

- Куда там! - прошептал Вольфи. - На Востоке они уже не рискнут. А вот около Цах уже несколько дней идут крупные бои. Видимо, остановили наступление американцев. Говорят, что теперь германский генеральный штаб бросил все силы на Запад, чтобы создать прорыв...

- Говорят, все это делается без Гитлера, - прервал его Гельмут. - Один парень из четвертого лагеря клялся, что Гитлер ранен, на него, мол, было покушение. В Мюнхене в воскресенье будет торжество, знаете, очередная годовщина путча, и этот парень видел газету, где говорится, что Адольф на сей раз не выступит с юбилейной речью. А он в этот день выступал ежегодно начиная с тысяча девятьсот двадцать третьего года. Это не случайно!

Диего вспомнил о другой годовщине.

- Э-э, что там Гитлер! Знаете ли вы, ребята, какая завтра годовщина?

- В самом деле! - Вольфи хлопнул себя по лбу. - Завтра в Москве! Седьмое ноября!

- Ну, конечно! - подтвердил Клаус, с трудом отгоняя мысль об Ирмгард.

Гельмут вздохнул.

- Уж они-то будут шагать на параде! Они-то могут кричать ура! Как я им завидую, черт подери!

- Да, - отозвался Вольфи. - У них самое трудное уже за плечами, им можно и повеселиться. Уж если они решились провести парад в сорок первом году, когда Гитлер был в двух шагах от Москвы и всюду орал о своих победах, так завтра они могут спокойно объявить, что для них война кончилась.

- Потому что немцы уже не лезут на них и перебрасывают

войска на Запад? - сказал Диего. - Ничего, не беспокойся. "Преследовать фашистского зверя в его берлоге и там его..." Слышал? Красная Армия уже в Польше. Она не остановится, пока не войдет в Берлин...

- А когда это будет?

- От Сталинграда до Польши подальше, чем от Польши до Берлина. Кто прошел один путь, тот пройдет и другой.

- А мы здесь никак не помогаем им, - Вольфи задумался. - Завтра... вот если бы, черт подери, устроить завтра что-нибудь на стройке... В честь седьмого ноября.

- Поговорили бы вы об этом с Фредо, - сказал Диего, и глаза у него вспыхнули. "Жаль, что я не работаю вместе со всеми там, на стройке, - думал он. - С утра до вечера одно и то же: хоронить, хоронить, хоронить..."

- Правильно, надо поговорить с Фредо! - согласился Гельмут. - Вольфи, сходи-ка к нему сейчас!

* * *

Но маленький грек не загорелся этой мыслью с той же легкостью, как его товарищи. Вольфи торопливо рассказал ему, о чем они говорили в двадцать первом бараке (со стороны кухни уже слышался звон рельса, сзывавший блоковых на апельплац), и Фредо с сомнением покачал головой.

- Не дурите, не затевайте невозможного. Седьмое ноября - хорошая дата, что-нибудь мы предпримем, но только не ожидайте, что сразу же взлетят на воздух горящие бочки с бензином, как тогда в Буне. Это просто невозможно. Диего - старый романтик, революцию без бомб и адских машин он себе просто не представляет. А ты рассуди здраво: на стройку мы завтра идем только во второй раз, ничего там еще не знаем. Чтобы предпринять что-нибудь серьезное, надо продумать и терпеливо подготовить сотни мелочей, а не делать все с кондачка, как неразумные мальчишки. Что ты хочешь: зажечь бенгальский огонь или настоящий пожар?

При слове "пожар" Вольфи провел рукой по своей рыжеватой шевелюре.

- Но дата, приятель, тоже важна. Вот хоть бы раздобыть кусок красной материи и вывесить ее наверху, над сводом.

- Я не против, - успокоил его Фредо. - Видно будет. Здесь, в лагере, нам все равно не сшить такого флага, разве что его сделают там, на стройке. Но есть другие дела, посерьезней, которыми мы могли бы уже сегодня отметить завтрашний праздник. Что если бы мы создали наконец дисциплинированную партийную организацию? Сейчас в ней всего несколько человек из старой строительной команды, да и те не сплочены как

следует. Возьми хоть француза Жожо, как он себя ведет? Я сам видел, как сегодня при раздаче обеда он унес в барак четыре миски, а мусульманам не из чего было есть. Не качай головой, это не мелочь. Партийную работу надо начинать снизу, с людей, а не с флагов на верхотуре. Нам нужна крепкая организация, надо вовлечь в нее побольше надежных ребят из новичков. Надо показать нашим "старичкам", что пора прекратить безобразия при раздаче еды. Все должны получать справедливые пайки, к тому же быстро, пока не началась тревога. И никто не смеет уклоняться от переноски больных. И еще: если ты или я узнаем какие-то новости, этого мало. Хорошие вести с фронта надо быстро доводить до людей. На внешних работах мы должны прочно связаться с ребятами изо всех лагерей. Что скажешь? Это выглядит не так эффектно, но это именно то, что нам сейчас нужно и что мы можем сделать в честь седьмого ноября.

* * *

Писарь с важным видом вошел в контору, уселся на свое место напротив Зденека и прохрипел:

- Завтра ты остаешься в лагере. Я только что добился этого у рапортфюрера.

Он ждал, что помощник будет благодарить его, но Зденек, казалось, был даже разочарован.

- Нет, нет, герр писарь, пожалуйста, не надо, я этого не хочу. Мне нужно завтра к Моллю.

- Глупости, ты останешься здесь. Другой бы мне ручки целовал... Не заслуживаешь ты, чтоб я так о тебе заботился!

"Скажу ему правду, - решил Зденек. Писарь, хоть он и бывший колбасник, не чужд сентиментальности, свойственной венцам, которые гордятся своим "weiner Gemut" нем.)>.

- Герр Эрих, вы меня поймете. Мне сообщили, что в лагере номер пять лежит мой брат Иржи. Помните, я вас однажды спрашивал, не встречали ли вы его в каком-нибудь лагере. Он в заключении с тридцать девятого года. Сейчас он при смерти и находится тут, рядом, в "пятерке". Завтра на стройке я должен увидеться с его товарищами. Потому-то я сейчас все стараюсь раздобыть побольше хлеба. Чтобы передать брату.

Писарь и в самом деле не поднял крика.

- А не врешь? - спросил он почти приветливо. - Может быть, у тебя свидание с какой-нибудь девчонкой? Тогда я тебя огорчу еще раз: девчата тоже не пойдут к Моллю. Я это устроил.

- Герр Эрих! - в голосе Зденека была такая обида, что писарь поверил своему помощнику, но остался непоколебим.

- Все равно ничего не поделаешь, я ведь о тебе специально договорился с Копицем, теперь уж нельзя на попятный. Да ты и

сам должен понимать, сколько у нас с тобой работы. Всю ночь возня с новым транспортом, да еще рапортички о мертвых. Со станции уже сообщили, что их там сорок девять. А кроме того, наши собственные... Нет, парень, ты никуда не пойдешь. Но все это можно устроить иначе. Напиши письмецо и передай его брату вместе с хлебом через кого-нибудь. И попроси таким же путем ответ. Я бы и сделал именно так. Приучайся и ты распоряжаться людьми. Подходящих людей найдется сколько угодно. А на внешние работы ты едва ли уже попадешь, на это не рассчитывай. Завтра вторник, в четверг я иду на призыв. Если меня возьмут в армию, ты останешься в конторе один и можешь считать себя главным писарем. Что, плохая карьера?

Зденек не знал как быть. Он ведь не рассказал писарю всего, да и не мог рассказать. Правда, брат - главная причина того, что он хочет завтра попасть на стройку, но ведь есть и другое важное обстоятельство, которое тревожит Зденека. Что скажут Гонза и товарищи, если он, Зденек, не справится с первым же поручением? "Я не могу выполнить задания, товарищи, потому что я не попаду на стройку..." А если ему не поверят и решат, что он струсил и нарочно подстроил все это, чтобы уклониться от опасности?.. И еще: что если в самом деле сбудется предположение писаря - его возьмут в армию, и на Зденека свалится ужаснейшая ответственность? Это была бы просто катастрофа. Стать главным писарем, остаться в конторе без Эриха, то и дело ходить в комендатуру, общаться с эсэсовцами, выполнять их распоряжения... сотрудничать с ними! Ну да, сотрудничать. Разве сам Зденек не считает писаря заправским коллаборантом? "Эрих не самая большая сволочь, но порядочная", - говаривал он о писаре. А теперь ему самому придется взять на себя эту грязную работу! Вот и Гонза только что сказал, что Зденек зазнался. А что он скажет, если Зденек станет главным писарем! Что скажет партийная группа?

Но тут Зденек подумал о Фредо и Оскаре. У Оскара высокое положение в лагере, он возглавляет лазарет. Ну и что же, разве он коллаборант? Разве зол на него Гонза? Разве коммунисты не доверяют Оскару? Ведь он настоящий человек, он бьется за каждого больного, не трусит, против него спасовал даже Фриц... Значит, можно стать проминентом и остаться порядочным человеком?

Вот в том и загвоздка: чтобы остаться порядочным, надо им быть. А я порядочный человек или нет? Есть ли у меня твердый характер Оскара, здравомыслие Фредо, смелость Диего? Во что превратит меня проминентская должность?

- Я в главные писари не гожусь, - сказал наконец Зденек. -

Герр Эрих, очень вас прошу, пустите меня на стройку, а сюда возьмите кого-нибудь подходящего. Еще есть время, до четверга вы его научите.

- Ну, хватит болтать глупости! - Писарь стукнул кулаком по столу в знак того, что сегодняшняя порция "weiner Gemut" исчерпана, и обругал Зденека неблагодарным трусом, не замолчав даже, когда вошел арбейтдинст Фредо.

* * *

Гонза Шульц лежал у себя, в мусульманском бараке. Он слишком устал, чтобы дожидаться новичков. Кто хочет, пусть ждет их, а он предпочитает использовать последнюю ночь в лагере для отдыха. Гонза закутался в одеяло и закрыл глаза. "Отдохнуть, набраться сил, все остальное - завтра", - внушал он себе, но никак не мог отделаться от беспокойных мыслей. Прошлое и будущее казалось ему покрытым мраком неизвестности. Закрыв глаза, Гонза старался заснуть, но и перед закрытыми глазами стремительно и безостановочно мелькали какие-то образы, воспоминания... Терезин, Ольга, хижина из накраденного материала, прилепившаяся на косогоре, над казарменными строениями. Вырванное у судьбы счастье, жадно хранимое, крохотное счастье, подобное белому орешку, который ухватила белка и несет к себе в дупло. Ей и страшновато, и интересно взглянуть, что творится вокруг, она то замрет на месте, с бьющимся сердцем оглядываясь по сторонам, то продолжает карабкаться вверх. Этакий милый зверек!.. Страшные вещи видит белка вокруг, всюду разрушение и смерть, и все-таки, да простит меня бог, сколько забавного кругом! Вот, например, по переулкам терезинского гетто тащутся погребальные дроги. Но на них нет гробов с покойниками, дроги нагружены... кониной, которую везут на кухню. В оглобли впряглись живые люди, среди них и Гонза. Погребальные дроги были в Терезине "трамваем за все".

"Поскольку распущенная ныне еврейская община в Чехии и Моравии не располагает никакими транспортными средствами, кроме нескольких старых, не пригодных более ни для какой цели погребальных колесниц, настоящим разрешается использование их в гетто..."

Иногда на дрогах возили провизию, иногда еще что-нибудь. Сегодня для разнообразия на дрогах везут старух, они сидят, свесив тощие ноги. Это прибыл "старушечий транспорт"... Значит, Ольга будет до ночи работать в бане... Но сейчас мы около кухни. Старухи голодны. "Молодой человек, вы будете кушать свою похлебку?" - "Молодой человек, будете кушать?.." Со всех сторон тянутся жестяные миски, отталкивая друг друга, тысячи мисок монотонно стучат, издавая глухой звук, словно струи воды

падают на бетонный пол... Вода льется на бетонный пол, ага, это старухи уже в бане! Жалкие тела, безнадежно изношенные, как и те жестяные миски. Старухи дрожат под душем, толкаются и плаксиво причитают. Ольга возвращается в их "бунгало" подавленная, со слезами бросается в объятия мужа: "Неужели и у меня будет когда-нибудь такая безобразная кожа, как у них?.." - "Нет, нет, не будет. Оленька, не расстраивайся. Мы никогда не состаримся, не плачь. Ты молодая и красивая, как..."

"Картинка!" Гонза торопливо становится на колени и ожесточенно роется в стружке, ища щелку в нарах.

- Что ты там возишься? - сердито спрашивает сосед слева.

- Тебя тоже забрало? - ворчит сосед справа, выплевывая попавшую в рот стружку.

Гонза не отвечает. Через минуту он, улыбаясь, опять ложится на бок и заворачивается в одеяло. Рентгеновский снимок Ольгиных зубов у него в руке, Гонза прижимает его к сердцу. Он не оставит этого снимка, ни за что не оставит его в проклятом лагере! Завтра он возьмет его с собой на работу, а оттуда - фьюить! А сейчас закрыть глаза, поскорее заснуть, отоспаться, набраться сил! Скорее бы конец! Может быть, я завтра не проскочу даже левую линию часовых... Но я попробую, попытаюсь, прыгну, как белка, или нет, лучше пригнусь и поползу по земле. Домой! Домой! Да, Оленька, мы с тобой никогда не состаримся, мы не сдадимся, не сдадимся, не скиснем в унылом ожидании. Чем гнить за колючей проволокой, лучше...

- Отстаньте! - Заснувший Гонза вздрагивает и испуганно открывает глаза. В проходе у его ног стоит Фредо и стаскивает с него одеяло.

- Выйди со мной на минуту, - говорит он. - Надо срочно поговорить.

Гонза послушно поворачивается, берет в охапку одежду и обувь, лежавшие у него под головой, и слезает с нар.

- Какого еще черта? - говорит он, начиная обуваться. - Ты же знаешь, что на меня нечего рассчитывать...

Фредо отвечает только у дверей:

- Я не по пустякам, а по делу. У нас неудача: писарь Зденек завтра не идет на внешние работы. Надеюсь, ты не сказал ему, что мы от него хотим?

- Как не сказать, сказал! - бурчит сонный Гонза. - Пришлось сказать. Я же не знал, куда меня завтра пошлют и будет ли возможность... В общем я ему сказал все. Он ходит с повязкой, он меня сам найдет и...

- Зденек остается в лагере, понял? С ним ничего не выйдет.

- Струсил, видно, сукин сын, а?

- Он не виноват. Писарь его не отпускает, я сам слышал, как он ругал Зденека за то, что тот ему перечил. Зря ты ему все сказал.

- А разве это повредит? Я думаю, он будет помалкивать. Побоится за своего брата.

- Он нас не выдаст, я беру его на себя, но сейчас не в этом дело. Даже самый надежный человек должен знать лишь необходимое. Разве вы не придерживались такого принципа в вашем подполье?

Гонза кивнул.

- Придерживались и будем придерживаться. А как здесь будете действовать вы, это уж ваше дело. Я лично завтра... в общем ты знаешь. Я обещал тебе связать Зденека с чехами из пятого лагеря, и кончено. Если он не идет на работу, ничего не поделаешь.

- Не говори так. Найди замену, это твой долг.

Гонза усмехнулся.

- Нет, господин арбейтдинст, я уже больше ничего не сделаю. Завтра я смотаюсь.

- Тебя пристрелят, вот увидишь. Я никому не могу помешать наложить на себя руки, но коммунисту не следовало бы идти на такую авантюру. Да еще седьмого ноября.

- А почему именно не седьмого?.. - тут Гонза вспомнил: - Ах да, завтра как раз седьмое! Обязательно сбегу!

Фредо схватил его за куртку и затряс. Он был мал ростом, но руки у него были очень сильные.

- Иди хоть к черту в пекло, но сперва выполни задание. Хоть раз почувствуй себя в Гиглинге членом партии! Завтра утром приглядись к людям, крепко подумай и дай мне знать, кого ты подобрал для связи с пятым лагерем. Вот и все задание. На седьмо-е но-яб-ря, понял?

* * *

Зденек волновался. Он хотел еще ночью сообщить Гонзе, что произошло, но писарь все время был начеку. Пришлось сидеть над картотекой, потом составлять сводку за вчерашний день. Эрих ходил рядом, как лев в клетке, и каждую минуту выглядывал в окошко на апельплац, не прибыл ли новый транспорт. Он почти не отвечал на приветствия капо, то и дело заходивших погреться и узнать, что нового. Карльхен с палкой, Дерек, Мотика, Гастон все побывали в конторе.

Потом пришел Фредо, метнул взгляд на Зденека, склонившегося над работой, и сказал писарю:

- Слушай, Эрих, а что если дать тебе подкрепление на ночь? Секретарша из женского лагеря весь день была в лагере,

отдохнула, в картотеке она разбирается. Могла бы заполнять карточки вместе со Зденеком, видишь ведь, что он зашивается и уже клюет носом.

Удивленный Зденек поднял голову, ему совсем не хотелось спать. Фредо заговорщицки прищурил глаз.

- Уж ты придумаешь, - проворчал писарь. - Отстань! Чеху ничуть не труднее, чем мне или тебе. Мы тоже работали весь день, а теперь придется поработать ночь, да, может быть, и не одну. Но в общем это неплохая мысль. Жаль, что Лейтхольд уже ушел. Если он появится на приемке транспорта, я скажу ему, чтобы отпустил к нам эту секретаршу.

Через минуту он в беспокойстве вышел за дверь, и Фредо со Зденеком остались одни.

- Как поживает твой брат? - сказал грек.

Зденек уставился на него.

- Ничего, ничего! - усмехнулся Фредо. - Меня послал Гонза Шульц узнать, как поживает твой брат. Поскольку ты завтра остаешься в лагере, связь будешь держать со мной. Гонза уже знает.

Зденек уронил руки на колени.

- А знает он, что я ничего не мог поделать, меня насильно оставили в лагере? Как я ни старался, ничего не вышло.

- Не беспокойся. С Эрихом больше не спорь. Наоборот, сделай вид, что ты очень доволен и благодарен ему. И если в четверг его призовут...

- Послушай, Фредо, я тебе всерьез говорю! Я не могу занять его место. Я... я слабый человек и не подойду для вас... Я не сумею поставить себя...

- Не бойся, ты будешь не одинок, - прошептал грек. - Найдутся советчики, ты будешь знать, чего от тебя хотят. Научишься всему и будешь полезен людям больше, чем Эрих. Не так уж это трудно.

Смущенный Зденек твердил свое: "Эрих был не так плох".

- Не так плох, это верно. Но он вел собственную, шкурническую политику. Если мы добьемся, что писарь будет делать больше... Я кое-что слышал о твоем брате, приятель, подумай о том, как поступил бы он. Можешь ты быть таким, как Иржи?

- Хотел бы. Но он всегда был гораздо лучше меня... Фредо, скажи, пожалуйста, можно для него что-нибудь сделать? Я приготовил хлеб и напишу ночью записку. Может, Гонза передаст это для него?

- Не беспокойся, устроим.

Дверь открылась, взволнованный писарь заглянул в контору.

- Выходи, Фредо, транспорт уже здесь!

* * *

Долгая ночь. На апельплаце холод, плач и резкие окрики. В конторе тепло и тихо. Зденек с трудом открывает глаза, читает рапортички, нацарапанные капо на клочках бумаги, разносит их по карточкам. Напротив сидит Иолан, оживленная, отдохнувшая, любопытная. Перед ней тоже стопка карточек, она заполняет их, но ей больше хочется болтать со Зденеком. Она уже рассказала ему, какая сегодня у нее была радость: она получила прелестного котенка, - его принесла Кобылья Голова, кто бы подумал!

Зденек склонился над столом и продолжает работать. Но Иолан не унимается:

- Вы однажды обещали поговорить со мной о кино. Я все думаю об этом... Вы, наверное, тоже?.. Ведь в лагере приходится столько видеть и пережить... Вы, наверное, ждете не дождетесь времени, когда сможете поставить фильм о концлагере?

Зденек приоткрыл рот и провел рукой по лбу.

- Как вы сказали?

Иолан раскраснелась, глаза у нее горели.

- Вы, наверное, только и думаете о том, как начнете работать над фильмом о концлагере... После войны, конечно. Его будут ждать с нетерпением, люди захотят увидеть, но ни за что не поверят, что все это действительно было... И вот тогда те, кто сам это пережил, смогут показать всю правду...

Зденек поддакивал. Ее слова доносились до него откуда-то издалека. Чего только не придумает эта девчонка! Воображает, дурочка, что у меня тут нет других забот.

- Для вас это будет первейшее дело, а? Я так вам завидую: вы, может быть, уже сейчас на все смотрите под этим углом зрения, не так, как мы все. Если кто-нибудь болтает глупости, вот как я сейчас, вы, наверное, глядите на него слегка удивленно и отчужденно и думаете: нет, в фильм я этого не вставлю! - она покраснела еще больше, засмеялась и продолжала: - Я все вижу, не отпирайтесь! Если бы я умела делать фильмы, я бы тоже ко всему относилась, как вы, не огорчалась бы из-за мелочей, смотрела бы на все сверху вниз, а на саму себя - как на персонаж, который переживает свою будущую кинороль. Я, видите ли... - Она опять засмеялась, - я всегда мечтала писать для кино... или романы. Я даже пробовала... у меня дома есть такая толстенная тетрадь, полная всяких пустяков, которым грош цена. Если бы я умела, если бы я сумела что-нибудь создать, как вы, мне было бы куда легче переносить жизнь здесь...

Зденек улыбнулся. Он очень устал, мысли у него путались, но он не мог не улыбнуться. Все от него чего-то хотят: писарь -

работы без отдыха, Фредо - твердости характера, партия хочет поглотить его целиком, как поглотила брата... а теперь еще вот эта венгерочка хочет, чтобы Зденек только и думал о будущем фильме, в котором будет заснят концлагерь. Не знаешь, смеяться или плакать. А ну вас всех к чертовой бабушке!

Иолан продолжала говорить, и теперь Зденек очень хорошо слышал ее.

- Сознайтесь, что у вас уже есть наброски для сценария. Неужели нет? В самом деле? Значит, вы все держите в голове. Мне бы так хотелось знать... ну, пожалуйста, расскажите, как он будет начинаться! Знаете, я читала сценарии в журнале... Затемнение, диафрагма, деталь, общий план... ах, это так интересно! Пожалуйста, господин Зденек, расскажите, как будет начинаться ваш фильм.

"Дура!" - подумал Зденек, в душе осуждая назойливость этой девчонки. А может быть, это не назойливость, может быть, она не так глупа... Он взглянул в лицо Иолан и увидел большие умные и очень живые глаза, чистый крутой лоб под платочком, красные пятна на щеках. Нет, эта девушка любознательна, честолюбива, беспокойна, но не назойлива, не глупа.

Признаться ей, что он, Зденек, совсем не так много думает об искусстве, как ей кажется? Ему, правда, иногда приходят в голову какие-то образы, что-то похожее на отрывки сценария, но он сразу отгоняет такие мысли, как дерзкие, неуместные, несвоевременные. Сказать ей, что все существо Зденека внутренне противится такому сюжету - лагерь, смерть, вши... Все это надо пережить, перетерпеть, твердил он себе, но делать из этого зрелище для людей, которые сейчас сидят в тепле и никогда не поймут?.. Неужели надо убеждать кого-нибудь, что фашизм - это варварство.

Есть люди, которые этого еще не понимают. А если так, то неужели нужно объяснять им это с помощью фильма, в котором музыка смягчит бессильный мужской плач? Разве можно найти здесь, в концлагере, такую фабулу и сюжет, каких требует публика. Завязку, действие, привычного киногероя? Здесь есть только такие герои, как Диего, Фредо, Оскар - наверное, и мой брат Иржи такой же, - герои, которые до последнего дыхания помогают товарищам, герои, которые идут против течения. Но как воплотить их на экране? Как показать силы, которые почти незримо движут ими в этом море грязи? С какого возвышения мне, червяку из червей, взглянуть на лагерь, чтобы увидеть не только чуть поколебленную поверхность трясины, где тележка с трупами оставляет чудовищный след, непреодолимый, как горы и долы?..

И вот перед тобой сияющие юные глаза, полные любопытства и благожелательности, совсем не глупые и не назойливые. Эта девушка не хочет жить или умереть зря. В ее пытливости видно стремление к тому, чтобы Гиглинг, транспорты заключенных, сам Гитлер, в общем, все окружающее стало для людей уроком, чтобы кто-нибудь воссоздал картины этого лагеря, вложил персты в его раны и во всеуслышание рассказал о том, что здесь сейчас происходит.

- Я вас разочарую, - медленно сказал Зденек, - у меня нет никаких замыслов. Нет ни начала, ни конца фильма. Я слишком погряз во всем этом, у меня захватывает дыхание, я не могу взобраться так высоко, чтобы видеть как следует. Не ждите от меня ничего.

- Не верю! - И голос ее прозвучал так искренне, так молодо и просто, что у него вдруг навернулись слезы.- Как только распахнутся ворота лагеря, все придет!

- А может быть, этого дождетесь именно вы,- улыбнулся он, хотя слезы застилали ему глаза.

Она встала, подошла к нему и провела рукой по его стриженой голове каким-то не девичьим, а материнским жестом.

- Я не доживу, - прошептала она. - Я это знаю.

Он поднял голову и замигал.

- Знаете? Что знаете?'

Иолан медленно вернулась на свое место, ссутулилась, как будто сразу устав.

- Надзирательница... Она в самом деле любит меня, но как-то по-своему... очень страшной любовью. Она, наверное, убьет меня.

- Это неверно, - запротестовал он. - Что за глупости вы себе внушаете.

Она снова сидела против него и улыбалась, на щеках ее был темный, нездоровый румянец, глаза блестели.

- Ну, расскажите же мне о своем фильме. Теперь вы будете думать о нем чаще, чем прежде? А почему бы вам не делать заметок о здешней обстановке, о людях, обо всем...

- А почему бы вам самой не попробовать? Вы умница... вам надо бы...

Она приложила палец к губам и ласково покачала головой.

- Ш-ш! Обо мне ни слова. А котенка возьмите к себе, когда меня не станет...

3.

Два дня прошли, как кошмар. Лагерь был забит до отказа, но даже расширенный лазарет не мог скрыть от здоровых тяжкие недуги больных. В первый же день умерло двадцать новоприбывших, на другой день - почти тридцать. Завшивели они

куда больше, чем старые обитатели лагеря, у которых тоже было немало вшей. Да и со старожилов смерть взяла свою дань: вечером седьмого ноября умер от истощения доктор Имре Рач. Он не вынес перевода в рядовые "мусульмане". Новый дантист лагеря, поляк Галчинский, наспех выбранный из новичков, вытащил у него золотую коронку. На следующее утро угас Феликс, угас так тихо, что в течение нескольких часов никто не замечал этого. Зденека позвали, когда тело Феликса уже совсем остыло. Феликс лежал голый в проходе барака, прозрачная кожа обтягивала синеватые суставы. Он не походил на других мертвецов: рот его был плотно сжат, следов старой раны почти не было видно, все отлично срослось. И только глубокая складка у рта, казалось, хранила в себе упрямое, обиженное молчание.

Зденек смотрел на товарища и терзался угрызениями совести. Феликс умер потому, что я перестал заботиться о нем, твердил он себе. Мало было носить ему похлебку и сахар. А моя голова в последнее время была слишком занята другими людьми, прежде всего братом, а вот теперь еще этой венгерочкой. Нечего ссылаться на последствия операции, на Дейбеля и на страшную перекличку босых... Феликс умер просто потому, что я перестал любить его по-настоящему. Если я забуду о Ганке, она тоже умрет. Нельзя забывать своих близких! Пока я еще силен, пока жив, надо помнить их всех!

Зденек вернулся в контору и еще ниже склонился над картотекой живых. Он взял ее в руки, как музыкальный инструмент, и с какой-то суеверной осторожностью перебирал карточки, словно ища в них живой дух лагеря. Когда ему приносили грязный обрывок бумажного мешка с нацарапанной на нем фамилией умершего, Зденек очень осторожно извлекал из ящика соответствующую карточку, чтобы, боже упаси, не вынуть другую. Непослушные карточки выпирали, словно им во что бы то ни стало хотелось выскочить. А куда они могут попасть, как не в картотеку мертвых? И Зденек утихомиривал их, выравнивал, как пастух непокорное стадо. Где-то там, в середине, стояла и его собственная карточка, она вела себя скромно, не высовывалась над другими, не дезла наружу. В последний раз он видел ее в ту ночь, когда привезли девушек. С тех пор его карточка погрузилась в глубь картотеки, залегла, и похоже было, что останется там на веки вечные.

* * *

Однажды Бронек прибежал в контору с котенком на плече. Он шел мимо женского лагеря, Иолан окликнула его и в щель между рядами колючей проволоки подала Бронеку мохнатый комочек. Отнеси, говорит, Зденеку, пусть киска привыкает и к нему.

Зденек покачал головой. Эта шальная девчонка вбила себе в голову, что умрет. Он взглянул на прелестного, довольного зверька, которого Бронек ласково прижал к лицу. Зденек улыбнулся, посадил котенка перед собой и стал смотреть на его игривые движения. Котенок встал, зевнул, выгнул спину, потом прыгнул на картотеку живых и стал хватать лапкой обтрепанные концы карточек. Одна из них зацепилась за коготок и вылезла из ящика.

Улыбка сбежала с губ Зденека, на секунду у него дрогнуло сердце. "Этот человек умрет, -подумал он с испугом. - Тот, чью карточку вытащил котенок, умрет!"

- Убирайся, паршивец, тут тебе не место, - воскликнул он сердито. Бронек, пожалуйста, отнеси его обратно! - И, увидев в глазах молодого поляка удивление и несогласие, объяснил: - Видишь ли, эта девушка не верит, что она выйдет живой из лагеря. Мы не должны поддерживать в ней такое убеждение. Передай ей от меня, что котенок принадлежит ей, только ей, и должен у нее остаться. А она не смеет умирать, потому что иначе некому будет заботиться о котенке... Скажи это как-нибудь повеселее. Я сам не могу, мне еще грустнее, чем ей.

* * *

У Эриха все время были какие-то дела в комендатуре, староста лагеря Хорст крутился около кухни, вернее около Беа, остальные девять "зеленых" почти не вылезали из немецкого барака, докуривали последние окурки, допивали остатки шнапса и дулись в карты, на которых от грязи нельзя было различить масти. Карльхен иногда громко вздыхал и громадной ручищей похлопывал Берла по спине; он вчера продал его за кусок сала блоковому французу Жожо. Новый хозяин был снисходителен: он оставил свое приобретение прежнему владельцу до четверга, а сам отправился на стройку раздобыть жратву.

Помыслы всех "зеленых" не шли дальше четверга. Коби с помощью оживленной жестикуляции объяснил Фердлу, что они вместе идут на войну. Глухонемой так обрадовался, что это всех обозлило. Никто из "зеленых" не возражал против ухода из лагеря, явно обреченного на вымирание, но это еще не значит, что надо распускать слюни от счастья, как этот кретин Фердл.

Утром они веселенькие поедут в Дахау, это факт. Там их ждет медицинский осмотр в призывной комиссии. И хотя в Освенциме они привыкли называть медосмотры "селекцией", на сей раз все "зеленые" радовались, что им предстоит такая "селекция". Гомосексуалисту Карльхену пришлось бесконечно выслушивать насмешливые советы о том, как избежать на осмотре некоей щекотливой неприятности.

Но этим веселье не исчерпывалось. Что будет потом, в четверг днем или в пятницу, в воскресенье или через две недели, - об этом никто не решался подумать.

Вдобавок в среду начался снегопад. Зепп лежал ничком, подпершись кулаками, и с упоением глядел в окно на усиливающуюся метель.

- Du, mein lieber Herrgott! нем.) > - сказал он тихо. - Уж я бы нашел, куда сейчас поехать, кабы не фронт...

Остальные играли в карты и не обращали на него внимания.

- Знаете, куда я поехал бы! - продолжал Зепп.

- Знаем, - через плечо проворчал Коби. - На Арльберг, там как раз начинается лыжный сезон.

Зепп вздохнул.

Гюнтер зажал пальцами нос и загнусавил, подражая вокзальному громкоговорителю:

- Лыжники, поезд отправляется. Все по вагонам! - потом он с довольным видом хлопнул картой по столу. - Ого-го, к нам уже едут "зайцы" или "schihaserln" нем. спортивный жаргон)> учиться слалому... - Все приятели Зеппа давно знали его чаяния.

- Самая красивая из всех "зайчих", разумеется... - сказал Карльхен на ухо Берлу.

- ...влюбится в герра Зеппа, - со смехом докончил тот.

Коби опять перехватил нить повествования.

- Герр Зепп опять станет лыжным тренером... Ты, олух, не видишь, что я даю в масть? М-да, опять, стало быть, станет тренером...

- ...Самым прославленным на всем Арльберге, - сонно продолжал Карльхен, - потому что...

- ...Потому что никто не ездит лучше по методу Шнейдера, чем герр Зепп, - заключил Берл, который в жизни ни разу не стоял на лыжах и представления не имел о том, что это за метод.

Была очередь Гюнтера.

- "Зайчонок" будет, вероятно, блондинка в изящных черных брюках. Она потихоньку попросит Зеппа увести ее куда-нибудь в горы, где она может загорать до пояса...

- Вот и путаешь,-хмуро отозвался Зепп. - Так могло бы быть только на пасху. А сейчас, накануне рождества, в горах туман и холод. Нет, я пригласил бы ее в свою комнатку в отеле...

- ...в третьем этаже, отлично вытопленную! - подхватил Коби.

- Отвяжитесь вы от меня! - воскликнул Зепп, вскакивая. - Вы и представления не имеете, что за персона тренер по лыжам. Ведь стоит только мигнуть, и самые красивые лыжницы кидаются ему на шею. Что вы понимаете в шикарной жизни, вы, плотник, шофер и слесарь! Когда в горном отеле натоплено, там можно и в

мороз распахнуть окно настежь...

- ...И у самого окна валяться с очаровательной лыжницей на широком диване, - вставил Гюнтер, шлепая картой.

- Да! - в восторге закричал Зепп. - В том-то и счастье, вы, бедняги! Понимаешь, тебе и жарко и холодно, мурашки пробегают по коже, тело все напряжено, оно живет, о господи, как живет!

- Только зря оно жило с той лыжницей, что оказалась дочерью эсэсовского генерала Лаубе, -сухо заметил Коби.

- М-да, зря... - трагически, как на сцене, провозгласил Зепп и опять уткнулся лицом в тюфяк.

- Крою! - сказал Карльхен.

* * *

Рапортфюрер использовал последние часы пребывания Эриха в лагере, чтобы просмотреть и привести в порядок всю отчетность, в особенности по снабжению. Неприятное столкновение с Лейтхольдом не выходило у Копица из головы. Дело дрянь, когда под боком этакий невменяемый святоша. Чего хочет Лейтхольд, на что он целится? А вдруг он уже потихоньку написал донос в какую-нибудь высшую инстанцию и теперь ждет ревизии? Как иначе объяснить его упрямое "нет", когда на следующее утро после той стычки Копиц сам предложил ему мировую?

- Слушай, Лейтхольд, - сказал рапортфюрер. - Забудем вчерашнее. Ты девяностопроцентный инвалид. Если бы это зависело от меня, я бы признал тебя инвалидом даже на сто девяносто процентов, ха-ха! Помнится, ты хотел уйти отсюда, подать рапорт, что же, пожалуйста. Я напишу свое согласие, дам тебе хороший отзыв, ускорю это дело. Что скажешь, старина? Я буду вести лагерь по-прежнему, а тебе будет житься лучше, чем сейчас. Согласен?

Но Лейтхольд упорствовал. Он уже больше не был загипнотизированным кроликом, не позволил Копицу пожать свою руку, отдернул ее.

- Я ничего не имею против тебя лично, герр рапортфюрер, пойми, сказал он. - Но, извини меня, я честный человек. Самый обыкновенный честный человек, который по зову родины становится в строй, чтобы служить ей. Я хотел бы спокойно служить до тех пор, пока -извиняюсь! - не наступит мир. Очень тебя прошу помочь мне. Если я вчера был несколько резок, извини, такое уж у меня было настроение. Собственно, сегодня оно не изменилось, но я взял себя в руки. Сделай и ты то же самое, и увидишь, что, если у нас обоих будет хоть немного доброй воли, мы вместе выдержим до конца... Гм-м... до

победного конца этой навязанной нашему фюреру войны.

- Я вижу, тебе опять пришла охота ораторствовать, - кисло сказал Копиц. - Я еще помню твои прекрасные слова о том, что я попираю ногой поверженную жидо-большевистскую гидру или еще какую-то чертовщину. Учти, пожалуйста, что человек, который так долго стоит на одной ноге, может, чего доброго, нажить мозоль и тогда способен прикончить каждого, кто на нее наступит. Проваливай!

Да, Копиц высказался напрямик, это правда. Но разве это выход из положения! Тот, кто смотрит на вопросы снабжения иначе, чем рапортфюрер, непостижимый и крайне опасный чудак. На Лейтхольда напало какое-то бешенство. Правда, он обещал не кусаться, но разве можно полагаться на обещания бешеного? А если бы он даже и не кусался, что толку? Копиц сам хочет кусаться. Не отказываться же из страха перед Лейтхольдом от удобных ему порядков в лагере!

- Нам нужен другой кюхеншеф. И как можно скорей, - ворчал рапортфюрер, глядя, как Эрих листает ворохи бумаг и усердно подчищает следы старых грешков. - Тебе это тоже ясно?

Ответить "разумеется" для писаря было делом чести. Он намеревался до последнего дня поддерживать впечатление, что Эриху Фрошу всегда все ясно и известно.

- А что ты, собственно, заметил? - осведомился Копиц.

Писарь поднял голову и замигал. Глаза у него и так болели от напряжения, а тут еще рапортфюрер все время отвлекает.

- Ну, я тоже присматривался к Лейтхольду, герр рапортфюрер. Такие люди, как он, просто не годятся для сложной работы в лагерях.

- Почему? - допытывался шеф.

Это уже становилось неприятным. "Зачем мне перед самым уходом наживать врагов?" - подумал писарь.

- Для службы в лагерях нужны такие люди, как вы: железная дисциплина и прочее, -проворчал он уклончиво.

- Не треплись, скажи прямо, что ты думаешь о Лейтхольде. Разве он не дисциплинирован?

Писарь усмехнулся с понимающим видом.

- Так, как вы, безусловно нет. Он ведь новичок, в Освенциме не был, в потехе с цыганками не участвовал.

- Заткнись, - сказал Копиц, но не рассердился. - Это уже дело прошлое.

- Для вас, но не для герра Лейтхольда. Разве вы не заметили, что надзирательница подсунула ему в кухню самых красивых девушек? Он новичок, чего же удивляться, что у него немного закружилась голова.

- Чего же удивляться... - машинально повторил Копиц и замолк. Собственно говоря, он ведь спрашивал о другом, зачем же писаришка припутывает сюда девушек? А впрочем, это было бы неплохо. Что, если Лейтхольд спутался с одной из них и именно поэтому не хочет уходить из лагеря?.. Завел шашни с жидовкой, она-то и уговаривает его не обворовывать заключенных... Это было бы просто великолепно!

- Слушай-ка, писарь, придержи язык. Не рекомендуется так говорить о члене эсэс. Что ты имеешь в виду?

Писарь опять замигал. Он понимал, что этот старый пройдоха говорит "придержи язык", а сам в глубине души желает, чтобы Эрих выложил ему побольше самых грязных сплетен.

- Завтра я отправляюсь на фронт, герр рапортфюрер, так зачем же мне...

Копиц наклонился к нему.

- Никуда ты не отправляешься, - раздельно произнес он. - Сдохнешь здесь, так и знай. Официально из Дахау еще не пришло ни строчки насчет призыва. Это, во-первых. А во-вторых, у тебя сшитое горло, и тебя все равно не возьмут в армию. Ты останешься здесь, и я тебе его распорю по швам, если ты сейчас же не расскажешь мне все, что знаешь о Лейтхольде. С кем он путается? Ну!

- Но, герр рапортфюрер...

- Этого я от тебя добьюсь, даже если придется вызвать Дейбеля. Тут уж будет без церемоний! С кем?

Дело принимало плохой оборот. И как только все это вдруг получилось? Еще пять минут назад можно было говорить с Копицем о старых добрых временах и об освенцимских цыганках, а сейчас конец подобным элегиям. Писарь слишком хорошо знает своего начальника - сейчас надо отвечать...

- С какой именно, я, честное слово, не знаю, - робко оказал он, - но когда вы срочно вызывали Лейтхольда вечером, я нашел его на кухне. Он просидел там всю тревогу, запершись с двенадцатью девушками.

- И, конечно, в темноте, - сказал Копиц и стал ходить по комнате. - Но в этом нет ничего особенного. Куда же ему было деться во время налета? С двенадцатью девушками... вот если бы с одной, тогда другое дело.

Писарь постарался перевести разговор на менее щекотливую тему.

- С одной девушкой тут была наедине фрау надзирательница и даже принесла ей в подарок котенка...

- Не путай ты разные вещи! - махнул рукой задумавшийся рапортфюрер. Россхаупт меня сейчас не интересует... Кстати, я

узнал от девушек в эсэсовской кухне, что она бьет эту свою секретаршу. Значит, все в порядке, кто же может ее упрекнуть за побои? А вот Лейтхольд к ним подозрительно добр, с ним надо быть начеку.

* * *

В среду вечером, еще до того, как все заключенные вернулись с внешних работ, Оскар собрал врачей на совещание. Койку большого Рача занял новый дантист, в остальном в лазарете все осталось по-прежнему. Санитар Пепи возился с мисками и ложками, маленький Рач сидел рядом со своим другом румыном. Шими-бачи до сумерек бегал по больным и пришел в лазарет последним. Старший врач поглядел в окно, на фонари на ограде, потом повернулся к коллегам и выпятил подбородок.

- То, о чем мы сейчас будем говорить, должно пока что остаться между нами. Слышишь, Пепи? Сходил бы ты лучше к своим товарищам в немецкий барак. Все равно ведь завтра ты с нами{22} расстаешься.

- Вот именно, поэтому не выгоняй меня, Оскар! - жалобно попросил Пепи.

Оскар усмехнулся. Ему тоже не хотелось расставаться с придурковатым судетцем. А, кстати говоря, почему Пепи прозвали дурачком? В последнее время он вел себя отлично и даже не хвастал своим богатым папашей и тремя кинотеатрами, которыми они владели в Усти, Дечине и Либерце.

- Ну, так садись, но повторяю тебе: все должно остаться между нами.

Пепи сделал обиженный жест, а Оскар начал говорить.

- Вы сами хорошо, знаете, зачем я вас созвал. Коллега Галчинский единственный среди нас, кто не имеет опыта в этом деле: мы все перенесли сыпной тиф в Варшаве и так много имели там с ним дела, что едва ли ошибаемся сейчас. Что скажешь, Шими?

Старый венгр погладил себя по румяным щекам.

- К сожалению, это так. Температура сорок - сорок один градус и все другие признаки. И миллионы вшей. Новый транспорт насквозь завшивлен... Через пару дней появятся больные и среди старожилов.

- Остается одно, - сказал Оскар, сжав кулаки. - Просить капитальной дезинфекции и вакцины для прививок. Дезинфекция - дело несложное, и мы, очевидно, ее добьемся. Походная дезинфекционная установка поработает здесь два-три дня, и со вшами будет покончено на две-три недели. Второе посложнее и, наверное, не удастся: вакцина на две тысячи человек для них слишком большой расход. И все же мы должны безоговорочно

требовать и того, и другого. А помимо всего, разумеется, карантина для всего лагеря. Иначе мы занесем тиф к Моллю, где работает больше десяти тысяч заключенных. Там они в контакте с гражданскими, так что эпидемия может перекинуться и в Мюнхен. Согласны?

- А как же я? - сказал Пепи. - Завтра мне отсюда уезжать. Если вы переполошите всю округу, я застряну в карантине и до смерти не выкарабкаюсь отсюда.

- Вот что я тебе скажу, - Оскар наклонился к нему. - Мы должны были доложить комендатуре о тифе еще сегодня утром. Но старый педант Шими просит еще сутки на диагностику, а я тоже хотел бы суточной отсрочки, но не для этого. По совести сказать, я боюсь, чтобы вы, зеленые, не застряли в лагере. Одиннадцать зеленых озвереют в карантине. Без шансов на уход, без возможности спекулировать они перевернут вверх дном весь лагерь. Поэтому пусть лучше завтра убираются подобру-поздорову, а потом мы начнем свое дело.

- Вот и хорошо, - нервно усмехнулся Пепи. - А теперь скажи мне, что будет, если из этого призыва ничего не выйдет?

- Как так? Что ты дуришь? Это же верное дело.

- Не совсем, Оскар. Я только что был в немецком бараке. Писарь пришел туда из комендатуры и клялся, что рапортфюрер оказал ему: официально, мол, о призыве зеленых не получено ни строчки. Скажу вам - только это между нами, - ребята сразу стали решать, не лучше ли завтра же попроситься на внешние работы. Курить им уже нечего, в лагере скучища, а на стройке, говорят, можно раздобыть даже сало...

Старший врач переглянулся с коллегами, стараясь выяснить их мнение. Все лица были серьезны. Антонеску поднял свое римское чело.

- Не может быть никаких отговорок. Мы - врачи, и наш долг сообщить, что началась эпидемия. И очень опасная. В Варшаве мы все видели, что такое тифозная эпидемия, а ведь это было в стране, где с ней привыкли бороться. Представьте себе, что будет в Мюнхене...

Шими-бачи пожал плечами.

-- Подохнет тысяча-другая немцев...

- Так нельзя рассуждать! - прервал его Оскар. - Константин прав, и мне стыдно, что я хотел ждать еще сутки. Нам ясно, что это сыпняк, и мы утром доложим о нем в комендатуре. Вопрос решен.

* * *

К ночи заключенные вернулись с внешних работ и хотели было идти прямо к кухне. Но у ворот разыгрались драматические

сцены. Дело в том, что сегодня утром Копиц вызвал начальника охраны и сообщил ему, что уголь для отопления казармы не получен и пока не ожидается. Уголь надо добывать самим. А потому пусть-ка конвойные, перед тем как вести заключенных домой, поставят их где-нибудь поближе к угольному складу. Заключенные, конечно, начнут красть уголь, а конвоиры пусть закроют на это глаза. Вечером у ворот мы устроим обыск, проверим, что есть у каждого хефтлинка в карманах и за пазухой. Отнимать у них весь уголь не следует, иначе они завтра не пойдут воровать. Мы реквизируем у них две трети добычи. Одну - для папеньки-рапортфюрера, другую - для матушки-охраны, а третья пусть остается им. Так мы обеспечим топливо для казармы и для комендатуры. Verstanden?

Начальник охраны понял, и все прошло без сучка, без задоринки. Хефтлинки, правда, чертыхались, видя, что зря тащили на себе тяжелый уголь, но, когда конвойные все же оставили им кое-что, решили, что это лучше, чем ничего. По крайней мере, можно ночью хоть немножко протопить в бараках, а это очень важно, потому что все еще валит снег, и надежды на новую оттепель нет.

* * *

Фредо вошел в контору и сбросил мешок, в котором носил казенные бумаги. Писарь еще не вернулся, и Зденек, воспользовавшись его отсутствием, тотчас спросил грека:

- Ну что, есть вести от моего брата?

- Есть, у Гонзы Шульца, - ответил Фредо. - Сходи к нему. Нам с ним сегодня вечером еще надо в лазарет, к Оскару. Ты забеги туда и скажи, что мы придем после десяти, пусть Оскар ждет. Дело касается также и твоего брата, так что пошевеливайся.

Зденек выбежал на улицу и в потемках побежал вдоль очереди, которая растянулась от ворот до кухни. Он хотел вернуться в контору еще до прихода Эриха и усиленно вглядывался в лица стоявших в очереди, стараясь узнать Гонзу среди людей в мефистофельских шапочках. Сегодня раздача еды шла быстрее: выдавали картошку в мундире, люди брали ее прямо в шапки, миски были не нужны.

"Зеленые" следили за порядком. Зденек со своей чудодейственной писарской повязкой проникал через все кордоны. Бывшие "терезинцы" следили за ним завистливым взглядом - ишь ты, уже вознесся! Но Зденеку было все равно, он шел вдоль рядов и шепотом справлялся:

"Гонза Шульц! Нет ли тут Гонзы Шульца?"

Ярда взял его за рукав.

- Мы здесь. А в чем дело?

- Здорово, Гонза! Говорят, у тебя есть новости для меня. Отойдем в сторонку.

- А ужин? - проворчал Гонза. Он так и не сбежал со стройки, ни вчера, ни сегодня. А кто виноват в этом? Вот этот чертов писарь и, главное, арбейтдинст Фредо. Они так прочно вплели Гонзу в новую организационную сеть, которая возникла на внешних работах, что ни о чем ином не приходилось и думать. И все же у Гонзы отлегло от сердца, он был теперь чем-то занят, у него появилась какая-то моральная опора. Но на Зденека он все-таки дулся.

- Я стою в очереди, - отрезал он.

- Брось, пойдем, - прошептал Зденек. - Я прежде припрятывал кое-что для Феликса, теперь могу отдавать тебе.

- Не надо мне никаких подачек, я получаю еду, как все, - проворчал Гонза. - Приходи ко мне в барак. А пока подождешь!

Ему было приятно нагрубить писарю и чувствовать при этом молчаливое одобрение соседей. "Ай да он! - говорили стоявшие в очереди. - Проминент к нему подмазывается, а он хоть бы что".

- Дай мне хотя бы письмо, если оно у тебя есть, - скромно попросил Зденек.

Гонза неохотно сунул руку в карман.

- Не знаю, сможешь ли ты прочитать его. Когда нас обыскивали и отбирали уголь, мне пришлось сунуть эту бумажку в рот.

Зденек сжал в руке влажный листок.

- Спасибо. Так, значит, в бараке.

И он побежал, ему не терпелось прочитать письмо брата. Но прежде нужно было заскочить к Оскару.

Около лазарета толклись люди и лежали новые больные, которых товарищи принесли на плечах. В больничных бараках не хватало мест, и приходилось ждать, пока тотенкоманда унесет последних мертвецов. Похоже было, что за их места вот-вот начнется настоящая драка.

- Господин шеф! - раздался голос за спиной Зденека, и кто-то потянул его за полу. - Я тут принес порцию говядины под красным соусом, но никто ее не берет...

- А-а, Франтишек! - Зденек узнал старого кельнера из своего барака. Что ты принес?

- Да вот, куснула меня у Молля машина. Я там занимался тем же, чем князь Сватоплук{23}, - сгибал прутья. Для железобетона, знаешь?

И Франта сунул под нос Зденеку свою правую руку, обмотанную окровавленным куском бумаги.

- Пальцы?

- Два - в кашу, остальным тоже досталось. Теперь мне уже не носить подносы.

- Зденек взял его под руку и повел к дверям лазарета.

- Туда - нет! - упирался Франта. - Оттуда нас только что выгнали палкой.

- Пойдем! - сказал Зденек и толкнул дверь ногой. В лазарете был только новый дантист. Узнав писаря, он спрятал палку за спину.

- Почему ты дерешься? - накинулся на него Зденек. - Этому человеку срочно нужна медицинская помощь.

- Во-первых, я никого не бил, - защищался тот. - А во-вторых, это не по моей специальности.

- Вздор! Я тоже делаю вещи, о которых до лагеря представления не имел. Почему ты не помогаешь в лазарете?

- Старший врач не велел мне ходить в бараки, потому что я не болел тифом...

- Что-о?

Дантист спохватился, что разболтал секрет.

- Ничего... Старший врач распорядился... велел мне...

- Ты сказал - тиф, я хорошо слышал. Значит, у нас сыпняк?

- Нет! - соврал дантист.

Зденек не стал спорить.

- Быстренько перевяжи руку товарищу, это моя личная просьба.

- Охотно. А ты, писарь, забудь о том, что я сказал. Я...

- За дело, за дело!

Пока врач разматывал бумажный бинт и осматривал раны Франтишека, Зденек сел за стол Оскара и разложил на нем письмо брата. Вот так разочарование: это не почерк Ирки! Напряженное любопытство Зденека разом сменилось страхом: что в этом письме? Значит, Ирка уже не может писать и диктовал кому-то...

Зденеку вдруг вспомнился почерк Ирки. Ах, этот неровный, безобразнейший почерк! Зденек смотрел на письмо и, вместо того чтобы читать, задумался о каких-то давних временах и даже улыбнулся, вспомнив воркотню матери. Она гордилась своим непревзойденным почерком, - как четко она выводила основные и волосные линии каждой буквы! И как она огорчалась, что ни один из сыновей не унаследовал ее каллиграфического таланта. Даже у ее любимчика Зденека не было красивого почерка, он писал, как выражался отец, "галантным почерком", этаким разборчивым, округлым, деловитым - без характерности, которой гордился сам папаша, без каллиграфии, которой отличался почерк матери. Но, боже мой, как назвать закорючки нашего Ирки? Буквы вкривь и

вкось, разномастные, несоразмерные... А ведь до чего умный был парнишка! Содержание того, что он писал, было ясно, точно, доходчиво... но что за почерк! А тетрадки! Жирные пятна, кляксы, ослиные уши. Зденек тоже не отличался особенной аккуратностью, но все же красивые синие обложки для тетрадок, которые они получали от отца перед началом занятий, сохранялись у Зденека до конца учебного года. У Ирки они были в лохмотьях уже к концу первого семестра. Мамаша горевала, а папаша качал головой. И что из тебя будет, несчастный? Ногти у тебя в чернилах, шея... э-э, ты сегодня опять не мыл шею?

С нежностью и мучительным беспокойством Зденек наклонился над столом и заставил себя прочитать записку на влажной бумаге, которую чужая рука написала карандашом.

"Дорогой брат, твоя записка и подарок меня очень обрадовали. Я чувствую себя не очень хорошо, но, наверное, еще выдержу. То, что ты сообщаешь о маме, я уже знаю. Здесь есть кое-кто из знакомых, они мне многое рассказывали и хвалили тебя. Говорят, ты в Терезине был молодцом, я рад этому. Продолжай в том же духе, держись, давай о себе знать. Твердо надеюсь, что еще увижу тебя. И Прагу тоже. А больше всего меня радует дядя Пепик{24}. Привет!

Иранек".

Зденек поднес письмо поближе к глазам. Буквы подписи шли вкривь и вкось, их явно писал сам Ирка! И подписался он своей старой комсомольской кличкой, это тоже не случайно: ведь они вместе состояли в комсомоле. Намек на Сталина тоже свидетельствовал о том, что письмо было не только от брата к брату, но и от товарища к товарищу. "Говорят, ты в Терезине был молодцом, я рад этому"...

Зденек сунул письмо в карман и повернулся к врачу, склонившемуся над изувеченной рукой Франты.

- Мне нужно идти, доктор. Передай Оокару, что после десяти я приду с арбейтдинстом Фредо. А этого пациента по возможности поместите в лазарет. Он хороший парень и из моего барака.

* * *

В кухне шла генеральная уборка, в ней участвовало уже не только двенадцать девушек, как в ту роковую ночь. "Татарка" Като и другие не угодные Юлишке девушки после одного дня на внешних работах были возвращены в кухню. Они обнаружили, что их капо стала еще хуже, чем была. С того вечера, когда она провела часы воздушной тревоги на койке Лейтхольда, правда, в одиночестве, - Юлишка держалась так, словно и на самом деле стала супругой эсэсовца, а кухня - ее собственной вотчиной. Сама

не понимая почему, она очень легко вживалась в новую роль. Может быть, потому, что у них дома была когда-то сходная ситуация. Отец, замкнутый, застенчивый, слабохарактерный человек, по годам намного старше матери, держался так, словно он все время извинялся за свое существование на свете. Бразды правления фабричкой взяла в свои руки его супруга. Эта пышная, привычно кокетничающая красотка верховодила всем, сохраняя видимость полной преданности мужу. Ей нравилось управлять, работать, распоряжаться, и вместе с тем она считала себя жертвой. Разве она не губит нервы, молодость и красоту ради того, чтобы обеспечить себя и дочь и поддерживать весь этот опротивевший, но необходимый "приличный образ жизни"?

"Ужасная жизнь! - жаловалась она иногда маленькой Юлишке. - Но как бы мы иначе жили?"

Сейчас властительнице лагерной кухни тоже казалось, что лишь ценой неутомимой деятельности, строгости с одними и кокетливого выпячивания бюста перед другими можно сохранить уже не какой-то "образ жизни", а саму жизнь вообще. И Юлишка пружинистой походкой прохаживалась по кухне, похлопывала палкой по руке, покрикивала на девушек. С Лейтхольдом она держалась нежно, почтительно, щурила глаза, щебетала "битташон" и умела вовремя пришить кюхеншефу оторвавшуюся пуговицу. Всем остальным мужчинам ("мусульмане", разумеется, не в счет) она бросала равно многообещающие и безличные взгляды и в общем была живым олицетворением того, что называется "чардашевый темперамент".

Парочка венцев, которые хаживали к писарю за подачкой, перестали исполнять песенку "Мамочка, купи мне лошадку" и сегодня впервые выступили в немецком бараке с программой под названием "Наш новый номер". Один из них повязал на голову женский платочек, подложил под курткой карикатурный бюст, навел углем глаза и, помахивая палочкой, напевал шлагр{25} из кинофильма Марики Рокк:

Ах, в моем горячем сердце,
Как огонь, пылает кровь,
Видно, в сердце много перца,
Горяча моя любовь!

Второй комик изображал самого себя - жалкого, ушастого "мусульманина" в мефистофельской шапочке. Он подхватывал плаксивым тоном:

Ах, в моем убогом сердце
Кровь нечистая течет,
Неарийцу здесь несладко,
А арийцу здесь почет!

Капо и другие немецкие проминенты валились с ног от смеха и заставляли остряков несколько раз повторять куплет о "номере с перцем в неарийской крови".

4.

Кто-то из заключенных нашел на стройке карманное зеркальце, и инженер Мирек купил его за краюху хлеба.

- Ты просто спятил, - бранил его Рудла, узнав об этом. - Старый урод, женатый человек, отец семейства, и вздумал отдавать калории за такую безделку!

Зеркальце было круглое, в розовой целлулоидной оправе, с рекламной надписью на оборотной стороне: "Мое любимое местечко - "Аде-бар" в Мюнхене, Принцрегентштрассе, No 8!" Внизу было крохотное изображение аиста.

Вечером Мирек сидел на нарах под электрической лампочкой, ни с кем не разговаривал и, тщательно протерев зеркальце рукавом, долго гляделся в него.

Ярда стал рассуждать вслух.

- Говорят, что женщины тщеславны. Куда им до стареющих мужчин! Я в этом убедился еще в портновской мастерской. Мне, например, никогда не случалось видеть, чтобы клиентка рассматривала в зеркале свои старые зубы вместо того, чтобы глядеть на новое платье. А мужчины совсем другое дело. Поставишь его перед трюмо, и он глядит в него, как загипнотизированный, даже не замечает, что я на нем примеряю, все изучает самого себя. Видимо, от непривычки к тройному отражению каждый из них не сводит глаз со своего профиля, величественно задирает голову - чтобы исчез второй подбородок, поправляет рукой лохмы за ухом, с содроганием глядит на лысеющее темя. Потом, заметив у себя брюшко, пытается подтянуть его. Мужчины, я вам скажу...

- И охота тебе болтать, - прервал его Рудла. - Был бы тут кельнер Франта, уж он спел бы тебе песенку "Ярдочке дали болтанку на сладкое..."

- Весельчак Франта! - вздохнул кто-то в углу. - Каково-то ему там, бедняге?

- Зденек устроил его в лазарет. Я у него был, ему там неплохо, проворчал Мошек.

Стало тихо, и лишь иногда кто-нибудь из обитателей барака подталкивал соседа, чтобы показать на Мирека. Тот все еще сидел посреди барака, под лампочкой, и разглядывал себя в зеркальце. Впервые за несколько месяцев он увидел в этом чудесном стеклышке часть своего лица. Серая, нездоровая, словно опухшая кожа, шелушащаяся, вся в крупных порах. Из всех морщин торчит щетина, и в ней так много седых волосков...

Мирек покачал головой, огрубевшими пальцами пощупал щетину и уставился на свои губы. У них тоже был неутешительный вид - бескровные, растрескавшиеся, горько поджатые, а над ними заострившийся нос с грязью, въевшейся в кожу... Мирек перевел взгляд выше и обнаружил самое удивительное: собственный глаз. Сколько красных жилок пронизывает синеватый белок! Коричневая в зеленоватых крапинках радужница кажется ужасающе живой, она сжимается, когда на нее падает зайчик от зеркальца, она похожа на кожу какого-то моллюска. А в середине виднеется бархатная мишень, черное бездонное отверстие, через которое Мирек ненасытно созерцает самого себя. Вот это я, заключенный лагеря Гиглинг, твердит он. Это я. Все еще я...

Тишину нарушил Гонза, который за несколько минут до десяти часов открыл дверь и заглянул в барак.

- Гостям вход запрещен! - закричал из глубины барака блоковый, разевая рот, как карп. - Что тебе надо, мусульманин?

- Ничего, - сказал Гонза. - Сейчас ухожу. Ярда, поди-ка на минуту.

- Смотри, возвращайся до того, как погасят свет! - погрозил Ярде блоковый и исчез за занавеской. Ярда вышел из барака.

- Слушай внимательно! - шепнул ему Гонза. - Для тебя есть деликатное задание. Мы узнали, что главная кухарка, знаешь, та, что дерется, будет заказывать себе брюки. Арбейтдинст Фредо хочет, чтобы их сшил кто-нибудь из наших. Во-первых, это хороший заработок, во-вторых, можно узнать что-нибудь об этой стерве. Я сказал ему, что в моей бригаде есть портной. Завтра утром скажись больным, Фредо устроит, чтобы тебя оставили в лагере. Пойдешь на кухню и скажешь Юлишке: "Меня прислал арбейтдинст, у меня был первоклассный портновский салон в Праге". Понятно?

Ярда кивнул.

- И никому ни слова. Завтра вечером я зайду к тебе узнать, как прошло дело. Пока!

* * *

Ночной разговор с Оскаром был бурным. Фредо и Зденек уселись в лазаретном бараке, у входа, остальные врачи уже спали, Пепи еще был у своих приятелей немцев. Оскар зажег огарок свечки и шепотом поздоровался с пришедшими.

Фредо рассказал, что в соседнем лагере "Гиглинг 5", с которым ему удалось наладить связь на внешних работах, страшная теснота. На ведущих местах там наши, - сказал грек. - У них есть некоторое влияние на комендатуру, и они, вероятно, смогут устроить, чтобы часть больных из их лагеря перевели в

"тройку", то есть к нам. В "Гиглинге 3" есть свободные места для сотни-другой человек, да и лазарет здесь в лучших руках, чем там. (При этих словах Оскар насмешливо поклонился.) Если сюда к нам прибудет партия больных, Оскар сможет выпросить еще несколько бараков под лазарет. Кстати говоря, среди больных - брат Зденека. Партийное руководство в пятом лагере считает, что ему и другим товарищам будет лучше у нас. Можно рассчитывать и на Зденека, который занимает видное положение в конторе. Оно еще укрепится, если Эриха Фроша возьмут в армию. Не исключено, что при такой головке лагеря, как Оскар и Зденек, весь "Гиглинг 3" со временем будет преобразован в лазарет. Заключенных не будут гонять на работу, и сюда переведут больных из всех гиглингских лагерей...

Оскар выслушал Фредо с удивительным терпением. Он, правда, несколько раз поднял брови, особенно при словах "хороших ребят, которые сейчас болеют", почувствовав тут явный политический привкус, но промолчал, а потом сделал жест, как бы зачеркивая все планы арбейтдинста.

- Ничего не выйдет. То, что вы придумали, выглядит неплохо, но я вам скажу правду: у нас в лагере сыпняк, и это меняет все дело. Утром мы доложим рапортфюреру, что от тифа уже умерло восемнадцать человек, а еще три десятка лежат с тифом. Шимибачи установил это. Лагерь придется изолировать, а не пополнять его, как вы хотите. Сюда никого нельзя допускать, ни больных, ни здоровых, пока мы не избавимся от вшей переносчиков заразы.

Сообщение о тифе не произвело на Фредо такого впечатления, как ожидал Зденек.

- Сыпняк? - сказал он. - Ну и что же? Сколько раз вы уже говорили, что он неизбежен: вшивость, транспорты из Освенцима, - рано или поздно быть тифу. И вот в лагере тиф. Не терять же голову? Ты, Оскар, все страшно упрощаешь. Пойдем, мол, к нацистам, доложим им об эпидемии, и пусть они делают все, что нужно. Ты всерьез думаешь, что, узнав о тифе, они не погонят нас завтра на работу?

- Это невозможно! - Оскар вскинул голову.

- А что было в Варшаве? Там ведь был сыпняк...

- В Варшаве мы были стадом заключенных среди развалин вражеского города. Немцев не тревожила наша судьба или судьба поляков в окрестностях лагеря. Здесь совсем другое дело: мы живем возле Мюнхена, а Молль строит важнейший военный объект. Не пойдут же они на приостановку этих работ только из-за того, что на "Гиглинг 3" не был своевременно наложен карантин.

Фредо обнял Оскара за плечи и понизил голос.

- Можно думать, что ты не видел своими глазами этой стройки. Каждому зрячему ясно, что дело там не ладится, что это вообще не серьезная затея, а только так, видимость работы. Понятно? Никто не станет приостанавливать ее. Если даже половина узников перемрет, у Молля все будет идти по-прежнему. Из-за сыпняка стройка не остановится ни на один день.

- Я тебя не понимаю, - хмуро сказал Оскар.

Фредо усмехнулся.

- Ручаюсь, что завтра мы пойдем на работу. Ты доложишь об эпидемии, и ничто не изменится. Держу пари!

- К чему пари? Мы просто не смеем идти на стройку!

- Ты - доктор, Оскар, и хороший доктор. Мне ты твердишь, что я только политик. Теперь ты увидишь, как политика возобладает над медициной. К сожалению, политика, направленная против нас. Немцы заставят нас работать, что бы там ни было. Мы все перемрем! Пусть! Но пока мы живы, они не посчитаются ни с чем. Администрация стройки заинтересована в том, чтобы она продолжалась. Копиц, разумеется, тоже хочет, чтобы мы работали, о Дейбеле я уж не говорю. Знаешь ты, кстати, что он уже нашел себе нового ставленника, Мотику, и тот спекулирует для него золотом на стройке? Дальше: даже такая мелкота, как конвойные, заинтересованы, чтобы мы работали, иначе они останутся без угля для своей казармы. А если на лагерь будет наложен карантин, большинству из них не миновать фронта. Так?

- Я не политик, мне до всего этого нет дела. Я выполню свой врачебный долг...

- Не ребячься, Оскар! Что важнее - твой врачебный долг или судьба людей? Политике надо противопоставить политику. Нашу политику, политику подполья, тоже вполне действенную, если мы все ее поддержим. Давай-ка проведем это дело с пятым лагерем, они пришлют к нам сюда своих больных, и мы тогда в самом деле сможем изменить характер лагеря...

- С ума ты сошел? - вскочил врач. - Хочешь в тифозный лагерь принимать новых людей?

- Вши есть всюду. Если тифом болеют у нас, будут болеть и в других местах. Может быть, вы обнаружили тиф раньше других, а может быть, и в других лагерях уже знают о нем, но боятся сказать немцам, чтобы не угодить в газовую камеру. Вот как обстоит дело.

- Вздор. Пусть в других лагерях будет хоть чума, на то там есть врачи, чтобы они распознали ее и приняли меры. А что касается нас, то из нашего лагеря завтра никто не пойдет на работу. И сюда к нам тоже никого нельзя пускать. Покойной

ночи!

- Оскар, послушай, ничего у тебя не выйдет. Не лучше ли добиваться превращения нашего лагеря в лазарет окольным путем, как предлагаю я? Согласись на то, чтобы я завтра сказал людям из пятого лагеря...

- Как врач, я не могу на это согласиться, даже если бы хотел. Еще раз - покойной ночи!

* * *

Но ночь была неспокойной. Около полуночи начался воздушный налет; гул самолетов был оглушительнее, чем обычно, бомбы падали чаще, в окнах звенели стекла.

Хорст выскользнул из конторы и, пригнувшись, побежал к забору женского лагеря. Но он оказался там не первым: за клозетным бараком, скрытый от взглядов часового, уже стоял Диего Перейра и разговаривал с маленькой Като.

- Пардон, коллега, - галантно сказал Хорст, - разреши попросить твою даму об услуге? Вы не вызвали бы сюда Беа?

Скуластая девушка молча кивнула и побежала к бараку.

Диего не начинал разговора.

- Сигарету? - галантно обратился к нему Хорст. Он был из того сорта людей, что не теряются в любой обстановке, если у них есть в кармане портсигар и безотказно работающая зажигалка, которые можно открывать и защелкивать эффектным жестом кинематографического сыщика.

Диего не отказался.

- Gracie, - поблагодарил он и наклонился к огоньку зажигалки. Организовал курево на стройке?

- А где же еще, могильщик? У твоих голых покойников сигарет не найдешь. Но эти у меня последние. Самое время завтра уезжать.

- Под бомбы? - испанец кивнул в сторону Мюнхена, где на фоне низко нависших туч виднелось зарево пожаров.

"Не следовало бы мне тут вести разговоры с этим коммунистом", подумал Хорст, но вслух сказал: - Пока что еще ничего не известно, насчет призыва не было приказа. Мы опять собираемся на стройку.

Диего кивнул большой головой.

- Ах, вот как! Никст воевать? А выдержишь ты тут, so ein grosser Patriota?

- Не патриота, а патриот, - поправил Хорст, сдувая пепел с сигареты. "Патриот" склоняется, как "идиот" и тому подобное. Понятно? Никак ты не научишься правильно говорить по-немецки!

- Я бы выучился, если бы на нем сейчас велись умные речи, -

усмехнулся Диего. - А словам Гитлера - грош цена. Может быть, и тебе не мешало бы научиться какому-нибудь языку, например венгерскому.

"Не надо было мне ввязываться в разговор с ним, - сказал себе Хорст. Уже начинает меня агитировать. А впрочем, это неплохая идея - не терять Беа из виду после войны. Такое знакомство может быть полезно в первые, самые трудные дни..."

Като вернулась. Вслед за ней уже бежала стройная Беа. Она прижалась к забору и поцеловала Хорста в выпяченные губы под щегольскими усиками: пусть Като видит! Все равно она будет меня честить, так по крайней мере не за выдуманные грехи.

Като оперлась о забор чуть подальше, глядя только на Диего. Ей было стыдно за соотечественницу, и она искала какую-нибудь нейтральную тему, чтобы продолжать разговор.

- Вы курите? - шепотом спросила она. Испанец тоже смутился и поддержал эту тему.

- Вам это не нравится? Курево - единственная вещь, которая одинакова и в лагере и на свободе. Поэтому мы все курим. Э-э нет, погодите, - вспомнил он. - Я знаю одного, что не курит. Это Фредо.

- Тот самый грек?

- Товарищ! - настойчиво поправил испанец. - Он хороший человек, хотя немного чудак. Например, с курением. А меня он ругает анархистом.

- А разве вы не анархист? - Като сделала круглые глаза.

- Я? - Диего прижал руку к груди и обиженно посмотрел на нее. - Это все, видно, потому, что обо мне рассказывали, как я в монастыре на Гвадераме... А впрочем, лучше не говорить вам. об этом. А то вы всерьез подумаете...

- Расскажите!

- Не стоит! - он покачал головой. - А Фредо прав, хотя иногда он перегибает. Например, в Буне он не позволил мне поджечь бочки с бензином... а как потом сам обрадовался, когда... Только вы об этом никому не говорите, ладно?

- Какие такие бочки? И что такое Буна?

Он улыбнулся.

- Хорошо, что вы не знаете. По крайней мере скорее забудете.

Като обиженно вскинула голову, а Диего прошептал:

- Не думайте, что я вам не доверяю. Наоборот. А насчет этих дел я нарочно упомянул, чтобы вы поняли, что они иногда бывают нешуточные.

- А вы думаете, меня интересуют только шуточки? Я пришла потому, что вы пообещали...

- Только потому?

Он прижался к забору, но Като тотчас отодвинулась. Рядом тихо хихикала Беа.

- Да, только потому, - повторила Като. - Хватит с меня того, как ведет себя вот эта. А что вытворяет в кухне Юлишка. Не скажу, что я совсем не думаю о мужчинах. Но когда я вижу этих шлюх, то каждый раз клянусь себе...

- Потише! - предостерег ее Диего. - Порядочные девушки тоже встречаются с мужчинами и даже выходят за них замуж.

- В более подходящее время. Сегодняшняя ночь для этого определенно не годится. Говорите, что вы мне хотели сказать, и я пойду.

Диего рассказал ей о разговоре с Вольфи и Фредо. Кухня должна приложить все силы, чтобы улучшить питание заключенных, должна заботиться о том, чтобы продукты не крали и каждый получал законную порцию. Посуду нельзя раздавать по баракам; посоветуйте кюхеншефу каждый день делать проверку в бараках после ухода людей на работу. Посуда должна быть в кухне, это ускорит раздачу еды, и люди раньше пойдут спать. Надо поговорить с Лейтхольдом о том, нельзя ли выдавать ужин и во время воздушной тревоги, при свечке, или заканчивать раздачу после отбоя. Девушки, работающие в кухне СС и в казарме, пусть прислушиваются ко всем новостям, а также стараются стащить старые газеты и принести их в лагерь. Диего и его товарищей интересуег точная численность охраны, какие в ней происходят изменения, каково настроение солдат. И, наконец, такие девушки, как Като и Илона, должны позаботиться о том, чтобы в женском лагере не было ссор и склок, чтобы никто не терял надежды и коллектив сумел заставить всех без исключения подчиняться его решениям. В частности, и Юлишку. Надо ей внушить, что война не продлится вечно. Если она сейчас спасает себя ценой вражды с коллективом, то это потом выйдет ей боком. У нее есть некоторое влияние на Лейтхольда, надо это влияние использовать. Но Юлишка должна понять, что товарки следят за ней и что она не избавится от кары, если будет подличать.

- Ну, не хватит ли на сегодня?

- Да, пожалуй, - Като перевела дыхание, улыбка на ее лице сменилась сосредоточенным выражением. - Погодите, я быстренько все повторю. Значит, первое...

Было холодно, падал снег, но обе пары упорно не отходили от забора. У Хорста и его девушки пылали щеки, они строили фантастические планы на будущее и целовались все жарче.

Вдруг что-то прервало их воркование - в темном проеме дверей женского барака появилась стройная фигура. "Кис-кис,

кис-кис!" - настойчиво звала она.

Като и Беа обернулись.

- В чем дело, Иолан?

Перепуганная секретарша выбежала в одной рубашке, она не ожидала, что встретит в темноте кого-нибудь.

- Она убежала... Вы ее не видели?

Все стали смотреть по сторонам. Като показала в сторону ограды.

- Вон там что-то виднеется. Только берегись, чтобы тебя не заметил часовой с вышки.

Иолан, не раздумывая, побежала в ту сторону. В самом деле, какой-то темный комочек подкатился ближе к ограде.

- Стой! - крикнула Като. "Боже!" - ахнула Беа. С вышки гаркнул голос: "Was ist denn los?" нем)>.

Иолан была уже около самой ограды, но котенок карабкался вверх по столбу. "Кис-кис!"-позвала девушка.

Вдруг послышалось шипение, словно раскаленное железо погрузилось в воду. Иолан закрыла глаза руками, ноги у нее подкосились, и она упала в снег. Часовой на вышке включил прожектор и, пошарив лучом, навел его на лежавшую в снегу девушку. "Стой! Назад! Буду стрелять!" - закричал он в темноте, которая теперь казалась еще непрогляднее.

Като вбежала в круг света, подняла руки.

- Bitte, nicht schiessen! нем.)> Эта девушка в обмороке. Мы унесем ее. Беа, быстро!

- Я держу вас на прицеле, так что без глупостей. Los!

Като уже ухватила товарку за плечи, Беа, осмелев, подбежала и взяла ее за ноги. Луч прожектора проводил их до двери и погас, только когда три девушки исчезли в землянке.

В тени высокого барака Хорст прошептал испанцу:

- Как ты думаешь, она прибежит сюда еще раз?

- Едва ли, - проворчал тот. - А завтра утром устрой, чтобы комендатура на минуту выключила ток. Если мы этого котенка не снимем с проволоки, наши девушки с ума сойдут.

* * *

Да, это была недобрая ночь. Бомбежка кончилась, огни на ограде зажглись, ветер стих, но людям в занесенном снегом лагере спалось плохо. У сотен узников была лихорадка, она захватила их, как бурный поток. Иногда спящие блаженно улыбались, хотя этого никто не замечал. Им слышался серебряный смех, им казалось, что они уже умерли. "Как мы вас провели! - И они показывали язык докторам своего детства и всему миру. - Мы провели вас, мы умерли, ха-ха!"

Сиплое дыхание слышалось в бараке. "Это дыхание лагеря, я

сторожу дыхание лагеря", - твердил себе Зденек, ворочаясь с боку на бок. Ему не спалось. Он еще здоров, он еще не заразился тифом, но Оскар сказал, что это никого не минует... Эпидемия сыпняка захватит всех, ни у кого нет иммунитета, кроме тех, кто уже переболел. Тиф разносят вши, больные вши. Они сами заражаются от больного и умирают, но прежде переносят тиф на людей. Наши судьбы связаны с этими насекомыми, мы умираем из-за них, а они из-за нас. Написать бы сказку - старая вошь наставляет молодую: "Избегай дурного общества, не ходи к людям, еще заразишься"...

Нет, это плохо, это ведь не сказка о животных, а сказка для животных. А почему бы в самом деле не написать книжку сказок для животных? Чтобы было все наоборот... Например, старый вол рассказывает: "Жил однажды человек, который умел мычать по-нашему"... - "Что ты, дедушка, - вмешивается теленок. - Люди же не умеют мычать, как мы", - "Не спорь, мальчишка, обрывает его старый вол. - В сказке все возможно..." Ну, хватит, какие там сказки для зверей, ты же не писатель, не лезь в чужое ремесло! Юная Иолан ждет от тебя фильм. Уж если писать, напиши сценарий. А как его начать? "На голой ладони края лежит лагерь..." Бр-р-р, это еще похуже сказки для животных! Долой литературщину, нужны факты, документальность! "Полоса грязи среди леса, на ней лагерь. Ограда с током высокого напряжения, низкие крыши бараков, ночь". Это неплохо. Начну с ночного пейзажа. "Снеговые перины покрыли темные треугольники крыш..." Перины? К черту банальные образы приятных вещей, здесь им не место. Пиши, оскалив зубы, сурово, зло... Нет, это не годится, так начинать нельзя. Беспощадная точность придет потом, когда возникнет общая картина и можно будет давать оценки. Вначале должен быть хаос, мрак. Изнуренные люди, шатаясь, выходят из освенцимского транспорта. Словно их случайно уронили с лопаты, на которой уже несли к жерлу газовой печи. Им еще суждено катиться куда-то и жить.. Волчий туман вначале, волчий оскал в конце. Это неплохо. Завтра начну писать... Щеки у меня горят. Может быть, уже... Нет, я не умру от тифа, у меня слишком много дел. Надо позаботиться об Ирке, и все прочее. Фредо, Гонза, картотека живых и, наконец, сценарий. Должен же кто-то написать его. "Когда вы выйдете на свободу, у вас все уже будет готово", - предсказала юная венгерка, и глаза у нее блестели...

* * *

...Все это время Иолан была рядом со Зденеком. Не в действительности, а в туманных видениях ее сна. Зденек казался ей единственным настоящим человеком: ведь он сделает то, о чем

она только мечтала. Ей хотелось быть ближе к нему, ближе... но лихорадка гнала ее куда-то, мерещилась плетка Россхауптихи, плетка била до крови, чужое хриплое дыхание вокруг напоминало о жутком шипении живого мяса на проволоке ограды. Иолан вскрикивала во сне. Като, склонясь к ней, поправляла одеяло и утирала ей пот со лба.

Като бодрствовала. Руки ее машинально делали нужные движения, а в мыслях были шесть заданий Диего. Первое - сносная еда для заключенных и честная выдача порций, второе - посуду держать в кухне и изымать из бараков, третье - новости и газеты из казарм СС, четвертое - узнать численность охраны, пятое - коллектив и не спускать глаз с Юлишки, шестое добиться через нее у Лейтхольда раздачи еды и во время тревоги. Всякий раз, когда Като доходила до "в-шестых", в голову ей лез - в-седьмых, в-восьмых и в-девятых - сам Диего. Вот он стоит перед ней, смущенно улыбаясь. Он понравился ей еще в тот раз, когда выносил мертвую девушку из барака. Нервические подружки тогда шептали: "Если он и меня так понесет, умереть не страшно..." Но с тех пор прошло немало времени, транспорт и Освенцим ушли в прошлое. Кто сейчас станет думать о смерти? Не отраднее ли сказать сейчас себе: "Если он меня вот так возьмет в объятия, не страшно жить!"

Диего спал крепко, как всегда. Утомленный тяжелым днем, он упал на стружки, как камень в воду. Во сне его голова казалась еще более угловатой, глубокие морщины залегли у сурового рта. Он был похож на судью, который в минуту глубокого раздумья прикрыл глаза. Вот он откроет их и произнесет приговор... И этот приговор обжалованию не подлежит.

5.

В четверг утром, на перекличке, "зеленые" немцы попросились на работу. Дейбель, ехидно подмигнув, включил их в рабочие команды. Это было первое событие нового дня.

Фредо и Вольфи стояли рядом, переглядывались и думали про себя: стало быть, долгожданный приказ из Дахау об отправке уголовников на фронт так и не пришел. Что это значит? Может быть, положение на фронтах настолько благополучно, что гитлеровская армия предпочитает обойтись без такого сомнительного подкрепления? Или, наоборот, оно уже так безнадежно, что и пополнение ни к чему? Или за всем этим ничего не кроется, а все дело просто в какой-то служебной проволочке, и приказ из Дахау придет завтра или сегодня к вечеру?

Вольфи пожал плечами - кто знает; Фредо махнул рукой - мол, к чему зря ломать себе голову?

Но в этот момент произошло событие, которое разом привлекло всеобщее внимание. В сопровождении писаря Эриха в ворота вошел Копиц с фарфоровой трубочкой в зубах. Тотчас же через апельплац навстречу ему побежал старший врач Оскар, который, видимо, ждал этой минуты. Он вытянулся перед рапортфюрером. Тот перестал усмехаться.

- Что тебе надо?

- Разрешите подать чрезвычайный рапорт.

- А почему не через писаря? Это что еще за новости?

- Писарь отказался взять меня с собой в комендатуру. Речь идет о...

- Значит, имел основания. Эрих!

Писарь с папками под мышкой стоял в пяти шагах от рапортфюрера. Теперь он почтительно подошел ближе.

- Слушаю, герр рапортфюрер.

- Ты знаешь, что хочет мне сказать старший врач?

- Да. Разрешите доложить, что это пустое дело.

Оскар сделал негодующий жест, но тотчас опять вытянул руки по швам.

- Писарь не врач и не понимает этого, - заговорил он. - Дело в том, что в лагере возникла...

- Молчать! - Копиц с угрожающим видом шагнул вперед.

Доктор замолк. Рапортфюрер опять повернулся к писарю.

- Выслушать его, как по-твоему?

Все это была заранее условленная игра. Копиц отлично знал, о чем хочет доложить ему старший врач. Писарь позаботился своевременно информировать рапортфюрера. Но сейчас тот же писарь хладнокровно ответил:

- Я полагаю, что это излишне. Старший врач хочет доложить вам о каком-то своем предположении. Если бы такое предположение возникло у настоящего немецкого врача, оно, быть может, заслуживало бы внимания комендатуры. Поскольку же это не так, нет оснований...

Копиц снова усмехнулся и хлопнул писаря по плечу.

- Ишь, как изысканно ты выражаешься! Словно и вправду был колбасником в Вене! Ладно, последую твоему совету, - и он резко сказал Оскару. - Я не против еврейских лекарей, когда они заботятся о здоровье своих единоверцев. Но диктовать мне они не будут. Я вообще не намерен разговаривать с тобой. Если ты еще раз посмеешь обратиться ко мне через голову писаря, получишь двадцать пять горячих. Проваливай!

Секунду Оскар колебался. Закричать во всеуслышание, что в лагере тиф? Но чего он этим добьется? Разве того, что его изобьют или пристрелят. Среди заключенных такое заболевание

вызвало бы ненужную панику, а Копиц все равно будет гнуть свою линию. Нет, такая открытая демонстрация сейчас ни к чему. Оскар повернулся и пошел на свое место.

* * *

После ухода рабочих команд к Моллю произошло третье, самое знаменательное событие этого утра; произошло оно, разумеется, без свидетелей. Рапортфюрер поступил совершенно необычно: он вошел в лазарет, выставил оттуда всех врачей и оставил только Оскара.

- Ну, так как, старший врач? - усмехнулся он почти дружески.

Доктор Брада стоял навытяжку у стола, не зная, что ответить.

Рапортфюрер зажег погасшую трубку.

- Тебе, конечно, ясно, что я все знаю: сыпняк и так далее. Эрих сказал мне.

Оскар не шевелился.

- Не думай, что я отношусь к этому не серьезно. Я уже немало помыкался по лагерям, порядком устал и не хотел бы снова собирать пожитки. Уж лучше дослужу здесь. А впрочем, что говорить, ты ведь сам знаешь, что я всегда помогаю, как могу, лазарету и всем вам. Вспомни хотя бы историю с Янкелем: не приходило тебе в голову, что для тебя она могла бы кончиться виселицей? А кто спас лагерь от мести за Пауля? То-то! А ты вдруг выкидываешь черт знает какую глупость, пытаешься во всеуслышание заявить мне, что в лагере тиф. Писарь, возможно, сделал ошибку, что не взял тебя в комендатуру. Но он побоялся. Я не хотел разговаривать с тобой при нем, поэтому я не вызвал тебя сейчас в контору, а пришел к тебе сам. Здесь ты можешь высказаться откровенно.

- Вы все уже знаете. В лагере тиф. Посылать сейчас людей на внешние работы было бы... безответственно.

- Спокойно, спокойно! - Попыхивая трубочкой, Копиц сел на койку. - Я сегодня же позвоню в Дахау и попрошу СС-штурмбанфюрера Бланке, нашего окружного врача, приехать, поглядеть, в чем дело. Он ответственное лицо, а не я и, во всяком случае, не ты. Что еще?

Оскар был немного сбит с позиций.

- Вы в самом деле хотите доложить в Дахау? Почему же в таком случае вы были против того, что я пришел на апельплац с рапортом.

- Уж если еврей глуп, то глуп как пробка! - засмеялся Копиц. - Ты собирался доложить мне, что в лагере тиф. Но кто тебе сказал, что я намерен именно так информировать Бланке?

- Что же вы ему скажете?

- Об этом я и хочу с тобой посоветоваться. У нас есть больные с высокой температурой, не так ли?

- И вшивость. Все признаки тифа. Если герр Бланке врач, он без труда...

- Ага, вот видишь, у тебя уже прояснилось в голове. Если герр

Бланке врач... А кто знает, хороший ли он врач? У тебя в Варшаве была большая практика с тифозными, ты-то разбираешься сразу. А есть такой опыт у Бланке?

- Любой врач поймет, в чем дело. Военное время, завшивленный лагерь...

- Не волнуйся. Может быть, мы к нему несправедливы и он сразу разберется. Но кто тебе сказал, что он сразу же зафиксирует все это на бумаге?

- Если он не сделает этого...

- Что тогда? А если у него такие указания?

Оскар даже рот раскрыл.

- Тиф - это смертельная опасность для всего края. Рядом Мюнхен...

- Вот что я скажу тебе, доктор: тебе, видно, очень хочется в газовую камеру. Если тебя послушать, так для "Гиглинга 3" нет другого выхода, кроме как погрузить всех хефтлинков в вагоны и везти их обратно в Освенцим.

- Вы знаете, что я не хочу этого. Разве нельзя бороться с тифом! Достаточно дезинфекции, карантина и прививок. Вам самому сделали прививку в Варшаве, и, хотя вы не болели тифом, вы теперь не боитесь войти в лагерь...

Копиц усмехнулся.

- Я, к твоему сведению, не боюсь ничего. Я эсэсовец.

Оскар опять выпрямился. "Не боишься, потому что в крови у тебя антитифозная вакцина, которую открыл медик еврей", - подумал он и, не сдержавшись, возразил довольно неразумно:

- Нет, и вы иногда боитесь, герр рапортфюрер. Например, меня. Вы могли уже сто раз повесить меня, но не сделали этого.

- Если бы ты боялся кого-нибудь и имел возможность повесить его, разве ты не сделал бы этого? Например, меня, а?

Оскара молчал.

- Стало быть, я не так уж боюсь тебя, как ты думаешь, - насмешливо сказал Копиц. - Или я сохраняю тебе жизнь, чтобы не бояться?

- Просто вы помните о том, что конец войны близок...

- Молчи, олух! Я эсэсовец. Мы выиграем эту войну, уж против жидов-то во всяком случае. Для этого у нас хватит сил. Для этого достаточно парочки таких молодцов, как Дейбель. Так что не дури и ни на что не рассчитывай. Но то, что я изрядно устал и охотно не покидал бы Гиглинга, это тоже факт. Мне дано указание посылать отсюда людей на внешние работы, и я охотно буду делать это. А если ты встанешь у меня на пути и все испортишь, я тебя повешу. На сей раз без всяких пардонов.

С минуту было тихо.

- Ставка на время! - задумчиво сказал Копиц. - Оба мы делаем ставку на время, ты и я. Мне нужен покой, хотя бы для передышки, а тебе тоже он нужен, чтобы надеяться бог весть на что. Что ж, никто тебе не мешает, надейся!

- Я так и не понимаю, чего вы хотите, герр рапорт-фюрер.

- Это ясно Я не хочу отправки "Гиглинга 3" в газовые камеры. Я хочу, чтобы он исправно функционировал как рабочий лагерь. Если у нас есть больные, мы их поместим к тебе в лазарет. Тех, кто помрет, похоронит Диего. И чтобы больше никаких перемен, ровно никаких. Так я хочу.

- Нельзя играть в спокойствие, когда в лагере тиф. От него не отгородишься.

- Quatsch! нем.)> Я не забиваю им свою голову. Умирают заключенные? Ну что ж, им и положено умирать. Устроить дезинфекцию можно, это правильно. И вакцину для прививок конвойным и специалистам, работающим у Молля, мы тоже раздобудем. Тем самым будет обеспечена безопасность, и работа пойдет дальше.

- У вас перемрет весь лагерь.

- Опять вздор! Мы пережили сыпняк в Варшаве. Сотни старожилов отлично перенесли его и еще сохранили достаточно сил, чтобы построить новые лагеря в Гиглинге. И здесь тоже не перемрут все. Вы уже не заболеете, и еще многие уцелеют. На опустевших нарах мы разместим пополнение, и дело в шляпе.

- А если доктор Бланке будет другого мнения?

- Мы должны постараться, чтобы он был одного мнения с нами. Ты не хочешь ликвидации лагеря, вернее, отправки его в печь. Я тоже. Стало быть, не надо пугать Бланке. Не будем ему ничего подсказывать, пусть сам...

- А если он введет карантин?

- Никаких карантинов для лагерей не существует. Я знаю предписания, о которых не знаешь ты. Или работа, или печь, на выбор. Поэтому ты скажешь Бланке, что в лагере есть больные с высокой температурой, и все.

- Вы думаете, доктор Бланке будет советоваться со мной, врачом евреем?

- Не знаю. Но если ты посмеешь говорить с ним так, как говорил со мной, я тебя прикончу. Это уж наверняка.

* * *

Как только рапортфюрер покинул лагерь, портной Ярда прибежал в кухню. Сердце у него испуганно билось: а вдруг нарвусь на кюхеншефа? Но дверь была открыта, и, заглянув в кухню. Ярда увидел там только девушек.

- Уходи! - крикнула одна из них. - Не знаешь, что ли, что тебе

сюда нельзя?

Ярда приложил палец к губам и поманил девушку.

- Кто из вас фрейлейн Юлишка? Я к ней по делу.

Подошла Юлишка с повязкой на рукаве и палкой в руках.

- Это, наверное, портной?

Ярда робко поглядел на огненные глаза и прочие прелести Юлишки и отрекомендовался ей, как учил его Гонза.

- Не очень-то ты похож на владельца шикарного салона. В Праге ты тоже ходил с грязью под ногтями?

Ярда глуповато улыбнулся и неловко сделал старомодный поклон.

- Работой будете довольны. А в лагере я не могу выглядеть, как хотелось бы...

- Есть у тебя сантиметр?

- Откуда же? Но мы обойдемся веревочкой. Для вашей талии хватит совсем коротенькой, хи-хи-с! Игла у меня есть.

- Подожди здесь. - Она ушла в темную кухню и принесла узелок с одеждой, которую на днях обменяла на еду у "мусульман". - Что ты скажешь об этих коричневых брюках? Они вполне сносные и достаточно велики. Я дала их выстирать. Когда будешь обуживать штанину, выпори полосатый кант, понятно?

Ярда удивился.

- Выйдут совершенно гражданские брюки. В Освенциме нарочно вшивали этот арестантский кант.

- Знаю. А я не хочу арестантских, и точка. Когда будет готово?

Она смерила веревочкой свою талию, потом Ярда промерил длину брюк. Все это делалось торопливо и в тени. Беа стояла настороже перед кухней и смотрела в сторону комендатуры. Вдруг она увидела машину Россхауптихи.

- Бросьте все! - крикнула она. - Кобылья Голова здесь!

- А мы, собственно, уже готовы, а? - хладнокровно усмехнулась Юлишка и движением руки отпустила Ярду.

- Achtung! - заорали орднунгдинсты у ворот.

Юлишка вбежала в кухню и прямиком к каморке Лейтхольда.

- Герр кюхеншеф, битташон! Приехала фрау надзирательница!

Россхауптиха уже шагала к конторе, писарь вытянулся перед ней в струнку. В руке у нее он заметил плетку, глаза надзирательницы не предвещали ничего доброго. "Ого! - подумал Эрих. - Кобылья Голова жаждет крови". И, застыв на месте, он медлил с рапортом.

На счастье, с другой стороны уже ковылял Лейтхольд с ключом в руке.

- Хай... тлер! - приветствовал он. - Мне уже пришлось побывать сегодня в женском лагере... к сожалению. Вам об этом говорили в комендатуре?

- Нет, я пришла прямо сюда. Что случилось?

Лейтхольд теперь заметил, что она не в духе, и проклинал свою разговорчивость. С какой стати именно он должен сообщать обо всех неприятностях?

- Недавно вы принесли сюда котенка... Сегодня утром его нашли сгоревшим на проволоке.

- Кто это сделал?

- Очевидно, несчастный случай... Котенок, видимо, влез на ограду...

- Так-то его берегла секретарша! Ну, я ей задам!

- Утром мы выключили ток, и тотенкапо под моим личным наблюдением убрал...

- К чему вы мне это рассказываете? На что мне ваши дохлые кошки? Но девчонку я проучу! Отоприте калитку и ждите здесь.

Илона, стоявшая у калитки, подала рапорт. Надзирательница, даже не взглянув на нее, прошла прямо к третьему бараку.

- Где эта сволочь? - крикнула она и щелкнула плеткой.

Илона побежала за ней.

- Секретарша заболела... у нее лихорадка, она бредила всю ночь.

- Ага! Знает, симулянтка, что ее ждет!

Россхаупт вошла в низкую дверь и остановилась около койки Иолан. Девушка лежала, закрыв глаза, в лице у нее не было ни кровинки, алые пятна на щеках уступили место восковой бледности.

Надзирательница опешила, ей показалось, что перед ней труп. Она перевела дыхание и выпрямилась, словно только что осознала, что не имело смысла так воинственно вторгаться сюда. Здесь не с кем было воевать, некого карать.

- Врач был? - хрипло спросила она и, когда девушки подтвердили, что был, распорядилась лишь для того, чтобы сказать что-нибудь: - Пусть придет еще раз!

Илона подбежала к калитке, крикнула: "Frauenarzt!" - и вернулась в барак. Староста барака тем временем прерывистым голосом рассказывала о том, что произошло. Было затемнение... Иолан потеряла сознание, лежала на снегу, подруги принесли ее.

Россхаупт села на койку и молчала, забыв о плетке, висевшей в ее опущенной руке.

Пришел Шими-бачи и сообщил свой утренний диагноз: слабая конституция, недостаточное питание в период роста, возможно анемия, а также повышенная впечатлительность. В

результате - нервный шок, причина которого несчастный случай с котенком.

Надзирательница велела еще раз осмотреть пациентку и тупо глядела, как блоковая откинула грубое одеяло и стянула с плеч Иолан серую рубашку. Доктор приложил ухо к хрупкой груди девушки. Через минуту осмотр был закончен, Иолан снова покрыли одеялом. Лицо больной вдруг стало беспокойным, исказилось гримасой, словно она хотела заплакать, но глаза с длинными ресницами оставались закрытыми, как у спящей куклы, на них не было слез, губы были плотно сжаты.

- Ну, так что с ней делать? - неожиданно грубо сказала надзирательница и встала. Шими-бачи выпрямился и взглянул в ее каменное лицо. "Никогда не будет более подходящего случая сказать ей, что я думаю на этот счет", мелькнуло у него.

- Иолан поправится, если ей обеспечить покой. Но не здесь, не в Гиглинге. Не знаю, известно ли фрау надзирательнице, что в лагере появился сыпной тиф. У девушек пока почти нет вшей, но через несколько дней эпидемия перекинется и к ним. Иолан не переживет тяжелого заболевания. Да и большинство девушек тоже. Не можете ли вы устроить, чтобы их перевели в другой лагерь?

Россхаупт не ответила. Она медленно вышла из барака, словно ничего не слышала.

* * *

Копиц в комендатуре сердито отбросил газету.

- Хорошенькое дело! - кивнул он на сводку германского командования. Учти, Руди, что у меня на голове нет плеши. Просто мои волосы "стратегически отступили на заранее подготовленные позиции".

Дейбель чистил пистолет и не поднял головы.

- Тебя это, конечно, не интересует, - раздраженно продолжал рапортфюрер. - Тебя в последнее время вообще ничто не интересует. Занимаешься с Мотикой такими же рискованными делишками, как с Фрицем, а то, что мы теряем наш обычный доход с провианта, тебя не касается!

Дейбель стыдливо улыбнулся голубыми, как незабудки, глазами, взглянул на коллегу и потер пальцем тупой носик.

- Не брюзжи, старый. Что ж поделаешь, если Лейтхольд кретин?

- Всегда можно что-нибудь сделать, но для этого надо пораскинуть мозгами. - Копиц стукнул кулаком по газете. - Надо избавиться от него. Надо застукать его с какой-нибудь девкой или натравить на него Кобылью Голову. Или еще что-нибудь в этом роде. Что если ты сегодня вечером подпоишь его и заставишь

проговориться?

- А ну тебя! Пить с таким недоноском!

- Значит, ты ему прощаешь тысячу триста порций, которых он позавчера лишил нас?

- Нет! - спокойно сказал Дейбель. - Никогда не прощу. Я его за это отправлю на тот свет. Но как, это должен придумать ты.

Вошла Россхаупт. Плетка все еще болталась в ее руке. Даже не взглянув, ровно ли висит сегодня портрет Гитлера, она придвинула стул к столу и села.

- Откройте же окно! Как можно выдерживать такую духоту!

Дейбель выполнил ее желание. Вычищенный пистолет он сунул в кобуру и повесил на место.

- Ну, фрау надзирательница, - осторожно начал Копиц. - Что вам сегодня у нас не понравилось?

- Недавно вы обещали сделать дезинфекцию...

- Я не забыл об этом! - Рапортфюрер придвинул к себе лежавшую на столе папку. - Сейчас я сообщу вам точную дату, когда я настоятельно просил Дахау...

- Не надо! - Она махнула рукой и, вспомнив о плетке, машинально стала сворачивать ее колечком. - Все равно поздно. У вас тут тиф...

Дейбель поглядел на Копица. Откуда эта ведьма знает?

- Что вы имеете в виду? - осторожно осведомился рапортфюрер.

- То, что говорю. Не прикидывайтесь дурачком. Как будто вы не знаете!

"Учтивость имеет свои границы", - подумал Копии и сказал с усмешкой:

- Мы все знаем, фрау надзирательница. И то, что в лагере есть больные с высокой температурой, и то, что у некоей секретарши пропал котенок...

Россхаупт медленно подняла взгляд.

- Я сегодня не расположена к шуткам. Отложим препирательства. Что вы предпринимаете против тифа?

- Нам известно лишь о больных с высокой температурой. Об этом я информировал сегодня утром Дахау и просил доктора Бланке приехать сюда. А кстати, кто вам сказал, что это сыпняк?

- Врач женских бараков, - ответила Россхаупт, не заметив, как Копиц и Дейбель обменялись взглядами. - Я плохо себя чувствую. Есть у вас пирамидон? Или глоток спиртного?

- О, конечно, - Копиц вскочил и вытащил бутылку шнапса, которую только что припрятал в шкаф с бумагами. Дейбель тем временем рылся в маленькой аптечке у двери.

- Я думаю, будет лучше убрать женщин из вашего лагеря,

Копиц, сказала вдруг надзирательница. - Избавитесь от хлопот, а главное, от меня. А? - Она даже попыталась улыбнуться и замигала рыжими ресницами.

- Убрать женщин? А кто будет нам стряпать? И для чего мы спешно строили забор внутри лагеря? Значит, все это напрасно?

- Напрасно. У Молля строят еще больше ненужных вещей... расходуют миллионы... А стряпать? Столько мужчин бездельничает у вас в лагере. Будут варить себе сами.

- Вы же это не всерьез! А кухня эсэс?

- Двадцать девушек из пятого лагеря могут ежедневно приходить сюда пешком.

Копиц хотел продолжить свои возражения, но решающий маневр на этот раз предпринял Дейбель. Он сдвинул фуражку на затылок и вздохнул:

- Бедняга Лейтхольд!

- Почему бедняга? - устало спросила Россхаупт. Копиц оживился.

- Как, вы не знаете? Он же без ума от одной из этих евреек. Из-за него у нас хлопот не оберешься.

Россхаупт подняла брови.

- Этот калека? Да что вы говорите!

- Вот именно он. Самое время убрать отсюда девушек, этим вы, быть может, спасете жизнь Лейтхольду.

Усталость все сильнее овладевала надзирательницей.

- Этого я совсем не хочу. Если все это правда и ваш помощник забыл о своей эсэсовской чести, ему место на виселице.

- Вот именно! - убежденно сказал Копиц. - Но отъезд девушек, возможно, исправит его. Да, переведите их в другое место, фрау Россхаупт.

- Посмотрим... - Надзирательница с трудом подняла набрякшие веки. Слушайте, нет ли у вас тут какой-нибудь каморки, где можно прилечь?

Копиц перегнулся через стол.

- Может быть, вызвать доктора? Что с вами?

- Ничего, - сказала она и хлебнула из рюмки. - Сегодня утром я получила телеграмму... Разбомбили домик моих родителей... и... младшая сестра тоже... Покажите, где у вас койка. На полчасика...

* * *

Писарь дочитал длинный список, поднял очки на лоб и протер глаза. Потом перебросил бумагу через стол Зденеку и сказал хрипло:

- Надо все переделать.

Это были первые слова, произнесенные им сегодня с утра.

После переклички и инцидента с Оскаром Эрих вернулся в контору сам не свой, было видно, что сцена, разыгранная на апельплаце, отнюдь не доставила ему удовольствия. Он несколько раз собирался заговорить на эту тему со своим помощником, но Зденек работал с такой подчеркнутой сосредоточенностью, что писарь промолчал. Теперь тишина была нарушена, и Зденек поднял голову.

- А почему надо переделывать, герр Эрих?

- Надо! - прохрипел писарь. - Если бы ты вовремя посоветовался со мной, не пришлось бы зря работать. Зачем ты в шести местах указал причину смерти - "tiphus exanthematicus"?

Зденек прищурился.

- В диагнозы врачей я не вмешиваюсь. Как они пишут на рапортичках, он указал на клочки бумаги, - так я и указываю в сводке.

- Утром ты был на апельплаце и все слышал. Переделай сводку, вместо тифа напиши всюду "сердечная недостаточность", "insuficiencia cordis". Есть в лагере тиф или нет, это еще будет видно.

- Здесь подписи врачей.

- Не болтай зря. Неужели надо еще раз повторять тебе, что в глазах эсэсовцев доктора из нашего лазарета - коновалы, а не врачи...

- Об этом вы говорите с Оскаром. Я пишу то, что...

- Ну, хватит!- Эрих схватил сводку и разорвал ее пополам. Шрам на его шее побагровел. - Еще ты будешь мне перечить! В конторе этому не бывать, здесь распоряжаюсь я! Думаешь, я за вас подставлю голову под удар и пойду в комендатуру с неправильной сводкой? Как бы не так! Когда меня здесь не будет, ты поймешь, какое сомнительное удовольствие - помогать людям, имея за спиной таких олухов, как ты и Оскар. Вот будешь за все отвечать сам, тогда попробуй написать в сводке не то, чего хотят наци. А строить из себя храбреца за мой счет...

На дворе послышался возглас "Achtung!" Писарь умолк на полуслове. Его слух был натренирован: если прозевать это "Achtung", можно получить изрядную взбучку.

- Открой-ка дверь, я не расслышал...

Зденек выглянул из конторы.

- Вызывают врача женских бараков.

- К воротам? Странно. Сбегай в лазарет, скажи Шими-бачи.

Писарь остался сидеть за столом и хмуро уставился в одну точку. Надзирательница уехала минут десять назад, зачем же вызывают врача женского лагеря? Может быть, хотят назначить его вместо Оскара главой лазарета? Или это связано с тем

разговором, который был сегодня у Копица с Оскаром?

Но тут Эрих оставил всяческие догадки - ему вдруг пришло в голову, что он сейчас может воспользоваться отсутствием Зденека и просмотреть его бумаги. Чех все время что-то записывает. Что это такое могло быть? Вот и сейчас, когда писарь обратился к нему насчет сводки, Зденек быстро сунул под ящик какие-то бумажки...

Эрих встал, надвинул на нос очки и перегнулся через стол к бумагам Зденека.

* * *

- Меня вызывают?

Шими-бачи схватился за грудь, но тотчас овладел собой и встал. Его щеки были, как всегда, розовы, седые виски придавали лицу благодушное выражение.

Оскар заметил невольное движение старого врача и взглянул ему в глаза.

- Тебе нехорошо?

- Нет, я просто искал градусник. - Шими-бачи сунул руку в правый карман пальто и вынул термометр. - Я думал, что он у меня в нагрудном кармане, а он, оказывается, здесь.

Он бережно положил футляр с градусником на стол, потом извлек из кармана свиток бумажных бинтов и бросил их рядом с градусником.

Оскар нахмурился.

- Ты знаешь, почему тебя вызывают?

- Откуда же мне знать? - улыбнулся Шими-бачи. - Но опытный заключенный всегда очищает карманы, когда идет к ним.

- Шими! - Оскар взял его за плечи. - Ты был неосторожен в разговоре? Может быть, с надзирательницей?

- Может быть, - неторопливо кивнул венгр. - А разве ты никогда не высказываешься неосторожно? Я сказал Кобыльей Голове, что можно спасти наших девушек: надо быстро убрать их отсюда, пока они не заразились тифом. Разве я неправ?

В открытых дверях появился Зденек, а издалека опять донеслось: "Frauenarzt, vorwarts!"

У Оскара дрогнули губы. Он обнял старика. Тот, улыбаясь, упирался и не хотел прощаться с Рачем и Антонеску, которые тоже подошли к нему.

- Не дурите! Выдумали бог весть что! Я скоро вернусь. Пустите же, мне надо идти, а то и в самом деле побьют.

На прощанье он помахал всем рукой, повернулся и быстро вышел. Врачи прошли следом за ним шагов двадцать и видели, как в воротах мелькнуло его развевающееся пальто.

У ворот был только конвойный. Он довел старого доктора до

дверей комендатуры и гаркнул в дверях:

- Der Frauenarzt ist hier! нем.)>

Дорогу слегка замело снегом, день был сухой и морозный. Шими-бачи шагал рядом с курившим Дейбелем и с любопытством поглядывал по сторонам. Он совсем не знал окрестностей лагеря. Шагах в двухстах перед ними начинался редкий дубовый лесок, бурые листья еще покрывали ветки. Направляясь к лесу, они миновали усадьбу крестьянина, с которым Копиц занимался торговыми делишками. Молодая крестьянка выглянула из калитки и, узнав Дейбеля, ответила на его приветствие.

- А, герр Руди! Вы к нашему деду?

- Не-ет! - усмехнулся эсэсовец. - Мы с доктором идем на санитарную инспекцию. Не так ли, Шими?

- Да, - венгр вежливо кивнул. - Добрый день, фрау.

- Герр Руди всегда шутит, - молодуха погрозила пальцем. - А может быть, вы в самом деле доктор?

- Он-то? - оказал Дейбель. - Доктор, и даже женский. Верно?

Шими смущенно подтвердил, пожав плечами с видом человека, который сопровождает пьяного. Мол, что с ним спорить!

- Ну, желаю успеха! - воскликнула молодуха. - И заходите к нам, герр Руди. Вместе с доктором заходите! Вы же знаете, что у меня давно болит вот тут. - Она со смехом ткнула себя в грудь и захлопнула калитку.

Дейбель самодовольно усмехнулся.

- Неплохая бабенка, а? Муж у нее на фронте, она тут одна с четырьмя ребятами и дедом.

- Неплоха, неплоха, - подтвердил Шими-бачи, и в душе его проснулась нелепая надежда. "Нет, не может быть, чтобы так вели человека на смерть! Не может быть! Глупо было думать, что меня хотят... Дейбель весел, эта женщина видела нас вместе, она его хорошо знает... Если он будет возвращаться один, она заметит это и наверняка спросит, а где же я. Что он ей скажет? Что оставил заключенного в лесу? Этому она не поверит. Скажет напрямик, что убил доктора? Нет и тысячу раз нет, это невозможно!"

Почти повеселев, он тронул эсэсовца за рукав.

- А куда мы, собственно, идем, герр обершарфюрер? На какую инспекцию?

- Разве я тебе еще не сказал? - отозвался Руди самым веселым тоном. Опять с нас требуют отчетность. Нужен акт о состоянии кладбища: соблюдены ли там все предписания. Глубина могил - метр сорок, посыпка трупов хлорной известью и все прочее. Сам знаешь.

- Да, да, - бодро, но вместе с тем осторожно сказал Шими-

бачи, как будто все еще разговаривая с пьяным. Ему так хотелось верить, что Дейбель говорит правду! И только это отвратительное слово "кладбище" насторожило и заставило содрогнуться.

- А ты вообще-то знаешь наше кладбище? - спросил Руди, отбросив окурок.

- По правде сказать, не знаю. Кладбище! Все-таки, значит, кладбище. В Баварии, в чужой земле...

Дейбель кашлянул и слегка вздрогнул.

- А ветер изрядный. Ты почему не застегнешься? "Ах да, надо застегнуть пальто. Ведь я буду жить, а живой человек не должен простужаться". Старый врач начал застегиваться, но пальцы не слушались его. "Просто руки у меня дрожат от холода, вот и все, - твердил он себе. - Только от холода..."

Они шли лесом, в приятном полумраке. На дереве мелькнули две белки, в сухой листве у дороги показался крот.

- Это еще не настоящая зима, - сказал Дейбель. - В этом году она, видно, будет мягкая. Вон и белки до сих пор скачут.

- Для нас она будет тяжелой, - сказал врач, полный решимости жить. Ему уже дышалось легче, слово "кладбище" больше не страшило его, в ушах звучал голос смешливой молодухи: "Желаю удачи! Заходите к нам вместе с вашим доктором..."

- Это последняя военная зима, как ты думаешь? - наклонился к нему эсэсовец. - Ее можно пережить.

- Наверняка последняя, - отозвался врач.

- Та-ак! - засмеялся Дейбель и замшевой перчаткой почесал свой тупой носик. - А чего ты хотел бы в будущем году?

- Мира. И чтобы все мы вернулись домой.

- Мира? Стало быть, кто-то должен выиграть войну, а кто-то проиграть. Ты, конечно, хочешь, чтобы проиграл Адольф, а?

"Если он не ведет меня убивать, то за мой ответ он меня, во всяком случае, не убьет", - подумал Шими-бачи и сказал:

- Вы задаете странные вопросы. Этого, я думаю, хочет каждый заключенный.

- Вот видишь! - Дейбель, восхищенный своей проницательностью, прищурил глаз. - Значит, и ты этого хочешь. А что же будет с такими, как я, если Гитлера... того...

"Ты-то от петли не уйдешь", - подумал Шими-бачи, но вслух сказал:

- А разве вам так уж не хочется расставаться с военной формой? Я пел от радости, когда демобилизовался в восемнадцатом году. А ведь мы тогда тоже проиграли войну.

- Ты - другое дело. Ты еврей.

- Другие тоже пели. Я пел, потому что был тогда совсем еще

молодым врачом и радовался, что займусь мирной практикой. Так не хотелось больше резать простреленные конечности! И я взял себе маленькую практику в провинции, лечил от всех болезней, даже принимал роды... Вы не представляете себе, какая это тяжелая работа... А сколько бессонных ночей стоит матери вырастить ребенка! И вот опять война, и наш лагерь полон мусульман. Все они когда-то были детьми... Столько трудов ушло на то, чтобы вырастить их, столько отцов, докторов, учителей занимались ими! А сейчас все это так запросто идет насмарку...

- Говори, говори, - подбодрил его Дейбель, когда Шими-бачи вдруг запнулся. - Я на тебя не донесу, а время пройдет скорее, - тут он понял, почему старый доктор боится идти дальше, поднял голову, сделал быстрый глубокий вдох и сказал: - Слышишь, как пахнет хлорная известь? Это полезная вещь. Ты все болтаешь о детях, словно не знаешь, сколько рождается всяких выродков. Таких надо устранять, чтобы они не запоганили мир, не смердили. Хлорная известь - полезная вещь, она дезинфицирует всякую заразу. А?

Старый доктор поглядел в насмешливые голубые глаза эсэсовца, смотревшие на него сверху.

Теперь он знал правду. Щеки его немного побледнели, но голос остался ровным.

- Хлорная известь, герр обершарфюрер, это мертвая материя. Порошок, с которым можно делать что угодно. Он только разъедает то, что им посыплешь, вот и все. Мы, люди, умеем больше.

- Марш! - сказал Дейбель.

6.

Оскар Брада вошел в контору. Он все еще был очень зол на писаря за ту комедию, что тот разыграл утром на апельплаце, и решил не разговаривать с ним. Но страх за жизнь Шими-бачи оказался сильнее: когда прошел час, а старый врач все не возвращался, Оскар решил действовать.

За столом сидели Зденек и Эрих. Зденек что-то писал, а Эрих с нетерпением ждал, пока он кончит. Он постукивал толстыми пальцами по лежащей перед ним пустой папке и сделал вид, что не заметил Оскара.

- Привет, Оскар! - сказал Зденек, подняв глаза и рассеянно улыбнувшись. - Тебе надо что-нибудь?

Брада стоял в дверях и не в силах был скрыть тревогу.

- Я к Эриху.

- Да ну! - удивился писарь, поднимая брови. - Какая честь!

- Так ты садись, - сказал Зденек. - Если тебе надо поговорить с ним наедине, я...

- Нет, оставайся. Я пришел спросить, где Шими.

- Он еще не вернулся? - перепугался Зденек, в душе проклиная дурацкую "сводку покойников", которая требовала от него предельного внимания.

- Нет. А вам известно что-нибудь? Зачем его вызывали?

Писарь провел рукой по плеши и почесал затылок.

- Много я на этот счет не раздумывал. Может быть, его хотят сделать старшим врачом вместо тебя?

- Что за чушь! Шутки в сторону. Дело серьезное.

- В самом деле? Что же ты не пришел сразу? Если хочешь знать, я сознательно отстранился от этого дела. Я думал, что вы о чем-то сговорились с рапортфюрером, ведь сегодня днем он навестил тебя в лазарете... А ты даже не счел нужным рассказать мне, о чем был разговор.

- А ты мне докладываешь, о чем с ним сговариваешься? Уж ты-то этим занимаешься!

- Ты пришел препираться со мной или выяснить, что сталось с Шими-бачи?

- О том, что было сегодня утром, я тоже не мог смолчать! Не думай, что я безропотно смирился с твоим поведением на апельплаце. К твоему сведению: я снова настаиваю на приеме у рапортфюрера. Иди в комендатуру и возьми меня с собой.

- Зачем? Ты спятил?

- Я не могу больше ждать... Шими-бачи был неосторожен. Чтобы спасти девушек, он сказал надзирательнице, что в лагере тиф.

- Ого-го! - проворчал писарь.

- Россхаупт, видимо, рассказала об этом в комендатуре, а Копиц... ты ведь видел, что он выделывал утром, лишь бы я не произнес слова "тиф" и не испортил его страусовую политику... Шими там уже больше часа.

- Вероятно, его вздули, - задумчиво произнес писарь, - лежит там где-нибудь без сознания, и нас, наверное, скоро вызовут унести его.

- Я не хочу больше ждать. Пошли к Копицу!

Эрих Фрош чувствовал себя виноватым перед старшим врачом. Поэтому он кивнул.

- Я пойду один. Можешь подождать меня тут. И не спорь, мне и вправду лучше идти одному. Да я и не скажу, что пришел справляться о Шими-бачи. Мне как раз надо отнести Копицу сводку умерших. Кончай поскорей, Зденек! - И он хлопнул рукой по пустой папке. Чех виновато опустил голову и продолжал заменять "тифус экзантематикус" "сердечной недостаточностью".

- Кури! - сказал Эрих, кидая Оскару сигарету. С минуту было

тихо, потом дверь открылась, заглянул Диего в берете и шарфе.

- Furt nix? испорч. нем.)> - осведомился он, уставившись на писаря.

- Шагай, шагай! Я уже два раза оказал тебе, что тотенкоманда не может выехать, пока этот недотепа не кончит сводку.

У ворот послышался возглас: "Lagerschreiber, vorvarts!"

Писарь вскочил, как автомат.

- Вот оно! Ну, спокойно! - добавил он, обращаясь к доктору, и побежал в комендатуру.

Вернулся он очень скоро, и лицо его не было таким румяным, как прежде. Он снял запотевшие очки и подошел прямо к Оскару.

- Дейбель застрелил его.

Оскар без сил опустился на лавку. У Зденека рука с пером скользнула по бумаге, сделав безобразную закорючку.

- При попытке к бегству, - прохрипел в тишине писарь, - во время санитарной инспекции на кладбище. Лежит на берегу реки, вправо от главной могилы. Писарь Зденек и новый дантист немедленно отправятся туда вместе с тотенкомандой, врач осмотрит зубы мертвого и продиктует акт о смерти. Похоронить сразу же. Оскар, пожалуйста, пошли ко мне нового дантиста... А сейчас иди в лазарет, потом мы поговорим. Мне его тоже жалко... - И он накинулся на Зденека. - Черт подери, кончишь ты когда-нибудь или нет?! Сколько раз тебе говорить!

Зденек взял резинку и подчистил закорючку. Но из глаз у него выкатились две крупные капли и упали на бумагу.

* * *

- Los, Mensch! Надо управиться до обеда! - сказали Зденеку могильщики из команды Диего. Между собой они говорили по-испански, и Зденек их не понимал.

Тележку нагрузили с верхом, как обычно в последние дни. У могильщиков была своя система: половину "груза" они клали головой вперед, половину головой назад. Таким образом на тележку помещалось "пятнадцать штук". Грязная парусина, которую закрепляли сверху, не покрывала всех трупов, окоченевшие руки и ноги торчали во все стороны.

Антонио и Фелипе тянули впереди за оглобли. Диего, Фернандо и Пако толкали тележку сзади или подпирали ее плечом, когда дорога шла круто в гору. Дантист и Зденек тоже помогали по мере сил. Шествие замыкали двое конвойных с ружьями - турнфатер Ян и какой-то мордастый тиролец.

Они проехали усадьбу у леса, там сейчас не видно было ни души. В садике на веревке болталось детское белье, застиранное и залатанное.

- Тут кто-нибудь живет? - прошептал Зденек, шагавший рядом

с Диего.

- Claro, hombre исп.)>, - проворчал тот. - А чему ты удивляешься?

- Тому, что оставили тут жителей, около самого лагеря. Ведь они все видят.

- Ну и что ж? Им это не мешает. Мы дважды в день ездим мимо них с нашим грузом. Иной раз хозяйка выглянет из окна, в хорошую погоду играют дети, их четверо, все белокурые и сопливые.

- Что они о нас думают? Одобряют вот это? - Зденек кивнул головой в сторону лагеря.

Диего не ответил. Зденеку показалось, что он утвердительно кивнул своей угловатой головой. И тогда Зденек прошептал ему в самое ухо:

- Ты бы, значит, их всех...

- Не неси вздор, чех! Возьмись лучше за веревку и придерживай тележку. Видишь ведь, что мы едем под гору.

Все, упираясь ногами в землю, вцепились в тяжелую тележку и притормаживали ее. Запыхавшиеся испанцы переговаривались и, вспомнив, видимо, какой-то веселый случай, громко хохотали.

- А сами-то мы хороши? - продолжал Диего. - Ребята сейчас вспоминают, как однажды в гололедицу эта подлая тележка вырвалась у нас из рук. Бац, и Фелипе швырнуло вон в те кусты. Умора! Погляди, он еще и сейчас ходит весь исцарапанный. Лежал тогда в самом низу, под трупами, все они свалились на него, его и не видно было...

Зденек не засмеялся.

- К чему ты рассказываешь мне такие отвратительные вещи? Мы же говорили о немцах...

- А ну тебя, ничего ты не понимаешь!

С минуту Зденек сдерживался, потом вскипел:

- По-твоему, люди все равно что звери. И немцы, и мы, и... значит, и Шими-бачи тоже! Всех ты ставишь на одну доску.

Диего медленно и печально покачал головой.

- Ничего подобного я не говорил. В большинстве люди - это люди; в том числе и немцы. Но надо суметь более стойко переносить нынешние ужасы. Некоторым это пришлось не по силам. А теперь, уж вправду, хватит об этом!

* * *

При слове "кладбище" воображению представляется каменная ограда, кресты, могильные плиты. Здесь не было ничего подобного. Небольшую просеку в дубовом лесу пересекал ров, большая часть которого была закидана землей. Впереди, где еще зияла яма, лежали вчерашние трупы, слегка посыпанные известью

и снегом. Двое испанцев молча взяли лопаты, спрыгнули в ров и стали забрасывать трупы землей. Двое работали наверху кирками, помогая нижним. Ров понемногу удлинялся, рядом с закапываемыми покойниками возникало место для нового "груза". Его зароют завтра.

Тиролец закурил сигарету и остался стоять на краю ямы, возле бочки с известью. Турнфатер Ян кивнул остальным, чтобы шли с ним искать мертвого врача.

Они вышли с просеки, опушка леса была уже близко. Лес поредел, каменистый склон круто спускался к реке Лех. Воды в ней в это время года было мало, и река, подобно горному ручейку, извивалась между валунов. Только обрывистые берега свидетельствовали о том, что к весне река опять станет бурной и полноводной.

Река и чистый воздух на минуту одурманили Зденека. Он старался забыть о яме посреди просеки, о запахе хлорной извести... Потом он посмотрел в том направлении, куда показал Ян. Вот он, Шими. Какой маленький!.. Лежит головой к реке, пальто задралось, руки словно протянуты к холодной воде.

- Ну да, - проворчал конвойный. - Точно так, как сказал герр обершарфюрер. Кинулся к реке, хотел удрать, получил пулю между лопаток.

Диего стал на колени около мертвого и очень бережно перевернул его на спину.

- Да ведь рана у него на груди!

Он указал пальцем на кровавое пятно и в упор посмотрел на немца.

- Не болтай, если не понимаешь! - И конвойный толкнул винтовкой дантиста. - За дело! А ты, писарь, запишешь, как я сказал.

* * *

Когда Зденек вернулся в контору, Эрих сидел за столом и размешивал ложкой похлебку. На печурке стояла вторая миска.

- Эй, Бронек, чех пришел. Подай ему обед.

Зденек сел на скамейку и устало покачал головой.

- Я не буду есть.

- Ну и глупо, - сказал писарь.

Бронек принес миску, ложку и ломоть хлеба.

- Выйди, - сказал ему Эрих, сверкнув очками. - Мне надо вправить мозги этому олуху.

Бронек повиновался. В конторе остались писарь и Зденек. С минуту оба молчали. Зденек нетвердой рукой придвинул к себе картотеку живых, чтобы вынуть карточку доктора Шимона Гута и переложить ее в другой ящик.

- Оставь-ка пока это! - сказал Эрих, вынул из кармана три листка и с многозначительным видом положил их на стол. - Все по порядку. Сперва займемся вот этими карточками.

Зденек тотчас узнал их и протянул руку.

- Дайте сюда. Это вас не касается.

- В таком тоне ты со мной не разговаривай, раз навсегда предупреждаю! - писарь положил свою тяжелую ручищу на листки, чтобы Зденек не мог их взять.

- Это мое личное письмо, Эрих. Оно адресовано девушке, если хотите знать. Отдайте немедля!

- Отдать?

Писарь встал, приподнял кочергой раскаленную конфорку на печурке и бросил туда листки.

Зденек вскочил, оперся руками о стол, дрожа от гнева. Он не знал, кричать ему или просто повернуться и уйти, уйти из конторы, от этого гнусного коллаборанта и... Лучше смерть! Неужели стоит жить, когда жизнь сохранена такой ценой?

Писарь опять уселся на место.

- На сей раз твои дурацкие записки случайно обнаружил я. А что если бы их нашел Дейбель? Вспомни об участи Шими-бачи. Сейчас у нас особые строгости. Да и без них за такую писульку можно получить петлю на шею.

- Я вам говорю: это письмо к девушке!

- Это потому, что оно начинается "Милая Иолан"? А разве ты не знаешь, что и за такое письмо полагается смертная казнь? - Писарь расстегнулся, он совсем взмок. - Но это не письмо. Любому младенцу ясно, что ты делаешь заметки для фильма или что-то вроде. Есть у тебя еще такие листки? Если есть, дай сюда, лучше сожжем их, пока не поздно! - В голосе Эриха был неподдельный испуг.

Зденек сжал губы.

- Не бойтесь, вам не грозит вылет из конторы. До сегодняшнего дня я ничего не писал. А то, что вы нашли, это действительно письмо. Вы же знаете, что венгерка-секретарша болеет... Я хотел развлечь ее.

- Развлечь! Вас повесят рядышком, если Кобылья Голова найдет у нее такое письмо. Садись-ка, это серьезное дело... Или стой, если уж ты такой упрямый. Знай, что я за свою должность не боюсь. Шесть лет я тут хожу по канату, как-нибудь удержусь. Но сколько таких, как ты, на моих глазах попали в мертвецкую. Ни за что ни про что. Скоро, может быть, все кончится. Неужто ты не хочешь дожить до этих дней, а потом спокойно заниматься полезным делом? Я знаю, ты кинорежиссер. Думаешь, я забыл об этом, нет!.. Я и сам хочу, чтобы кто-нибудь снял такой фильм.

- По-вашему, значит, так, - сказал Зденек строго, - пока ты в лагере, не пикни. Делать что-нибудь стоящее можно только потом. Шими-бачи был просто дурень, а вот у Эриха Фроша - глубокий ум.

Зденек ждал, что писарь грубо оборвет его, но ошибся. Эрих лишь слегка усмехнулся и медленно сказал:

- Шими-бачи был доктор и выполнял свой врачебный долг. Может быть, он спас этих девушек. Ему было нетрудно решиться, он уже прожил свою жизнь, и его игра стоила свеч. - Эрих выпрямился. - Что касается меня, то как меня ни честили, никто еще не сказал, что Эрих Фрош глуп. Я не старый врач, я всего только венский колбасник, окончивший два класса коммерческого училища. От меня нельзя требовать, чтобы я жертвовал собой. Ты, киношник, в таком же положении. Нас швырнули сюда, на самое дно этой скверной трясины, так разве это грех, что мы бултыхаемся и стараемся выплыть? А раз мы поумнее других, значит, мы думаем за них, помогаем им. Разве я делал что-нибудь плохое, скажи? Вот выйдем отсюда и расскажем миру всю правду. Ты снимешь кинокартину, а я... что ж, может быть, понадобится, чтобы кто-то вышел на трибуну и сказал: "Да, господа, так оно и было, Зденек все верно описал. Я, Эрих Фрош, свидетельствую об этом!"

Писарь докончил свою тираду и подмигнул чеху: вот, так-то, мол.

- Ну?

Зденек недоуменно глядел на Эриха. "Какая же ты дрянь!" - думал он.

Писарь подошел и взял его за рукав.

- Вижу, что ты все еще меня не понял. Но я тебе объясню. Эти свои заметки ты брось. Уж если хочешь записать что-нибудь, писал бы на своей чешской тарабарщине, зачем обязательно по-немецки? Ах, да, да - это письмо к Иолан! Но ведь именно такая пустяковая блажь может стоить тебе головы. На твоем месте я вообще не писал бы ничего. Голова у тебя молодая, держи все в памяти. Я бы все наблюдал, наблюдал, накопил бы в памяти тысячи интересных мелочей. Все это важно, все принесет тебе доход. Вот ты сейчас был на кладбище, хорошо, что ты его повидал. Шими-бачи, котенок на ограде, Иолан все это отличный материал... Да ты куда?

Зденек с трудом оторвался от стола, закрыл глаза рукой, сделал два шага к двери.

- Понимаю, - снисходительно сказал писарь. - Слишком много впечатлений. Художники такой уж слабонервный народ... Я тебя сегодня больше не буду беспокоить. Да погоди же!..

7.

В половине девятого вернулись рабочие команды со стройки. Было совсем темно, только у ворот светили два мощных рефлектора.

- Давай уголь! Быстро! - орали часовые и с ведерками обходили шеренги. Одни узники сразу же бросали им пару кусков, другие - только после того, как получали оплеуху. Некоторых заставляли поднять руки и обыскивали.

- А ты что? - конвойный толкнул капо во второй колонне. - Ты не воруешь уголь? Слишком тонко воспитан?

Это был Карльхен. Он не терпел такого обращения. Левая рука его стиснула палку.

- Обыскивайте вон Мотику, у него полные карманы!

Конвойный оглянулся. В двух шагах от него стоял грузный грек, оживленно разговаривая с Дейбелем.

- На этого у меня руки коротки, он для господ повыше меня. Давай уголь!

- Слушайте, - сказал Карльхен, стараясь сдержаться. - Как вы со мной обращаетесь? Не знаете разве, что мне скоро дадут такую же форму, как ваша?

И он показал на свой зеленый треугольник.

Конвоир размахнулся и влепил ему пощечину.

- Я честный солдат. Не смей оскорблять нашу армию!

Карльхен так опешил, что даже не защищался. Он вынул из кармана кусок угля и швырнул его в полупустое ведерко.

- Вот то-то! - усмехнулся конвойный и пошел дальше. - Вояка!

Куски угля теперь падали чаще, через несколько минут ведерко было полно.

Соседи Карльхена и бровью не повели, только юный Берл прильнул к нему и прошептал:

- Почему вы спустили ему это, герр Карльден? Вы же можете пожаловаться обершарфюреру, вы - немец.

- Заткнись, - прошипел капо. - Привлекать к себе внимание, да? А кабы меня обыскали и нашли... сам знаешь что. Из-за тебя я все это стерпел, вот что!

- Да, герр Карльхен, - уныло сказал Берл и притих.

Капо Карльхен был тугодум и обычно не утруждал себя размышлениями. Но сейчас затрещина от какого-то ничтожного конвоира ввергла его в безрадостное раздумье. Призыв в армию, видимо, отпал, зря я радовался, что выберусь из Гиглинга. Надо готовиться провести здесь всю зиму, надо рассчитывать только на реальные возможности и найти местечко потеплей... До сих пор Карльхен не думал обо всем этом, пусть, мол, другие беспокоятся. Он видел, как усердствует боров Мотика. Ну и черт с ним!

Дейбель после Фрица выбрал себе этого грека, - разве его выбор не лучшее доказательство того, что в лагере уже не рассчитывают на "зеленых", что "зеленые" уйдут в армию?..

Выходит, однако, что Карльхен просчитался, и теперь нужно поправлять дело.

В барак Карльхен вошел полный энергии и сразу же раскричался, увидев, что ему не подано на стол.

- Это что же такое, штубак? Вот я тебе отполирую морду!

Дрожащий штубак вытянулся в струнку и доложил, что после обеда был обход: кюхеншеф Лейтхольд и две кухарки прошли по баракам и собрали все миски.

- Что еще за новость! Может быть, мне стоять в очереди, как какому-то мусульманину? Берл, принеси воды умыться!

Карльхен вытянул рубашку, заправленную в брюки, и снял ее через голову. Штубак отступил на два шага и сказал, что миску, в которой обычно умывается герр капо, тоже унесли. Карльхен, полуголый, толстый, потный, стоял в полном недоумении: что же это творится? Берл подскочил и вынул кусок шпига, который был засунут у капо сзади за пояс, вплотную к голому телу.

- Я достану миску, не беспокойтесь. Я сейчас вернусь...

Берл бросил шпиг на стол и поспешил к выходу, но Карльхен удержал его.

- Погоди, парень, дело не так-то просто. С этим надо покончить раз и навсегда. Дай-ка мне рубаху, я пойду сам. А ты пока что возьми шпиг и рассчитайся с французом. И чтобы через минуту опять был здесь!

Пряча шпиг под пальто, Берл шел по чужому бараку. Сердце у него колотилось, он не знал, куда деть руки-ноги. Сидевший за столом Жожо встретил его приветливо.

- А-а, mon petit франц.)>! - улыбнулся Жожо. - А где же твои вещи? Ты уже отметился в конторе? - продолжал француз. - Или лучше мне самому сходить за пропуском для тебя?

Берл зарделся.

- Герр Жожо, вы знаете, как мне хотелось перейти к вам... Но ничего не выходит. Герр Карльхен меня не отпускает. В армию его не берут, он остается в Гиглинге... Вот он вам возвращает это... и велит передать, что сделка не состоится.

Берл вынул шпиг, положил его перед французом и, потупив глаза, хотел уйти. Жожо взял его за талию.

- Карльхен еще на стройке приставал ко мне с этим шпигом, - усмехнулся он. - Но я отказался. Разве ты не знаешь?

Берл уклонился от руки, которая взяла его за подбородок.

- Герр Карльхен думал, что вы предпочитаете получить шпиг здесь, в лагере. Здесь вы его дали, здесь и получаете обратно. Он

говорит, что вы опасались обыска в воротах.

- Нет, нет, cheri франц.)>. Я этого шпига не возьму, потому что не отступлюсь от сделки. Я за тебя заплатил, я подождал до четверга, с моей стороны все условия выполнены. Теперь ты переселишься сюда и будешь служить у меня.

- Герр Жожо! - Берл поднял длинные ресницы. - Никак нельзя, право, никак нельзя. Вы не знаете герра Карльхена...

- Ты ведь хотел учиться по-французски! Скажи-ка "Месье Жожо"...

- Месье Жожо...

- Je vous aime beaucoup франц.)>...

Берл покачал головой.

- Пожалуйста, герр Жожо, не смейтесь, но я никак не могу остаться у вас. - И он шепнул, почти касаясь губами уха француза. - Он убьет нас обоих. Факт!

- Ох, и кокетка же ты! - Жожо снисходительно хихикнул. - А я тебя не уступлю. Посиди-ка здесь, я сам пойду поговорю со страшным Карльхеном. Шпиг мы ему все-таки вернем...

- Нет, - умолял Берл. - Не делайте этого, месье Жожо. Он страшный человек... у него топор под матрацем...

- Не ломай комедию! - Жожо шутливо погрозил пальцем. - По-моему, ты был бы очень рад, если бы я из-за тебя подрался с Карлом. Чтобы весь лагерь говорил: "Вон идет красавчик Берл! Два капо из-за него дрались топорами!"

Юноша выскользнул из рук Жожо и сердито надул губы.

- Не верите! Ну, так попробуйте. Карльхен меня не отдаст!

- Я тебя купил, - сказал Жожо, снова протягивая руку. - Сделка есть сделка, на этот счет у нас строго.

Но Берл увернулся еще раз.

- Не ходите хоть сегодня, он сейчас очень злой. Пожалуйста, не ходите сегодня, месье Жожо! - И он побежал к выходу.

* * *

В конторе Карльхен долго чертыхался и только потом дал высказаться писарю.

- Чего ты, собственно, хочешь? - прохрипел Эрих. - Так расходился из-за двух мисок! Согласись, что мусульманам надо пораньше отужинать и...

Карльхен снова забушевал. Писарь невозмутимо глядел на него сквозь очки.

- Слушай, - сказал он наконец, когда Карльхен умолк. - К чему все это, ведь ты завтра, может быть, последний день в лагере.

- Не треплись! - отмахнулся Карльхен и рассказал об инциденте с конвойным.

- Вправду он тебя треснул? - засмеялся писарь. - Это тебе на пользу. Но ты не придавай этому большого значения. Завтра... - Эрих встал и шепотом сообщил на ухо Карльхену важную новость. - Рапортфюрер мне оказал, что завтра утром в лагерь приедет доктор эсэс Бланке. Зеленые не пойдут к Моллю...

- Значит, призыв будет здесь, на месте?

- Дай мне договорить. О призыве я ничего не знаю, но дело в том, что Копиц хочет произвести впечатление на этого доктора и показать ему несколько здоровых и крепких ребят. В лагере сегодня была катавасия: слышал ты, что Дейбель застрелил Шими-бачи? Ага, так садись и слушай. Как ты знаешь, Оскар хотел сегодня утром рапортовать, что в лагере тиф. Копиц не допустил этого. Потом он позвонил доктору Бланке и доложил ему, что в лагере есть больные с высокой температурой. Бланке приедет завтра, надо, чтобы у него осталось хорошее впечатление от лагеря. О тифе никто и не заикнется...

- А почему?

- Он еще спрашивает! Да ведь если на нас из-за эпидемии наложат карантин, не бывать тебе новобранцем!

- Я и так не верю, что попаду в армию. Мне уже и не хочется.

- А сидеть в лагере под карантином хочется? Тогда ведь ничего не достанешь из-под полы? И потом ты, как старый хефтлинк, должен знать, что лагерь с больными мусульманами - опасное место. От него недалеко и до газовой камеры!

- Что верно, то верно. А кто, собственно, хочет карантина?

- Оскар, я же тебе говорю.

- Оскар - сволочь! У него уже на совести Пауль, а теперь вот Шими-бачи...

- Вот видишь, - сказал писарь, радуясь, что наконец натолкнул тупицу Карльхена на нужный вывод. - Теперь тебе ясно, что надо сделать? Сегодня вечером ты и Коби зайдете в больничные бараки и объявите там во всеуслышание: "У вас только жар, и больше ничего. Если завтра кто-нибудь посмеет обмолвиться немецкому врачу, что у него сыпняк, мы его собственноручно пристукнем". Понятно?

Карльхен усиленно думал, шевеля губами, словно повторяя что-то, потом вдруг махнул рукой и проворчал:

- Хотел бы я знать, при чем тут пара мисок, из-за которых я сюда пришел?

Эрих похлопал его по плечу.

- Все это тесно связано. Наши враги в лагере рвутся к власти, защищают мусульман, хотят карантина, хотят расширить лазарет, ускорить раздачу ужинов и прочее. Но вот погоди, мы снова возьмем лагерь в свои руки, тогда и ты наведешь порядки по

своему вкусу - и с мисками и со всем. Не так ли?

* * *

Пока в конторе происходил этот разговор, Зденек расхаживал перед кухней. Гонзу он нашел быстро, тот топтался в хвосте очереди, к нему было нетрудно подойти, и сегодня он оказался гораздо разговорчивее, чем в прошлый раз. С веселой искоркой в глазах Гонза рассказал Зденеку новость со стройки. От Иржи на этот раз ничего не было, но Гонза беседовал с его ближайшими друзьями. Они сообщили, что староста их лагеря, немецкий политзаключенный Густль, уже начал обрабатывать своего рапортфюрера.

- Судя по всему, к нам скоро переведут группу заключенных, среди которых будет и Иржи... Тебе предстоит много работы, - шептал Гонза. - Не думай, что ты ограничишься заботой о своем брате. Партия пошлет сюда целую группу людей, и мы обязаны помочь им пережить эту зиму. Что скажешь, можем мы это обещать?

Зденек решительно кивнул. Он понимал, что это будет нелегкая задача, и изо всех сил старался прогнать мрачные мысли, которые одолевали его сегодня, глупые мысли о смерти, грязи и тщетности всех усилий. Перед ним поставлена ясная задача, вполне конкретная, прямо-таки физически ощутимая, за которую можно сразу взяться. Не дать умереть Иржи и другим товарищам, заботиться о них, о том, чтобы они ели, чтобы больные не ходили на апельплац или на работу, чтобы по возможности не мерзли и не падали духом. Чтобы они пережили зиму! Сейчас еще только вторая половина ноября, за ним декабрь, январь, февраль, март... здесь, в горной местности, еще и март может быть холодный... И все же это в общей сложности всего лишь сто двадцать, максимум сто сорок дней. Цель уже видна, она перед глазами, каждый вечер мы будем ложиться спать с улыбкой, потому что каждый новый день приближает нас к этой цели...

- Можем обещать! - повторил он и взял Гонзу под руку. - А теперь скажи мне, какие заболевания там, в пятом лагере?

- Фредо откровенно сказал им, что у нас сыпняк. Это было для них неожиданностью, но они сказали, что и у них много больных с подозрительно высокой температурой. Врачи у них там все новички, без лагерного опыта, надо их предостеречь. Наши товарищи сделают это. Во всяком случае, в первую группу, которая будет переведена к нам, они подберут людей, уже болевших тифом.

- А Ирка?

- Не бойся, он тоже будет в этой группе. Он перенес тиф в

Гросс-Розене.

- Слава богу! - воскликнул Зденек с таким нескрываемым облегчением, что сам смутился. - Я не верующий, ты не думай!

Гонза улыбнулся.

- Главное - это то, что ты воскликнул "слава богу", обрадовавшись не за себя, а за других и не думая о том, что с нами самими дело может обернуться довольно паршиво. Фредо и другие наши старички уже перенесли тиф в Варшаве. А можем мы с тобой быть уверены, что не умрем от него здесь?

- Для меня вопрос ясен, - сказал Зденек, улыбнувшись впервые за весь этот день. - У нас просто не будет времени умереть!

* * *

Пять часов утра, противный хмурый день, перекличка на апельплаце. За ночь снег толстым слоем покрыл дорожки. Апельплац освещен рефлекторами, как цирковой манеж. На манеже Дейбель без пальто, в высоких сапогах делает утреннюю зарядку. Изо рта у него идет пар. Он поднимается на носки, приседает, руками в замшевых перчатках сгибает красный кабель, разминает все суставы, со смаком вдыхает и выдыхает воздух, выпячивает грудь, наслаждается, показывает этому стаду дохлятин, что такое "Kraft durch Freude"{26}.

- Alles antreten!

Дейбель сегодня не ночевал в комендатуре, он переспал у молодухи, которая вчера жаловалась на "слабое сердце". Отпирая ему калитку, она смеялась: "Что ж вы не взяли с собой доктора?" Он ответил ей в тон: "Я взял с собой все, что нужно, не беспокойтесь, фрау!"

- Alles antreten!

Убийца! Весь лагерь знает, что Дейбель - убийца. Люди глядят на его глубоко посаженные голубые глаза, на крепкий подбородок и светлую кожу чисто выбритого лица, на тупой твердый носик и ровные зубы под ним. Головорез! Как не дрожать перед Дейбелем, когда стоишь тут в грязи и в снегу, одетый в лохмотья, натянув шапочку на стриженую голову и озябшие уши. Убийца делает зарядку, а ты дрожишь на холоде. Ты не можешь вцепиться этому фашисту в горло, ты должен искать левофлангового и становиться в строй. Но запомнить Дейбеля ты можешь навсегда, навеки, запечатлеть в своей памяти его облик. "Не прощу, никогда не прощу!" - можешь шептать ты в бессильном гневе.

* * *

Все выстроились в шеренги, работоспособные - слева, врачи и больные справа. Вот появляется рапортфюрер со своей трубочкой,

и начинается главная сенсация этого утра:

- Revieraltester, vortreten! нем.)>

Оскар выбегает из шеренги и спешит к эсэсовцу, уверенный, что сейчас получит "двадцать пять" или что-нибудь похуже. Но Копиц не командует: "Спускай штаны!", только: "Снимай повязку!"

"Больше я не старший врач", - мелькает у чеха, и он даже рад этому.

Затем другая сенсация:

- Стань в строй, назначаю тебя капо на внешних работах. Санитар Пепи ко мне!

Оскар поворачивается направо кругом и бежит на левый фланг, к Фредо, который встречает его ободряющей улыбкой. К эсэсовцам тем временем подходит Пепи, ест их глазами. Он и представления не имеет, какую игру затеяла с ним комендатура.

- С сегодняшнего дня ты старший врач! - говорит Копиц. - Инструкции получишь позднее.

- Jawohl! - гаркает санитар. Головорез Дейбель ухмыляется и подает ему повязку Оскара.

- Ich gratuliere! нем.)>

- Besten Dank нем.)>, - по-солдатски отвечает Пепи, косясь на Оскара: не подумал бы тот, что это его, Пепи, интриги.

Потом раздается еще несколько отрывистых приказов. "Зеленые" сегодня не идут на внешние работы, зато туда отправятся все больные, которым не хватило места в лазарете. Все без исключения!

- У меня высокая температура, - плачет один из пострадавших.

Дейбель пружинистой походкой подходит к нему.

- А сколько?

- Вчера вечером было сорок.

Дейбель усмехается.

- А башмаки у тебя какой номер? Сорок два?

Больной стоит раскрыв рот, глаза у него, как стеклянные, все как-то расплывается перед ним, он смотрит в лицо Дейбеля, но видит только кокарду с черепом на эсэсовской фуражке. Узник переводит взгляд ниже, но и там лишь мундир с блестящими пуговицами.

- Чего глаза вытаращил? - кричит Дейбель, - говори, что выбираешь: башмаки номер сорок два или жар сорок градусов. Если хочешь оставаться в лагере, садись и разувайся.

Узник слышит плохо, но насчет башмаков он понял. Нет, он не отдаст их. И он, шатаясь, идет по снегу, налево, к рабочей команде.

- Also fertig? нем.)> - осведомляется Копиц.

Дейбель подтверждает, что все готово.

Лагерный староста Хорст командует:

- Marschieren Marsch! Links, zwei, drei, vier, links... нем.)>

* * *

После ухода рабочих команд в лагере обычно воцарялся покой. Гасли рефлекторы, блоковые и штубаки возвращались в опустевшие бараки, чтобы поспать еще часа два. Теперь, в тишине и спокойствии, можно по-настоящему задать храповецкого.

Но сегодня все было иначе. Эсэсовцы не ушли к себе, рефлекторы не погасли, и даже могильщикам позже, когда рассвело, не разрешили начать свое дело.

- Grossreinemachen! - сказал Дейбель, щелкнув кабелем по голенищу. Капитальная уборка!

Штубаки, взяв веники, принялись подметать главный проход в своих бараках и часть улицы перед ним. Стружку на нарах нужно было разровнять и аккуратно уложить на нее одеяла. Уголки блоковых, столы, кружки для кофе, фасадные окна - все должно было сверкать чистотой.

Не успели блоковые и штубаки как следует прибрать в своих бараках, как за ними уже пришли "зеленые", главные распорядители всей этой уборки. Половину штубаков они погнали к уборным, остальных - в больничные бараки. Там было особенно много работы, санитары с ней не справлялись. Немало было шума, крика, ненужных осложнений. Уборщики пинали ногами ведерки, вытряхивали одеяла, проветривали помещения. Полураздетые больные жаловались и плакали, не зная, чем все это кончится.

После уборки лагерь выглядел так же неприветливо, как и до нее. Черный и грязный, лежал он в протоптанном снегу, земляные проходы в бараках, сколько их не подметали, остались сырыми и грязными, стружка, хоть ее и разровняли, не перестала быть стружкой и приставала к одежде. В общем лагерь остался таким, каким и был, - вопиюще убогим.

Но эсэсовцы верили в оперативность. Там, где все было в движении, где много кричали на людей и били их, там эсэсовцы видели успех, сдвиг, перемену к лучшему, благой результат своих приказов. Только через два часа после того, как тотенкоманда дважды съездила на кладбище и мертвецкая ненадолго опустела и даже была выметена, лагерное начальство потерло руки и, удовлетворенное, ушло в комендатуру. Теперь пора и им самим подготовиться к приему высокопоставленного гостя.

Точно в девять, как было условлено, к воротам лагеря подкатила машина. Копиц, Дейбель и Лейтхольд выскочили навстречу и вытянулись во фрунт. Они были тщательно

причесаны, застегнуты на все пуговицы.

Но из машины вышел всего лишь какой-то эсэсовец в таком же низком чине, как и кюхеншеф, - всего навсего шарфюрер. Это был низкорослый, худенький молодой человек, в очках, с крутым лбом и густой, но уже редеющей шевелюрой, он тоже стал "смирно" и отрапортовал:

- Sanitatsgehilfe Tischer zum Befehl! нем.)>

Копиц почесал за ухом и, не скрывая разочарования, спросил:

- А штурмбанфюрер герр Бланке?

- Велел передать, что, к сожалению, занят и посылает меня.

- Вольно!.. А ты врач?

- Никак нет. Прослушал три семестра медицинского факультета.

- Ну все-таки, значит, медик. Заходи, приятель.

Настроение у хозяев было кислое. В глубине души Копиц и Дейбель, правда, радовались: обработать этого типа будет легче, чем Бланке... Но зачем, спрашивается, весь этот утренний переполох - уборка, гонка, оперативность? Начальство в Дахау даже не удостоило нас порядочного инспектора.

- А тебя проинструктировали, что надо делать? Дали тебе какие-нибудь полномочия? - проворчал рапортфюрер, когда вся компания как-то смущенно уселась за стол и Дейбель раскупорил приготовленную бутылочку.

- Нет, я ничего не знаю. И мандата мне никакого не дали. Моя фамилия вам, наверное, мало говорит...

"Тишер?" - мысленно задавался вопросом Копиц и взглянул на Дейбеля, словно спрашивая: не знаешь ли какого-нибудь генерала Тишера?

- Мой отец - профессор Матхаус Тишер, - медленно сказал молодой человек, ероша каштановую шевелюру. - Тот самый известный физик Тишер, который...

- Ах, вот что! - обрадовался Копиц. Ну, конечно, он так и думал, что перед ними чей-то сыночек с протекцией. Копиц был особенно доволен тем, что Тишер не оказался отпрыском неизвестного Копицу генерала, ибо рапортфюрер наизусть знал фамилии почти всего германского генералитета и гордился этим.

- Вы говорите, физик Тишер, который... что? - осведомился он у молодого человека.

- Извините... Я вижу, вы о нем ничего не знаете, Скажу откровенно, я тоже не совсем понимаю, чем занимается папаша. Какие-то выкладки, атомы, нейтроны, позитроны. По-зит-роны! - Он засмеялся, словно это была острота, и хлопнул себя по ляжкам. - Короче говоря, он ужасно знаменит. На прошлой неделе фюрер снова приглашал его к себе, в ставку.

Сидевшие за столом на минуту замолчали.

- С вашего разрешения, камарад, - Дейбель собрался с духом и хотел налить Тишеру рюмку.

- Нет, благодарю, - сказал тот с серьезным видом. - Алкоголь, табак и мясо - все это я не приемлю. Знакомы вы с методом жевания по Флетчеру?

Трое эсэсовцев уставились на юнца, который уселся, перекинул ногу на ногу и, видимо, собирался прочитать им пространную лекцию об этом методе.

- Метод Флетчера требует прежде всего тщательного разжевывания пищи. Для каждого глотка предусмотрено точное количество жевательных движений... - тут он взглянул на часы и быстро встал. - Девять часов. Простите, господа, где тут у вас клозет? По утрам я принимаю слабительное, и вы сами понимаете...

Все встали, как завороженные. Дейбель вывел Тишера в коридор и указал ему нужную дверь. Потом он вернулся в комнату, и все трое расхохотались: Дейбель бросился Копицу на шею и ржал: "Ну и пентюх, боже, ну и пентюх!"

- Тише, Руди! - хихикал рапортфюрер. - Зачем так громко? И налей-ка нам по рюмочке.

Дейбель поднял рюмку.

- Как он сказал? Что делает его папочка?.. Прозит!

* * *

Когда через четверть часа Тишер вернулся, рапортфюрер взял его под руку и повел в лагерь. Молодой человек во все вникал, все хвалил. Он с любопытством оглядывал строения и отметил, что здесь все выглядит точно так же, как и в лагере номер четыре. Вот только мертвецкая там находится в правом углу, здесь в левом. "Ваше размещение, очевидно, целесообразнее?" осведомился он. Копиц не знал, что отвечать.

Тишеру показали одиннадцать зеленых немцев я обратили его внимание на то, какие все они упитанные и здоровые. Не хочет ли он посмотреть их голыми?

- О нет, спасибо, - быстро сказал Тишер. - Безусловно, не хочу!

- Как по-твоему, - шепнул ему Копиц, - возьмут их на фронт или это была ложная тревога?

- Должны бы взять, - Тишер задумался. - Бравые немцы, а? На фронте нужны люди...- И он сам наклонился к уху Копица. - Ты, камарад, человек пожилой, насчет тебя дело ясно. Но не следует ли нам послать на фронт коллегу Дейбеля? Он такой крепкий...

- Это было бы ошибкой! - испугался рапортфюрер. - Он крайне нужен в лагере. Или ты думаешь, что на фронте он

истребит больше врагов Германии, чем истребил здесь?

- Здесь? - удивился Тишер.

- Да, да! - подтвердил Копиц. - Он просто молодчина. Не далее как вчера...

И он рассказал о неудавшейся попытке врача венгра бежать из лагеря вплавь, через реку Лех. Гость удивленно качал головой: "В такой холод прыгать в воду! Какой он отчаянный, этот врач!"

Было видно, что у него самое лучшее впечатление от лагеря. Потом рапортфюрер вызвал из группы зеленых Пепи с повязкой старшего врача.

- С ним ты легко найдешь общий язык, - сказал Копиц. - Это дурачок Пепи, медик, как и ты, а сейчас глава нашего лазарета.

- Очень рад, - кивнул Тишер. - А почему вас называют дурачком? В шутку?

- Хороша шутка! - усмехнулся Копиц. - Расскажи ему, Пени, что ты мне рассказывал в Варшаве. О той лечебнице, где тебя поливали холодной водой и одевали на тебя смирительные штаны...

- Вы хотите сказать - рубашку? - несмело возразил Тишер.

- Именно штаны. У Пепи бывали приступы полового бешенства - он вам потом скажет, как это называется по-латыни, coitus tremens, что ли? Ему всегда приходилось надевать смирительные штаны. Верно, Пепи?

Ошеломленный Тишер уставился на нового главу лазарета.

8.

На стройке был обеденный перерыв. В глубине полой горы, на дне долины и наверху, на своде, - всюду слышался шум, гул, звяканье. Из паровозных гудков вырывался пар и застывал в холодном воздухе, похожий на сбитые сливки. "Mahlzeit" - бурчали мастера, вытирая руки паклей. Заключенные, не ожидая приказа, строились в шеренги, бригадиры вели их в кантину{27}. Капо по одному подходили к особому окошечку.

- Послушай, Жожо! - окликнул Гастон своего земляка. - У меня к тебе дело. Скажи этому парню, чтобы отошел, нам надо поговорить наедине.

- Берлу? А зачем? У меня от него нет секретов. Да он и не понимает по-французски. - Жожо не снимал руки с плеч Берла, с которым шел в обнимку.

- Видел бы тебя сейчас Карльхен! - сердито сплюнул Гастон.

- Карльхен остался в лагере, - засмеялся Жожо. - Кто знает, может быть, доктор из Дахау сегодня же отправит его в солдаты.

- В твои постельные делишки я не вмешиваюсь. Но говорить с тобой мне надо с глазу на глаз. Отошлешь ты этого парня или нет?

- Это что, приказ?

- Не мой, а кое-кого повыше.

- Je m'en fiche! франц.) >

- Жожо! - Гастон остановился, приподнял плечи, сжал кулаки.

- Хочешь подраться? - усмехнулся Жожо, но предусмотрительно снял руку с плеч Берла.

- Нет, не стану мараться. - И Гастон снова сплюнул. - Обидно вспомнить, чего ты только не наобещал, когда в Варшаве мы спасли тебя от штрафного лагеря.

Жожо слегка подтолкнул Берла.

- Иди вперед, малыш, я тебя догоню. - И он обернулся к Гастону. Верно, обещал.. Ну, а вы выполнили свои обещания? Где конец войны? Где красное знамя над Берлином? Мне надоело ждать! Жизнь коротка. Пришло мое время, почему бы мне не пожить в свое удовольствие?

Гастон смерил его брезгливым взглядом.

- Кругом мрут люди, а Жожо хочет пожить в свое удовольствие. Торговать зубами мертвецов, сбивать цены Мотике, конкурировать с самим Дейбелем! Ловкач этот Жожо! Купил себе Берла и называет это жить в свое удовольствие. Пусть себе Франция и все остальное...

- Пусть! - сказал Жожо.

Гастон повернулся на каблуках и отошел, сжав кулаки в карманах. Ему не хотелось никого видеть. Вдруг он споткнулся. Кто-то подставил ему ногу. Это был Мотика.

- Что еще за дурацкие шутки? - огрызнулся Гастон.

Толстый грек с довольным видом расселся на камне у дороги и намазывал хлеб маргарином.

- Не злись, - подмигнул он элегантному французу. - Хочешь кусок?

- Нет, мерси.

- Погоди-ка. Для тебя, видно, мои манеры недостаточно изысканы? Тогда погляди-ка на своего дружка, нового капо Оскара. - Не поднимая глаз от хлеба, Мотика слегка кивнул головой вправо. - Вон он там сидит.

Гастон взглянул. В самом деле, там сидел чех-доктор с миской похлебки на коленях и крошил в нее сухие корки. Взгляды француза и чеха встретились, и они дружески кивнули друг другу.

Мотика, все еще не поднимая глаз, усмехался. "Погляди-ка на его манеры! Каков господин интеллигент! Крошит корку в суп, жрет, как свинья силос, а еще называется европеец!"

Гастон чуть не вытаращил глаза: не ослышался ли он? Здесь, в этой гнусной дыре, кто-то обеспокоен отсутствием хороших

манер. И кто же, Мотика?!

Он молча зашагал и только через несколько секунд рассмеялся громко и зло, скаля зубы.

* * *

Потом он повстречал Фредо.

- Имей в виду, что Жожо совсем оторвался от нас, - проворчал он вместо приветствия, - я даже не передал ему твоего поручения. Партия уже не может на него рассчитывать. Если так пойдёт и дальше...

Фредо кивнул.

- Вижу, что ты не в духе. А я наоборот. Если нам не поможет Жожо, поможет еще кто-нибудь. Хороших людей хватает, их всегда больше, чем плохих. Не обратиться ли нам к Дереку? Или погоди, давай сделаем иначе, надо же привлекать новых людей. Что ты окажешь насчет Оскара?

Гастон удивленно поднял взгляд.

- Хороший человек, но не наш. У него в голове какая-то мешанина. Считает себя гуманистом, политики сторонится.

- А может, и не будет сторониться, - возразил Фредо. - Мне всегда казалось, что он не так-то далек от нас. Если он получит хорошую встряску... а это, кажется, как раз случилось. Вчера у него был какой-то неприятный разговор с рапортфюрером, потом произошло это несчастье с Шими-бачи. Оскар уже другой, вот увидишь. Прежде он все ссылался на свой врачебный долг, теперь он больше не врач, его убрали из лазарета.

- Я не против, можно попробовать. Но поговори с ним ты сам, ты его знаешь лучше, чем любой из нас. А теперь скажи мне, с чего это ты так развеселился?

- Мастер дал мне вчерашнюю газету, - прошептал Фредо, похлопав себя по карману. - Вечером я тебе ее покажу. "Фолькишер беобахтер" предостерегает западные державы и при этом цитирует Сталина. Представь себе, последнюю речь, произнесенную седьмого ноября! Теперь мы знаем не только то, что он действительно выступал на Красной площади, но и что он сказал. "Советский народ спас европейскую цивилизацию" - вот его слова. Нацисты теперь визжат в адрес Англии: "Зарубите себе это на носу. Если то, что спасли большевики, действительно европейская цивилизация, так вам, мол, придется несладко!" И так далее. Но для нас, разумеется, интересно в газете не это. Важно то, что Сталин сказал "спас". Понимаешь, не "спасает" или "спасет", а "спас" Фредо улыбнулся. - Так что можешь и ты развеселиться!

* * *

Фредо в тот же день поговорил с Оскаром. Он не стал

пускаться с ним в принципиальный спор, а спросил только, хочет ли Оскар участвовать в подпольной операции на моллевской стройке. Врач сразу согласился, и Фредо объяснил ему что и как делать.

Но на следующее утро произошла одна из тех непостижимых перемен, которые часто случались в Гиглинге, и уговор с Оскаром пошел насмарку. Как только рабочие команды выстроились на апельплаце, пришел Копиц с трубочкой и вызвал из рядов Оскара.

- Ты опять будешь в лазарете, - сказал он с усмешкой.

И больше ничего!

Правда, повязку старшего врача Оскару не вернули, но Пепи позднее признался, что ему было велено во всем слушаться Оскара.

Что все это означало, догадаться было нетрудно. Вчера эсэсовцы сплавили Оскара на стройку, потому что боялись, что он скажет обследователю из Дахау правду о сыпном тифе. Сначала Копиц пытался повлиять на Оскара угрозами, потом, после убийства Шими-бачи, комендатура снова усомнилась в надежности старшего врача и предпочла удалить его из лагеря. Но почему же сегодня Оскара вернули в лазарет? Окончилась врачебная инспекция так уж благоприятно для рапортфюрера, или он просто понадеялся на глупость Тишера и решил, что можно ничего не бояться? Значит, комендатуре не грозят никакие неприятности и вопрос о сыпном тифе уже не сдвинешь с места?

Никто не знал этого, а у Оскара даже не было времени поговорить или хотя бы попрощаться с Фредо. Тот издалека успокоительно кивал головой: мол, не беспокойся, кто-нибудь другой заменит тебя у Молля. Оскар в свою очередь приподнял плечи и с сожалением улыбнулся: рад бы помочь вам там, но, надеюсь, от меня и здесь будет польза.

Рабочие команды промаршировали в ворота, а Оскар остался в лагере со своими больными. Но не он один был так неожиданно освобожден сегодня от внешних работ. Еще в начале переклички Дейбель вызвал из рядов капо Карльхена, который, как и все "зеленые", снова попросился на работу. Никто из заключенных не знал, почему Карльхена оставили в лагере. Команды ушли, с ними и Берл. Карльхен тщетно искал возможности хотя бы кивнуть ему и погрозить пальцем: мол, веди себя хорошо.

Ворота закрылись, рефлекторы погасли, в лагере наступила тишина. Блоковые пошли еще немного вздремнуть. Только в кухне и в конторе уже работали.

Зденек уселся перед картотекой живых и начал ежедневную процедуру: взял большой лист бумаги - только для этой цели комендатура и не жалела их - написал на нем крупно, печатными

буквами: "Выбыли, причина - смерть".

Порядок был такой: в течение всего дня, но главным образом рано утром, еще до переклички, в контору приходили штубаки с бумажками - рапортичками об умерших. Зденек собирал эти клочки бумаги, накалывая их на гвоздь в столе, вынимал соответструющие карточки, ставил дату и причину смерти (разумеется, "сердечная недостаточность"!), а потом делал для комендатуры общую сводку на большом листе бумаги. Работа шла в общем быстро. Чтобы не делать ошибок, надо было работать механически, не размышляя о судьбах людей, над которыми он ставил последнюю точку. Но вот он натолкнулся на фамилию доктора Шимона Гута, и рука Зденека дрогнула. Причина смерти здесь была иная, чем у других мертвецов. Зденек уже знал об этом, но рука не слушалась, не хотела написать: "Убит при попытке к бегству".

Зденек вспоминал...

С тех пор как в Германии власть захватил Гитлер, чехословацкие газеты не переставали толковать об ужасном смысле фразы "убит при попытке к бегству". И, как это обычно бывает, чем чаще что-нибудь твердят людям, тем менее отчетливо они себе представляют действительность, выраженную этими словами. Газеты хотели заклеймить бесчеловечный режим и произвол в Германии, взбесившихся мещан, организованных в СА и СС, убийства, ставшие заурядным явлением, расправы без суда, без справедливости, без смысла. Газеты были полны героических и негероических историй, и сотни их кончались одинаково: гитлеровцы убивали свою жертву под предлогом "попытки к бегству". Рабочий В. пытался организовать стачку докеров, гестаповцы стащили его с импровизированной трибуны и... "убит при попытке к бегству"... Берлинский инженер Б. возвращался с женой из кино, двое пьяных эсэсовцев пристали к его жене, инженер вступился за нее и..."убит при попытке к бегству". В Лейпциге отряд штурмовиков ворвался в дом, чтобы разгромить квартиру еврея Р., но ло ошибке попал этажом выше, в квартиру советника Л. Тот не пожелал впустить их и... "убит при попытке к бегству".

Все уже наслушались этих историй. Прага кишела немецкими эмигрантами, все они рассказывали подобные случаи. Пригласишь эмигранта пообедать, а он тебе за это рассказывает и рассказывает... Впрочем, слушать - этого было мало, эмигрантам нужна была более ощутимая помощь - деньги, лечение, ночлег. Кроме того, приходилось защищать их и все дело помощи от местных обывателей, от озлобленных выпадов в газете "Поледни лист". ("Еще немцев нам не хватало... Отбивают работу у наших...

Натравят на нас Гитлера... Как будто у нас нет своих крамольников, которым тоже место в концлагере...")

Зденек часто помогал тогда эмигрантам, но у него не было охоты прислушиваться к вечным предостережениям, рассказам о гестаповских застенках, о людях, застреленных "при попытке к бегству". Да и сама-то Прага переживала тяжкие времена, кризис давал себя знать на каждом шагу. Возьмешь, бывало, в закусочной порцию сосисок, а пятеро безработных уже спрашивают, не останется ли у тебя хоть немножко картофельного пюре. А ведь еще нет никакой войны, на Вацлавокой площади горят неоновые рекламы, за опущенными шторами ночных дансингов гремят барабаны джазов, зрители в Освобожденном театре хохочут, глядя, как Верих{28}, приложив к верхней губе маленькую черную расческу, поднимает руку в "арийском приветствии".

Зденек ухаживал за красивой девушкой, неутомимо трудился, зарабатывал на жизнь, сдавал экзамены. Он был молод, ему хотелось поскорей попасть на киностудию и снимать прогрессивные фильмы. Не сторонился он и политики, ходил на митинги в Люцерну{29}, был в курсе всех событий, помогал, где мог, но самым главным для него было жить, жить, продвигаться вперед и вверх, срывать успехи самому, в своем деле.

В своем... Зденек знал, что происходило в мире, но старался спокойно относиться к этому, он умел выслушивать рассказы о Германии и как-то не слышать их. Концлагеря, пытки, расстрелы, - конечно, ему известно об этом, и он считает все это варварством... Но ведь это там, в Германии, а мы живем в Праге, и у нас есть собственные заботы. Рассказы беглецов из Берлина казались ему ходульными, пустыми, как вымолоченная солома.

Потом начались события в Испании, Мюнхен, первые массовые аресты и высылки. Зденек сам стал жертвой всех этих ужасов и очутился в Освенциме. Он был ошеломлен, он задыхался и на собственном опыте познавал теперь, что значат эти давно знакомые понятия: "гестапо", "эсэс", "концлагерь". Они как-то приблизились к нему, словно проникли в его тело.

А вот теперь на очереди было "auf der Flucht erschossen" - "убит при попытке к бегству". Больше нельзя было притворяться, будто Зденек не знает, что это такое, - он сам был на кладбище, дышал запахом хлорной извести, склонялся над телом маленького врача, убитого выстрелом в грудь, помогал снимать с него арестантскую одежду, а сейчас должен написать на этом белом листе лживый рапорт о его смерти.

Зденек медленно выводил "Убит при попытке к бегству", очень медленно, словно нарочно мучая себя за прежнее равнодушие, словно желая хоть сейчас почерпнуть в этих

мрачных словах гневную силу и волю к действию.

* * *

На рассвете Иолан открыла глаза. Она была уже не так бледна, как позавчера, но алые пятна на ее щеках не предвещали ничего хорошего.

Девушка не сознавала, где она находится. Снаружи слышались удары тяжелого молота, словно строят помост. "Карусель", - мелькнуло у Иолан. Сейчас лето, она живет у бабушки, к ним в селение приехала бродячая цирковая труппа в большом фургоне, на площади вырастет маленький "луна-парк": перекидные качели, тир и карусель.

Как приятно постукивает молоток! Тук-тук-тук, эхо не поспевает за ним... Слышно, как сбросили доски... трах! И опять стук молотка, такой четкий этим летним утром; слушать бы его и слушать!

Сиделка Маргит видит, что Иолан открыла глаза.

- Что, маленькая? Хочешь кофе? - она подает кружку холодной бурды и поддерживает голову Иолан. Та по-детски выпячивает губы, чтобы дотянуться до кружки, пьет и сияющими глазами глядит туда, откуда доносится веселое тук-тук-тук. - Потом между двумя глотками переводит дыхание и произносит первое слово:

- Карусель?

Маргит не сразу понимает, задумывается, потом, сообразив, быстро отворачивается.

* * *

- С утра строите виселицу? Gar net schlecht! нем.)> - говорит Россхаупт, входя в главные ворота, и улыбается плотнику Карльхену, который, опустив доску на землю, вытянулся перед надзирательницей в струнку. - Для кого же это?

-- Не знаю, фрау надзирательница. Приказ комендатуры.

Тем временем возгласы "Achtung!" эстафетой достигают кухни, и Лейтхольд, прихрамывая, уже спешит с ключами навстречу надзирательнице. Россхауптиха входит в женский лагерь и принимает рапорт Илоны. Сегодня Кобылья Голова много спокойнее, чем в прошлый раз. Размашистым шагом она направляется к третьему блоку, откуда как раз выходит сиделка с ведром.

- Стой! - командует Россхаупт. - Почему у тебя красные глаза? Ревела?

Маргит не знает, что ответить.

- А ну, говори!

- Бедняжка Иолан... - шепчет сиделка, кивнув головой в сторону барака, - думает, что на апельплаце строят карусель.

И Маргит бежит дальше.

Россхаупт останавливается около Иолан, лежащей с открытыми глазами, которые сияют так, словно она глядит на рождественскую елку. Но вот она видит надзирательницу, и лицо ее тускнеет, веки опускаются.

- Не спит, - говорит Россхаупт, стараясь забыть о мертвой сестре, на которую так похожа эта девушка. - Открой-ка глаза, слышишь? Ты должна поправиться. Я так хочу!

До Иолан, видимо, не доходят эти слова, но появление надзирательницы и ее голос сильно перепугали больную.

- Я говорю, ты должна поправиться! - повторяет Кобылья Голова. Поняла?

- Jawohl, - шепчет бледная девушка с алыми пятнами на щеках.

-Ага! - усмехается Россхаупт. - Дело пойдет на лад.

И, довольная тем, что она помогла лечебному процессу, Россхаупт поворачивается и шагает обратно к калитке. Ожидавшему там Лейтхольду она говорит:

- Пройдем еще в кухню, но быстро, у меня мало времени.

По дороге она сообщает ему, что не допустит, чтобы девушки перемерли в завшивленном лагере. "Все уже устроено, мы переведем их в другое место. Что окажешь?". У Лейтхольда подкосились ноги. У него отнимают Юлишку! Но он овладел собой и сказал:

- Мне все равно, фрау надзирательница. Вы, конечно, сами знаете, что полезнее для Германии.

Россхаупт вспомнились слова Копица о том, что кюхеншеф путается с одной из кухарок. Она покосилась на Лейтхольда и тихо сказала:

- Ну да, я знаю, для тебя они только номера.

- Да, - ответил Лейтхольд, и его стеклянный глаз злобно уставился в пространство.

Россхаупт прошлась из конца в конец кухни и уже направилась было к выходу. Вдруг что-то необычное во внешности Юлишки привлекло ее внимание.

- Кюхенкапо, подойди сюда!

- Битташон? - прощебетала Юлишка, словно обращаясь к Лейтхольду, а не к Кобыльей Голове.

- Что это на тебе надето? Ну-ка, сними передник.

Молодая венгерка, не теряя уверенности в себе, развязала веревку, которая поддерживала на ней передник из мешковины, и предстала перед надзирательницей в брюках. Брюки были отлично сшиты и очень шли Юлишке... Пусть-ка Лейтхольд поглядит!

- Откуда это у тебя? - Голос надзирательницы был невозмутим и ничем не выдавал опасности, которая нависла яад девушкой.

Юлишка выпятила грудь.

- На работе у меня порвалась юбка. Женской одежды в лагере нет, пришлось взять эти брюки с мертвого мусульманина.

- Сидят безупречно, - признала Россхаупт. - А ну, покажись!

Юлишка повернулась, как манекенщица в ателье. Лейтхольд глядел на нее зрячим глазом и млел. В глубине кухни, за котлами, Като с перепугу уронила большую поварешку. "Неужели никто, кроме меня, не понимает, что Юлишка просто спятила?"

- Не можешь поаккуратнее, ты, корова? - крикнула Россхаупт, когда поварешка прогрохотала на бетонном полу. Затем недовольство надзирательницы вновь сменилось безмятежным выражением, и она обратилась к Юлишке. Подойди-ка поближе...

Красотка повиновалась. Россхаупт была уверена, что теперь знает, в кого влюблен Лейтхольд.

- А спросила ты герра кюхеншефа, позволит ли он тебе такой маскарад?

- Ах, что вы, нет, - прощебетала Юлишка. - Я думала, что это неважно. Ведь на нас тут никто не смотрит.

Россхаупт сделала вид, что не замечает дерзкой кокетливости этого ответа.

- Кто тебе шил это?

- Никто, битташон. Я ношу их неперешитыми.

- Не ври! - все еще сдержанно сказала Кобылья Голова. - Крупные стежки по бокам сделаны не на машине. Кто-то перешивал брюки здесь, в лагере.

В кухне стояла мертвая тишина, все девушки замерли на месте, каждая, как и Като, поняла теперь, что беда на пороге. Да и Юлишка, видно, почуяла опасность.

- Ей-богу!.. - сказала она уже робко. - Может быть, их перешили в Освенциме... а мне достались такие.

- А куда делся полосатый кант, который вшивали там?

Юлишка опустила голову.

- Я получила такие... правда!

Россхаупт выпрямилась, судорожно сжала рукой свой форменный пояс, сдвинула кобуру с пистолетом на место, потом хладнокровно оказала:

- Я застала тебя в гражданских брюках. Это может означать только одно: ты готовишься к побегу. А за это заключенных отправляют на виселицу. Лейтхольд! - Она отвернулась от побледневшей Юлишки и сурово взглянула на кюхеншефа. - Идем в вашу контору! А этот "номер" пойдет с нами.

* * *

Комнатка в углу, за перегородкой, была тесная, все трое оказались там еще ближе друг к другу, чем в кухне. Россхаупт прежде всего бросила взгляд на походную койку за дверью, и Лейтхольд проникся уверенностью, что Кобылья Голова обо всем догадалась, что она знает о его любви, о тех часах воздушной тревоги, когда Юлишка лежала тут одна...

Но что бы ни думала надзирательница, ее неподвижное, каменное лицо не выдавало этих мыслей. Она сунула руку в сумку и вынула плетку.

- Насколько я помню, ты любишь раздеваться, - сказала она, - так сними-ка брюки. Прежде чем мы тебя повесим, ты окажешь нам, кто из девушек перешивал эти брюки. Она хотела помочь тебе бежать, вот мы и повесим вас рядышком.

По ту сторону низкой перегородки девушки, в кухне слышали каждое слово. Взявшись за руки, они жались друг к другу и ждали, что будет дальше.

- Я... я сама перешивала, - плача, сказала Юлишка.

- Опять врешь. Ты бы так не сумела. Ну-ка, пошевеливайся. Ложись на стол...

- Не бейте меня! - взвизгнула Юлишка. - Умоляю, не бейте! Я все скажу.

Като быстро переглянулась с подругами. Чего доброго, Юлишка погубит и беднягу портного!..

- Ты уже много врала, и я тебя проучу. Лейтхольд, ты посильнее, влепи-ка ей как следует. Я подержу.

Кюхеншеф откашлялся раз, другой.

- Ну, скоро? - в голосе Россхаупт появились зловещие нотки.

- Герр кюхеншеф, пощадите! - Юлишка не договорила, ее голову прижали к столу.

- Я... не могу, - прошептал Лейтхольд. - Я... я инвалид. Для таких дел...

- Ах, вот как! - вскричала надзирательница. - Ты не хочешь наказать мерзавку, которая открыто готовилась к побегу? Час от часу не легче! Подай мне плетку!

* * *

В коротких промежутках между ударами и ревом Юлишка выложила все: она купила старые брюки за две миски супа, Беа выстирала их, а чешский портной из четырнадцатого барака

перешил. Его имя она выдала тоже: Ярда.

Россхауптиха, неся под мышкой скатанные брюки, зашагала в комендатуру, оставив полураздетую Юлишку лежать на полу. Лейтхольд запер кухню и поспешил за надзирательницей.

- Achtung! - крикнул капо у ворот. Писарь выбежал из конторы и вытянулся в струнку.

- Хорошо, что ты мне встретился, - крикнула побагровевшая Россхаупт. Немедленно приведи в комендатуру заключенного чеха Ярду из четырнадцатого барака.

И она устремилась дальше.

- Веду к вам нашего донжуана, - сказала она, врываясь в жарко натопленную комендатуру. - Вы были правы, он влюбился в жидовку. А ну-ка, поскорей проветрите здесь, не то я задохнусь.

Дейбель поспешил к окну, Копиц ловил руками рукава френча, повешенного на спинку стула. Вошедший вслед за эсэсовкой Лейтхольд с унылым видом остановился у дверей.

- Вы только взгляните на него! Хорош инвалид! Отказался наказать девчонку, которую я поймала при попытке к бегству! - возглашала она, тыча пальцем в сторону Лейтхольда. Кюхеншеф медленно поднял голову и, словно не слыша надзирательницы, проковылял к столу Копица.

- Герр рапортфюрер, - тихо сказал он, стараясь сохранять воинское достоинство, - разрешите подать вам рапорт об увольнении со службы. Вы сами предлагали мне.

Россхаупт энергично оттолкнула его.

- Э-э, нет, голубок! Прежде ты ответишь за свои проступки. Смотать удочки, подать в отставку... Как бы не так!

Стоявший у окна Дейбель вытаращил глаза, он все еще не понимал, в чем дело. Копиц тоже понимал не больше его, однако быстро успокоился, остался сидеть без френча, с расстегнутым воротом, удобно развалясь на стуле, и благодушно поглядывал на разыгрывающуюся сцену. Могло ли быть более отрадное зрелище! Перед ним его милые коллеги, которые давно сидят у него в печенках и мешают ему править лагерем по-своему. Рыжая щука Россхаупт и благородный инвалид Лейтхольд! Оба они сейчас дрожат - она от злости, он от страха. Здорово они сцепились, Кобылья Голова, видимо, держит его за глотку и не отпустит, пока ему не будет капут. Это же просто замечательно, друзья мои, ну-ка, ну-ка, жрите друг друга, чем больше вы приложите к этому сил, тем меньше работы останется дядюшке Копицу...

- Ну-ка, все по порядку, - сказал он веско. - Слово имеет фрау надзирательница. У вас, очевидно, есть обоснованная жалоба на шарфюрера Лейтхольда?

Россхаупт одернула на себе френч. Она сразу заметила, что

Копиц чувствует себя на коне и наслаждается положением арбитра. Но ей было все равно. Сейчас для нее было важно одно: она ненавидела красивое тело Юлишки и жаждала расправиться с эсэсовцем, который пренебрег своей арийской честью.

Россхаупт лаконично сообщила о случившемся, показала брюки, которые, войдя, швырнула на стол, и повторила, что налицо явная подготовка к побегу и что кюхеншеф, во-первых, не был достаточно бдителен, чтобы самому заметить это, и, во-вторых, отказался задать девушке заслуженную норку. Уже этого достаточно, чтобы немедленно отстранить его от должности и завести дисциплинарное дело. Но еще останется вопрос, в какой степени он был заодно с этой девкой. Для большей выразительности Россхаупт употребила двусмысленное выражение "unter einer Decke stecken" буквально: "быть под одним одеялом" - нем.)>, и Копиц злорадно хихикнул.

Здоровая щека Лейтхольда покраснела, он, словно защищаясь, прикрыл грудь руками.

- Категорически отвергаю подобное подозрение, - запинаясь, произнес он.

- Вот еще! - прервала его Россхаупт. - Как это вы могли не знать о брюках? Да ведь она носила их только ради вас, чтобы еще больше вам нравиться! Где она их примеряла? Не в вашей ли комнатке?

Лейтхольд уже не мог защищаться, такая порция яду сразила его, он умоляюще поглядел на Копица, прося помощи.

Рапортфюрер заговорил. Не стоит заходить слишком далеко, решил он про себя. Дурачок Лейтхольд знает кое-что о наших комбинациях с провизией, ведь прежде, чем сказать решительное "нет" насчет тысячи трехсот рационов, он несколько раз сказал "да". Такие дела должны остаться в тайне, а Лейтхольд, конечно, не сумел бы молчать на энергичном гестаповском допросе...

И Копиц сказал учтиво:

- Не волнуйтесь, фрау надзирательница... Руди, что же ты не предложишь стул фрау, видишь ведь, что она утомлена...

Россхаупт нетерпеливо качнула головой, но все же села и не прерывала Копица.

- Вопрос ясен, милая фрау Россхаупт, все будет так, как вы желаете, Копиц церемонно поклонился; щука не могла не ответить кивком. - Все дело только в том, чтобы надлежащим образом покончить с этой неприятной историей. Вы, очевидно, заметили, что я велел поставить виселицу на апельплаце: у нас тут есть один старый случай, который мы ликвидируем завтра утром. Нет ничего проще, чем заодно повесить и Юлишку.

- Э, нет, - сказала щука и противно засмеялась. - Она моя. Она

мне еще кое-что расскажет, может быть и о своих шашнях с Лейтхольдом...

Копиц сделал успокоительный жест.

- Согласен. Хотите взять ее с собой, пожалуйста, берите! Остается вопрос о Лейтхольде; о том, что он неважный работник, мы знаем давно. Вы сами слышали, как он говорил об уходе со службы. Я поддержу его ходатайство, - Копиц бросил быстрый взгляд на Лейтхольда - понял ли тот, что у рапортфюрера все козыри на руках, - потом повернулся к надзирательнице и продолжал: - Вопрос же о том, следует ли привлекать Лейтхольда к ответственности за его связь с заключенной, я предоставляю вашему усмотрению. Вот его бумаги... Руди, подай-ка мне папку эсэс... из них явствует, что герр кюхеншеф почти полный инвалид. Его с трудом подремонтировали в госпитале, - рапортфюрер наклонился над столом и доверительно улыбнулся Россхауптихе. - Медицинские эксперты, вероятно, очень удивятся, если мы вздумаем утверждать, что он... ну, в общем, что он стал у нас таким уж донжуаном.

Щука, видимо, клюнула. Презрение к слабым мужчинам было ее коньком. Она уничтожающе взглянула на Лейтхольда, который все еще торчал, как кол в заборе. Одна половина его лица была бледной, другая красной, а незрячий глаз уставился на портрет Гитлера.

Надзирательница вздохнула.

- Хорош эсэсовец! - с отвращением сказала она. - Видимо, вы правы. Признать это ничтожество нормальным, значило бы опорочить весь эсэс. Хорошо, я подумаю.

У дверей постучали, и конвойный доложил, что писарь явился по приказу фрау надзирательницы.

Россхаупт махнула рукой.

- Он привел портного, который шил эти брюки. Я хотела бы немного порасспросить его.

- О, пожалуйста! - снова поклонился Копиц и велел впустить писаря.

Но писарь вошел один.

- Разрешите доложить, - прохрипел он, вытянувшись в струнку, - что означенного заключенного сейчас нет в лагере. Я точно выяснил, что он утром отбыл на внешние работы к фирме Молль.

- Не врешь?

- Никак нет, фрау надзирательница.

Копиц встал и, наклонившись к Россхаупт, доверительно шепнул ей.

- Писарь - надежный человек. Немец и зеленый, как видите.

- Ладно. Отошлите его. - И когда Эрих ушел, она выпрямилась и быстро сообщила свое решение. - Мы сделаем вот так. Наказание портного я предоставляю вам, а эту девку увезу сама. Как вам известно, я добиваюсь того, чтобы и остальные женщины как можно скорее были переведены отсюда. Вы, по-видимому, знаете, что ваш лагерь вскоре будет преобразован в лазарет. Вам сократят штат, так что нетрудно будет избавиться и от Лейтхольда. Пока что пусть продолжает служить, а вы за ним хорошенько приглядывайте, чтобы не выкидывал никаких штучек. Подам я на него рапорт или не подам, будет зависеть от показаний этой девки. Я ее, кстати, велю освидетельствовать, не беременна ли. Если да, то придется казнить и отца этого ребенка. Согласны?

Копиц ответил не сразу. Из всего, что она сказала, он уразумел лишь одно: его лагерь вскоре будет превращен в лазарет. Так ли это? Щука болтается по всей округе, видимо, она знает больше, чем он, рапортфюрер, который вечно торчит у себя в "Теглинге 3" и обо всем узнает последним. Но Копицу не хотелось признаваться в этом, и он сказал немного смущенно:

- Я согласен, фрау надзирательница. Как вам угодно.

Она поблагодарила и даже подала руку ему и Дейбелю, а на Лейтхольда прикрикнула: "Дайте ключ от кухни!"

Через несколько минут она уже вела к машине плачущую Юлишку. Та шла, понурив голову, поддерживая руками мешок, обернутый вокруг бедер, и тяжело волоча деревянные башмаки.

9.

Вечером, после возвращения команд с работы, лагерь был взволнован, как никогда. Первое, что каждый увидел, входя в ворота, была виселица. Она высилась посреди апельплаца, и какой-то часовой шутки ради направил на нее луч рефлектора. Такое зрелище заставило всех умолкнуть.

Обычно при виде какого-нибудь новшества в лагере среди заключенных начинались догадки: "К хорошему это или к плохому?" Но сейчас гадать не приходилось. Веревка с петлей, обернутая вокруг столба, могла означать только плохое. Правда, в лагере люди легко умирали и без виселицы - казни бывали очень редко, - и все же узников угнетала мысль о том, что вдруг, ни с того ни с сего, здесь поставлен эшафот. Для кого же? И если начнется расправа, ограничится ли она одним человеком? Где же обещания, что "Гиглинг 3" будет рабочим лагерем, без побоев, карцеров и казней?

Потом последовала другая сенсация. Пронесся слух, что у ворот стоял писарь Эрих и допытывался у капо, вернулся ли в лагерь Ярда из четырнадцатого барака. Ярду никто не знал, и

наконец лишь голландец Дерек вспомнил:

- Это портной-то? Ну да, я сам видел, как он входил в лагерь. Наверное, сейчас стоит в очереди за ужином.

- Слава богу, - вздохнул писарь и поспешил прочь. Но за Ярдой он не пошел, и тот спокойно стоял в очереди, когда к нему прибежал Дерек.

- Что ты натворил? - спросил он шепотом, но соседи все же заметили это, а Мирек прямо-таки задрожал, подумав о виселице.

- Ничего! - ответил Ярда. Он и вправду не мог вспомнить ничего особенного; на стройке сегодня был спокойный день.

- Не дури, тебя искал главный писарь. Наверняка что-то случилось... здесь, в лагере...

Ярду осенило: наверное, это из-за брюк, которые он вчера отнес Юлишке. Но ведь Гонза предупреждал: никому ни слова.

- Ничего не знаю, - ответил он Дереку. - А писарь говорил, чтобы я пришел в контору?

- Нет, этого он не сказал. Ну, будь здоров.

Тем временем спереди, от головы очереди, передали другую новость: Юлишки больше нет в кухне, ей-богу, вы только поглядите, ребята! На раздаче стоят Беа и "татарка" Като, а повязку "кюхенкапо" носит Эржика.

Ярда побледнел и сам взял Мирека за рукав.

- Где стоит Гонза, не знаешь?

Оба стали высматривать Гонзу, но как раз сегодня его не было поблизости. Оставалось только ждать.

Дерек тем временем оповестил Фредо, и тот поспешил к Зденеку. Но и Зденек ничего не знал, он только рассказал о неожиданном увозе Юлишки, описал, как ее вела надзирательница. Когда он упомянул о переднике из мешка, Фредо все стало ясно.

- Ты об этом не знаешь, а я сам велел Ярде сшить ей брюки, хотел дать ему заработать и надеялся, что мы таким образом наладим отношения с главной кухаркой. Ее-то не жалко, она глупа и стерва, но Ярду нельзя оставлять на произвол судьбы, надо что-то придумать... Кстати говоря, с твоим братом все идет отлично: завтра он, наверное, прибудет сюда с партией больных... Не знаешь, где писарь?

Эриха Фредо нашел в немецком бараке. Там тоже заварилась каша. Мотика не придумал ничего умнее, чем насплетничать Карльхену о своем конкуренте Жожо, который слишком дешево продавал золотые зубы:

- Жожо ходит на стройке с Берлом... Тебя все жалеют...

Карльхен взбесился, надавал затрещин своему юному слуге и во всеуслышание объявил, что убьет француза. Эрих пришел его

утешать.

- Не дури, - твердил писарь, - обстановка в лагере напряженная: виселица и всякое такое. Кто знает, что будет. Держи себя в руках, выжди, не поднимай шума.

В дверях появился Фредо и попросил писаря выйти на минутку.

- Эрих, быстро скажи, что ты знаешь о Ярде? Это его хотят повесить?

- Чепуху ты городишь! - с апломбом ответил писарь. - Что за паника? Построить виселицу было приказано утром, задолго до скандала в кухне. Ты же помнишь, что плотника Карльхена оставили в лагере еще во время переклички? Нет, история в кухне здесь ни при чем.

- Для кого же виселица?

- Понятия не имею. Я уж перебрал все возможности. Сперва подумал об Оскаре. Понимаешь ли, может быть, они хотят, чтобы случай с ним послужил предостережением всему лагерю. Чтобы не болтали о тифе и прочее. Но, наверное, это не так. Сейчас мне кажется - обрати внимание на рефлектор! что это, вероятно, просто для острастки, чтобы припугнуть людей. Суровый режим и прочее...

Грек кивнул головой.

- Не нравится мне все это. Расскажи, как было дело с Юлишкой.

Эрих знал только то, что Фредо уже слышал: что-то стряслось в кухне, и Россхауптиха увела Юлишку. Поговорить с девушками еще не было возможности, Лейтхольд сперва запер их на замок, а теперь бдительно сторожит. Юлишка отправлена как "Einzeltransport" в индивидуальном порядке - писарю велели срочно заполнить пересыльный лист. Кобылья Голова расписалась на нем, получила дубликат, карточку Юлишки изъяли из картотеки.

- А в чем дело с Ярдой? Тебе ведено привести его в комендатуру?

- Нет, мне ничего не сказали. Спросили только, где он, я сказал, что у Молля, вот и все.

- Все? Эрих, скажи откровенно, не думаешь ты, что эта виселица все-таки для него?

Писарь рассердился.

- Чушь! Говорю тебе, ее начали ставить еще до того, как... Да ты что, новичок в лагере, что ли? Не знаешь, что здесь беда никогда не приходит одна? Уж если начнутся казни...

- Спасибо, - сказал Фредо и поспешил дальше.

* * *

Ярда и Мирек приблизились к котлам. Над дверью кухни горела лампочка, при свете ее Беа и Като выдавали дымящуюся похлебку. Ярда стоял в очереди к Беа, Мирек - к Като. Последняя, помешивая поварешкой в громадном котле, шепнула Мирeку:

- Даю тебе лишнего, поделись с соседом... И скажи ему, что надо бежать. Немедля. Его дела плохи.

Она наполнила миску до краев.

Лейтхольд заметил непорядок: "Was gibts? Почему разговоры?" С палкой в руке он поспешил к котлам. Ярда промелькнул мимо него, на счастье, Лейтхольд не знал портного в лицо: Юлишка провела все дело с перешивкой брюк так ловко, что Лейтхольд узнал о нем лишь сегодня утром от надзирательницы.

Оба чеха отошли подальше от освещенного места. Очередь продолжала двигаться, эсэсовец никого не ударил. "Ни слова, verstanden?" - погрозил он Като и остался стоять рядом.

Мирек подал свою миску Ярде.

- Половина тебе, - сказал он испуганно. - Если хочешь, ешь все. Повариха сказала, что ты должен бежать. Сегодня же. - И словно осмыслив этот безрассудный совет, он оглянулся, обвел взглядом ограду, прожекторы, вышки с пулеметами, беспомощно усмехнулся и чуть не со слезами повторил: Ну, так беги же!

Но портной - недаром его прозвали "младенчик Ярда" - и сейчас не мог пересилить свою наивную нерешительность. Ему совсем не хотелось выполнять такой совет; похоже было, что минута, когда надо сделать решительный шаг к самозащите, для него хуже смерти. Как и когда-то в Праге, он предпочел отвергнуть мысль, что могут обидеть его, ни в чем неповинного маленького человека.

- Что ж, мне со страху наложить в штаны, что ли? - рассердился он. Как-нибудь обойдется. Ты меня только зря пугаешь.

И, отойдя от Мирека, он пошел искать Гонзу.

* * *

- Lagerschreiber, vorwarts! - закричали дежурные у ворот.

Эрих бросил все, кинулся в контору, припрятал там подношения, полученные от капо, побывавших на внешних работах, и побежал к рапортфюреру. Около комендатуры стояла полицейская автомашина с работающим мотором, видно было, что она вот-вот отъедет.

Копиц ждал, сидя за столом.

- Где ты болтаешься, писарь? Проверил ты, вернулся ли тот портной в лагерь?

- Jawihl, - прохрипел Эрих. - Он в своем бараке.

- Ладно. Карцера у нас нет, так что оставь его там. Завтра после переклички приведешь его ко мне. Составим протокол, на работу он не пойдет. А что ты на это скажешь? - и он показал в угол, где лицом к стене стоял маленький человек.

Эрих плохо видел, очки у него запотели, он быстро снял их, но теперь видел еще хуже.

- Направо кругом, Янкель! - сказал рапортфюрер

Человечек у стены повиновался. Медленно и неловко, совсем не по-военному, он повернулся, сделав по меньшей мере четыре шаркающих шажка. Писарь протер пальцами очки и снова водрузил их на нос. Янкель Цирюльник?! Эрих глядел на него, как на ископаемое чудовище. Так Янкель еще жив? Откуда же он взялся, господи боже?

- Вот видишь, убийца Пауля вернулся! Вернулся к нам, соскучился по Гиглингу, - Копиц пускал дым из трубочки с изображением оленя.

Если бы писарю не сказали, что это Янкель, он, наверное, не узнал бы бывшего парикмахера. Янкель очень исхудал, на лице его остался только большой висячий нос. Еще более съежившийся и посеревший парикмахер, помаргивая, стоял у стены.

- Гестапо вернуло нам его, дело закончено. Его сообщник Фриц убит. Ты ведь помнишь Фрица? Да, да, такова участь людей, которым не нравится у дядюшки Копица.

С минуту было тихо, только в печке потрескивал сырой уголь, украденный на станции заключенными и отобранный у них эсэсовцами.

- Что же нам теперь делать с Янкелем? - с коварной усмешкой сказал рапортфюрер.

Писарь уж понял, для кого построена виселица. Но этого нельзя было показывать. И он сказал:

- Прикажите вернуть ему инструмент? Или лучше послать его на внешние работы к Моллю?

Эта игра понравилась Копицу.

- Не знаю, не знаю, - подхватил он. - Надо подумать. Но первым делом надо позаботиться о том, чтобы дружки Пауля - Коби и Карльхен - не пристукнули бедняжку Янкеля... Где бы нам поместить его на ночь?

Писарь опасался, что Копиц опять вспомнит о мертвецкой.

- Если вы разрешите, - сказал он быстро, - я возьму его на себя. Он может переночевать в конторе.

Копиц слегка нахмурился.

- Глупости, писарь.

- С ним ничего не случится, я лично за него ручаюсь, - заверил Эрих.

Рапортфюрер поколебался, потом махнул рукой.

- Ладно. А как ты обеспечишь, чтобы его никто не тронул?

- Посижу с ним. Писарь Зденек или Фредо сменят меня.

- По нужде его тоже не выпускайте одного. Verstanden?

- Jawohl!

- И следи за тем, чтобы не было никаких выходок. Я прикажу сегодня усилить охрану на вышках.

"Ради этой мыши?" - мысленно спросил писарь и улыбнулся.

"Ради себя самого, балбес, - так же безмолвно ответил ему Копиц. - На черта мне неприятности с гестапо?"

* * *

Янкель Цирюльник сидел в конторе, глупо улыбался и не говорил ни слова. Весть о его появлении, как по тайному телеграфу, разнеслась в лагере. Люди кивали друг другу, и у всех отлегло от сердца. "Ага, так вот для кого поставлена виселица! Ну, что поделаешь, явный убийца, его уже не спасти".

Капо и парни из абладекоманды заходили в контору поглядеть на странного человечка. Никому не пришло в голову пристукнуть его или даже дразнить, наоборот, ему приносили еду и сигареты, как-то проявляли сочувствие. Ведь он тот самый козел отпущения, который сегодня избавил всех от щемящего чувства страха.

А Янкель сидел и улыбался. Он немного поел, а теперь покашливал, курил и молчал. "Зеленые" ходили кругом на цыпочках, глядели на него и вспоминали Пауля, Фрица... Боже, как это было давно! С того утра, когда обоих грозных капо не стало в лагере, никто даже не произнес их имени. К мертвым тут относились по-деловому: за день уносили многих, но говорить о них никому не хотелось. Каждый "зеленый" охотнее занимался чем-нибудь другим. Эти грубые и опустившиеся люди суеверно любили жизнь, им хотелось остаться на этом свете, выжить. С Паулем, считали они, вышло как-то глупо! Бедняге просто не повезло ничего не попишешь. Фриц же был слишком дерзок, он отважился на поступок, о котором другие только мечтали, но не решался никто. И вот, пожалуйста, он сыграл в ящик. "С ним дело закончено, - сказал Эрих. Можете не сомневаться, иначе нам не прислали бы Янкеля..."

Дело закончено... Зденек глядел в окошко на апельплац. Сегодня там было необычно светло, рефлекторы не гасли. Чрезвычайное положение! А какое, собственно, "дело"? Ведь оно началось этим злосчастным случаем с разбитой челюстью... Феликс, - еще одно имя, забытое в череде событий! Феликс... Пауль изувечил его в то самое утро, когда прибыл наш транспорт. Шими-бачи (ах, и этого уже нет в живых!) первым оказал Феликсу

медицинскую помощь. Потом долго не удавалось установить, кто же ударил Феликса... пока маленький, ничтожный Янкель в припадке не полоснул бритвой... Вину свалили на евреев, и ожидался погром. Весь лагерь разделился на две враждующие стороны... Зденеку почему-то было приятно сейчас вспоминать об этом. Он тогда стоял с палкой в руке рядом с Диего, лучшие люди лагеря считали младшего писаря своим. Но потом настал еще больший переполох, и ожидавшаяся стычка не состоялась. Удрал Фриц! А утром была эта ужасная перекличка и отправка людей на внешние работы. Все к Моллю, все до одного! Сплошной, непрерывный бедлам, без смысла, без конца. Может быть, эта виселица финал?.. Какое же "дело" закончено?

Парикмахер Янкель улыбался, отщипывал кусочками сало и хлеб, покуривал, покашливал, молчал.

Эрих в конце концов выставил из конторы всех любопытных.

- Идите спать, ребята, кто знает, какой завтра будет день. Идите!

* * *

В четырнадцатом бараке сидел и молчал Мирек. Соседнее место на нарах было пусто - Ярда где-то болтался с Гонзой, убеждал его, что, мол, беспокоиться не о чем, что могут сделать бедному портному, который послушался всесильной поварихи и перешил для нее брюки?

Все остальные уже уснули, а Мирека не спалось. Он сидел на нарах, держа в руках круглое розовое зеркальце, и глядел в его таинственное стекло. Свет сегодня не тушили... ну, да это потому, что в лагере чрезвычайное положение, завтра казнь. Но казнить будут не тебя, не меня, не бойся, только Янкеля...

Мирек усмехнулся, посмотрев на свое отражение. Боже мой, какой жалкий вид! Во что превратилось его лицо с тех пор, как он купил себе это зеркальце! Глаза провалились еще больше, в них появилось какое-то отсутствующее выражение, сине-коричневые круги под ними расширились. Болезненно сухая и шершавая кожа еще туже натянулась, черные поры увеличились, словно сквозь них уже проглядывала земля. А зрачки, эти четкие бархатные мишени, обрамленные пятнистой радужницей, похожей на рубчатую кожу пиявки, молчали. Они уже все сказали. Решено!

Зачем, собственно, мне оставаться здесь? Зачем переживать все до конца: зиму, еще более лютый холод? Вши и голод станут еще нестерпимее... Зачем ждать, пока смерть, которая сейчас подкрадывается, повалит тебя на лопатки и раздавит?

Мирек тихо встал. В кармане у него был ножик, которым его четверка каждый день резала буханочку хлеба на равные доли. Кому оставить нож? Ярде! Мирек положил нож на одеяло соседа,

чтобы тот сразу обнаружил его, потом осторожно натянул брюки, подтянул пояс и обулся. Держа в руке круглое зеркальце, он вышел из барака.

* * *

В конторе распределили смены. Янкеля уложили на одну из скамеек, покрыли одеялом, и он с улыбкой уснул... или притворился, что спит. Зденеку предстояло караулить его до полуночи, потом он разбудит Фредо, и тот займет его место. В три часа на дежурство вступит Эрих Фрош.

Писарь пошел спать первым.

- Иди ложись и ты, Фредо, - зевнув, сказал он и опустил занавеску, отделявшую угол в глубине конторы.

- Сейчас лягу, Эрих. Вот только дождусь Хорста. Все равно он меня разбудит, когда вернется.

- Он еще не скоро. Ждет на улице, хочет пробраться к забору женского лагеря, - писарь усмехнулся. - Но сегодня не потушат света.

- Покойной ночи, - сказал Фредо.

Зденек дожидался именно этой минуты. Он подошел к греку и шепнул ему на ухо:

- Я придумал, как спасти Ярду. Когда ты примешь дежурство, я пойду и разбужу блокового в четырнадцатом бараке. Он мне ни в чем не откажет. Портного мы еще ночью переправим в лазарет. Оскар нам поможет, а на место Ярды положим какого-нибудь покойника, одного из тех, кто умрет этой ночью в больничных бараках. Я сам подменю карточки и в утренней сводке припишу портного к мертвым.

Фредо поглядел на него и медленно покачал головой.

- Подумаешь, идея! Ничего нового ты не выдумал. Но на сей раз это будет трудно! Ты же сам знаешь, что сегодня все заключенные слышали о Ярде. Стало быть, весьма возможно, что нам не удастся все это проделать втайне. А прежде чем пытаться обмануть комендатуру, надо обмануть вон того, - Фредо кивнул на занавеску.- А Эрих на это дело не пойдет.

- Пойдет! - взволнованно прошептал Зденек. - Должен пойти! Он тоже подумывает о конце нацизма и хочет, чтобы в фильме о концлагере я изобразил его почти святым. У нас с ним уже на этот счет был разговор. Мы скажем Эриху напрямик, что сейчас ему представляется случай доказать свою добрую волю... Кстати говоря, он не такой уж плохой человек. Только что он сказал мне, что, если бы не он, эсэсовцы заперли бы Янкеля на ночь в мертвецкую, и я верю ему.

- А другие? Карльхен, Мотика?

- Завтра утром их ждет необычное событие - публичная казнь.

Может быть, все они этой одной смертью будут сыты по горло.

Фредо улыбнулся.

- Возможно, ты и прав. Ну, а что, если фортель с картотекой сорвется и Копиц повесит тебя? - и он положил руку на картотеку живых.

- Со мной ничего не случится, - быстро возразил Зденек и покраснел: глупо сказано! - Мы должны это сделать, и точка! Поможешь?

- Ладно, - Фредо кивнул: он, мол, согласен помочь, а руководство будет за Зденеком. - Ты возглавишь все дело. Если хочешь, я сейчас же зайду к Оскару. Портной Ярда - такой долговязый, тощий? Надеюсь, среди мертвых найдется подходящий.

Зденек прямо-таки горел от возбуждения.

- Иди, а потом приходи сказать мне, как и что. Хорошо, если бы ты зашел и к Гонзе. Подготовьте Ярду. Он немного придурковат... Говорит, что не верит россказням о злых эсэсовцах... - засмеялся Зденек.

Фредо вышел.

- Что там? - послышался из-за занавески хриплый голос Эриха. - Кто открывал дверь?

Зденек заглянул за занавеску.

- Ничего, герр Эрих. Фредо вышел оправиться.

Наступила тишина. Напротив лежал на лавке маленький Янкель и, видимо, в самом деле спал. Зденек уселся перед картотекой живых и чуть дрожащими пальцами перебирал карточки, ища ту, на которой написано по-немецки "Гичман Ярослаус, портной из Праги".

* * *

Предсказание Эриха не сбылось: огни все-таки погасли, потому что в Мюнхене объявили воздушную тревогу. Был большой налет, падали бомбы, звенели стекла.

Хорст, дождавшись своего часа, выскользнул из немецкого барака, где сегодня только и разговоров было, что о неудачном побеге Фрица. Староста подкрался к забору женского лагеря и опять, как назло, там уже стояли Като и Диего.

- Добрый вечер! - прошептал Хорст. - Не будете ли вы так любезны...

Но "татарочка" не дала ему договорить.

- Беа просит вас не сердиться, но сегодня она не придет. Она плачет и очень боится... Понимаете, эта виселица... А Юлишка была ее лучшая подруга.

- Понимаю, понимаю, - уныло сказал немец и погладил свои усики. Тогда завтра. Передайте ей привет. - Он хотел поскорее

уйти, ему было досадно, что этот противный Диего был свидетелем его неудавшегося свидания. Но все же Хорст заставил себя небрежным тоном осведомиться у Като.

- А вы, конечно, не боитесь?

- Нет. Доброй ночи, - спокойно и с усмешкой сказала Като.

Хорст ушел, и Като обратилась к Диего.

- А ты боишься? - спросила она, и, хотя их разделяла колючая проволока, ее лицо было очень близко к нему.

- Стоять тут? А что в этом особенного? - отозвался испанец. - Ты же видела: даже Хорст не побоялся.

- Это он из тщеславия, - засмеялась Като. - Глупый человек!

- А мы? - настаивал Диего, прижавшись к забору. - Мы разве не глупые?

- Глупые.

Она не отодвинулась, их лица почти соприкоснулись.

- Нет, - сказал Диего. - Ни ты, ни я не глупые. Мы к этому относимся всерьез.

Она перестала улыбаться. Это было так приятно слышать! Но Като не хотела, чтобы у нее закружилась голова.

- Это мы-то не глупые, Диего? Между нами колючая проволока, на вышке часовой с пулеметом, чуть подальше виселица...

- Это все только так выглядит сейчас, - сказал он нежно. - Но ведь правда за нами. Мы с тобой здесь рядом этой ночью, и того, что мы знаем, у нас не отнять. Проволоке и всему остальному скоро придет конец.

- А нам не придет?

- Нет.

У Като затуманились глаза. Она не хотела, чтобы Диего увидел на них слезы, и быстро отвернулась.

- Я тебе принесла кое-что, - сказала она, шаря по карманам. - Ведь, может быть, завтра нас увезут отсюда, так сказала надзирательница.

- Я и пожалею, и порадуюсь этому. Здесь вам не место. А мы с тобой все равно найдем друг друга, когда все это кончится.

Она вынула из кармана гребенку.

- А как я тебя узнаю? На свободе я выгляжу иначе, и ты, наверное, тоже. Вот по этой зеленой гребенке я бы могла тебя узнать. Будешь носить ее?

- В волосах? - улыбнулся Диего.

- У тебя они сейчас длиннее моих, - прошептала Като. - Возьми гребенку. Мне ее дал буфетчик на стройке и хотел за нее поцелуй. Но его получишь ты. Потом Иолан брала у меня эту гребенку причесать котенка... Като снова засмеялась и утерла

слезы.- А теперь её получит большой кот.

Диего размышлял, наморщив лоб.

- А что я дам тебе? Как узнаю тебя? У меня ничего нет. - И он поднял свои большие руки труженика: вот, мол, гляди - ничего нет.

- А поцелуй? - сказала Като.

* * *

Фредо, Гонза и Ярда стояли около четырнадцатого барака. Портной был перепуган отважным замыслом товарищей.

- Да я ведь не сделал ничего плохого, - жалобно твердил он уже в десятый раз. - А теперь зачем-то должен прикинуться мертвым. Если об этом узнают...

Фредо и Гонза объясняли ему, что он ничем не рискует. Старший врач дал согласие, Зденек берет на себя подмену карточек.

- А если они напишут в Прагу, что я умер? Вздор!

Они разубеждали Ярду, как могли. Гиглинг не рассылает уведомлений о смерти, а потом ведь все равно жена и дети Ярды остались в Освенциме.

- Ну, остались, - скулил "младенчик Ярда". - А что если они узнают обо мне что-нибудь страшное?..

Наконец его уговорили пойти лечь и подождать до полуночи, когда Зденек придет договариваться с блоковым. Если тот не согласится, тогда вообще не о чем говорить, вся затея отпадает.

Ярда залез в свой барак и в темноте забрался на нары. Закутываясь в одеяло, он услышал, как что-то стукнуло о доски под стружкой, и нащупал нож Мирека.

"Эх, раззява!" - подумал он и протянул руку к соседу, но место Мирека было пусто. У портного хватало своих забот, и он не придал этому значения. Мирек, наверное, пошел в уборную... Ярда заложил руки за голову, на мокрые, холодные башмаки, и смотрел в темноту. Вскоре воздушная тревога кончилась, и в бараке зажглась лампочка. Тут Ярда немного забеспокоился: соседнее место было в беспорядке, одеяло наброшено кое-как, а Мирека нет. В последнее время он выглядел прескверно и все глядел в это проклятое зеркальце...

Ярда тихо встал, оделся и пошел искать товарища.

10.

Казнь проходила с убийственной деловитостью и все же казалась нереальной, как кошмар; позднее никто не помнил всего по порядку.

В пять утра началась обычная побудка, послышались возгласы "Kafe-e-e hole-e-e"; в бараках раздавали черную бурду, шутки сегодня никому не шли на ум. При свете прожекторов

узников погнали на апельплац. Потом староста Хорст со щегольскими усиками построил людей, но не так, как обычно. С помощью ребят из абладекоманды он образовал из шеренг каре, так чтобы все стояли лицом к виселице. Четвертая сторона каре осталась открытой, там, отделенные от мужчин колючей оградой, рядами стояли девушки.

Падал мелкий снег, в снопах света прожекторов он кружился перед черными дулами пулеметов. Мороз был не очень сильный. В половине шестого распахнулись главные ворота, орднунгдинсты заорали "Achtung!", и Хорст побежал навстречу начальству. Гуськом вошли трое - приземистый Копиц с трубкой, высокий, гибкий Дейбель с плеткой из кабеля и длинный, тощий Лейтхольд. Ворота закрылись.

Эрих вбежал в контору и вывел оттуда Янкеля. Маленький человечек не переставал улыбаться... Или это только казалось?

- Займись им, Карльхен, - сказал Копиц, не вынимая трубки изо рта. И даже не поглядев, выполняется ли его распоряжение, рапортфюрер, пошарив в карманах, извлек праздничный футляр с очками и какой-то документ. Он не спеша нацепил очки и принялся читать. Точный смысл его слов не доходил до узников, все глядели на Карльхена.

Тот вышел на свободное место перед виселицей и подождал, пока писарь с Янкелем подошли к нему. Тогда он слегка похлопал парикмахера по плечу и повел его к виселице. Писарь повернулся налево кругом и отошел к эсэсовцам.

Под виселицей стояла старая, средних размеров бочка из-под соли. Карльхен взял Янкеля за пояс и, как куклу, поставил его на эту бочку. Потом он сам влез туда же, что при его громоздкой фигуре оказалось уже сложнее; сперва он вскарабкался на бочку, встав на нее коленями. Бочка зашаталась, Янкель расставил руки, чтобы удержать равновесие и, подав плотнику руку, помог ему взобраться. Рослый Карльхен и маленький парикмахер стояли теперь вплотную друг к другу на бочке и смотрели на рапортфюрера, который все еще оглашал приговор.

Узники, уже не опасавшиеся, что бочка завалится, старались теперь разобрать, что там такое читает рапортфюрер. "Гестапо неоспоримо установило, - объявлял Копиц, - ход событий, имевший место в данном лагере в субботу четвертого ноября. Уголовник-рецидивист Фриц Грау и его сообщник Пауль Кербер подготавливали побег. В последний момент Пауль отказался от участия в побеге, и Фриц Грау велел парикмахеру Янкелю Цирюльнику умертвить Кербера. Сам он совершил побег, убив при этом свою сообщницу, шофера Марию Вирт. Через три дня он был задержан органами гестапо вблизи Нюрнберга и смертельно

ранен, так как оказал сопротивление при аресте. Ныне остается привести в исполнение приговор над парикмахером, который для этой цели возвращен в лагерь "Гиглинг 3".

Рапортфюрер закончил чтение, сложил бумагу, положил ее в карман и снял очки.

- Начинай, Карльхен, - сказал он почти неслышно. Плотник осторожно, чтобы не шаталась бочка, поднял руки и снял петлю со столба. Слегка ослабив ее, словно опасаясь задеть за большой нос Янкеля, он надел ему эту петлю на шею и подтянул узел.

- Готово? - спросил Копиц.

- Jawohl! - отозвался Карльхен, еще раз похлопал Янкеля по спине и осторожно слез с бочки. Янкель остался стоять, стараясь сохранить равновесие. Все узники готовы были потом присягнуть, что он улыбался до последней минуты.

- Момент! - крикнул Дейбель и побежал через плац к другой стороне каре, где стоял Оскар с персоналом лазарета. - Я тебе дам закрывать глаза! - крикнул эсэсовец и хлестнул врача кабелем по лицу. - Смотри! - приказал он, сделав жест в сторону виселицы.

- Давай, Карльхен, - сказал Копиц.

Бочка покатилась из-под ног Янкеля.

* * *

Рабочие команды отправились к Моллю. Карльхен занял свое обычное место и зашагал вместе со всеми.

Девушки ушли работать в кухню и в казармы охраны. Ворота закрылись, прожекторы погасли, опустевший лагерь мог снова уснуть.

- Lagerschreiber, vorwarts! - заорал орднунгдинст, и писарь в конторе вскочил с места, бледный и перепуганный.

- Наступает твоя очередь, - зло сказал он Зденеку, который, как обычно, сидел за утренней сводкой. - Сейчас они потребуют портного к допросу. Вы меня уговорили закрыть глаза на вашу затею, ладно. Но идти за вас на виселицу я, то-ва-ри-щи, не намерен (дословно он сказал: "fur euch rote Bruder" - "за вас, красных братцев"). И если Копиц озвереет, я палец о палец не ударю, чтобы спасти тебя.

- Спасибо вам за все, вы хороший человек! - искренне сказал Зденек и пожал ему руку. Эрих поспешил в комендатуру, на ходу протирая очки.

* * *

Зденек содрогнулся, но заставил себя улыбнуться. В море ужасов, которые происходили кругом, он впервые попытался двинуться против течения спасти Ярду, маленького человека Ярду, который не верил, что эсэсовцы так злы.

Зденек взял в руки рапортички, полученные из бараков, и

медленно перебирал их, прикидывая, какой по порядку пустить фальшивку о смерти Ярды. Надо, чтобы это сообщение поменьше бросалось в глаза, стало быть, место ему, безусловно, не в начале и не в конце списка. Где-то в середине.

Вот он, обрывок бумажного мешка, заполненный рукой поляка-блокового из четырнадцатого барака. Зденек ясно представил себе, как этот блоковый, выпятив губы, старательно выводит букву за буквой: "Выбывшие: Гичман Ярослав, портной из Праги, после полуночи обнаружен в умывальной. Самоубийство путем повешения".

Тут же лежала другая фальшивка - "переводка", подписанная Зденеком: "Заключенный Мирек Рудницкий, заболевший воспалением легких в тяжелой форме, переводится из рабочего барака No 14 в больничный барак No 8... Мирек? Кто он - Мирек, и с чего ему вздумалось наложить на себя руки? Зденек задумался, но не мог вспомнить лицо Мирека. Впрочем, он еще увидит его в мертвецкой, когда пойдет туда вместе с дантистом снимать золотые коронки. Итак, самоубийца. Зачем он это сделал? Был болен? Отчаялся? Быть может, если бы вовремя поговорить с ним по-хорошему... Зденек понурил голову. Столько ужасов вокруг, а помощи так мало, так ничтожно мало. Нет, в самом деле, всем его попыткам грош цена.

Он взял чистый лист бумаги, написал сверху: "Выбыли, причина - смерть" - и стал списывать фамилии с рапортичек. Где-то в середине он внес фамилию "самоубийцы" Ярослава Гичмана и радовался, что хоть Ярда-то будет жить.

* * *

В комендатуре рапортфюрер встретил Эриха возгласом: "Большие новости, приятель!" Впервые за много лет работы с Копицем Эрих Фрош услышал от него такое обращение. Писарь подавил опасения и вытянулся в струнку.

- Садись, - сказал Копиц, кивнув на стул.

В своем он уме? Писарь был стреляный воробей и не доверял эсэсовцам, даже когда они мило улыбались.

- Danke, sehr freundlich! - ответил он по-солдатски. - Я постою.

- Как хочешь, - сказал Копиц. - Итак, прежде всего, к твоему сведению, пришел приказ, вот он. - И Копиц хлопнул рукой по бумаге, которую только что привез курьер. - Фюрер дает лучшим из вас возможность отличиться на фронте. Сегодня или завтра вы поедете в Дахау. Что скажешь?

- Слава богу, - прохрипел писарь. - Хайль Гитлер!

Копиц прищурил левый глаз.

- В самом деле? Ну ладно, замнем для ясности. Итак, мы расстаемся. Если даже тебя из-за твоего горла не возьмут на

войну, - он ткнул трубкой в шрам на шее Эриха, - сюда ты уже не вернешься. Здесь будет лазаретный лагерь.

- Лазаретный? - Эрих даже разинул рот. - А вы как же?

- Я? Ха-ха! Я молчу и не протестую. Тоже говорю "слава богу". Что, удивляешься?

- Вы, значит, останетесь здесь?

- Ты считаешь, что старый хефтлинк и хороший эсэсовец должны держаться подальше от больных? Да, это верно, Руди так и говорит. Но, наверное, я уже не такой хороший эсэсовец. Скажу тебе откровенно, надоело мне все это. Никуда больше не потащусь, буду ждать здесь конца войны.

- А герр обершарфюрер Дейбель?

- Он еще ничего не знает. Наверное, будет ругаться. Но мне уже все равно. Не нравится мне кое-что... Да вот хотя бы то, что фюрер хочет выиграть войну с помощью таких типов, как ты. Или новый лекарский помощник Тишер. Знаешь ты, что с завтрашнего дня он мой прямой начальник? Представляешь себе, этакие кретины берут в руки судьбы Германии... А впрочем, какое мне дело!

Писарь молчал, он заметил, что Копиц под хмельком. На столе среди бумаг стояла пустая бутылка.

Но рапортфюрер еще не высказался до конца.

- Это Тишер подложил нам такую свинью, - продолжал он. - Ему, видишь ли, страшно понравились я и "Гиглинг 3" - мол, образцовый лагерь, просто создан для лазарета, ха-ха! Вчера лагерь номер четыре, лагерь номер пять и еще бог весть кто начали бомбардировать Дахау запросами, куда им деть своих больных. Так этот олух Тишер не придумал ничего лучшего, как вспомнить обо мне. Сегодня уже прибывает полторы сотни больных из пятого лагеря. А я и не пикну. По правде сказать, сначала я не очень-то молчал и даже дал им понять, что у нас тут сыпняк. А они мне в ответ, что у них тоже. Что ж ты не смеешься, Эрих? Все прогнило, все идет вверх тормашками, зачем же мне мудрить больше всех?

- Куда прикажете деть этих сто пятьдесят больных? Разместить по старым баракам?

- Нет, не надо, пусть лежат все вместе, поместим их в женских бараках. Наших женщин сегодня днем переводят в пятый лагерь. Все идет как по маслу: три барака освобождаются, три барака будут заполнены. - Копиц умолк, опустил голову на руки, его толстые плечи дрогнули, и он издал такой звук, словно бы поперхнулся табачным дымом. - Крышка рабочему лагерю... Крышка особо секретному оружию "Фау-3". Наступление на фронте, стройка у Молля всё липа.

Писарь хладнокровно рассудил, что сейчас самое время выложить неприятную новость. Он щелкнул каблуками и сказал:

- Разрешите доложить, что портной, которого мне было ведено привести утром на допрос, с перепугу повесился ночью.

Эсэсовец медленно поднял голову, его узкие глазки были красны.

- Вы его спрятали, сволочи! А что, если я отыщу его в лазарете?

- Не спрятали, герр рапортфюрер, - отважно соврал писарь. - Он знал, что его ждет, думал, что его казнят утром, вместе с Янкелем. Пошел и повесился в умывалке...

- Заткнись! - оказал Копиц и протер глаза. - Составь акт, копию пошли надзирательнице, она заварила всю эту кашу, с ней и разбирайтесь... В чем еще вы хотите меня околпачить?

- Других происшествий не было, герр рапортфюрер. Зеленые немцы, кроме меня и Пепи, все на стройке. В Дахау нам ехать всем вместе, когда они вернутся с работы? Или вы позвоните к Моллю, чтобы их откомандировали прямо оттуда?

- Ты что, смеешься надо мной! - вдруг вспылил Копии. - Разве я могу откомандировывать? Разве меня ставят в известность о чем-нибудь? Вечно я ничего не знаю, тычусь, как слепой щенок, жду, что придумает наверху идиот Тишер или хитрая сволочь Россхаупт! Я... - он махнул рукой. - Проваливай, с тобой тоже говорить не о чем. Я вызвал тебя, быть может, в последний раз, хотел услышать человеческое слово... Я ведь тебя не обижал... ты-то лучше всех знаешь, что у меня всегда были добрые намерения... насчет Германии и вообще. А ты, вместо того чтобы оказать мне что-нибудь приятное, например: "После войны я к вам зайду, Алоиз, разопьем бутылочку...", - ты...

Копиц опять опустил голову на руки.

Эрих Фрош, видимо, и в самом деле был не так уж подл; по крайней мере сейчас он сохранил собственное достоинство и промолчал. "Хнычешь, как старая баба, тьфу", - думал он с отвращением, глядя на плешь рапортфюрера.

- Ну, иди! - сказал Копиц.

- Как прикажете. Сдавать дела чеху Зденеку? Или вы назначите другого писаря?

- Проваливай!

* * *

Сама Россхаупт так и не приехала за женщинами. Все произошло быстро, наспех, по принципу "живо, живо, марш, марш!" В одиннадцать часов раздался крик: "Прибыл транспорт!", - ворота распахнулись, конвойные из пятого лагеря остались снаружи, а в лагерь ввалилось сто пятьдесят замерзших

хефтлинков. Вид у них был жалкий, некоторые "утеплились" кусками толстой бумаги, многие хромали и шли с трудом, опираясь на плечи товарищей. Те, кто был покрепче, тащили тележку с умирающими.

Дейбель принял командование.

- Назад! - заорал он на Зденека, который побежал через апельплац, чтобы посмотреть, есть ли среди прибывших его брат. - Сперва отправить женщин!

Девушкам было ведено немедля покинуть бараки и выстроиться. Като, пробегая мимо Зденека, шепнула:

- Передай Диего, чтобы не забывал!

- Он где-то здесь, ты еще сама ему скажешь! - улыбнулся Зденек.

Лейтхольд в последний раз отпер калитку женского лагеря, задумчиво уставился на висячий замок, потом махнул рукой и сунул его в карман. Илона и Маргит вышли из барака, бережно неся маленькую Иолан. Когда-то они пришли сюда с больной товаркой на руках, теперь так же уходили отсюда. Зденек тряхнул головой, отгоняя ненужные воспоминания, и крикнул:

- Диего! Тотенкапо!

- Чего орешь? - накинулся на него Дейбель. - Она ведь еще жива!

- Я знаю... - Зденек запнулся и сделал жест в сторону Като, означавший "я, мол, делаю, что могу", - Герр обершарфюрер, у нас в конторе еще остались документы для секретарши. Разрешите передать ей?

- Давай! - разрешил Дейбель, хлопнув кабелем по голенищу.

Новичкам, стоявшим на апельплаце, тем временем приказали сложить своих больных на землю. По особому распоряжению Россхауптихи тележку из пятого лагеря нужно было вернуть и на ней привезти больных женщин. Диего уже катил тележку к стоявшим кучкой девушкам. Илона расстелила на тележке свое пальто, Маргит поддерживала Иолан. Като подбежала, чтобы помочь им, и ее рука коснулась руки испанца.

- Все-таки я достал для тебя подарок, - улыбнулся ей Диего. - Такой, чтобы ты все время помнила, как ты хороша и как я тебя хочу видеть. - И он сунул ей в руку круглое зеркальце, которое утром нашел в руке самоубийцы. Розовое зеркальце с золотистой рекламной надписью "Мое любимое местечко Аде-бар в Мюнхене".

Зденек прибежал с пачкой бумаг. Он поглядывал на серую толпу озябших новичков на апельплаце и никак не мог разобрать, есть ли среди них Иржи. Но сейчас надо было попрощаться с Иолан.

- Маленькая, - прошептал он, наклонившись над тележкой, - это я.

Глаза Иолан сияли, на щеках у нее горели алые пятна.

- Я говорила много глупостей, а? - сказала она.

- Ничего подобного. Я вот тут написал для вас кое-что, спрячьте. И постарайтесь выздороветь, это самое главное.

- Постараюсь. Я так хочу этого.

- Хватит! - закричал Дейбель. - Прочь от тележки! Женщины, смирно! Выстроиться по пяти! Живо!

Девушки выстроились. Все они были в деревянных башмаках на босу ногу и куцых подростковых пальто. Илона пересчитала подруг и отрапортовала:

- Семьдесят семь венгерских евреек, одна больная на тележке!

- Lagerschreiber!

Эрих махнул пересыльной ведомостью, которую успел наскоро составить.

- Количество совпадает. Прикажете проверить поименно?

- Не надо! Шесть женщин - к тележке, живо! Остальные налево кругом, и шагом марш!

Девушки зашагали. Като искала глазами Диего. Увидев его у ворот, она улыбнулась и запела:

"Дует холодный ветер..."

Остальные девушки подхватили песню.

Сто пятьдесят новичков глядели на них, как на видение. Ворота закрылись, снаружи донеслись возгласы конвоиров, оцепивших женскую колонну. Обогнув комендатуру, она двинулась в сторону Гиглинга.

- Хороший лагерь! - шептались новоприбывшие. - Вы слышали, они поют?

- Принять транспорт! - взревел Дейбель. Зденек побежал через апельплац.

- Иржи Роубичек здесь? - кричал он еще на бегу.

- Здесь! - ответило несколько голосов. Зденеку указали на группу узников, которых привезли на тележке. "Ирка, тебя ищут", - сказал один из них, наклонился и помог лежачему больному поднять голову. Зденек увидел его и с возгласом "Ирка!" кинулся к брату.

11.

В конторе было тихо, оба писаря склонились над пересыльной ведомостью из пятого лагеря. Сто пятьдесят фамилий, в большинстве польские и чешские.

Эрих хмурился и долго не решался задать вопрос, который не давал ему покоя. Наконец он сказал, сверкнув очками:

- А как же ты заранее узнал о прибытии брата? Признайся, ты

это сам все подстроил?

Зденек растирал свою правую руку, которая изрядно отекла, - Дейбель ударил его кабелем за то, что он не сразу отошел от брата. Зденек осторожно сжимал и разжимал ладонь.

- Да, я знал об этом, Эрих.

- Почему же ты не сказал мне?

- А что, если бы через вас это стало известно Копицу?

- Эх, ты! - прохрипел писарь. Ему вдруг пришло в голову, что этот его разговор со Зденеком похож на какой-то другой, участником которого он уже был. Ну да, с пьяным рапортфюрером! Тот тоже просил участия и злился на то, что писарь стоял тогда молча, как недруг...

- Вот она, человеческая неблагодарность! - глухо сказал Эрих. - Ты, видно, совсем забыл, что я вытащил тебя из мусульманского барака. Где бы ты сейчас был, кабы не я? Уж, конечно, не здесь! - он кивнул на картотеку живых.

Зденек отошел со списком на свое место.

- Я знаю, что вы мне помогли. Никогда этого не забуду.

- И все же?..

Чех молчал. Он взял в руку карандаш, но писать ему было трудно.

- Что, болит рука? А это тебя ни в чем не убеждает? - продолжал писарь. - Видел ты когда-нибудь, чтобы Дейбель или Копии ударили меня? Кое-чего ты еще не знаешь, что знаю я... Почему же ты такой упрямый, неблагодарный ученик?

Зденек усмехнулся.

- Меня будут бить, ничего не поделаешь.

- А мозги у тебя не набекрень? - Эрих постучал пальцем по лбу. Хочешь быть мучеником? Страдальцем вроде Иисуса Христа? Даже ваш святой Маркс не одобрил бы этого.

Зденек улыбнулся.

- Не беспокойтесь. Конечно, я хотел бы быть таким ловким, как вы, но не любой ценой.

Он взял карточку и аккуратно написал на ней по-немецки "Георг Роубичек, рабочий из Праги".

- Не выкручивайся, -проворчал писарь. - Скажи мне напрямик, ты хочешь жить или нет?

- Конечно, хочу, - ответил Зденек, не поднимая головы. - Но это не самое главное. Главное - вот эта картотека. Надо добиться, чтобы она пережила зиму. А может быть, важно и еще кое-что...

- Что?

- Не знаю. Не лезть во всякую грязь. Вести себя так, чтобы не приходилось на прощанье просить кого-то:

"Слушай, ты подтвердишь потом, что я был хороший. Ведь к

тебе я всегда был добр, а?"

* * *

Часы бежали, работы было по горло. Лейтхольд, тихий и какой-то пришибленный, без палки, зашел в контору попросить людей, которые докончили бы в кухне работу, брошенную женщинами. Кого же туда послать, и поскорей? В лагере сейчас не так-то много здоровых мужчин...

Зденек вспомнил о Франте Капустке из четырнадцатого барака, бывшем кельнере, посоветовался с Оскаром. "Как там его помятые пальцы? Можно уже выписать его из лазарета? Он ведь специалист..."

Так и было сделано. Рука Франты была еще в бумажной повязке, но глаза смеялись.

- Шеф-повар может сам и не работать, - сказал он. - Главное, приглядывать за всеми, командовать, красно говорить. Шеф-повар за словом в карман не лазит!

Санитар Шандор Фюреди стал у котлов, которые покинула его двоюродная сестра Беа. К нему присоединилось еще восемь человек.

Оскар поинтересовался дальнейшими планами Зденека.

- Зеленые уйдут, ты останешься старшим писарем. Если Копиц спросит тебя, кого ты рекомендуешь в старосты лагеря, что ты ответишь?

- Старостой должен быть Фредо, - не колеблясь сказал Зденек. - Он лучший из нас. То, что здесь будет лазарет и никому не придется ходить на работу, - это прежде всего его заслуга.

Оскар согласился.

- А кого бы ты взял младшим писарем?

- Об этом я тоже подумал, - кивнул Зденек. - Ты не знаешь Гонзу Шульца? Такой с виду незаметный парень, но молодчина. Фредо его очень хвалит, на стройке они действовали рука об руку. Гонза - коммунист. Его я хотел бы в помощники.

Старший врач беспокойно поглядел на Зденека.

- Не слишком ли легко ты смотришь на вещи? Зима, холода... Жить здесь будет не сладко, учти!

* * *

Эрих отнес сводку умерших в комендатуру. Копиц поводил толстым пальцем по строчкам и задержался у фамилии самоубийцы.

- Гичман Ярослаус, - медленно прочитал он, указал на слог "лаус"{30} и поднял хитрые глаза, - это и есть та липа, которую вы хотите протащить на погост?

Писарь прикинулся, что не понимает.

- Самое обычное чешское имя. Я знаю это по Вене. Ярослав

или Яро.

- Заткнись, - рапортфюрер махнул рукой и мелким почерком поставил слева внизу свою подпись. - Так уж и быть, спускаю тебе это. А новому писарю такие штучки спускать не буду, так ему и передай.

* * *

Наконец-то у Зденека выдалась свободная минутка, и он смог зайти к брату, которого положили в одном из бывших женских бараков. Калитка была распахнута - теперь тут можно было ходить беспрепятственно, часовые на вышках уже не держали калитку под прицелом. И это почему-то показалось Зденеку очень важным, значительным и многообещающим.

Иржи лежал в третьем бараке, у самого окна, на лучшем месте, которое прежде девушки отвели для Иолан. Глаза у него были закрыты, больной отдыхал после утомительного пути. Он выглядел очень измученным. Лицо было желтым, морщинистым, заросшим белесой щетиной, восковые веки прикрывали провалившиеся глаза, и Зденеку стало страшно: а что, если они уже никогда не откроются.

- Иржик! - прошептал он.

Соседний больной покачал головой и приложил палец к губам: не беспокой его! Но Иржи уже пошевелился, открыл глаза и слабо улыбнулся.

Впервые Зденек мог разглядеть брата и должен был напомнить себе, что Иржи всего на два года старше, ему тридцать четыре. А впрочем, кто знает, как выглядит сам Зденек, ведь он уже давно не глядел в зеркало. Но он видел лица окружавших его людей и лица мертвецов там, в покойницкой. Иржи не был похож ни на тех, ни на других, он казался старше, прозрачнее, словно ему было сто лет. Когда он сделал жест, приглашая брата сесть, рука его с минуту дрожала в воздухе и тотчас легла обратно на одеяло.

- Надеюсь, ты не расплачешься при виде меня? - прошептал Иржи и мягко посмотрел на брата карими глазами, так похожими на материнские. "Хоть глаза-то у него не изменились!" - подумал Зденек и сел.

- Как насчет кино? - спросил Иржи. - Ты все еще увлекаешься кинематографией?

- Не говори об этом. У меня уже давно другие заботы. Расскажи лучше...

- А у меня нет никаких других забот, - весело подмигнул Иржи, словно ие желая допустить сентиментальный тон в их беседе. И его глаза под тяжелыми пергаментными веками ожили и улыбнулись. - Ты любил кино, что ж в этом плохого? Человек

должен увлекаться чем-нибудь. Для начала.

- Говори о чем хочешь, - послушно сказал Зденек. - Я так рад видеть тебя!

- Кино - отличная вещь, - продолжал Иржи. - Само по себе оно, может быть, и пустяки. Но фильм для народа и на хорошую тему - это уже что-то. Сделав такой фильм, можно потом далеко пойти.

Зденек кивал головой. Ему было неприятно, что брат при первой же встрече снова сел на своего старого конька, но вместе с тем Зденека радовало, что Иржи не изменился, что у него по-прежнему есть охота спорить, словно они виделись только вчера.

- Ну ладно, товарищ идеолог, - поклонился Зденек. - Куда же, например, я могу дойти с помощью фильма?

Иржи улыбнулся.

- К нам. К правде.

- Я делаю что могу, не сомневайся.

Но Иржи уже развивал свою мысль и не хотел отступиться от нее.

- Фильм, - повторил он, - отличная штука. Я, знаешь ли, часто говорил себе, что у тебя большое преимущество перед всеми нами: тебе, наверное, удастся воссоздать правдивые картины всего этого... - Его рука опять поднялась, дрогнула при попытке жестикулировать и бессильно опустилась.

- Я тоже подумывал об этом, - сказал Зденек. - Но о фильме мы поговорим потом, когда ты выздоровеешь...

- Нет, пожалуйста, не надо откладывать. Скажи мне сейчас же, как ты представляешь себе фильм о концлагере. Полным озлобления, отчаяния, ненависти?

Зденек взглянул ему в глаза.

- А ну тебя! Я бы хотел знать, как ты себя чувствуешь, чего тебе не хватает...

- Об этом не беспокойся, - Иржи со стариковским упрямством покачал головой. - Сейчас речь идет о тебе. Сделать фильм ты должен обязательно!

- Есть дела поважнее.

Иржи нетерпеливо шевельнулся.

- Да, конечно. Но их сделают другие, А ты займешься фильмом, понял? Именно фильмом. Для тебя ведь существует только кино.

Зденек не выдержал.

- Перестань насмехаться надо мной. Я уже понял, что ошибался и что ты был прав, тысячу раз прав! Мне нужно было ехать с тобой в Испанию, клянусь, я осознал это. Во всем мне нужно было быть вместе с тобой - и в редакции работать, и

уходить в подполье.

- Ну, а сейчас ты хнычешь попусту, - растерянно прошептал Иржи и положил свою слабую руку на плечо брата. - Честное слово, я не хочу отговаривать тебя от работы в кино. Мне не нравилось, как ты относился к ней раньше, - искусство для искусства... и для самого себя, карьера, ну, сам знаешь. А теперь - нет, теперь ты должен работать в кино, Зденечек!

Зденек не отвечал, он плакал, ему нужно было выплакаться. Иржи гладил его по плечу и настойчиво шептал:

- Я бы и сам занялся вместе с тобой этим делом, кабы мог. Кто знает, может быть, и я изменился? Но ты снимешь этот фильм и без меня. И смотри, избегай торопливости в творческой работе, это было бы ошибкой. Куй оружие мудро, не спеша, тщательно. Помнишь оружейника Гейниха с нашей улицы?.. Пусть в твоем фильме будет все, что ты накопил в памяти, все, что ты видел. Не хнычь, а показывай! О маме можешь помнить, но не говори о ней в фильме, пусть она незримо присутствует, только не надо надгробного плача и слезливости, Покажи, как мы сюда попали, как боролись...

Зденек поднял голову и старался слушать то, что говорит брат.

- Я знаю, ты бы хотел фильм о политических, о том, как тут работала партия... - сказал он.

- Нет, нет, не делай из этой картины наставления о том, как надо вести себя в концлагере. Внушай людям, что таких лагерей не должно быть. Что не должно быть новых гитлеров и всего того, что его породило. Понял? И что за это надо бороться.

Глаза Иржи вспыхнули.

- Не хочу вмешиваться в ваши дела, - сказал вдруг сосед Иржи, тот самый, что вначале сделал Зденеку знак не будить брата. - Но вы совсем спятили. Неужели нужно все обговорить в первый же день? У вас хватит времени, вся зима впереди.

- Не хватит, Курт, оставь! - Иржи снова повернулся к Зденеку. - Понял ты, в чем дело?

Тот кивнул.

Ему не хотелось спорить с братом, все же он тихо возразил:

- Так можно писать в "Творбе"{31}. А в кино лозунги не годятся... Если я не сумею передать в художественных образах...

- Сумеешь! - Иржи попытался поднять голову, но у него не хватило сил. - Сумеешь! - повторил он уже слабее. - Покажешь лагерь. Но не только лишения, снег, вшей, голод, хотя и это все должно быть в фильме. В первую очередь нужно показать, что гитлеризм делает с людьми, с тобой, со мной, с эсэсовцами, с любым человеком, как он натравливает людей друг на друга,

доводя человеческие отношения до полного распада. Но прежде всего ты покажешь, как человек все-таки сопротивляется, не поддается этому...

- Успокойся, Курт совершенно прав. Уж я как-нибудь сделаю все это. А сейчас отдохни, Иржик.

- Не могу, нет времени, - улыбнулся брат. - Я уже никогда не отдохну.

* * *

На стройке Берл весь день сторонился своего капо: не мог забыть, как Карльхен утром вешал Янкеля. Вечером Берл сбежал к Жожо, ища заступничества. Тогда Карльхен в самом деле вынул из-под тюфяка топор.

Весь лагерь ждал, что будет дальше. Опять убийство? Неужели даже между собой мы не можем жить мирно?

- Убей, убей его, Карльхен! - саркастически советовал Эрих. - Ведь виселица еще стоит на апельплаце. Зачем тебе уходить завтра на фронт, если можно отправиться на тот свет прямо отсюда, из Гиглинга?

Фредо и Гастон тем временем взялись за Жожо. Неужто в самом деле у него совсем нет стыда и он не может прогнать от себя эту потаскушку Берла? Неужто ему не дорога жизнь?

Новички в бывших женских бараках оставались в стороне от всех этих треволнений. От остального лагеря их отделял забор - хотя калитка теперь не была заперта, - и новенькие еще не успели завязать знакомство со старожилами, которые вернулись с работы усталые и были заняты своими делами. Поэтому в бараках новичков царили сегодня тишина и спокойствие. Все верили, что после тяжелых условий пятого лагеря здесь им будет житься лучше, и, видимо, не ошибались. Они знали, что назначение лагеря меняется, что уже завтра отсюда уедут все трудоспособные, после чего ворота лагеря надолго закроются, и он погрузится в подобие зимней спячки. В лагере неплохое руководство, а с завтрашнего дня оно будет еще лучше. "Зеленые" уедут, капо с плетками уберутся отюда, распоряжаться начнут врачи во главе с Оскаром. Новички уже знали Оскара, сегодня он впервые сделал у них обход. Они увидели его энергичный подбородок, орлиный нос и грустные глаза, слышали его быстрые, толковые распоряжения и прониклись к нему прямо-таки детским доверием. А старшим писарем будет Зденек. Если он хоть наполовину такой, как его брат, с нами здесь не случится ничего дурного...

Первая похлебка, которую выдавали днем, была сказочно густа, шеф-повар Франта положил в нее все, что нашел в кухне. Если даже питание не всегда будет на таком уровне, оно куда

лучше, чем в пятом лагере. Люди верили в это, потому что хотели верить.

Сейчас все они были довольны, лежали на нарах, глядели в потолок и радовались тому, что последняя военная зима пройдет для них без перекличек, без апельплаца.

- Ну и похлебка же была, ребята! - прошептал один из новичков уже в десятый раз.

- Ты закоренелый чревоугодник, Макс, - тихо засмеялся Иржи. - На мир ты глядишь сквозь дырку швейцарского сыра. Но нельзя же всегда оставаться таким.

- Я чревоугодник? - защищался Макс. - Вот уж чет. У меня даже, пожалуй, нет любимого лакомства. Разве что горбушки от домашнего каравая... я бы мог съесть их целое кило. И представьте себе, у меня никогда не хватало духу - даже, например, в день своего рождения - купить каравай, съесть только горбушки, а остальное выбросить. Глупо, а?

- Нет, не глупо, - ответил Иржи. - Хлеб нужно есть целиком. Всю жизнь нужно брать целиком.

- Всю? - усомнился его сосед Курт. - Ну, а я устрою теперь себе жизнь по своему вкусу...

- Из одних горбушек?

- Нет, я всерьез, Ирка. Слишком многое мы тащили за собой в жизни, веря, что без этого нельзя. А в результате только лишние огорчения. Взять хотя бы мою библиотеку. Дважды я ее собирал, отличную, превосходную библиотеку. Один раз в Берлине, другой - в Праге. Сколько сил положил на это, сколько собрал иллюстраций, грампластинок, карт, каталогов. И дважды лишался всего. Третьей библиотеки мне уже не надо. Не надо мне ни квартиры, ни домашнего очага, ничего, что когда-то создавалось с такой любовью. Не хочу вспоминать об этом. Буду жить в гостиничном номере.

- Ты - молодчина, борец, - проворчал Иржи. - Но ведь, сам знаешь, в гостиницах обычно центральное отопление. Где же ты будешь жечь бумаги при угрозе обыска?

- А разве опять будут обыски? - засмеялся Курт.

- Не знаю. Лучше бы их не было. Но, может быть, все пойдет далеко не так гладко. Мы верим, что Советы разгромят гитлеровцев и освободят нас. Но ты думаешь, все остальное придет само собой? Думаешь, нам не придется драться и все блага упадут нам с неба в готовом виде?

- А ну тебя с политикой! - прошептал Макс. - Вспомни-ка лучше о похлебке. Ох, и хороша была!

* * *

Карльхен торжественно пообещал не убивать француза. Он

спрятал топор под тюфяк и уселся за шнапс, который Коби "организовал" сегодня на стройке. Переполох в лагере утих, и несколько надежных ребят собралось у Вольфи обсудить положение. Зденек начал с того, что поставил вопрос о новом старосте лагеря и выдвинул кандидатуру Фредо. Оскар поддержал его. Но Фредо замахал руками. "Нет, нет, на меня не рассчитывайте. Я тут зимовать не останусь, я взялся за дело у Молля..."

Тщетно они уговаривали грека. "Нет, - говорил он, - превращения лагеря в лазарет я добивался не для себя. Конечно, может быть, и меня привезут сюда на тележке, но лучше бы этого не случилось".

Зденек не знал, как быть.

- Кого же все-таки? Не оставите же вы меня одного в конторе.

- Не беспокойся, - сказал Фредо. - Во-первых, мы еще не знаем, как все сложится завтра. Вероятно, так: работающих переведут отсюда в другой лагерь, здесь устроят лазарет на три тысячи больных, а для самых необходимых работ оставят сотни две здоровых людей - врачей, поваров, могильщиков, орднунгдинстов и прочих. Завтра на утренней перекличке нас, наверное, разделят. Добровольцев для перевода в другие лагеря, я думаю, найдется очень мало. Вот, например, ты, Вольфи, хочешь остаться здесь?

- Пожалуй, да. Говорят, правда, что от больных хефтлинков надо держаться подальше, но я не думаю, что сейчас их станут отправлять в газовые камеры.

- Ладно, - кивнул Фредо, - Вольфи вполне подходящий человек. Он немец, хоть и политический, комендатура, наверное, его утвердит. Что скажете, если Зденек предложит Вольфи на пост старосты?

Все согласились.

- Вот видишь, Зденек, ты уже не один. Вольфи тебе поможет, Оскар и Диего тоже. А среди новичков есть несколько коммунистов. Правда, ребята на стройке говорили, что рассчитывать на Иржи уже не приходится... - Фредо запнулся, увидев испуг в глазах Зденека, - ну да, твоему брату нужен покой и покой! - поспешил поправиться он. - Говорят, там еще есть какой-то Курт...

Зденек подтвердил, что есть.

- Из других лагерей тоже прибудут надежные ребята. Они явятся к тебе с паролем "Как поживает твой брат?", понятно? Так мы условились на стройке. Ваша задача здесь ясна: выдержать эту зиму, честно выдавать порции, помогать людям. Не, исключено, что комендатура урежет вам пайки и снимет прибавку для

работающих. Но если даже будут давать одну буханочку не на четверых, а на пять или шесть человек, выдержать можно. Нужно выдержать!

Остаток ночи Зденек просидел у постели брата. Они уже не говорили о кино и большей частью молчали, а иногда тихонько обменивались несколькими словами, стараясь не беспокоить спящих.

В темноте не было видно, как изменилось лицо Иржи, и Зденеку иногда казалось, что они снова дома. Оба бодрствовали, как когда-то в юные годы, и какая-нибудь одна фраза будила у них тысячи воспоминаний. Помнишь, как огорчался отец, когда бенешевцы не выбрали его в муниципалитет? А мы с тобой смеялись. А помнишь мамин красивый почерк? А ее альбомы, которые она прятала в комоде под бельем? Иржи как-то стащил один из них и нашел в нем множество наивных любовных стихов времен папиного сватовства. Одно он выучил наизусть. Помнишь, как заплакала мать, когда ты вечером вдруг встал и начал декламировать этот стишок? Вечно наши родители плакали из-за нас, вечно они о нас заботились, наставляли... А мы? Правильно мы жили?.. Сейчас ночь, тихо, плакать не хочется. Иржи! Зденек! Мы здесь наедине, папа нам ничего не скажет, мама тоже. Что же мы скажем сами о себе?

- Тебе-то хорошо, - шепчет младший брат. - Я тебе завидую. В жизни ты шел прямым путем, тебе стыдиться нечего.

- Ничего ты не знаешь, - старший погладил брата по руке. - Я вечно дрался, это верно. Но доволен жизнью я бывал редко. Знаешь ты, что я всегда тебе завидовал. Тебя мать любила больше.

- Нет, нет, это неверно, Иржик. Тебя она любила во стократ сильнее, честное слово! Но ты был своенравный, все делал ей наперекор.

Они опять замолчали. Кругом хрипло дышали спящие. В памяти братьев проходило всё пережитое.

- Жаль, что нам так мало довелось быть вместе, - сказал один. - Легче было бы понять друг друга...

- Неверно, - возразил другой. - Мы никогда не были одиноки. Мысленно я всегда вел и вас с собой - отца, маму, тебя. Куда бы я ни шел, я всегда был с вами.

- В самом деле? А я нет, - признался младший. - Эгоист, всегда думал только о себе... Но я был уверен, что ты думаешь о нас еще меньше.

Иржи усмехнулся.

- Ошибся.

Брат положил свою руку на его.

- Больше этого не будет. Мы все-таки теперь вместе.

- В Гиглинге! - отозвался Иржи, подражая звуку святочного колокольчика. - А помнишь рождество дома? Оно ведь уже на носу.

* * *

Утром выяснилось, что за ночь навалило много снегу. Он еще падал большими мокрыми хлопьями. В четыре часа к воротам лагеря подъехал большой армейский грузовик. Шофер даже не выключил мотора и не погасил фар.

- Зеленые, в машину! - закричал орднунгдинст. - Зеленые, в машину!

Эрих и Хорст собрали свои пожитки. Каждый обул лучшую пару ботинок, оставив лишнюю обувь в конторе - для будущих проминентов. Хорст снял со стены семейную фотографию с ленточкой Железного креста.

- Как ты думаешь, Эрих, можно мне уже вдеть эту ленточку в петлицу?

- А ну тебя! - проворчал писарь. - Сунул бы ты ее в другое место...

Он был не в духе. Ему не хотелось покидать теплое, обжитое местечко, где он рассчитывал дотянуть до конца войны. Как говорят у нас в Вене: "Новое лучше не будет", - мысленно твердил он.

Одиннадцать "зеленых"... Зепп первым перескочил через борт машины. Там сидел конвойный с автоматом. Он улыбнулся и протянул Зеппу руку.

- Привет, камарад! Ты слышал, что мы начали большое наступление в Бельгии? Мы еще выиграем эту войну! В Дахау вас встречают с музыкой!

- С музыкой? - Зепп просиял. - Слушай-ка, посоветуй мне, как бы попасть в горнолыжную часть? Я был тренером в Арльберге. Лыжниц у меня там было, ого-го!..

В машину влезли остальные.

- Одиннадцать?

- Одиннадцать! Поехали!

Копиц и Дейбель уже не стали возвращаться в комендатуру. Сегодня перекличка продлится долго, давайте-ка начнем ее сразу. Сигнал!

Ударили в рельс. Заключенные еще не завтракали, кофе был не готов, но это неважно. "Всем выстроиться на поверку!"

Зажглись прожекторы. Страшная виселица еще торчала посреди апельплаца.

- Lagerschreiber, vorwarts!

С бьющимся сердцем Зденек впервые побежал к воротам. На

руке у него была повязка Эриха. Часовые пропустили его.

Копиц смерил нового писаря взглядом.

- Скажешь Диего, чтобы сразу после переклички убрал виселицу.

"Слава богу, первый приказ хороший!" - подумал Зденек.

Хитрые глазки Копица прищурились, он без труда угадал мысль писаря.

- Но я не сказал, чтобы ее разрубили в щепы, - усмехнулся он. - В любой момент ее можно поставить снова.

- Jawohl!

- Кого мы сделаем старостой? Ты, небось, хочешь Оскара. Он ведь твой дружок, а?

- Да. Я его очень уважаю. Превосходный врач и честный человек...

- Заткнись! Старостой ему не бывать. Хватит мне одного жида в конторе. Предлагай кого-нибудь другого.

Зденек хотел назвать Фредо, но не сделал этого, вспомнив о ночном разговоре у Вольфи.

- В лагере остались три немца, - сказал он. - Вольфи, Клаус и..

- Вот так-так! Как же я о них не вспомнил? Вольфи - это такой рыжий? Большевик?

- Не знаю. Но у него красный треугольник.

- А у тебя какой?

- Тоже красный.

Копиц усмехнулся и сказал медленно:

- Мне важно, чтобы в новом руководстве были толковые люди. Менять их я уже не собираюсь. На всю зиму.

* * *

На апельплаце Дейбель делал зарядку.

- Ну, - сказал он, когда рабочие команды построились в шеренги. - Кто из вас пойдет добровольно? Кто хочет перейти с папашей Дейбелем в новый лагерь?

Первым шагнул вперед Фредо и вытянулся перед эсэсовцем:

- Фредос Саккас, грек, арбейтдинст.

Дейбель благосклонно кивнул.

- Одобряю. Что, понравилось тебе у Молля?

- Понравилось, - сказал Фредо и весело сверкнул глазами.

Следующим вышел Гонза и стал рядом с Фредо.

- Ян{32} Шульц, чех...

- К черту, к черту! Будете мне тут представляться, как на балу? Кто еще? Становитесь сюда, писарь всех запишет.

Но добровольцев оказалось мало. Дейбель вытянул из-за голенища кабель и стал выразительно похлопывать им по руке, обтянутой перчаткой.

- Ну, что же вы? Или, может быть, воображаете, что все останетесь тут, в лазарете, шваль вы этакая? Записывайтесь, пока я не начал вытаскивать вас поодиночке за уши!

В ворота вошел Копии с трубкой в зубах и приказал сопровождавшему его Зденеку:

- Сходи за картотекой. Тут же, на месте, будешь вынимать карточки тех, кто уходит, и составишь на них пересыльную ведомость. Пусть кто-нибудь поможет тебе принести сюда скамейку, будешь работагь здесь. Живо!

Кучка добровольцев около Фредо все еще была очень маленькой. Дейбель стал обходить ряды и сам выбирал людей покрепче.

Зденек и Бронек принесли скамейку, Зденек сел на нее верхом, поставил перед собой картотеку живых и вытащил несколько карточек; поляк положил на них камень, чтобы ветер не унес листки.

- Свет сюда! - крикнул Копиц часовому на вышке, и луч прожектора упал на скамейку. Зденек чувствовал себя, как на сцене, настроение у него было приподнятое, он был взволнован разлукой с Фредо, который сейчас подошел к нему. Они видятся в последний раз!

Зденек вынул карточку Фредо и положил ее под камень. Они обменялись рукопожатием.

- Работай как следует.

- Желаю успеха. Salud!

Потом подошел Гонза. Зденек отрицательно качнул головой.

- Ты не уйдешь, что это ты выдумал? Копиц уже согласился сделать тебя младшим писарем. Катись!

- Вынимай карточку! - усмехнулся Гонза. - В конторе пусть пристроится кто-нибудь другой, мне нужно быть у Молля.

- Из лагеря труднее удрать, - хитро подмигнул Фредо, наклонившись к самому уху Зденека. - Гонза думает, что со стройки ближе до Праги.

Гонза тоже наклонился к Зденеку.

- Счастливо оставаться, Зденек. Если когда-нибудь услышишь со стороны стройки выстрел и это будет не во время налета, вспомни обо мне.

- Живо, живо! - закричал Копиц, подходя проверить, почему не двигается очередь. - Не торчать же тут до вечера!

Зденек вынимал одну карточку за другой. Пальцы у него озябли, и он с трудом извлекал нужную карточку, стараясь не вытащить заодно и соседнюю, которая должна остаться в ящике.

Среди узников на апельплаце слышались жалобы. Дейбелю не хватило здоровых, он уже брал людей совсем больных, в

разбитой, подвязанной бечевками обуви. Копиц дал ему похозяйничать еще минут пять, потом сказал: "Is gud, Руди!"

Вот и эсэсовцы в последний раз стали рядом - коротышка Копиц и долговязый Дейбель. Было видно, что и они думают о расставании. Кто-то заметил, что нет Лейтхольда. Где же он?

Зденек заканчивал регистрацию, очередь перед ним все убывала. Тем временем Копиц отвел Дейбеля в сторону.

- Веди себя теперь потише, - прошептал рапортфюрер. - Ты переходишь в новый лагерь, где тебя еще не знают... Будь осторожен. Бог весть как обернутся события...

- Ну, что ты, Алоиз! - усмехнулся Руди. - Разве ты не слышал, что сказал конвойный из Дахау? Мы наступаем!

- Слышал, - сказал Копии. - Эрих, Карльхен и Зепп будут наступать, я знаю. Береги себя.

- А что со мною может статься? Уж мы-то знаем лагеря, как свои пять пальцев. В самом худшем случае можно в переполохе нацепить на себя арестантскую одежду и прикинуться одним из них, а?

Рапортфюрер кивнул.

- Может быть, это и удастся. Но если ты наживешь себе среди них много врагов, такой трюк окажется труднее. Ну, в добрый путь!

Отъезжающих подсчитали раз, другой. Чтобы округлить число, эсэсовцы сцапали наобум еще несколько человек, вызвав тем крики и жалобы - оказались разлучены старые друзья.

Зденек тоже подсчитал свои карточки, количество сходилось. Теперь можно отнести картотеку в контору и составить там пересыльную ведомость, к которой будут приложены вынутые карточки.

Мотика не вызывался добровольцем, втайне надеясь, что, оставшись в лагере, он займет свое прежнее место в кухне. Но Дейбелю он был нужен для торговых комбинаций, и эсэсовец одним из первых вытащил его из рядов. Чтобы бывший повар не слишком огорчался, Дейбель назначил его старшим над уходившими в другой лагерь, в том числе и над Фредо. Оба грека с минуту глядели в глаза друг другу. Мотика попытался улыбнуться, но в лице Фредо не шевельнулся ни один мускул, оно оставалось серьезным и даже суровым. Мотика опустил глаза и скомандовал: "Марш!"

Ворота открылись. Зденек подбежал с пересыльной ведомостью в двух экземплярах. Один экземпляр подписал Дейбель, другой - Копиц. Они обменялись копиями, и каждый аккуратно положил свой экземпляр в карман. Потом эсэсовцы пожали друг другу руки. "Чемодан я тебе пошлю сегодня",

заверил рапортфюрер.

Раздалась команда "Marschieren, marsch!"

Колонна вышла из лагеря. Зденек стоял и смотрел ей вслед. Все еще падал снег, было половина шестого утра. Прожекторы погасли, сперва тот, что освещал скамейку, потом остальные. Ворота медленно закрылись, лагерь мог еще поспать.

Где-то там, в темноте, шла черная колонна.

* * *

Те, кого назначили на работу, ушли к Моллю. Фредо, Гонза.

А что же мы?

Зденек сел за стол, пора было браться за дела. Прежде всего надо, как обычно, составить сводку умерших. Он взял чистый лист бумаги и положил перед собой рапортички, накопившиеся со вчерашнего дня.

Во дворе уже рассветало. Слышался стук молотка: это Диего и его ребята разбирали виселицу. Приятная работа! Испанцы смеялись и даже пели. Они пели песенку о том, как в одно прекрасное рождество будут вешать своих вероломных генералов.

Los cuatro generalos, que se han alzado,
que se han alzado,
Para la noche buena, mamita mia,
seran ahorcados, seran ahorcados!
Мы с четырех мятежников
Сорвем-ка эполеты,
Мы четырех мятежников
Повесим на рассвете

Зденек тоже засмеялся. Потом стало тихо, и он продолжал работу.

Но вот открылась дверь, вошли врачи, все трое: Оскар, маленький Рач и его друг Антонеску. Зденеку сперва показалось, что эти чудаки пришли поздравить его с должностью старшего писаря. Но потом он увидел, что глаза Оскара грустнее обычного.

Зденек вскочил.

- Что случилось?

Никто не говорил ни слова, только маленький Рач коснулся его руки. "Пришел подбодрить меня, - мелькнуло у Зденека. - Боже, что же случилось? Ирка?.."

Врачи только что посетили Иржи, но помочь ему было уже нельзя, и они все трое пришли объяснить...

Эх, какие там объяснения! Глаза Зденека были сухи.

- Иди сядь, - сказал Оскар. - Мы хотим, чтобы ты не чувствовал себя одиноким.

Зденек поблагодарил. Нет, ему не нужно сострадания. Он попросил их уйти: ему не хочется разговаривать, не хочется

слышать ничьих слов. Товарищи послушались и ушли.

Зденек потянулся к картотеке живых. Он так точно знал, где стоит его собственная карточка, что тотчас же вытащил ее на ощупь. Нечего ей там делать, вон из ящика! Там должна была остаться карточка Иржи, а не его!

Казалось, Зденек делал что-то давно продуманное: он поступит так же, как при спасении портного Ярды, подменит учетные карточки. Иржи должен остаться в картотеке живых, даже если Зденеку придется вынуть собственную карточку и написать о себе: "Выбыл, причина - смерть". Стоит ли жалеть Зденека Роубика? Нет. А вот позаботиться о том, чтобы место Иржи не опустело, хотя бы частично заменить брата, под его именем продолжать дело его жизни...

Но вдруг у Зденека опустились руки. Что за сентиментальную инсценировку он придумал? Иржи первым посмеялся бы над ней. Хочешь отделаться перетасовкой бумажек? Переложить карточки и думать, что ты чего-то достиг? Нет, нужно принять другое решение, настоящее, достойное Ирки.

Зденек поставил свою карточку на место, вынул карточку брата и положил ее на стол. На чистом листе бумаги он начал писать фамилии умерших, как всегда, крупными печатными буквами. У ворот вдруг послышался возглас орднунгдинста:

- Transport! Lagerschreiber, vorwarts!

Зденек бросил все и побежал к воротам. Да, в самом деле, кошмар продолжается, новая партия больных тянется в ворота.

- Откуда вы?

- Из четвертого лагеря. Скажите, тут хорошо?

- Хорошо.

- Писарь! - Один из заключенных выбрался из рядов и подошел к Зденеку. - Тебя зовут Зденек, да?

- Откуда ты меня знаешь?

- А я и не знаю. Меня зовут Юзеф, я поляк. Как поживает твой брат?

- Мой брат сегодня утром... - начал писарь и вдруг, заметив веселый взор новичка, Зденек понял, что это не обычный вопрос, а условный пароль.

- Брат чувствует себя хорошо, - быстро ответил Зденек и пожал новичку руку. - Здравствуй, товарищ!

{1}Заключенные - на лагерном жаргоне "хефтлинки" (от нем. "Haftling" "заключенный") - состояли из политических, носивших на рукаве красный треугольник, и уголовных, носивших зеленый. Они делились на привилегированных - "проминентов" - и рядовых узников, прозванных в гитлеровских лагерях "мусульманами". Проминентом становился заключенный, которому фашистское

начальство лагеря поручало какую-нибудь организаторскую функцию. Это были старосты бараков - "блоковые", "капо", возглавлявшие отдельные участки работ: "абладекоманду" (погрузочно-разгрузочная бригада) и "тотенкоманду" (похоронная команда), старший врач лазарета, писарь (он же "лагершрейбер"), ведавший "шрейбштубой" - конторой учета, "арбейтдинст" подобие прораба и распределителя труда - и "орднунгдинсты", обеспечивавшие "службу порядка".

В тексте романа встречаются и другие иностранные слова и выражения. В русском переводе они сохранены для колорита, поэтому следует, например, пояснить, что у эсэсовцев, из которых комплектовалась администрация концлагерей, существовала сложная иерархия чинов. Эсэсовец Капиц, управлявший лагерем, описанным в романе, был "обершарфюрером СС" (соответствует унтеро-фицеру). По должности в лагере он "рапортфюрер" (комендант). Унтер-офицерские эсэсовские чины имели и его помощники обершарфюрер Дейбель и шарфюрер Лейтхольд. Последний занимал в лагере пост "кюхеншефа" - ведал питанием заключенных, провиантским складом и кухней.

В бараках назначались "штубовые" (они же "штубаки", или "штубендинсты") для уборки помещения и для личных услуг старостам и другим проминентам, которых гитлеровцы старались вербовать преимущественно из "зеленых". В "штаб лагеря", на который эсэсовская комендатура возлагала исполнительские функции по организации работ и лагерного быта, входили капо отдельных команд, писарь, старший врач лазарета, арбейтдинст и др. - Прим. перев.

(Издатели 1958 года не сочли нужным перевести слово "проминент". Позволю себе - вполне, подчеркиваю, дилетантское - замечание. Существительное, образованное от этого корня, означает "выступ, возвышение", применительно к человеку - "известная, выдающаяся личность". И в этом значении "проминент" неожиданно перекликается со словом из лексикона наших лагерей - "бугор". - Прим. обработчика)

{2}Площадка для перекличек. - Прим. перев.

{3}Frosch - лягушка (нем.).

{4}Периодические беглые осмотры заключенных, на которых эсэсовцы на глазок отбирали ослабевших для умерщвления в газовой камере. - Прим. перев.

{5}Прогрессивный театр в довоенной Чехословакии. - Прим. перев.

{6}Кофе с молоком! (франц.). Выражение "au lait" (франц.) похоже по звучанию на немецкое "holen".

{7}Непереводимая игра слов: "vole", похожее по звучанию на

"holen", означает по-чешски "вол", равнозначное русскому "осел", "балда".

{8} "Турнфатер Ян" - Фридрих Людвиг Ян, прозванный "турнфатером" (отцом спорта), - был основателем немецких спортивных союзов в первой половине XIX века. Конвойного Яна в шутку называют "турнфатером" за сходство фамилий и за бороду, какую носил и его знаменитый однофамилец. Прим. перев.

{9}Испорченное немецкое "nichts" - "ничего".

{10}Голодная башня Далибора - башня в Праге, где был заточен герой чешского народного сказания Далибор, не получавший от своих тюремщиков почти никакого пропитания. - Прим. перев

{11}Испорченное немецкое "bitte schon" - "пожалуйста".

{12}Популярная детская песенка: мальчик просит лошадку, мать покупает ему игрушечную. Он недоволен - "Лошадку я хотел, но не такую..." - Прим. перев.

{13} "Расовое бесчестье" - нацистский термин, подразумевавший нарушение расистских законов. - Прим. перев.

{14}Лех - имя легендарного чешского князя, одного из основателей древнего чешского государства. - Прим. перее.

{15}Исторический Собор пресвятой богородицы в Мюнхене, построен в XV веке. Прим. перев.

{16}Популярный в свое время немецкий боксер. - Прим. перев.

{17}Каламбур, основанный на созвучии в словах "Bar" и "Schreiber".

{18}Пригородный район Праги. - Прим. ред.

{19}Непереводимый каламбур: по-чешски "для кошки" значит ни к чему, "псу под хвост". - Прим. перев.

{20}lagrsuppe - так в оригинале. - Прим. обработчика.

{21}Немецкая поговорка. - Прим. перев.

{22}В оригинале "с ними" - видимо, опечатка. - Прим. обработчика

{23}Имеется в виду предание о князе Сватоплуке, поучавшем своих детей. Сватоплук показал им, как легко согнуть один прут и трудно согнуть пучок прутьев. - Прим. перев.

{24}Пепик - обычно уменьшительное от Иозеф. - Прим. ред.

{25}Испорченное немецкое "Schlager" - модная песенка легкого жанра. Прим. перев.

{26} "В радости - сила" (нем.). В гитлеровской Германии организация для поощрения спорта и "культурного" досуга. - Прим перев.

{27}Род дешевого буфета и столовой. - Прим. перев.

{28}Популярный чешский актер. - Прим. ред.

{29}Большой концертный зал в центре Праги. - Прим. перев.

{30}Игра слов. "Лаус" (нем. "Laus") - дословно "вошь". Здесь в смысле "фикция", "липа". - Прим. перев.

{31}Прогрессивный журнал в буржуазной Чехословакии, где часто печатали статьи коммунисты. - Прим. ред.

{32}Гонза - уменьшительное от имени Ян. - Прим. перев.